

НОВЕЙШАЯ
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА
XX-XXI ВВ.

Выпуск 6

Саратов

2016

УДК 9(470)(082)
ББК 63.3(2)6я43
Н72

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :

Е. Н. Морозова, д-р ист. наук, профессор (отв. редактор),
А. И. Аврус, д-р ист. наук, профессор,
А. А. Герман, д-р ист. наук, профессор,
В. Н. Данилов, д-р ист. наук, профессор,
Т.В. Черевичко, д-р экон. наук, профессор,
А. В. Лучников, канд. ист. наук, доцент (отв. секретарь)

Р е ц е н з е н т ы :

доктор исторических наук С. А. Мезин
доктор исторических наук И. Н. Коновалов

Новейшая история Отечества XX–XXI вв.: Сб. науч. тр. –
Саратов, 2016. – Вып. 6. – 162 с.

Сборник научных трудов публикуется по результатам Всероссийской научной конференции «Власть и общество на переломных этапах российской истории, посвященной 85-летию со дня рождения Г.А. Герасименко» (20 мая 2016 г. Саратов).

Для историков, политологов, юристов, социологов, философов, а также всех, интересующихся историей Отечества.

УДК 9(470)(082)
ББК 63.3(2)6я43

*Ответственность за достоверность информативного материала несут авторы статей.
Точка зрения авторов не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие читатели!

С 2005 г. в Институте истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского выходит сборник научных трудов «Новейшая история отечества XX-XXI вв.» География публикаций была чрезвычайно велика: в отдельных выпусках этого периодического издания публиковали свои работы отечественные исследователи из различных регионов нашей страны, а также ученые США, Японии, Германии, Швейцарии и др. стран. Эти работы освещали различные аспекты социокультурной, политической, экономической истории России.

Однако 6-ой выпуск нашего издания мы решили посвятить материалам Всероссийской научной конференции «Власть и общество на переломных этапах российской истории, посвященной 85-летию со дня рождения Г.А.Герасименко», прошедшей 20 мая 2016 г. в СГУ и организованной кафедрой отечественной истории и историографии, с которой была связана значительная часть его научной и преподавательской деятельности.

В конференции приняли участие исследователи из многих саратовских ВУЗов, а также других городов России (Москвы, Вологды, Волгограда, Самары, Ульяновска, Казани, Петербурга). С приветственным словом на пленарном заседании выступили проректор по научно-исследовательской работе СГУ, д-р физико-математических наук А.А. Короновский, директор ИИиМО, д-р экономических наук Т.В. Черевичко.

Безусловно, участники конференции отдали дань памяти ученого, чей путь, как историка, начинался на историческом факультете Саратовского университета. С докладом о жизненном пути Григория Алексеевича, традициях и новациях в его творчестве выступил П.С. Кабытов – доктор исторических наук, заведующий кафедрой Российской истории Самарского национального исследовательского университета, автор ряда работ о научной деятельности известного российского историка. П.С. Кабытов подчеркнул, что знаковыми трудами Г.А. Герасименко стали монографии, посвященные власти и обществу, сделав акцент на его последних работах (История земского самоуправления. Саратов, 2003; Народ и власть. 1917. М., 2005).

Вместе с тем данный научный форум вышел за рамки обычной мемориальной конференции. Можно с уверенностью сказать, что юбилей Г.А. Герасименко послужил поводом для обсуждения крупных вопросов российской истории в весьма широких хронологических рамках. Именно это позволило рассмотреть целый ряд проблем в их динамике, с точки зрения компаративного и междисциплинарного подходов.

В выступлениях участников конференции особое внимание было уделено проблемам трансформации власти и ее дискурсивных практик, взаимоотношениям этносов и политических элит в период реформ, войн и революций, взаимоотношениям властных институтов и институтов гражданского общества, проблемам личности и исторической памяти в социокультурной реальности на определенных исторических переломах.

Особое место в работе конференции занял блок сюжетов, посвященных истории российского самоуправления. Феномен российского земства до сих пор привлекает внимание исследователей из различных регионов страны. Изучение всех сторон земской практической деятельности в сфере развития просвещения и здравоохранения, статистики и агрономии, дорожного дела и предпринимательства в эпоху социально-политических катаклизмов вносит свой вклад в развитие «безбрежной» земской темы. Вместе с тем, большое внимание было уделено одной из самых спорных проблем земствования: взаимоотношениям коронной администрации и органов местного самоуправления. Преимущество указанной темы продолжилась в выступлениях

исследователей, которые посвятили свои доклады различным сторонам работы органов местного управления на всем протяжении XX века.

Весьма репрезентативными явились выступления участников, связавших свою тематику с правовыми и духовными факторами в контексте взаимодействия власти и общества. Значительный блок докладов уделял внимание идеологическим факторам, роли РПЦ в духовной жизни истории страны и ее непростым отношениям с властью на различных этапах развития СССР-России.

Ход дискуссий показал, что проблематика конференции чрезвычайно актуальна. Она объединила представителей всех гуманитарных наук (историков, философов, юристов, политологов, социологов, музейных работников). Живой интерес участников и просто присутствовавших на конференции, дискуссии и оживленная полемика, которые вызвал ряд представленных докладов, побудили редакцию познакомить широкий круг читателей с материалами Всероссийской конференции «Власть и общество на переломных этапах российской истории, посвященной 85-летию со дня рождения Г.А. Герасименко», опубликовав их в нашем периодическом издании.

В.Н. Данилов
Е.Н. Морозова

ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ В ПЕРИОДЫ РЕФОРМ, РЕВОЛЮЦИЙ И ВОЙН

В.В. Хасин, А.В. Лучников
Саратов

СМЫСЛОВАЯ АБЕРРАЦИЯ В РОССИЙСКОМ СОЦИАЛЬНОМ КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Одной из привычных проблем детерминации отечественного социокультурного и духовного пространства последних нескольких столетий является стремление к созданию универсальных, интегральных алгоритмов, объясняющих преемственность или, напротив, дискретность исторического процесса. Между тем, скорость протекания исторического времени в различных стратах российского общества и в настоящее время неодинакова, а на рубеже XIX-XX веков вообще можно с уверенностью утверждать о сосуществовании нескольких социальных организмов. Асинхронность их развития приводила к разности мироощущения, восприятия друг друга, рецепции ментальных и культурных парадигм, формированию разных социальных практик у различных слоев общества, нарушению общего коммуникационного пространства.

Деформация качественных смысловых характеристик транслируемых элитой идей происходила на уровне их рецепции и адаптации основными социальными слоями. Действительно, при изучении каналов трансляции идей в среде европеизированных элит, нередко игнорируются формы их интеграции традиционным большинством. Это приводит к кризису логичности и последовательности при реконструировании полной картины духовной жизни общества переходных периодов. Внешняя социально-экономическая оболочка событий скрывает от исследователя социокультурное ядро происходивших событий. В таком ракурсе, охватывающем, по-видимому, большую часть научного дискурса, комплексная детерминация практически невозможна. К примеру, становится непонятным, как в среде религиозного общества с сакрализованным по форме мироощущением возникают атеистические (по крайней мере, рассматриваемые исключительно как атеистические в контексте традиционной исторической науки), а, по сути, богоборческие, радикальные течения.

Можно с определенной уверенностью утверждать, что не бывает полной победы одного идейного, ментального конструкта над другим, полного его замещения. Возможна лишь конвергенция форматов друг в друга, причем внешняя форма часто бывает далека и не отражает полностью внутреннее содержание. В начале XX века в России идеология европеизированной либерально-рыночной модернизации не смогла поглотить ментальность традиционного общества, а поэтому восприятие России данного периода как европейской страны далеко от истины. Вследствие Великой революции, дезавуировавшей модернизированные элиты, абсолютно европеизированная, прогрессивная даже в глазах европейского сообщества марксистская идея, сумела благодаря активно работавшим социальным лифтам, присоединить традиционный бэкграунд, взаимно адаптировавшись друг к другу. Впоследствии же, социально-демографическая эволюция советского общества, урбанизация и формирование городского пространства, распространение идеологии потребления привели к тому, что марксистские идеи стали восприниматься непосредственно в том контексте, в котором они и формировались в европейской традиции. Но сложившиеся уже к тому времени система ценностей, социальные, государственные, экономические, духовные структуры, к тому времени уже затвердевшие, стагнировавшие, базировались на ценностях традиционного общества, а полностью отвечали его идеалам и интересам в период формирования, т.е. в 1920 - 1930-е годы. Несоответствие между идейными постулатами и повседневными практиками привело к идеологическому кризису, который в том

числе выразился в обращении «к корням», к классическому марксизму и ленинским принципам и критике несоответствующих им государственных институтов и идеологических норм¹.

При догоняющей модернизации и вызванной ей асинхронности исторического развития, элиты вытеснялись из контекста поступательного развития социума, воспринимая практики и взгляды иного, в данном случае европейского, сообщества. Эндогенные факторы развития российского общества игнорировались элитой, а вектор внутреннего развития основной части социума сводился к минимуму. Европеизированная элита воспринимала себя как базовую культутрегерскую группу, миссия которой заключается в постоянном просвещении общества и привитии ему понятных данной группе ценностей. Экзогенность изменений (к примеру, реформы сверху) для социальных институтов становилась обыденным явлением. Но даже если общество, как представляется не всегда адекватно оценивающим его элитам, внешне лояльно к изменениям, это не означает, что результат адаптации и интеграции реформ будет идентичен планируемому. Поэтому подавляющее большинство реформ, проводимых элитой в модернизационном тренде, привело к неожиданным, далеким от задуманных, результатам.

При всем богатстве различных политических направлений в российском обществе модерна, практически все они были калькированы с модных и понятных элитам в тот период западных трендов, начиная от либеральных идей, заканчивая консервативно-охранительными, базировавшимися на столь популярных в тот период новациях этнического национализма. Но первое искажение идей, первая серьезная их качественная трансформация происходила уже на этапе их восприятия самими европеизированными интеллектуальными элитами.

Так идеи этнического национализма, вполне демократические, поскольку подразумевали социальное равноправие людей одной «крови», превращались в охранительную политику Александра III, базирующуюся на жесткой сословной сегрегации русского общества. Так, как и многие заимствованные европейские идеи, национализм в России трансформировался, отталкиваясь от новационных во второй половине XIX века во Франции и Германии примордиальных этнических концептов. В Российской империи, с ее идеей консолидации общества через интеграцию местных национальных элит в общероссийскую, этническая сегрегация, базировавшаяся на приоритете титульного этноса, могла привести к центробежным тенденциям, но, тем не менее, она была близка российским европеизированным элитам, желавшим в эпоху модерна «освежить» устаревший консерватизм теории официальной народности современными националистическими трендами. В качестве яркого примера здесь можно привести идеи М.Н. Каткова, как «светского» националиста², или же К.П. Победоносцева, пытавшегося объединить религиозный и этнический тренды, следствием чего стало появление целой плеяды церковных деятелей (Иоанн Кронштадский, Антоний Храповицкий, Иоанн Восторгов, епископ Гермоген и т.п.), совмещавшей в начале XX века религиозную деятельность с участием в черносотенном движении³.

В то же время идея детерминации крови, взятая на вооружение идеологами русской официальной элиты (М.Н. Скобелев), постепенно распространилась в среде интеллектуальной элиты, в том числе инонациональной. В конечном итоге это привело к опасной ситуации: национальные элиты окраин консолидировались в рамках общеимперского национализма через привилегированность своего сословного положения, а население (в первую очередь, западных окраин) объединялось вокруг транслируемых интеллектуальных националистических идей в их этническом аспекте⁴. Этнический национализм становился основной формой центробежных антиимперских тенденций в окраинах империи. С другой же стороны, русский национализм конституировался практически исключительно в черносотенных формах, как объединение против врага-инородца, выливавшееся иногда в погромы и беспорядки, остававшиеся без реального наказания. Это была опасная тенденция делегирования государством собственного

¹ Лучников А.В., Хасин В.В. Механизмы сакрализации большевизма в традиционном советском обществе // Исторические, философские, политические, юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. №1(63). С. 187-191.

² Катков М.Н. Имперское слово. М., 2002.

³ Хасин В.В. «Саратовское дело» Г.Г. Замысловского через призму общественных отношений начала XX века. право и нравы // Известия Саратовского государственного университета. Серия История. Международные отношения. 2012. №1. С. 22-31.

⁴ В этой связи см. например: Каспэ С.И. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 107-111.

исключительного права на насилие иным социальным группам, что создавало прецедент, ставший одной из многочисленных причин трагических событий Русской Смуты.

Контрреформы, возрождавшие в стране сословную стратификацию в институционально-правовом плане, были дезавуированы процессом распада сословных принципов в ходе утверждения капитализма в России, на развитие которого они были имплицитно ориентированы. Векторы развития экономических и социально-политических отношений не совпадали.

Новые капиталистические отношения, а соответственно, этническая подоплека самоконсолидации третьего сословия, характерны для городского пространства и социума, в большей степени развитого в западных губерниях империи. Русское же население, аграрное и традиционное, на которое в эпоху модерна транслировались по сути западные национальные идеи, не могло самоидентифицироваться в предложенных категориях. Одновременно с этим вышеназванная разновекторность социально-политического и экономического развития приводила к отторжению принципов капиталистической модернизации традиционным населением, эволюция которого в этом ключе сдерживалась консервируемыми и мифологизируемыми властью коллективистскими общинными отношениями.

Во-многом, основной смысл контрреформ, декларируемой ими «государственности» заключался в идеях жесткого патернализма, вызванного отсутствием у населения навыков частной инициативы, самостоятельного принятия решений. Лишь транслируемые самодержавием населению через официальные элиты постулаты могли предохранить его от неуправляемых девиаций. Идеи государственного патернализма не коррелировали с частной инициативой, как в экономике (капитализм), так и социально-политических отношениях (представительная власть и политическая инициатива снизу).

Таким образом, мы можем говорить о сосуществовании двух практик и парадигм. Государственники понимали консолидацию разноэтничных элит в единое целое посредством ее конфессиональной атрибуции, а европеизированные националисты - в контексте примордиальной индикации.

Либерализм в России - это явление, имеющее лишь терминологическое сходство с западным образцом. Как и другие реформы, ставившие совершенно утилитарную цель - любым путем сохранить великодержавную конкурентоспособность, преобразования 60-70-х гг. XIX в. представляли собой заимствованный «пакет», который в своей гипотетической целостности (обязательном условии всеобъемлемости реформирования «от А до Я») включал в себя как тактически необходимый инструментарий, так и абсолютно не воспринимаемый социумом бэкграунд. Так, петровские преобразования подразумевали не только политико-экономическую вестернизацию, но и копирование поведенческих и социокультурных практик. Создавал Европу монарх исключительно диаметром Табели о рангах, остальное же, недворянское население не могло и не должно было рецептировать европейский *modus vivendi*. Изучаемая и воспринимаемая большинством как общенациональная, история имперской России, на деле история лишь трех процентов ее населения. Во-многом поэтому сложно понять причины глобальных потрясений нового и новейшего времени.

Великие реформы не стали исключением. Автохтонный либерализм на Западе формировался как идеология протеста третьего сословия против нобилитета и олигархии, став идеологическим обеспечением высвобождения индивидуальной активности из-под опеки и диктата государства. Поэтому либеральные отношения, инкорпорируемые в социальную ткань, навязываемые самодержавием патерналистскому обществу - это нонсенс. Государство насаждало идеи индивидуальной активности и ответственности обществу, находящемуся в ином историческом и временном пространстве, но теми же патерналистскими методами, выступая в роли ментора. Это вызывало отторжение, протест как правых консерваторов, так и леворадикальных революционеров базировался на резком неприятии идеи либерализма в обществе, менявшей привычную социальную конфигурацию. Базой же национального прогресса для тех и других выступала архаичная догосударственная форма социальной кооперации в виде общины.

При изобилии исследований, вариативности точек зрения на проблемы русской общественно-политической мысли XIX века, отражающих даже незначительные нюансы идей революционно-освободительного, консервативно-охранительного направлений, перипетий взаимоотношений славянофилов и западников и т.п., лишь незначительная часть посвящена либеральной идее в России. Ответ на вопрос достаточно прост - проводников и креаторов либерализма в России были единицы, да и те зачастую представляли собой своеобразный идеологический оксюморон «государственного либерализма», как пресловутые «либеральные бюрократы» Александра II -

генералы Д.А. Милютин и М.Т. Лорис-Меликов, министр А.А. Абаза или великий князь Константин Николаевич и великая княгиня Елена Павловна. Также либерализм становился уделом гуманитарной университетской элиты (К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и др.), видевшей в нем идеальное лекало для вестернизации страны, не вполне четко представляя себе маршруты ее практической реализации¹.

Даже адвокатура, порожденная либеральными реформами, состоявшая из индивидуально активных представителей свободной профессии, позиционирующая себя и воспринимаемая окружающими как воплощение либерального духа, нравственным мерилom профессиональной деятельности считала не столько защиту интересов предпринимателей, сколько отстаивание прав «униженных и оскорбленных».

Если Английскую или Французскую революции реализовывали представители третьего сословия, адвокаты и буржуа, то в России идеи радикального переустройства зачастую являлись предметом интеллектуальной игры отпрысков высшей бюрократии. Здесь нет четкой идеологической привязки. Это и декабристы, представлявшие знатнейшие фамилии империи. Это и дочь губернатора Санкт-Петербурга народоволка С.Л. Перовская, организовавшая убийство либерала Александра II, в то время как сын министра юстиции В.Д. Набоков, сам стал либералом, или же хрестоматийные дочь полного генерала большевичка А.М. Коллонтай и князь-анархист П.А. Кропоткин, и множество прочих примеров.

Дальнейшее искажение идеи происходило на этапе трансляции ее социуму. Элиты воспринимали окружающее социальное пространство в идейном, ментальном, духовном плане абсолютно тождественным себе, более того, происходила идеализация и мифологизация реципиента, формировался его вымышленный образ, черты которого как идеальный киплингский колониальный герой, они должны были распространить на себя. Можно вспомнить такие исторические нарративы, ставшие в конечном итоге историографическими трюизмами: гурьевскую кашу, бороду крестьянского царя Александра III. Или же хождение в народ, вымышленное хлыстовство представителей Серебряного века или «истинно русского хлыста» Распутина при дворе.

Таким образом, можно утверждать, что привычные для советской, а иногда и современной историографии Великой революции политические, социальные, экономические маркеры всесторонне не объясняют данный феномен. Разница в восприятии идейно-политических конструктов различными социокультурными стратами общества асинхронной модернизации затрудняла социальную коммуникацию, диалог между элитами «эпохи модерна» и традиционным обществом.

Е. Н. Морозова
Саратов

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ В СФЕРЕ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1850- НАЧАЛО 1860-Х ГГ.): ПОЗИЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ЭЛИТ И ОЖИДАНИЯ ОБЩЕСТВА

Эпоха модернизации в любой стране – это серьезный цивилизационный сдвиг. В России он произошел в эпоху Великих реформ, которые коснулись всех сфер жизни страны.. Однако проследить все особенности взаимоотношений власти и общества в дореформенный и постреформенный периоды крайне сложно, поэтому в докладе я коснусь только реформаторских усилий в сфере местного управления в начале эпохи модернизации. Несмотря, на, казалось бы, огромный массив исследований отечественных и зарубежных авторов в сфере изучения различных аспектов местного управления и самоуправления, все же отсутствует комплексный подход, который бы помог связать воедино ожидания общества, цели реформаторских усилий, причины провалов или частичной реализации законопроектов, как это произошло с земской реформой.

Боль национального поражения в Крымской войне вызвала целый шквал критики со стороны общественного мнения в подцензурной и бесцензурной печати по поводу состояния российской

¹ Кочукова О.В. К.Д. Кавелин в общественном движении России, 50-80-е гг. XIX века. Дисс. на соискание уч.ст. к.и.н. Саратов, 2001.

системы управления. Низкая эффективность¹ управления и, прежде всего, местного, осознавалась и обществом, и правительственной бюрократией. П.А. Зайончковский отмечал, что именно губернская администрация была тем звеном в системе государственного аппарата, где наиболее явно были видны его пороки².

Безусловно, что осознание кризисной ситуации в системе управления поставило на повестку дня вопрос о мерах по выходу из нее. Но во второй половине 1850-х гг. сложилась «некая квадратура круга»: провести реформы в местном управлении было невозможно без отмены крепостного права; в то же самое время, реализовать крестьянскую реформу было нельзя, не реформировав местное управление.

С одной стороны, в общественном мнении в 50-х гг. стихийно формировались концепции правового государства, в которых понятие «произвол» противопоставлялось понятию «законности». С другой стороны, вопросы, связанные с формированием местного управления, теоретически разрабатывались с использованием западноевропейского и российского опыта. На основе идей Токвиля, Монталамбера, Гнейста вырабатывались теоретические принципы создания нового эффективного управления, и, в частности, местного. Во главу угла был поставлен принцип административной децентрализации.³ Парадокс заключался в том, что с этим принципом строительства управления были согласны не только представители различных направлений общественного мнения, но и многие представители правительственной бюрократии.

При определенном совпадении взглядов, казалось бы, проще всего было соединить усилия в разработке проектов организации местного управления. Но, в глазах правительственной бюрократии, как требования либерального дворянства, так и требования аристократической фронды были тождественны введению конституции в России. Поэтому правящие круги стремились проводить реформы в сфере управления под своим жестким контролем. Правительственное кредо сформулировал министр внутренних дел С.С. Ланской: «Ничто не в силах поколебать право самодержавной власти действовать на благо России». Поэтому «последний голос в деле общегосударственном должен принадлежать правительству».⁴

Однако концептуальные установки либерального дворянства и правительственной бюрократии, кардинально отличались по важнейшим вопросам: формам и содержательной стороне достижения эффективности местного управления. Либеральное дворянство желало комплексности проведения реформ. Либеральная часть дворянских губернских комитетов считала, что крестьянская реформа останется мертворожденной, если не будет сопровождаться коренными преобразованиями на новых началах в управлении. Последнее должно было базироваться на принципах выборности, гласности, всесловности, функционального размежевания и передачи значительной части полномочий из центра на места. Унковский писал, что «все зло коренится в самой системе нашей администрации и не может быть устранено какими бы то ни было паллиативными средствами».⁵

Правительство, сделав подготовку крестьянской реформы приоритетным направлением реформирования, действовало с «должной постепенностью», чтобы, не меняя основ государственного устройства, приспособить местное управление к проведению отмены крепостного права.

Но и самой правительственной бюрократии не было единства по вышеуказанным вопросам. Целый ряд факторов оказывал влияние на предреформенную ситуацию. С одной стороны, Александр II искусно лавировал между взглядами консервативной и просвещенной бюрократии; с другой – отсутствовала четкая концепция правительственных реформ, формирование которой шло методом проб и ошибок, осложняясь закулисной борьбой на всех уровнях, включая Государственный совет.

¹ О дискуссии по поводу критериев эффективности управления см.: Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург-Ижевск, 2010.

² Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 143.

³ Пальма первенства популяризации идеи административной децентрализации принадлежит А. де Токвилю. См.: Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1903; Он же. Демократия в Америке. М., 1873. Так же см.: Арановский К.В. Государственное право зарубежных стран. М., 1999. С. 467–471; Конституционное право / Под ред. А.Е. Козлова. М., 1996. С. 199.

⁴ РГИА, ф.962, оп. 1, д. 63, л. 3–4, 12.

⁵ Цит. по: Иванюков И. Падение крепостного права в России. СПб., 1882. С. 362.

Накануне проведения крестьянской реформы, в результате острой борьбы между либеральной и консервативной правительственными элитами, появились два проекта, создававшие качественно разные модели местного управления. Обе модели строились на основной посылке: возможности возникновения «пугачевщины» в ходе реализации крестьянской реформы. Однако содержательная сторона проектов кардинально различалась.

Консервативная бюрократия видела повышение эффективности местного управления в усилении военной власти на местах, что было тождественно введению чрезвычайного положения в стране. На региональном уровне предполагалось повсеместное учреждение должностей генерал-губернаторов, под властью которых должны были находиться по 2-3 губернии. Имея чрезвычайные полномочия в целях «сохранения тишины и спокойствия» в период введения новых законоположений, генерал-губернаторы непосредственно подчинялись императору и Сенату¹. Логика этого законопроекта неизбежно требовала изменений и в уездном управлении. Земская и городская полиция объединялись во главе с уездным начальником от короны (преимущественно из лиц 5 класса, но это место могли занимать лица военной и гражданской службы с 8 по 4 класс включительно). Их широкие полномочия, как представителей исполнительной власти в уезде: включали в себя наблюдение за точным исполнением общих узаконений, «меры к охранению общественного порядка». Эти функции главы уездной полиции являлись вполне традиционными, начиная с законодательства Екатерины II. Но уездный начальник, имел (в определенных случаях) чрезвычайные полномочия и мог «потребовать содействия воинской власти в части предупредительных мер»². Таким образом, предложения консервативной бюрократии создавали новую модель местного управления в стране.

Решительную борьбу против реализации подобной модели местного управления развернула либеральная бюрократия. В августе 1858 г. на имя императора поступила «Записка о предполагаемом повсеместном учреждении временных генерал-губернаторов», где министр внутренних дел С.С. Ланской выступил от имени либеральной элиты с резкой критикой указанного проекта. В этом документе либеральная бюрократия, критикуя подобные новации в сфере регионального управления, отчетливо высказала свои взгляды на роль правительства в готовящихся преобразованиях. Правительство, по мнению просвещенной бюрократии, должно стать гарантом мирного проведения реформ, сохранения законности и порядка в стране, которые будут нарушены с введением должности генерал - губернаторов. Министр внутренних дел С.С. Ланской видел будущее управление Россией под «личной» властью генерал-губернаторов как торжество беззакония и произвола³. Однако этот проект реформ, представленной консервативной бюрократией, провалился, в частности, из-за негативной реакции на него большинства начальников губерний⁴.

Вторая модель реформ в местном управлении была представлена командой либеральной бюрократии (Комиссией о губернских и уездных учреждениях) под руководством Н.А. Милютина. Первый проект (март 1859 – май 1860 гг.) касался реформы уездного управления; второй (июнь 1860-апрель 1861 гг.) – был посвящен реформе губернского управления.

Если консервативная элита средством повышения эффективности местного управления считала усиление военно-полицейской власти на местах, то либеральная бюрократия видела иные пути повышения эффективности управления: функционального размежевания и децентрации власти.

Комиссия Милютина выявила главные причины низкой эффективности деятельности полиции, которые заключались как в недостатках самой ее организации (разделение на земскую и городскую полицию, малочисленность полицейских чиновников, бюрократизация полицейского аппарата), так и в слишком широкой ее компетенции. По первому проекту предусматривались коренные изменения в структуре и компетенции полиции: искоренялся ненужный параллелизм, путем объединения земской и городской полиции. А компетенция полиции сводилась к делам

¹ См.: Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С.67.

² См.: Записки сенатора Я.А. Соловьева // Русская старина. 1882. Т. 33, кн. 3. С. 563; РГИА, ф.1180, оп.15, д. 20, л.6-7.

³ Лемке М. Очерки освободительного движения "шестидесятых годов". По неизданным документам. 2-е изд. СПб., 1908. С. 460.

⁴ Морозова Е.Н. Политическое противостояние накануне крестьянской реформы // История. Право. Политика. Федеральный научно-практический журнал. 2011. №2. С.34-37.

собственно исполнительным. Из предметов ведения полиции изымались судебно-следственные и хозяйственно-распорядительные дела. Последние передавались Уездным земским присутствиям¹

Но выделение хозяйственно-распорядительных функций лишь на уровне уезда привели Н.А. Милютину и его соратников к логическому выводу. Все изменения, предлагаемые командой реформаторов, неизбежно затронули бы прерогативы губернских учреждений и власть губернаторов. Поэтому милютинская Комиссия ходатайствовала о необходимости коренных преобразований на уровне губернии.²

Н.А. Милютин и его окружение являлись сторонниками сохранения самодержавной неограниченной власти. Но вместе с тем, они видели причины низкой эффективности работы административных учреждений в отсутствии четкого разделения полномочий в учреждениях, подведомственных одной власти.³

Команда реформаторов создает новую модель организации местного управления. Единственно возможное средство коренного изменения организации власти они видели в широкой административной децентрализации местного управления. По их мнению, местное управление состояло из двух различных по своей природе сфер – казенной администрации и местного самоуправления. Эти сферы должны иметь различную компетенцию и основываться на разных принципах. Казенной администрации вменялось в обязанность заниматься делами государственными. Органы самоуправления (земские учреждения) – рассматривались как часть местного управления, ведавшая делами «местного интереса». В целях повышения эффективности управления по милютинскому проекту⁴ все административно-полицейские учреждения, находившиеся в ведении Министерства внутренних дел, сливались в один орган из пяти отделений – губернское правление под председательством губернатора. Под старым названием «губернское правление» появлялось абсолютно новое учреждение. Ему передавались все дела упраздненных комитетов и комиссий. Это помогло бы ликвидировать параллелизм в работе, устранить ненужную волокиту, сократить бюрократический аппарат, улучшить делопроизводство, ликвидировать множественность инстанций. Таким образом, уничтожались все те недостатки, о которых так часто говорилось в докладах представителей министерств и ведомств, и критиковались различными формами общественного мнения.

Полномочия нового губернского правления ограничивались делами исполнительными: по надзору за выполнением общероссийских законов, за местами и лицами, охране общественного порядка, наблюдению за отправлением повинностей, охране народного здоровья, надзору за строительной частью в губернии.

Подобные новации неизбежно коснулись бы прерогатив начальника губернии. Но в милютинских проектах появляется термин: «усиление губернаторской власти». Под этой дефиницией либеральная бюрократия понимала деконцентрацию власти, которая позволила бы губернатору превратиться в действительного начальника губернии, а не правительственного чиновника от Министерства внутренних дел, загруженного ежедневной рутинной письменной работой⁵.

Комиссия Н.А. Милютина полагала, что «власть губернаторов должна служить средоточием исполнительной правительственной власти по части полиции и казенного хозяйства»⁶. Однако реализация этой реформы нарушила бы иерархическую соподчиненность в государственном масштабе и неизбежно коснулась бы полномочий Министерств и центральных ведомств. Поэтому нетрудно предположить, что подобное преобразование будет встречено в «штыки» консервативной бюрократией и начальниками губерний.

¹ Труды комиссии о губернских и уездных учреждениях. Учреждения уездные. Ч. 1, кн. 1–4. СПб., 1860. Кн. 2. С. 34, 39, 46–47; РГИА. Ф.869. Милютин, оп.1, д.395, л. 97–98.

² Материалы, собр. для высочайше учрежденной Комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. Отдел административный. Ч. 1. Отделения 4–6. Материалы исторические и законодательные. СПб., 1870, 1872. Ч. 1, отд. 5. С. 196.

³ РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 123, л. 45.

⁴ К сожалению, этот проект милютинской Комиссии прошел мимо внимания исследователей. Полный текст этого документа см.: Материалы, собр. для Комиссии... Отдел администр. Ч. 1, отд. 5.

⁵ По подсчетам Комиссии, губернатор принимал участие в заседаниях «18 учреждений и подписывал до 30 тыс. бумаг в год» (См.: Материалы, собр. для Комиссии... Отдел администр. Ч. 1, отд. 4. С. 3).

⁶ РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 123, л. 47.

Одним из важнейших путей повышения эффективности местного управления милютинская Комиссия считала передачу хозяйственно-распорядительных дел самому обществу губернии и уезда.¹

В представлении самого Н.А. Милютин «хозяйственное управление, как чисто местное, очевидно, не может и не должно нисколько касаться государственных дел», однако вне отраслей правительственной деятельности остается «обширный круг местных интересов, большей частью мелочных, так сказать, обыденных и для Высшего Правительства не важных, но составляющих насущную потребность местного населения»². Этот тезис отчетливо поясняет взгляды самого Н.А. Милютин и всей либеральной бюрократии на место земских учреждений в политическом строе России с точки зрения понимания ими сути административной децентрализации.

Милютин и члены его Комиссии, также как многие представители либерального дворянства, считали, что общество не нуждалось в опеке и могло самостоятельно управлять местными делами³. С этих позиций местному самоуправлению предоставлялось право заниматься местными хозяйственными делами, часть которых «передавалась из бюрократических в местные инстанции».

Впервые в милютинских проектах уезды выступают в качестве отдельных хозяйственных единиц. Логическим выводом стала идея создания двухуровневой системы земского самоуправления. Хозяйственно-распорядительные дела переходили в руки новых учреждений: губернских и уездных земских присутствий, которые состояли из распорядительных органов (общих собраний) и исполнительных (распорядительных комитетов). Эти органы по сути дела являлись прообразом будущих земских собраний и управ. Пределы власти земских учреждений, по мнению Н.А. Милютин, должны определяться только законом. Однако в кругу вверенных им дел земские учреждения должны действовать самостоятельно. Степень самостоятельности, которую предлагал дать земским учреждениям Милютин, была чрезвычайно велика (особенно по сравнению и с валуевским проектом, и самим Положением 1864 г.).

Право губернатора вмешиваться в «дела земского хозяйства» исчерпывались лишь двумя случаями: начальник губернии утверждал сметы расходов и проекты раскладок по земским повинностям и в случае «бездействия местных учреждений и при явной опасности (как, например, при неисправности дорог, мостов и пр.) (имел право. – Е.М.) распоряжаться собственной властью за счет виновных»⁴.

Однако Н.А. Милютин пытался найти компромиссный вариант, который бы позволил объединить интересы государства и местного самоуправления, ибо новая модель местного управления, состоявшая из двух самостоятельных частей, создавалась на разных принципах. Либеральная бюрократия понимала, что государственные и земские дела тесно переплетаются, и четкой границы между ними нет. Несмотря на то важное значение, которое Н.А. Милютин придавал земско-хозяйственным учреждениям, все же по проекту они не составляли абсолютно самостоятельной единицы. Земская реформа являлась лишь частью реформы местного управления. Именно представление о тесной взаимосвязи государственных и земских дел привела команду либеральных реформаторов к идее создания координирующего органа. Связующим звеном между губернским правлением и губернским земским присутствием должен был стать губернский совет под председательством губернатора, состоявший в подавляющем большинстве из коронных чиновников и председателя губернского распорядительного комитета. Создание такого координационного органа помогло бы смягчить те конфликты, которые последовали сразу после введения Положения 1864 г. между местной администрацией и органами земского самоуправления. Думаю, что мысли Н.А. Милютин о создании координирующего совета опередили свое время. Они были использованы в работе Кахановской комиссии. Вариант этой идеи был осуществлен земской реформой 1890 г., создавшей Присутствия по земским делам.

¹ Эта часть работы милютинской Комиссии наиболее интересна, и в то же время, более сложна для анализа. Полностью эта часть проекта в архивах не сохранилась. Поэтому так устойчивы взгляды о приоритете П.А. Валюева в разработке земской реформы. Напр., см.: Гармиза В.В. Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957. С. 145. Т. Портер считает П.А. Валюева «архитектором земской реформы». (Porter Th. The Development of Political Pluralism in Late Imperial Russia: Local Self-government and the Movement for a National Zemstvo Union. 1864-1917. Washington, 1990. P. 25).

² ОР РНБ, ф. 379, Ф.П. Корнилов, д. 269, л. 2.

³ См.: Львов Г.Е., Полнер Т.И. Наше земство и 50 лет его работы. Изд. 13-е. М., 1917. С. 9.

⁴ ОР РНБ, ф. 379, Ф.П. Корнилов, д. 269, л. 4-5.

Одна из важных особенностей милютинского проекта заключается в том, что земская реформа не рассматривалась как отдельное преобразование, а являлась составной частью реформы всего местного управления (курсив мой - Е.М.)

Таким образом, впервые в России на теоретическом уровне была разработана проблема, которая до сих пор является дискуссионной: о соотношении местного управления и самоуправления. Милютинская модель реформы местного управления отвечала давно назревшим потребностям его реформирования и соответствовала тем принципам, на которых предполагалось проводить крестьянскую реформу. Новый проект коренным образом изменял существующую систему местного управления в условиях модернизации России, как с точки зрения формы, так и содержания.

Весьма сложной проблемой для любого исследования неосуществленных проектов является вопрос о возможности его реализации. Однако в случае с реформой местного управления, созданной Комиссией Н.А. Милютина, можно с большой долей уверенности сказать, что эта реформа (возможно, не в полном объеме) могла быть осуществлена в России одновременно с крестьянской реформой. Основания к таким предположениям дает успешный эксперимент киевского военного губернатора, подольского и волынского генерал-губернатора кн. И.И. Васильчикова.

И.И. Васильчиков предлагал в подведомственном ему крае соединить в новом органе – губернском управлении – дела губернского правления, строительной и дорожной комиссии, приказа общественного призрения, врачебной управы, а также шести комитетов. Создание единого органа, по мнению Васильчикова, должно было привести к упрощению делопроизводства, сокращению бюрократических инстанций и расходов на их содержание. По такому же принципу планировалось создание уездного управления.¹

С.С. Ланской в своем резюме от 1 марта 1859 г. по поводу проекта, предложенного кн. И.И. Васильчиковым, отметил его своевременность и заключил, что эти предположения идут в русле разработки преобразований, которые готовятся в Министерстве внутренних дел.² Кн. И.И. Васильчикову разрешили провести «в виде опыта» реформу в Киевской губернии. Ему было позволено образовать губернское управление в составе всех учреждений, подведомственных Министерству внутренних дел (за исключением Приказа общественного призрения и Тюремного комитета), освободив вновь создаваемый орган «от рассмотрения судебных дел». Кроме того, Васильчикову разрешили объединить Магистраты с уездными судами.³ В сфере уездного управления кн. И.И. Васильчиков должен был осуществить проект объединения городской и земской полиции в «виде двух отделений одного общего полицейского управления» во главе с уездным исправником.⁴

Итоги своего эксперимента И.И. Васильчиков оценивал крайне высоко. 9 февраля 1861 г. он сообщал, что в Киевской губернии объединение губернских учреждений своих целей достигло: «уничтожена разъединенность между существенными их частями», ускорении делопроизводства.⁵ Деятельность Васильчикова была положительно оценена Комитетом министров и императором. Генерал-губернатору разрешили распространить этот эксперимент еще на две губернии, подведомственные ему.⁶

Проблема повышения эффективности местного управления была весьма актуальной для России. Однако наиболее остро этот вопрос встал в поствоенный период в условиях подготовки отмены крепостного права. Анализ проектов, возникших в правительственной элите, показывает, что очевидном единстве целей («сохранения тишины и спокойствия» при реализации крестьянской реформы), пути и методы их достижений были различны: консервативная бюрократия под эффективностью местного управления понимала усиление военно-полицейской власти на местах;

¹ Материалы, собр. для Комиссии... Отдел администр. Ч. 1, отд. 4. С. 6-7, 13-14

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 28-30.

⁴ Там же. С. 25-27.

⁵ РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 123, л. 39-42. Об итогах этого эксперимента сообщается и в "Обзоре положения губерний Киевской, Подольской и Волынской и действий главного местного управления" (см.: РГИА, ф. 869, оп. 1, д. 401).

⁶ Середонин С.М. К столетию Комитета министров (1802-1902). Исторический обзор деятельности Комитета министров: В 3 т. Комитет министров в царствование императора Александра Второго (1855 февраля 19 - 1881 марта 1). СПб., 1902. Т. 3, ч. 2. С. 90.

либеральная бюрократия – коренную реформу местного управления на абсолютно новых принципах.

Создание правительственных проектов шло на фоне активизации общественного мнения, представители различных направлений которого, несмотря на запреты и циркуляры правительства, в рукописных записках, адресах, ходатайствах создавали свои проекты новой организации местного управления. «Канцелярская тайна» разработки реформ местного управления будоражила общественное мнение и «завышала горизонты общественного ожидания». Отсюда – и те проявления негативизма, с которым встретилось правительство при реализации реформ.

Н.В. Черникова
Москва

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ ОБЩЕСТВОМ В КОНЦЕ XIX В.

В 1906 г., в разгар первой русской революции в Петербурге вышла небольшая книжка с говорящим названием – «Архив государственной мудрости, или Злачное место, идеже государственные раки зимуют. Опыт статистического исследования Государственного совета по официальным данным». Автор – книговед и библиограф, писатель-популяризатор, эсер по партийной принадлежности (он вышел из партии в 1909 г.) Николай Александрович Рубакин – дал свою оценку высшего законодательного учреждения империи. И оценка эта оказалась крайне нелицеприятной. Одно название уже создает вполне определенное представление об этом учреждении даже у тех, кто книгу не читал и вообще далек от подобной тематики. Соответствовала названию и цель работы – раскрыть всю пользу «грядущего небытия» Госсовета, этого гнезда богачей, искусственно подобранной «шайки делателей российской истории», который даже в реформированном виде «есть не что иное, как казенное всероссийское бюро похоронных *процессий*, специально созданное для устройства почетных "юридических" похорон всех самых благих законодательных начинаний Государственной Думы, а значит, и всех, даже самых неотложных нужд и требований трудящегося народа»¹.

Эта небольшая брошюра доводила до крайности критику, когда-либо раздававшуюся в адрес Госсовета, и одновременно демонстрировала абсолютное незнакомство автора с действительным положением дел. Высшее законосовещательное учреждение империи, содержание и принципы его работы и делопроизводства были мало неизвестны широкой публике. Служебная тайна тщательно охранялась, так что получить материалы находящиеся на рассмотрении дел, постороннему человеку, в том числе и чиновнику немалого ранга, было практически невозможно. В 1884 г., например, И.А. Вышнеградский (тогда еще он не был ни министром финансов, ни членом Госсовета, и только недавно был назначен членом Совета при министре народного просвещения) тщетно пытался получить материалы по делу об элеваторах, как раз обсуждавшемся в Госсовете, при том, что они были напечатаны в достаточном количестве экземпляров и разосланы всем членам Госсовета².

Тем не менее какое-то представление о работе высших органов власти в обществе складывалось – прежде всего на основе официальных материалов (отчетов и печатных мнений Госсовета), слухов и публицистики. Эта последняя играла особую роль, в силу своей специфики, формируя общественное мнение и одновременно отражая, его. Нельзя сказать, что Госсовет был постоянно актуальной темой для периодической печати. Однако, как только речь заходила о крупных реформах, а также в сложные переломные для России периоды – общественная мысль неизменно возвращалась к Государственному совету – его положению, деятельности и идеальному устройству.

При этом, не имея доступа к закрытой информации, журналисты и писатели зачастую пользовались слухами, публикациями коллег и делали выводы на основе собственных

¹ Рубакин Н.А. Архив государственной мудрости, или Злачное место, идеже государственные раки зимуют. Опыт статистического исследования Государственного совета по официальным данным. СПб., 1906. С. 4, 41.

² Письмо И.А. Вышнеградского М.Н. Каткову от 16 января 1884 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 34 об.

соображений и рассуждений. В таком положении были все издания, независимо от направления – и консервативные («Московские ведомости» и «Гражданин»), и либеральные («Вестник Европы»), и не имеющие яркой идейной окраски («Новое время», «С.-Петербургские ведомости»). И хотя степень достоверности их утверждений была весьма относительной, переходя из издания в издание, из брошюры в брошюру, они постепенно становились аксиомой в общественном мнении.

Какой же образ Госсовета формировался у читающей публики? Во-первых, это уважение к опытности, знаниям и суждениям его членов. Здесь не было и тени того пренебрежения, которое позже мы встретим у Рубакина и других писателей левого лагеря. Несмотря на то, что сами члены Госсовета (как и чиновники Государственной канцелярии) склонны были относиться друг к другу довольно критично, в обществе сложилось мнение, что в Госсовете заседают «чуть не Солоны»¹. Однако главным достоинством этого высшего государственного учреждения считалась непредвзятость его суждений. Составленное «из ближайших и вернейших слуг престола», оно, по мнению «Гражданина», имело не только чиновную и иерархическую важность, но и духовную миссию «стоять выше всяких пристрастий и политических, партийных тенденций и интереса»². Раскрывая и дополняя это положение, М.Н. Катков писал: «Каждый из советников должен говорить царю свое истинное мнение, по крайнему разумению, стараясь просветить себя всеми возможными способами, хотя бы только относительно главных оснований приготавливаемого к законодательному решению дела»³. Б.Н. Чичерин считал, что уже цель создания Госсовета – этого «первого учреждения Империи», заключалась в том, «чтобы в законодательных вопросах изъять монарха из-под влияния мелких котерий и личных отношений»⁴. С точки зрения «Нового времени», этому была подчинена и система назначений в Госсовет заслуженных сановников по прямому приказу императора, защищающая это учреждение от проникновения в него «людей более честолюбивых, чем опытных в делах государственных»⁵.

Во второй половине XIX столетия Госсовет, как и раньше, оставался коллективным советником царю, однако характерные для пореформенной России новые тенденции затронули и его. Более ярко выраженным стало формирование меньшинства и большинства Госсовета, и что еще более важно – стремление министров, вносящих проекты на обсуждение этого учреждения, заручиться поддержкой большинства или, по крайней мере – «почетного меньшинства» его членов. Эту последнюю тенденцию консерваторы считали проявлением зачатков несвойственного русской государственной машине парламентаризма. Но беспокоил их не сам факт такого разделения и даже не то, что, по их убеждению, либеральное большинство последовательно противодействовало всем консервативным законопроектам, вносимым в Госсовет в царствование Александра III. Гораздо более опасным явлением для консерваторов была готовность министра идти на соглашение с этим большинством и изменять своей проект.

«Дело вовсе не в том, – писал Катков, – что члены Государственного Совета, по той или по другой причине, делятся на группы или партии с вожаками или без оных, а в доктрине, фальшиво к нам прокравшейся и требующей, чтобы члены Совета, а также министры, жертвовали своим убеждением и своею совестью и портили бы законы» в угоду большинству»⁶. Обязанность министра, продолжал он, заключается в том, чтобы вносить в Государственный Совет тщательно обдуманые законопроекты, но при обсуждении закона он должен сохранить полную свободу мнений: «он обязан внести в проект в свой проект поправку, если по его разумению от этого выиграет дело <...>, но он не имеет права делать кому бы то ни было уступки, коль скоро они по его убеждению портят закон и вредят делу»⁷. Даже рискуя остаться в одиночестве, министр «не должен идти на какие бы то ни было сделки со своею совестью и играть интересами государства»⁸.

Конечно, Катков и его единомышленники не ограничивались чисто теоретической областью, прямо указывая на существование в обществе и правительстве партии противников манифеста 29

¹ Перетц Е.А. Дневник государственного секретаря (1880–1883). М.-Л., 1927. Запись 5 января 1881. С. 19.

² По поводу зловещего слуха // Гражданин. 1888. № 78. 18 марта. С. 1; Дневник 5 декабря // Гражданин. 1888. № 339. 6 дек. С. 3.

³ [Катков М.Н.] Москва, 11 января (№ 12) // Собрание передовых статей «Московских Ведомостей». 1884 год. М., 1898. С. 20–25.

⁴ Чичерин Б.Н. Россия накануне XX столетия. Берлин, 1900. С. 44.

⁵ Реформа Государственного совета // Новое время. 1886. № 3688. 7 июня. С. 1.

⁶ [Катков М.Н.] Москва, 13 июня (№ 162) // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1886 год. М., 1898. С. 302.

⁷ [Катков М.Н.] Значение Госсовета в системе русского государственного права (№ 123. 5 мая. Б) // Там же. С. 239; [Катков М.Н.] Москва, 13 июня // Там же. С. 302–303.

⁸ [Катков М.Н.] Москва, 13 июня // Собрание передовых статей "Московских ведомостей". 1886 год, с.302.

апреля 1881 г., которые мечтают «о превращении Государственного совета в парламент с тою целью, чтобы по возможности ограничить власть Верховного законодателя»¹, о том, в Госсовете собралось значительное число «людей, которые не остались во власти, не соответствуя потребностям минуты» и оценивая министерские проекты, делают в них такие исправления, которые не соответствуют цели этих проектов², что в Госсовете установилась практика «не пропускать законы, браковать и отвергать все, что не подходит под усвоенное большинством направление»³ или, по крайней мере, под любым предлогом откладывать рассмотрение консервативного законопроекта, с целью «не мытьем так катаньем оттянуть еще на год осуществление проекта» с тем, чтобы впоследствии поправками, дополнениями и даже контрпроектами «испортить дело»⁴. Так более ста лет назад консерваторы фактически положили начало целому историографическому течению, получившему наиболее яркое выражение в работах П.А. Зайончковского и исследователей его школы, представители которой говорят о существовании в Госсовете в царствование Александра III целой либеральной партии, сознательно противодействовавшей контрреформам.

Либералами (прежде всего «Вестником Европы») проблема большинства и меньшинства решалась иначе. Они считали формирование большинства и меньшинства среди членов Госсовета, (как и в любой другой группе лиц, занимающихся одним делом) естественным процессом, основанным на тождестве мнений⁵, но указывали, что большинство должно пользоваться большим доверием: «большее число лиц не так легко может впасть в ошибку, чем меньшее, и сила этого предположения увеличивается пропорционально степени перевеса большинства над меньшинством». Конечно, соглашался «Вестник Европы», в каждом конкретном случае это положение может быть опровергнуто, «но самая необходимость опровержения является лишним шансом в пользу большинства»⁶.

С точки зрения либеральной части общества, значение большинства еще более возрастало при колебаниях монарха, отсутствии у него определенного мнения. «Государь может не согласиться с большинством, – писал Б.Н.Чичерин, – но если он не имеет собственного мнения, то он в этом большинстве находит опору: утверждая его постановления, он оказывает уважение высшему законодательному органу государства»⁷.

Примечательно, что эту позицию, хотя и по другим причинам, поддерживали и сами члены Госсовета. В их среде было распространено убеждение, что утверждение мнения меньшинства есть своего рода проявление недоверия императора к высшему законосовещательному учреждению, оскорбление его чести и достоинства. Что уж говорить об утверждении отдельных мнений или требования пересмотреть решение (как случилось, например, при обсуждении в 1887 г. вопроса о профессиональном образовании)⁸. Подобные резолюции императора воспринимались как скандал. Председатель Госсовета великий князь Михаил Николаевич в таких случаях осведомлялся у своего царственного племянника, не следует ли ему подать в отставку.

Практический вывод, который делали из этой ситуации чиновники Госсовета, сводился к недопущению разногласий, дававших императору возможность подробно ознакомиться с делом. Этой цели служила целая система согласительных совещаний и предварительных договоренностей. Но стремление к соглашательству оставалось совсем непонятым общественными кругами. И консерваторы и либералы были убеждены, что разногласиями «разъясняется дело со всех сторон»⁹, указывали на особую важность свободы обсуждения и критики: «ничего не предрешая, она увеличивает лишь количество света, падающего на предмет,

¹ [Катков М.Н.] Значение Госсовета в системе русского государственного права (№ 123. 5 мая. Б) // Там же. С. 239.

² Скальковский. К.А. Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. СПб., 1890. Т 1. С. XVI.

³ Из Петербурга // Московские ведомости. 1886. № 40. С. 4.

⁴ По поводу зловещего слуха // Гражданин. 1886. № 78. 18 марта. С. 1.

⁵ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1886. № 6. С. 775–776.

⁶ Там же. С. 774.

⁷ Чичерин Б.Н. Россия накануне XX столетия. Берлин, Издание Гуго Штейниц, 1900. С. 44.

⁸ Отчет по Государственному совету за 1887 год. СПб., 1888. С. 428.

⁹ [Катков М.Н.] Значение Госсовета в системе русского государственного права (№ 123. 5 мая. Б) // Собрание передовых статей «Московских Ведомостей». 1886 год. С. 239.

и облегчает произнесение решительного слова¹. Эту позицию разделял и Александр III считавший, что оно особенно полезно «в существенных вопросах»².

Стремление чиновников избегать разногласия представители разных течений общественной мысли объясняли их формализмом, «законодательной техникой» и даже нежеланием трудиться. Было распространено мнение, что Госсовет, по разным причинам, работает далеко не в полную силу, и его портфель переполнен важными законопроектами, рассмотреть которые при текущем состоянии дел, нет никакой возможности.

Среди причин называли старое устройство Госсовета, обремененного, помимо своих прямых обязанностей, судебными функциями; увеличение, по сравнению с более ранним временем, числа проектов и требований к их рассмотрению. В начале XIX века, утверждал К.А.Скальковский, «за целое царствование не издавалось столько законов, сколько теперь за один год», «бюджет, который занимает теперь месяцы, в прежнее время рассматривался в Государственном совете в одно, два заседания»³. Замедление рассмотрения дел объясняли также сохранением старой структуры Госсовета, длинными, 4х-месячными каникулами и ограниченным числом заседаний Общего собрания (не более 40 в год)⁴. Выводы и всего этого делались довольно радикальные: все время Госсовета уходит на рассмотрение нескольких неотложных проектов и бюджета, тогда как другие важные предположения остаются нерассмотренными и лежат «по несколько лет в Государственной канцелярии»⁵. Раздавались и еще более суровые обвинения – в элементарном нежелании членов Госсовета рассматривать тот или иной проект. Именно этим пытался объяснить князь В.П.Мещерский тот факт, что рассмотрению проекта о земских начальниках в Соединенных департаментах посвящен только субботний день⁶. Статья Мещерского вызвала возмущение вел. князя Михаила Николаевича, во время доклада императору специально остановившемся на несправедливости подобных обвинений. Я объяснил, пересказывал он свой разговор с Александром III Половцову, «что более одного заседания в неделю на дело о земских начальниках Совет не может дать, потому что по понедельникам бывает Общее собрание, по вторникам Комитет министров, где председатели департаментов обязаны присутствовать, сверх того один день отдается Гражданскому департаменту, где теперь рассматривается проект введения судебной реформы в Прибалтийском крае, и один день Департаменту экономии, так что старикам Совета приходится иметь в шесть дней недели пять заседаний, не говоря о времени, необходимом для приготовления к этим заседаниям»⁷.

Надо сказать, что беспочвенными были не только обвинения Мещерского, но и вообще все заявления о задержке рассмотрения дел – портфель Госсовета был пуст. «В Государственном совете почти нет нерешенных дел и ничего серьезного вновь не поступает», – писал в дневнике госсекретарь А.А. Половцов⁸. Судя по воспоминаниям и письмам членов Госсовета (П.А. Валуева, А.В. Головнина, И.А. Шестакова и др.) в начале сессии (сентябрь, январь) заседания длились по 5 минут, их продолжительность значительно увеличивалась только к концу сессии. При этом большая часть проходивших через Госсовет дел относилась к т.н. «законодательной вермишели» и решалась формально и быстро.

Но эти факты обществу оставались фактически неизвестны. Зато общественные деятели и публицисты много писали о засилье канцелярщины в работе высших государственных структур. Фактически общепризнанным (и недалеким от истины) было, что Общее собрание Госсовета утратило практическое значение, что в нем почти не бывает ни прений и ни изменений проектов. Работа сосредоточилась в департаментах, а малочисленность их членов при том, что «большинство их, как рассказывают, не принимает деятельного участия в прениях» привела к тому, что обсуждение проекта «сводится нередко на единоборство одного или двух членов департамента с министром». Главная же работа ведется в канцелярии⁹. При том «канцелярские загвоздки и делопроизводительные формальности» рассматривались как досадные препоны, которые, ради

¹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1886. № 4. С. 837.

² Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. М., 1966. Т. 2. С. 129. Зап. 15 дек. 1888 г.

³ Скальковский К.А. Указ. соч. С. 2.

⁴ Там же. С. 5; Практика государственного совета // С.-Петербургские ведомости. 1886. № 59. 1 марта. С. 1.

⁵ Скальковский К.А. Указ. соч. С. 2–3.

⁶ Дневник 5 декабря // Гражданин. 1888. № 339. 6 дек. С. 3.

⁷ Половцов А.А. Указ. соч. С. 124. Зап. 8 дек. 1888 г.

⁸ Там же. С. 13. Зап. 20 янв. 1887 г.

⁹ Из Петербурга // Московские ведомости. 1886. № 40. С. 4; Практика государственного совета // СПб ведомости. 1886. № 59. 1(13) марта 1886 С. 1; Скальковский К.А. Указ. соч. С. 7.

скорейшего рассмотрения и введения «безотлагательно нужного» для русского народа проекта можно «обойти»¹. Чиновников канцелярии называли одной из причин несовершенства законов, поскольку, не зная живого дела и проводя всю жизнь среди бумаг, они не могут даже писать ясно: «главное требование состоит в том, чтобы написанное никого не задевало и не выходило бы из принятых рамок бывших примеров и шаблонов» и в итоге изданный закон оказывается полностью несостоятельным².

Доходило даже до обвинения в подтасовке фактов. Утверждалось, например, что поскольку прения сводятся к спору одного члена департамента (юриста по образованию) с министром, сложно установить «резкое мнение за и против», что дает поле для творчества Канцелярии, тем более что «журналы иногда подписываются три или четыре месяца после происходившего заседания»³ (на самом деле это занимало не более двух недель⁴).

Считалось, что чиновники канцелярии намеренно затягивают дела «для облегчения» самой Канцелярии с помощью ожидания справок и отзывов разных министерств. Причем отзывы эти ненужные, т.к. ни один проект (по закону) не вносится в Госсовет без предварительных сношений с заинтересованными ведомствами⁵. Это, в общем, справедливое утверждение, имело свои заключения. В частности, постоянно приводимое публицистами в качестве примера Положение о земских начальниках, внесенное в Госсовет в феврале 1887 г. и ставшее законом два с половиной года спустя действительно было задержано по причине сбора отзывов, которые внесшим проект министром внутренних дел собраны не были. Они были затребованы уже канцелярией, и по мере их поступления шло исправление проекта⁶. Кроме того, переплетение зоны ответственности различных ведомств было столь велико, что проекты могли затрагивать самые неожиданные структуры. Например, в 1887 г. в Госсовете обсуждался вопрос о повышении пошлины на заграничные паспорта. Проект внесен министром финансов. В качестве заинтересованных ведомств выступили МИД и МВД, это последнее – в силу того, то именно на него минфин собирался возложить все работу по сбору пошлин. Когда обсуждение уже подходило к концу появилось еще одно заинтересованное ведомство – военное министерство, где о проекте узнали буквально из газет. А заинтересовано оно было тем, что сбор с заграничных паспортов шел в пользу Александровского комитета о раненых⁷.

Не стоит недооценивать и значение готовящихся Канцелярией справок, содержание которых могло радикально повлиять на рассмотрение дела. Многолетний главноуправляющий Кодификационным отделом при Государственном совете, председатель Департамента гражданских и духовных дел государственного совета, и затем Департамента законов Государственного совета Э.В.Фриш, так описывал значение собранных справок (правда, применительно, к канцелярии комитета министров, но в данном случае это не имеет принципиального значения): «Вот внесет какой-нибудь министр ребенка в комитет для крещения; казалось бы, ребенок чистенький, гладенький, аккуратный, розовый – кажется все благополучно – остается только дать ему наименование и выпустить в Свет Божий, как вдруг рассылается небольшая справочка, иногда короче утиного носа. Оказывается, не только ребенок вовсе не чистенький и не аккуратный, а он или оказывается совсем уродом, крестить его нельзя и жизнеспособности в нем нет, или же это давно рожденный и уже успевший быть похороненным трупик; и в том и в другом случае надо его возвратит обратно туда, откуда он принесен, и все это ясно, как Божий день; министр не находит возражений, не решается защищать свое творение»⁸.

Все эти канцелярские тонкости широкой публике оставались чужды и непонятны. Критики и апологеты Госсовета вообще были мало знакомы с настоящим положением дел, их заявления, как правило, не соответствовали реальности, а в ряде случаев являлись и прямыми домыслами. Однако, в значительном количестве рассыпанные по страницам публицистических брошюр и периодических изданий, они формировали тот образ высшего законосовещательного учреждения

¹ По поводу зловещего слуха // Гражданин. 1888. № 78. 18 марта. С. 1.

² Из Петербурга // Московские ведомости. 1886. № 40. С. 4; Практика государственного совета // С.-Петербургские ведомости. 1886. № 59.

³ Скальковский К.А. Указ. соч. С. 7.

⁴ См.: РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Мемории Общего собрания и департаментов Госсовета.

⁵ Скальковский К.А. Указ. соч. С. 7–8.

⁶ Обзор деятельности Государственного совета в царствование государя императора Александра III. 1881–1894 гг. СПб., 1895. С. 33–34.

⁷ РО РНБ. Ф. 379. № 119. Дело об установлении пошлин с заграничных паспортов.

⁸ Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 188. Л. 3–4.

империи, который влиял на отношение общества к правительству вообще. То, что этот образ был результатом вакуума информации и потому имел мало общего с действительностью, было неизвестно широкой общественности и мало беспокоило правительство. Возможно, именно это обстоятельство и стало одной из причин радикальной реформы Госсовета в годы Первой русской революции.

А.А. Герман
Саратов

АВТОНОМИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В 1917 ГОДУ

Сложнейшие противоречия, раздиравшие Российскую империю в годы Первой мировой войны, привели в феврале 1917 года к революции, результатом которой стало падение монархии. Власть перешла к Временному правительству. Страна оказалась на распутье. Предстояло избрать и конституционно закрепить новую форму правления. Для этого было решено подготовить и провести выборы в Учредительное собрание. Кроме того, необходимо было сформировать устойчивые и единые государственные структуры, определить отношение к войне, стабилизировать экономическое положение в стране, решить аграрный вопрос, разрешить небывало обострившиеся национальные противоречия. Способами и темпами решения этих проблем и определялось дальнейшее развитие России. Выбор пути её движения вперёд обуславливался раскладом политических сил, сложным взаимодействием партий, правительственных и общественных организаций и их лидеров, пытавшихся выразить сквозь призму своих идеологий социальные интересы и одновременно воздействовать на них в нужном для себя направлении.

Февраль 1917 г. и немцы России. Уже в марте 1917 г. Временное правительство осуществило ряд демократических преобразований и отмену наиболее одиозных законов самодержавного режима. 11 марта специальным постановлением оно приостановило исполнение всего «ликвидационного» законодательства, направленного против немецкого населения России. В постановлении указывалось, что окончательное решение по этому вопросу должно принять Учредительное собрание. 15 марта этот документ был циркулярно разослан на места, губернским комиссарам Временного правительства¹.

К маю 1917 г. наметилась тенденция к отмене актов по массовым депортациям. Формально высылке с театра военных действий подлежали лишь шпионы, проститутки и торговцы спиртным. Началось освобождение и возвращение на прежние места жительства высланных ранее поляков, чехов, евреев. Однако немцам-колонистам не пришлось в 1917 году вернуться к своим очагам. Этому воспротивилось армейское руководство. 8 апреля 1917 г. генерал-квартирмейстер Ставки генерал-лейтенант А. И. Деникин обратился к военному министру и министру внутренних дел с требованием запретить гражданской власти возвращать высланных ранее лиц без согласования в каждом конкретном случае со штабом соответствующей армии. Однако общего порядка рассмотрения вопроса о возвращении колонистов к местам прежнего проживания выработано не было. Каждый фронт действовал самостоятельно, тем не менее, в целом, негативное отношение военных к возвращению депортированных немцев сохранялось².

Между тем, многие депортированные немцы, считая, что на них, как и на всех других граждан России, распространяется политическая амнистия, а также отмена всех национальных и вероисповедальных ограничений, стали предпринимать самовольные попытки возвращения к родным очагам. Им пришлось столкнуться с жёстким сопротивлением военного командования. Повсеместно осуществлялось насильственное выдворение самовольно возвратившихся немцев-колонистов. Осенью 1917 г. командование Юго-Западного фронта выслало за Днепр около 250 вернувшихся колонистов. Свыше ста немцев повторно депортировали из полосы действия Западного фронта³.

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1917 г. 1 полугодие. Петроград, 1917. С. 558-560.

² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2032. Оп. 1. Д. 281. Л. 408, 408 об, 431 – 432, 434 – 434 об; Ф. 2005. Оп. 1. Д. 26. Л. 316.

³ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 323 – 325.

Военных в их репрессивных акциях поддерживало в ряде случаев местное население, уже успевшее занять или разграбить земли и имущество немцев, а также националистически настроенная часть общественности. Так, во втором выпуске сборника «Немецкое зло», вышедшем уже в революционной России, его редактор М. Муравьев, совсем как при самодержавии, призывал «закончить победу на обоих фронтах», то есть не только над Германией «внешней», но и Германией «внутренней», подразумевая под последней немецкое население России¹. Таким образом, перемены в общественном устройстве России мало сказались на «немецком вопросе», что заставляло российских немцев бороться за свои права.

Автономистское движение. На волне бурного развития демократических процессов возникло и стало развиваться автономистское движение немцев России за политическое и национальное самоопределение. Первоначально оно приняло форму борьбы за отмену дискриминационных мер, осуществлённых российским правительством в годы первой мировой войны по отношению к немецкому населению, за ликвидацию их негативных последствий. Автономистское движение не было единым. Оно имело несколько региональных центров и развивалось в регионах в зависимости от складывавшейся там конкретной социально-политической обстановки.

18 марта 1917 г. в Одессе состоялось первое собрание представителей немецкого населения города, на котором было обсуждено положение с правами немцев. После дискуссии был создан Временный организационный комитет (ВОК), куда вошли хорошо известные в регионе деятели Л. Рейхерт (председатель), О. Вальтер, Е. Краузе, Ф. Мерц, В. Райзих, Г. Таубергер, Я. Флеммер. (Позднее ВОК стал называться Южнорусским Центральным Комитетом). Комитет разослал в немецкие поселения специальное Обращение с целью подготовки и созыва Всероссийского конгресса представителей немецкого населения. Внутри ВОК были созданы секции: организационная, политическая, аграрная, народного образования.

28 марта состоялось второе общее собрание немцев Одессы. Если первое собрание принимало свои решения осторожно, опасаясь возможных репрессий, то на сей раз делегаты были решительней. Они провозгласили создание Всероссийского союза русских немцев. Предполагалось создание 17 региональных комитетов, комитетов в уездах, которые должны были объединить всё немецкое население России. Члены организации должны были уплачивать членские взносы. Во главе Всероссийского союза предусматривался Центральный Комитет с местопребыванием в Одессе. Таким образом, с первых шагов существования Одесской организации её лидеры заявили свои претензии на руководство всем национальным движением российских немцев. Планировалось установление контактов с немцами-депутатами Государственной думы Л. Лютцем и К. Линдеманом. В мае намечалось провести Всероссийский конгресс представителей немецкого населения².

Для более оперативной работы и лучшего информирования немецкого населения ВОК стал издавать газету «Еженедельник» („Wochenschrift“), как орган Всероссийского союза русских немцев. Поскольку употребление немецкого языка было ещё под запретом, первые одиннадцать номеров газеты вышли на русском языке. «Еженедельник» информировал об актуальных проблемах немецкого населения, рассказывал о деятельности ВОК, о собраниях и создании новых организаций немцев в различных местах их компактного проживания в России. Газета стала важным инструментом укрепления автономистского движения немцев, прежде всего на Юге России.

С 14 по 16 мая в Одессе состоялся первый Всероссийский конгресс русских немцев. В выработанных конгрессом программных положениях содержались требования демократической республики, пропорционального избирательного права при тайном голосовании, равенства и свободы для всех граждан, права на самоопределение для всех народов, сохранения права частной собственности на землю, выделение земли безземельным и малоземельным, государственная поддержка малообеспеченных слоёв населения³.

Одесский ЦК рассылал своих агитаторов в различные регионы, где они принимали участие в собраниях немецкого населения по созданию местных организаций немцев. Представители ВОК выступали на организационных собраниях немцев в Бессарабии, Херсонской и Таврической губерниях. С каждым вновь созданным комитетом ВОК стремился установить тесный контакт и сотрудничество, вовлечь его в свою организацию. Однако, если на Украине влияние одесских автономистов было значительным, то за её пределами оно заметно ослабевало. В конце концов

¹ Немецкое Зло: Сб. статей, посвященных вопросу о борьбе с нашей «внутренней Германией». Вып. 2. М., 1917. С. 3-4.

² Плесская-Зеебольд Э. Г. Одесские немцы. 1803 – 1920. Одесса, 1999. С. 347-348.

³ Там же. С. 348, 349

такая ситуация заставила одесситов больше внимания уделять проблемам местных немцев. Для этой цели был организован Союз немцев-колонистов Причерноморья¹.

Другим центром, претендовавшим на руководство национальным движением немцев России, стала Москва. Здесь, как и в Одессе, ещё в марте 1917 г. была предпринята попытка создать всероссийскую организацию немецких граждан. Профессор К. Линдемман и некоторые другие немцы-депутаты Государственной думы пригласили на конгресс в Москву представителей различных регионов компактного поселения немцев. Конгресс проходил с 20 по 22 апреля 1917 г. в помещении церкви св. Михаила. В нём приняли участие 86 представителей немецких колоний Саратовской, Самарской, Ставропольской, Тифлисской, Елизаветпольской, Бакинской, Таврической, Екатеринославской, Херсонской, Волынской, Харьковской, Лифляндской, Петроградской губерний, Кубанской и Войска Донского областей. Для представительства интересов немцев во Временном правительстве был создан Комитет из трёх членов Государственной думы: К. Линдеммана, Я. Проппа и А. Робертуса. Комитет должен был работать в Петрограде (Позднее он стал называться Главным комитетом).

Московский конгресс выработал политическую платформу, с которой российские немцы должны были идти на выборы в Учредительное собрание. Платформа содержала положения о республиканской форме правления в России, как единственной, достойной признания, о праве частной собственности на землю и праве на получение от государства компенсации за убытки, понесённые от конфискации земли и другой собственности, о распределении конфискованных земель между безземельными и малоземельными крестьянами, об отмене «ликвидационных» законов и возмещении убытков, понесённых колонистами в результате их применения, о возобновлении использования немецкого языка в официальном делопроизводстве и в обучении школьников, о разрешении издания книг и газет на немецком языке. Эти положения были взяты в качестве программных многими другими собраниями и комитетами немцев России².

12 мая на совещании представителей московских немцев, под предводительством К. Линдеммана, был образован постоянно действующий орган – Московский союз русских граждан немецкой национальности. Для определения его статуса и выработки программы была создана специальная организационная комиссия. В середине августа 1917 г. в Москве прошла ещё одна встреча представителей регионов с немецким населением. Она получила название «Конгресс представителей немецких областей поселения и поселян-собственников». Относительно этой встречи даже у её участников не было единого мнения. Так, профессор К. Линдемман подчёркивал её аграрную направленность, а поволжский пастор И. Шлейнинг выделял национально-политические аспекты³.

Третий крупный центр автономистского движения немцев сложился в Поволжье, в Саратове. В отличие от первых двух, он не претендовал на всероссийский масштаб и чётко заявил о своих чисто региональных интересах – интересах защиты прав поволжских немцев. Ещё в начале февраля 1917 г., как только стало известно о распространении «ликвидационных» законов на немцев Поволжья, состоялось собрание представителей поволжских немцев, на котором был избран Распорядительный комитет из наиболее известных и уважаемых граждан (Ф. Шмидт, К. Юстус, Г. Шельгорн, Г. Клинг, Я. Шмидт, А. Зейферт, В. Шевалье, Э. Борель). Комитету было поручено предпринять меры по защите прав и интересов поволжских немцев, в том числе подготовить и созвать съезд представителей волостей с немецким населением⁴.

После Февральской революции комитет, наряду с защитой земельных прав, существенно расширил поле своей деятельности, добиваясь решения вопросов возрождения самоуправления, языка, церковной жизни, культуры.

На основе Распорядительного комитета 4 апреля 1917 г. в Саратове был образован Временный комитет (ВК) немцев – поселян-собственников Самарской и Саратовской губерний. В новый комитет вошли предприниматели, духовенство, учителя. В апреле-мае 1917 г. ВК выпустил семь номеров газеты „Erstes, Zweites usw. Flugblatt für die Wolgakolonien“ («Первая, Вторая и т. д. листовка для поволжских колоний»). 14 апреля ВК избрал комиссию для подготовки съезда представителей немецких колоний Поволжья. В комиссию по разработке проекта программы будущей единой

¹ Плесская-Зеебольд Э. Г. Одесские немцы. 1803 – 1920. Одесса, 1999. С. 352.

² Новая жизнь (Москва). 1917. 17 мая.

³ Айсфельд А. Немецкие колонисты Юга Украины в 1917 – 1918 гг. // Вопросы Германской истории. Немцы в Украине. Днепрпетровск, 1996. С. 128.

⁴ Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее – ГИАНП). Ф. Р-1348. Оп. 2. Д. 31. Л. 1, 12.

национальной партии вошли Ф. Шмидт, К. Юстус, Г. Шельгорн, А. Бир, Я. Шмидт. Кроме того, были созданы комиссии по разработке проекта школьной реформы и аграрной платформы¹.

1-й конгресс 334-х полномочных представителей немецких поселян-собственников всех волостей Саратовской и Самарской губерний, Сарепты, немецких диаспор Саратова, Самары, Камышина, Царицына, Вольска, Астрахани и ряда других городов Поволжья состоялся 25 – 27 апреля 1917 года. На конгрессе в качестве представителя главного комитета из Петрограда присутствовал Я. Пропп. Конгресс объявил о создании немецкой общенациональной политической организации «Немцы Поволжья». Были избраны руководящие органы: Центральный комитет и Центральное бюро. В ЦК вошло по одному представителю от каждой волости. ЦБ, как постоянно действующий рабочий орган, был сформирован из состава ЦК. В ходе заседаний участники конгресса обсудили все самые актуальные вопросы жизни поволжских немцев².

Конгресс постановил издавать газету „Saratower deutsche Volkszeitung“ («Саратовская немецкая народная газета»). Её редактором стал широко известный и авторитетный деятель немецкого национального движения на Волге пастор И. Шлейнинг. Пробный номер газеты вышел 1 июня, а регулярно она стала выходить с 1 июля 1917 года. Газета быстро завоевала популярность у поволжских немцев. Её тираж осенью 1917 года доходил до 11 тыс. экземпляров³.

Центральному бюро «Немцев Поволжья» удалось в короткий срок развить бурную деятельность в Саратове и колониях и практически в течение всего 1917 года даже после победы большевиков в центре и Саратове держать значительную массу поволжских немцев под своим влиянием. Основные программные цели ЦБ, выработанные 1-м конгрессом, сводились к восстановлению местного самоуправления, ликвидации всех дискриминационных актов царского правительства в отношении немецких колонистов, решению аграрной проблемы, возрождению национального языка, образования, культуры.

Национальное движение немцев России получило развитие и в других регионах России.

В Закавказье в апреле-мае в немецких колониях были созданы местные комитеты. 14 мая в Тифлисе состоялся съезд делегатов российских граждан немецкой национальности Закавказья, на котором был сформирован Закавказский комитет во главе с Э. Бернштейном. Съезд одобрил идею создания Всероссийского союза граждан немецкой национальности, высказался за оказание помощи немцам, высланным во время войны из Царства Польского, Волыни и других западных территорий, обсудил планы участия немцев Закавказья в предстоящих выборах в Учредительное собрание⁴.

На Северном Кавказе 18 - 19 июня 1917 года в колонии Великокняжеской прошло собрание представителей немцев и меннонитов региона, на котором был создан Центральный Комитет русских граждан немецкой национальности и меннонитов Северного Кавказа, взявший на себя координирующие функции в борьбе немецкого населения региона за свои права⁵.

В Сибири, в Славгороде Алтайской губернии 7 мая прошло собрание представителей немцев Западной Сибири. В нём приняло участие 1497 человек. Собрание организовало Немецкий комитет, располагавшийся в Омске. В состав комитета первоначально вошло 9 членов: по три лютеранина, католика и меннонита, в июне в комитет вошло еще 6 человек. Для консолидации немецкого населения Сибири и Степного края стал издаваться печатный орган „Der Sibirische Vote“ («Сибирский вестник»)⁶.

Если меннониты Северного Кавказа, Сибири и некоторых других окраинных территорий России действовали совместно с остальным немецким населением региона, то в западных губерниях России ситуация складывалась иначе. Сохранив после реформ 1871 – 1874 гг. некоторые свои привилегии, меннониты этого региона с целью избежать применения в отношении них «ликвидационных» законов отмежевались от остального немецкого населения и заявляли о своём голландском происхождении. Поэтому и после Февральской революции 1917 года их политическая борьба развивалась обособленно. 29 марта 1917 г. в Молочанске Екатеринославской губернии была

¹ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 5.

² Verhandlungen der Kreisbevollmaechtigten der Wolgakolonisten in Saratow am 25-27April 1917. Herausgegeben vom Zentralkomitee der deutschen Wolgakolonisten in Saratow. Saratow, 1917.

³ Saratower Deutsche Volkszeitung, 1917. № 39.

⁴ Зейналова С. Немцы на Кавказе. Баку: Муттарджим, 2008. С. 263-264.

⁵ Айсфельд А. Политическая жизнь меннонитов России в 1917 – 1919 гг. // Вопросы германской истории: Сборник научных статей. Днепропетровск, 2000. С. 228.

⁶ Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917 – 1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 168-169.

создана комиссия для разработки устава политического объединения меннонитов для участия в выборах в Учредительное собрание¹.

17 мая 1917 г. совещанием делегатов меннонитского населения Ново-Молочанской волости Екатеринославской губернии была принята политическая программа, включавшая в себя следующие основные положения: федеративное республиканское устройство России; сохранение национальных, культурных и религиозных особенностей этнических групп; свободная школа с преподаванием на родном языке; решение аграрного вопроса на основе социальной справедливости, то есть сохранение права частной собственности на землю и компенсация за отчуждённую (изъятую) земельную и прочую собственность.

Для координации дальнейшей политической работы меннонитов в Молочанске было создано Центральное бюро (ЦБ) Оно издало и разослало во все меннонитские сёла России брошюру под названием „Wie organisieren wir Mennoniten uns für die Nationalversammlung?“ («Как мы, меннониты, организационно придём к Национальному собранию?»). 9 июня 1917 г. делегации меннонитов Таврической, Екатеринославской, Харьковской, Херсонской, Уфимской губерний, Кубанской и Терской областей приняли положения этой брошюры за основу своей дальнейшей деятельности².

Таким образом, уже к маю – июню 1917 г. в России сформировался целый ряд региональных центров автономистского движения немцев. Аграрные программы региональных объединений были практически одинаковыми, почти полностью совпадали их взгляды на решение проблем национального равноправия, на вопросы культурного развития немцев. Почти во всех объединениях имели место конфессиональные плюрализм и равноправие. Различия между региональными автономистскими центрами лежали, главным образом, в политической сфере, хотя и здесь объединяющим началом было их общее признание республиканской формы правления в России как единственно приемлемой для нормального развития немецкого меньшинства. Тем не менее, политические разногласия и амбиции региональных лидеров так и не позволили создать единое национальное политическое объединение российских немцев. Более того, наряду с движением за консолидацию немцев России, практически во всех крупных городах и регионах, где проживали немцы, появилась и стала быстро нарастать тенденция политической дифференциации.

В Московской и Петроградской организациях немцев большинство членов разделяло умеренно либеральную политическую программу Союза 17 октября. Именно с этих позиций пытался влиять на деятельность региональных центров автономистского движения Главный комитет в Петрограде. В то же время один из членов Главного комитета Л. Лютц предпринял попытку организовать «Республиканско-демократическую партию». В Одессе некоторыми членами Южнорусского ЦК был образован близкий по программе к социал-революционерам «Союз мелких собственников». Другие члены Одесского ЦК высказывались за коалицию с трудовиками или меньшевиками³.

Ещё более глубоко проявилась социальная дифференциация в Поволжье. В Саратове «Немцы Поволжья» являлись общенациональной организацией, объединившей в своих рядах людей самых различных политических взглядов, от консерваторов-националистов до крайне левых. В частности, 1 – 2 июня 1917 г. в Саратове прошёл учредительный съезд Союза немцев-социалистов Поволжья, который объединил в одну организацию отдельные разрозненные группы, отражавшие взгляды почти всех существовавших в России социалистических партий. Наиболее влиятельными были группа большевистской ориентации в Саратове (А. Гиль, Я. Гиль, Г. Кёниг, Г. Клиндер, А. Мейерович, В. Штротберггер и др.) и группа меньшевистской ориентации в Екатериненштадте, составившая Центральный Комитет Союза (А. Эмих, Ф. Ледерер, А. Калиниченко и др.). Союз немцев-социалистов развернул активную работу среди немецких рабочих, однако его влияние в колониях оставалось слабым⁴.

В силу расхождения в политических взглядах с местными комитетами и соперничества с Южнорусским ЦК Главный комитет в Петрограде не раз пытался обращаться к немецкому населению регионов через их голову, принимал ряд решений без согласования с ними. Такая политика лишь обостряла противоречия.

Выборы в Учредительное собрание. Особенно наглядно раздробленность немецкого национального движения в 1917 году проявилась и имела негативные последствия в ходе подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание. 1 – 3 августа 1917 г. в Одессе прошёл 2-й конгресс Союза немцев-колонистов Причерноморья, насчитывавший к этому времени свыше 7,2

¹ Айсфельд А. Политическая жизнь меннонитов России в 1917 – 1919 гг. С. 225.

² Там же. С. 226-227.

³ Eisfeld A. Deutsche Kolonien an der Wolga und das Deutsche Reich. Wiesbaden, 1985. S. 36-38.

⁴ Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918г – 1941 М.: МСНК-пресс, 2007. С. 17-18.

тыс. членов, организованных в 45 первичных групп. В работе конгресса приняли участие представители Южнорусского и Северокавказского ЦК, Бессарабского и Таврического региональных комитетов, трёх меннонитских организаций и 20-ти организаций немецко-военнослужащих. Конгресс принял решения по аграрному вопросу, определил цели и порядок участия немцев в выборах в земство и Учредительное собрание. Делегаты высказались за координацию своих действий по выборам в Учредительное собрание с Поволжским, Северокавказским, Сибирским центральными комитетами и Главным комитетом в Петрограде.

Эти решения нашли поддержку проходившего в Одессе 3 сентября 1917 г. совещания полномочных представителей немецких волостных комитетов Одесского округа, принявших решение об участии в предстоящих земских выборах одним списком кандидатов, получившим позднее название «Список русских граждан немецкой национальности». Южнорусский ЦК получил право предложить по каждому избирательному округу трёх кандидатов, которым предоставлялись первые места в избирательном списке¹.

Почти в это же время Главный комитет в Петрограде также начал деятельность по подготовке к выборам в Учредительное собрание. Не поставив в известность Южнорусский ЦК, он, по инициативе К. Линдемана, 10 – 12 сентября 1917 г. провёл в Москве свой 2-й конгресс русских граждан немецкой национальности, в работе которого приняли участие 53 представителя от 13 губерний и областей. Основным в повестке дня конгресса стал вопрос объединения региональных комитетов в одну организацию и выдвижение общих кандидатов на выборах. В качестве таковых были выдвинуты депутаты государственной думы А. Майендорф и Л. Лютц, а также представитель меннонитов Б. Унру². Эти действия Главного комитета вызвали недовольство и даже противодействие со стороны ряда региональных организаций российских немцев, желавших выдвинуть своих собственных кандидатов.

В итоге раздробленность так и не удалось преодолеть. Более того, соперничество и разногласия проявились даже внутри региональных объединений немцев России. Наиболее ярко это проявилось в Поволжье, где Союз немцев-социалистов Поволжья занимал внутри общенациональной организации «Немцы Поволжья» всё более сепаратистские и раскольнические позиции. В частности, социалисты высказали мысль о возможности своего совместного выступления на выборах с «братскими социалистическими партиями». Эту позицию немцы-социалисты во главе с А. Эмихом отстаивали и на 2-м съезде «Немцев Поволжья», проходившем 19 – 22 сентября 1917 г. в колонии Шиллинг (Сосновка). Однако им не удалось получить поддержки, поскольку их представители составляли только десятую часть от 250 делегатов съезда. С большим трудом удалось достичь компромисс. Немцы-социалисты дали согласие на выдвижение, как в Саратовской, так и в Самарской губернии, единых списков кандидатов-немцев. Взамен руководство «Немцев Поволжья» отложило на неопределённый срок идею превращения своей организации в политическую партию. В Саратовской губернии кандидатами в Учредительное собрание от «Немцев Поволжья» стали И. Шмидт и пастер Шенбергер, в Самарской губернии – пастор И. Шлейнинг и учитель А. Лонзингер. Прошло всего две недели и руководство Союза немцев-социалистов нарушило соглашение, выступив в Самарской губернии с собственным списком³.

12 ноября на выборах в Учредительное собрание за список ЦК «Немцев Поволжья» в Саратовской губернии проголосовало 50 025 (4,8 %), в Самарской губернии – 42 705 (3,5 %) человек. Список Союза немцев-социалистов собрал 42 148 голосов (3,5 %). Часть немцев голосовала за большевиков, эсеров, меньшевиков и другие партии. В результате такого разброса кандидаты в Учредительное собрание от поволжских немцев не набрали нужного числа голосов. Не многим лучше закончились для кандидатов от немецкого населения выборы в Учредительное собрание и в других регионах компактного проживания немцев. В результате в Учредительное собрание удалось провести всего лишь одного кандидата-немца – барона А. Майендорфа от Таврической губернии⁴.

Что касается выборов в волостные и уездные земства, то здесь кандидаты немцев и меннонитов добивались своего избрания голосами избирателей своих поселений и в соответствующих земских учреждениях своих волостей и уездов играли важную роль.

¹ Айсфельд А. Немецкие колонисты Юга Украины в 1917 – 1918 гг. // Вопросы Германской истории. Немцы в Украине. Днепропетровск, 1996. С. 127-128.

² Там же. С. 128.

³ Хердт В. Немецкие колонии в Поволжье в период между двумя революциями 1917 г. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999. С. 279-280.

⁴ Eisfeld A. Deutsche Kolonien an der Wolga und das Deutsche Reich. Wiesbaden, 1985. S. 49-50.

Неудача выборов в Учредительное собрание, начавшаяся в конце 1917 г. репрессивная политика пришедшего к власти большевистского режима по отношению к национальным немецким организациям как к «буржуазно-националистическим», германская оккупация Украины, разворачивавшаяся гражданская война, начавшийся распад страны (отделение Финляндии, Закавказья и др.) предопределили определённый спад немецкого автономистского движения, завершение его первого небольшевистского этапа, в целом протекавшего под лозунгами национально-культурной автономии. На этом этапе немцы требовали для себя нормальных условий существования, прекращения национальной дискриминации во всех сферах общественной жизни, выступали за возрождение языка, образования, культуры. Ни о каких автономных немецких территориальных образованиях в программных установках немецких организаций речи не шло.

В.А. Чолахян
Саратов

УТВЕРЖДЕНИЕ НОВЫХ СОВЕТСКИХ РЕАЛИЙ В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В 1920-Х ГГ.

Перестройка трудовых отношений в России началась после Октябрьской революции. Стремясь овладеть промышленностью, большевики первоначально сделали акцент не на национализации, а на «рабочем контроле» над производством, причём на многих предприятиях контроль перерастал фактически в рабочее управление. С середины ноября 1917 г. усилилась волна национализации предприятий. Однако наладить сколько-нибудь эффективное управление экономикой не удавалось. Теоретические представления большевиков об освобождённом творческом труде на благо общества сталкивались с суровыми реалиями российской повседневности, углублёнными Гражданской войной, разрухой и разорением.

С переходом от рабочего контроля к государственному управлению начиналась систематизация и кодификация законов о труде, нашедших отражение в обширном Кодексе законов о труде (КЗоТ), Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа и Конституции РСФСР 1918 г. Центральное место среди них занимали вопросы укрепления трудовой дисциплины: соблюдение правил внутреннего распорядка, бережное обращение с материалами и орудиями труда и т.д.

В качестве политического принципа, выразившегося в лозунге: «Кто не работает – тот не ест», выступало обязательное привлечение к труду. В качестве внеэкономического средства в условиях монополизации на распределение трудовых ресурсов использовалась всеобщая трудовая повинность, оценивавшаяся некоторыми большевиками как «величайший акт революции»¹. Экономическим средством принуждения к труду было натуральное распределение продуктов первой необходимости, прежде всего, еды.

Установление трудовой повинности, в первую очередь, по сравнению с правом на труд определило общий принудительный характер экономики советского государства в этой области, элементы которой утвердились в период расцвета «военного коммунизма». В условиях разрухи, голода и гражданской войны большевистские лидеры были вынуждены усилить меры принуждения и насилия, вплоть до организации трудовых лагерей, чтобы удержаться у власти. IX съезд РКП(б) предложил в качестве наказания нарушителей трудовой дисциплины создавать штрафные батальоны из них и заключение в концентрационные лагеря².

Однако принудительный труд привёл к катастрофическому падению промышленного производства и производительности труда, которая в 1920 г. составляла лишь 27,1 % от 1913 г.³

«Военный коммунизм» в истории России существовал короткое время, но оставил глубокий след в развитии советского общества. От него ведут своё начало централизованное вмешательство государства в регулирование труда, снижение роли профсоюзов в организации трудовых отношений, карточная система, которая ещё не раз восстанавливалась в последующие годы. Но

¹ См.: Коллонтай А.М. Положение женщины в эволюции хозяйства. Лекции, читанные в Университете им. Я.М. Свердлова. М.: ГИЗ. 1922. С. 146.

² КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее КПСС в резолюциях...) (1898-1986). М.: Политиздат. 1982. Т. 2. С. 251-252.

³ См.: Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Т. 1. Нью-Йорк.: Изд. им. А.П. Чехова. 1952. С. 330.

главное следствие военного коммунизма – иллюзорное убеждение в действенности неэкономических, принудительных мер для решения производственных задач.

Кризис «военного коммунизма» обусловил введение новой экономической политики, которая в первой половине 1920-х гг. прошла под знаком восстановления промышленности и всего народного хозяйства.

В правовой системе в годы НЭПа происходил переход от «революционной законности» времён «военного коммунизма» к нормальному правопорядку со стабильными юридическими гарантиями. Переход к новой системе оплаты труда в соответствии с декретом СНК от 10 ноября 1921 г. означал вытеснение на первый план материальных стимулов. Натуральные формы оплаты труда («пайки») вытеснялись денежной в виде зарплаты по нормам, установленным профсоюзами¹.

Кодекс законов о труде (КЗоТ) РСФСР 1922 г. принципиально отличался от КЗоТ 1918 г. От методов принуждения в регулировании трудовых отношений государство перешло к политике свободного найма п. В Кодексе 1922 г. появились положения о коллективных договорах, заключавшихся профсоюзом, как представителем рабочих и служащих, и нанимателем. Материальное стимулирование денежной оплатой стало главным методом в налаживании трудовой дисциплины и повышении производительности труда. Уже в 1922 г. наблюдалось резкое сокращение прогулов в промышленности, а количество рабочих дней (257) достигло довоенного уровня². Одновременно росла и производительность труда. Если в 1920/21 хозяйственном году она составляла лишь 30 % довоенной, то уже через год поднялась до 51 %³. Однако эффективность нэповской экономики была ниже дореволюционной, что объясняется высокой степенью огосударствления её в 1920-е гг. В 1928 г., по сравнению с 1913 г., фондоотдача в промышленности и транспорте упала на 25 %, а ежегодная выработка на одного рабочего составила в среднем 27 % к довоенному времени⁴. Одновременно обозначилось основное противоречие советской системы оплаты труда: с 1923 г. рост заработной платы стал опережать увеличение его производительности. В 1913 г. заработная плата составляла 24,3 рубля, в 1923/24 г. – 16,8 руб., в 1924/25 г. – 20,7 руб., а в 1927/28 г. – 26,9 руб. (в довоенных рублях)⁵. Рост заработной платы на фоне денежной реформы 1922-1924 гг. привёл не только к изменению трудовой мотивации, но и к существенному улучшению жизненного уровня рабочих по сравнению с началом 1920-х гг.

В сфере трудовых отношений в этот период наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, непрерывный рост занятости: в 1922 г. общее число занятых возросло на 8 %, в 1923 г. – на 15,5 %, а в первую половину 1924 г. – на 9,6 %⁶. В то же время сохранялись предпосылки роста безработицы в связи с закрытием убыточных предприятий и сокращением штатов в условиях изменения принципов хозяйствования. К тому же до конца 1920-х гг. из деревни в город ежегодно переходило примерно 1 млн. человек, что создавало дополнительные трудности на рынке труда. О том, что безработица в годы НЭПа стала характерной чертой повседневности свидетельствуют данные следующей таблицы.

Таблица № 1. Безработица в городах Нижнего Поволжья⁷.

Годы	Саратов	Сталинград	Астрахань
1925	12117	10042	6571
1926	13334	12071	8576
1927	15181	13887	9053
1928	16833	14866	14274

В 1928 г. безработица в регионе достигла своей максимальной отметки. На биржах труда числилось 45973 безработных, из которых 46 % составляли мужчины, 40 % - женщины и 14 % -

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (далее СУ). 1921. № 59. С. 403.

² Струмилин С.Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913-1922 гг. М. 1923. С. 44.

³ Там же. С. 54

⁴ Маслова Н.С. Производительность труда в промышленности СССР. М., 1949. С. 27.

⁵ См.: Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда: очерки и этюды. М., 1925. С. 263.; Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Т. II. Нью-Йорк, 1952. С. 98.

⁶ См.: Статистика труда. М. 1923. № 7-9. С. 14.; 1924. № 1. С. 15.

⁷ Таблица составлена по: Государственный Архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 778. Оп. 2. Д. 24. Л. 28.; Государственный Архив Астраханской области (далее ГААО). Ф. 2251. Оп. 1. Д. 32. Л. 14.; Государственный Архив Новейшей Истории Саратовской области (далее ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 4. Д. 664. Л. 4 об.; Ф. 6128. Оп. 1. Д. 24. Л. 19.; Государственный Архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 11. Д. 161. Л. 158.; Материалы к I краевой партийной Конференции Нижне-Волжского края. Саратов. 1928. С. 15.

подростки¹. Если принять во внимание, что не все безработные имели право регистрироваться на биржах труда (это касалось «антикоммунистически настроенных» слоёв общества), то вероятнее всего окажется, что фактическое число безработных было гораздо больше.

В условиях существования «смешанной экономики» и развития рыночных отношений в годы нэпа происходило и частичное восстановление трудовых отношений, сложившихся до революции, и возвращение к старым проблемам борьбы рабочих за свои права: за повышение зарплаты, снижение интенсивности труда, улучшение условий труда и быта. Поскольку большинство промышленных предприятий находилось в руках государства, эта борьба приобретала двойственный и противоречивый характер. Интересы рабочих далеко не всегда совпадали с задачами повышения производительности труда и увеличения выпуска продукции.

Крайне ограниченные возможности экономического стимулирования и мотивации производства выдвинули на передний план идеологические, преимущественно внеэкономические, способы побуждения к труду. Таковыми к 1924 г. стали производственные совещания, призванные выполнить задачи «втягивания рабочих масс в практическое строительство советского хозяйства, выдвижения новых кадров рабочих администраторов и хозяйственников, воспитания в рабочих массах сознания зависимости их интересов от общих достижений хозяйства»². К сентябрю 1927 г., по неполным данным губернских отделов профсоюзов, в Нижнем Поволжье около 15 % всех работающих в государственной промышленности участвовало в работе производственных совещаний³.

Другой формой участия рабочих в сознательном «социалистическом строительстве» в 1920-е годы стало выдвиженчество, призванное, по мнению партийных организаций, «побороть бюрократизм в госаппаратах и приблизить их к массам». Острая нехватка управленческих кадров заставила правительство страны принять 30 июня 1921 г. наказ местным советским учреждениям о всемерном и систематическом выдвижении рабочих и крестьян на руководящую работу в партийные, советские и административные органы⁴. В этом деле особая роль отводилась профсоюзам. Они должны были вести наблюдение и учёт за активными и инициативными рабочими, вовлекать в работу производственных совещаний и комиссий, а оттуда рекомендовать на руководящую работу.

Одним из главных условий выдвижения «рабочих от станка» являлась их приверженность коммунистической идеологии. Даже формального вступления в партию было достаточно для продвижения во властные структуры управления. Так, на Сталинградском заводе «Красный Октябрь» после массового призыва в партию в 1925 г. было выдвинуто на хозяйственные должности 30 рабочих. В Саратове в 1926 г. число выдвиженцев составило 88 чел., а в 1927 г. – 149 чел., из которых 127 являлись рабочими. Широко практиковалось выдвижение квалифицированных рабочих в мастера. Так, на Саратовском заводе им. Ленина в 1927 г. из них было выдвинуто 4 человека на должности начальника цеха и отделов и 12 человек в мастера⁵. Для выдвижения был необходим хотя бы минимальный уровень грамотности.

«Шахтинское дело» 1928 г. запугало административно-технический персонал многих предприятий региона. Обновлённый же из выдвиженцев штат управленцев оказался неопытен, что привело к ошибкам и падению общего уровня профессионализма управленческого аппарата. Для преодоления этих недостатков во второй половине 1920-х гг. рабочим обеспечивалось преимущество в доступе к высшему и среднему образованию через рабфаки, что создавало дополнительный стимул для продвижения на производстве.

Между тем, в промышленности региона преобладал тип малообразованного рабочего, не способного к рабочей демократии, но стремящегося отстаивать свои права. В первое десятилетие Советского государства одной из форм проявления активности рабочих являлись конфликты между ними и администрацией предприятий. Несмотря на все усилия партийных и профсоюзных организаций по воспитанию новых сознательных рабочих и вовлечению их в «строительство социализма», в 1927 г. в трудовых конфликтах участвовало более 45 % работавших, что свидетельствовало как о растущем недовольстве рабочих своим положением, так и о недоработках профсоюзов в вовлечении трудящихся в сознательное «социалистическое строительство»⁶.

¹ См.: ГАНИСО. Ф.55. Оп. 1. Д. 255. Л. 16.; ГААО. Ф. 2251. Оп. 1. Д. 32. Л. 14.

² Вестник труда. 1926. № 1. С. 33.

³ См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 8. Л. 79-80.

⁴ СУ РСФСР. 1921. № 44. Ст. 223.

⁵ См.: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 10. Д. 5. Л. 13; ГАНИСО. Ф. 6089. Оп. 1. Д. 113. Л. 44.

⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 8. Л. 79-80.

Анализ производственных конфликтов позволяет выяснить и понять сложные и противоречивые процессы, происходившие в промышленности региона в 1920-х гг. в целом, и в среде рабочего класса в частности, связанные со становлением новых форм организации труда. На фоне бурных политических событий «наверху» в борьбе за власть, внутри промышленности ежедневно происходили производственные конфликты, которые неизменно «проверяли» власти на прочность и отражали действительную способность и возможность рабочих изменить условия жизни и труда. Волнения «внизу», по мнению В. Розенберг, затрагивали повседневные проблемы быта простых людей и были слишком обычными и очевидными, чтобы их можно было быстро «ликвидировать», подавить¹.

По мере того, как политическая борьба «наверху» близилась к утверждению единоличной власти сталинской группировки, характер принимавшихся решений в сфере разрешения производственных конфликтов «внизу» становился всё более жёсткий, не терпевший длительных разбирательств.

Совокупность приведённых данных о трудовых конфликтах позволяет не только по-иному взглянуть на сущность производственных отношений в 1920-х гг., но и определить степень влияния рабочих настроений на эволюцию партийной и хозяйственной политики. Чем дальше уходили в прошлое 1917 г. и Октябрьская революция, тем рельефнее выступало несоответствие сложившихся представлений о социализме как об идеальном и справедливом обществе и реалий повседневной жизни.

В трудовых конфликтах выявлялись отношения между рядовыми рабочими и их профсоюзными организациями. Приведённые материалы свидетельствовали как о существенных противоречиях между ними, так и о двойственном положении самих профсоюзов. С одной стороны, они были призваны отстаивать интересы трудящихся, а с другой, - исходя из партийных директив, не допустить возникновения и развития трудовых конфликтов, создающих на предприятиях напряжённую атмосферу и отрицательно влияющих на производительность труда. Такое положение заставляло местные профсоюзные организации активно искать формы вовлечения рабочих масс в «строительство социализма» и направления их недовольства в русло «сознательного улучшения советского народного хозяйства».

На уровне повседневной жизни разворачивались особо сложные формы взаимодействия власти и общества. Становление новой власти, представленной на предприятиях многочисленными завкомами, партийными ячейками, различными комиссиями и общественными организациями, происходило в рамках сложившихся патерналистских практик и схем. Каждодневные усилия администрации наполнялись новым идеологическим содержанием, классовым подходом, который, в свою очередь, получал поддержку в рабочей среде.

С другой стороны, именно в сфере производственной повседневности происходило утверждение советских реалий, а все поведение человека было тесным образом связано с идеологией. В результате возник весьма сложный механизм воздействия государства на общество, призванный изменить историческое сознание людей. Миллионы людей, ставшие опорой сталинского режима, были устремлены в светлое будущее и совершенно искренне хотели поскорее покончить с проклятым прошлым. Сталин и его окружение сумели не только почувствовать накопившееся в обществе и в самой партии недовольство эпохой, но и использовать его для «строительства социализма», преодоления социокультурного раскола в обществе и укрепления собственной власти.

А.В. Лукьянов
Саратов

САРАТОВСКИЙ ГАРНИЗОН В СУДЬБАХ И ЛИЦАХ ЕГО НАЧАЛЬНИКОВ (1921 - 1941 гг.)

Судьба каждого из начальников гарнизона неразрывно связана с воинскими формированиями, руководителями которых они являлись в Саратове. Поэтому, без рассказа об этих воинских частях не представляется возможным создать картину жизни военного гарнизона с конца Гражданской до начала Великой Отечественной войны.

Решение о формировании Саратовского гарнизона в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) было принято во время наиболее кровопролитных боёв на полях Гражданской войны.

¹ Трудовые конфликты в советской России 1918-1929 гг. М., 1998. С. 14.

Приказом Революционного военного совета (РВС) Восточного фронта № 1196 от 15 мая 1919 г.¹ город Саратов и прилегающие к нему местности были объявлены Саратовским укрепленным районом и крепостью второго разряда. Обязанности первого начальника были возложены на командующего 4-й армией Восточного фронта *К. А. Авксентьевского*².

С окончанием активных боевых действий в Поволжье Саратовский укрепленный район становится гарнизоном города Саратова и остаётся им до июля 1941 г.

Гарнизонам принято называть воинские части и военные заведения, расположенные в определённом населённом пункте или районе для охраны и обороны его в мирное и военное время.

В начале двадцатых годов прошлого века в Саратовской губернии сложилась крайне тяжёлая и беспокойная обстановка. Скудный урожай 1920 г., постоянно ухудшающаяся экономическая ситуация в регионе, утрата доверия рабочих и крестьян к РКП(б) вылились в массовые выступления и стихийное восстание.

Для борьбы с «бандитизмом», в конце марта 1921 г., в г. Саратов прибывает 27-я Омская стрелковая дивизия. С 10 апреля 1921 г. штабы 27-й и 50-й³ дивизий образуют штаб войск Низовья Волги в составе Заволжского военного округа (ЗавВО)⁴. Сама дивизия была расщеплена по территории всей губернии, занимаясь поиском и преследованием повстанческих формирований.

Выполнив возложенные задачи, в конце марта 1922 г. 27-я стрелковая дивизия убывает на территорию Белорусской ССР. Взамен убывшего соединения уже в июне-июле 1922 г. на территории Саратова началось формирование новой части. 81-я стрелковая бригада 27-й стрелковой дивизии вместе с 2-й отдельной Саратовской бригадой были преобразованы в 32-ю стрелковую дивизию⁵.

В октябре 1922 г. было принято решение о создании в Саратове штаба 16-го стрелкового корпуса⁶. Формирование корпуса началось на основании приказов Приволжского военного округа (ПриВО) № 2023/439 от 3 октября 1922 г. и № 2208/470 от 11 ноября 1922 г.⁷. Личный состав в управление корпуса был выделен из штаба Приволжского военного округа (ПриВО), частей Западного фронта и 32-й стрелковой дивизии.

Пробыв в Саратове менее года, по окончании Всесоюзных манёвров войск на территории Белорусской ССР в сентябре 1923 г., штаб корпуса переходит в состав Западного фронта и с 20 сентября 1923 г. дислоцируется в г. Брянске⁸.

Решение о создании нового стрелкового корпуса в Саратове было принято только через семь лет после убытия 16-го корпуса.

На основании приказа народного комиссара военных и морских дел и председателя РВС СССР № 8/11764, командующего ПриВО № 266/99 от 28 ноября 1930 г. началось формирование управления 12-го стрелкового корпуса. В новое объединение вошли 31-я Сталинградская, 32-я Саратовская, 53-я и 61-я стрелковые дивизии⁹.

В сентябре 1939 г., в связи с ростом военной угрозы на Дальнем Востоке и Забайкалье, управление 12-го стрелкового корпуса было передислоцировано на станцию Борзя Забайкальского военного округа¹⁰.

Взамен убывшего 12-го, в сентябре того же года в г. Саратове начинается формирование нового 63-го стрелкового корпуса¹¹ 21-й армии Приволжского военного округа. В его состав входят переформированная 53-я стрелковая дивизия¹² с дислокацией в г. Саратове, вновь созданная 148-я дивизия¹³ в Энгельсе и другие части корпусного подчинения.

¹ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 27656. Оп. 1. Д.1. Л. 1.

² Там же.

³ До 4 марта 1921 г. 50-я дивизия именовалась 26-й дивизией войск внутренней службы (ВНУС).

⁴ РГВА). Справка к Ф. 1324.

⁵ Саратовская Краснознаменная. Саратов, 1981. С. 3.

⁶ РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 532. Л. 1.

⁷ Там же. Предисловие к Ф. 898.

⁸ Там же. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 532. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 531. Л. 1.

¹⁰ Там же. Предисловие к Ф. 32115.

¹¹ Сайт «Мой Фронт». [Электронный ресурс]. Режим доступа; URL: <http://myfront.in.ua/krasnaya-armiya/korpusa/strelkovye-61-80.html> (Дата обращения 10.12.2014).

¹² РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д.28. Л. 2.

¹³ Там же. В октябре 1939 г. директивой военного совета ПриВО № 41/1417 из состава 53-й дивизии выделяются части на формирование 148-й стрелковой дивизии.

В середине июня 1941 г. корпус был переподчинён командующему Западным особым военным округом и начал убывать за пределы Саратовского гарнизона.

Находясь на территории Саратова, командование гарнизона взаимодействовало с местными органами государственной власти и оказывало возможную помощь. Большая часть рядового и младшего командного состава воинских частей губернии комплектовалась из местного населения. В память о этих формированиях в Саратове названы улицы 32-й и 53-й стрелковых дивизий.

Военная служба начальников Саратовского гарнизона межвоенного периода сложились поразному (Приложение 1). Чьи-то документы затерялась в архивах и восстановить их судьбу не представляется возможным. Другие стали известными военачальниками и с почётом вышли в отставку. Двенадцать офицеров находилось под следствием, из них двое были оправданы, один осужден, девять расстреляны в ходе репрессий. На фронтах Великой Отечественной войны погибли трое. Владимир Яковлевич Колпакчи и Михаил Григорьевич Ефремов (посмертно) и удостоены высшей награды страны, звания Героя Советского Союза и Героя Российской Федерации.

Каждый из вышеуказанных офицеров внёс свой вклад в дело строительство и укрепление армии и безусловно достоин своего упоминания в трудах посвященных истории Вооружённых Сил нашей Родины.

В настоящее время большая часть событий Великой Отечественной войны уже хорошо изучена. В свою очередь вклад отдельных военачальников в строительство и подготовку Красной армии в 1920-1930 гг. ещё не достаточно исследован. Их место и роль в Отечественной военной истории нуждается в дальнейшем изучении.

Представим поимённо офицеров, возглавивших Саратовский гарнизон в межвоенный период. К сожалению, имена и отчества некоторых из них пока узнать не удалось.

Приложение 1

Начальники Саратовского военного гарнизона в 1921 – 1941 гг.

№№ п/п	Период руководства саратовским гарнизоном	Фамилия, имя отчество	Должность в период руководства гарнизоном
1.	5.11.1920 – 31.01.1921	Смирнов	Командующий войсками г. Саратова
2.	31.01 – 25.04.1921	Буренин Б. А.	Начальник 26-й стрелковой дивизии ВНУС
3.	25.04 – 3.07.1921	Артанов А. И.	Военный комиссар Саратовской губернии
4.	3 – 9.07.1921	Уваров Н. М.	Командир 241-го полка 81-й бригады 27-й стрелковой дивизии
5.	9 – 18.07.1921	Степанов В. А.	Командир 81-й бригады 27-й стрелковой дивизии
6.	18.07 – 13.09.1921	Триандафиллов В. К.	Командир 79-й бригады 27-й стрелковой дивизии
7.	13.09 – 19.10.1921	Сокк Р. И.	Командир 79-й бригады 27-й стрелковой дивизии
8.	19.10.1921 – 26.03.1922	Путна В. К.	Начальник 27-й стрелковой дивизии
9.	26.03 – 28.10.1922,	Нестеровский И. П.	Командир 2-й Саратовской стрелковой бригады, позже 32-й стрелковой дивизии
10.	28.10.1922 13.04.1923	Блажевич И. Ф.	Командир 16-го стрелкового корпуса
11.	13.04 – 26.06.1923	Шарангович П. М.	Начальник штаба 16-го стрелкового корпуса
12.	26.06 – 22.12.1923, 01.05. – 19.08.1924	Чернышов В. А.	Военный комиссар Саратовской губернии
13.	22.12.1923 – 1.05.1924	Онуфриев И. А.	Командир 32-й Саратовской стрелковой дивизии
14.	19.08 – 9.09.1924	Карманов Г. П.	Помощник военного комиссара Саратовской губернии – комендант гарнизона
15.	9.09.1924 – 29.01.1931	Резцов В. И.	Командир 32-й Саратовской стрелковой дивизии

16.	29.01.1931 – 11.02.1932	Туровский С. А.	Командир и военком 12-го стрелкового корпуса
17.	11.02 – 13.03.1932	Клёнов П. С.	Командир 31-й Сталинградской стрелковой дивизии
18.	13.03.1932 – 31.12.1933	Ткачёв И. Ф.	Командир и военком 12-го стрелкового корпуса
19.	31.12.1933 – 21.05.1937	Ефремов М. Г.	Командир и военком 12-го стрелкового корпуса
20.	21.05.1937 – 12.02.1938,	Калинин С. А.	Командир 12-го стрелкового корпуса
21.	12.02 – 16.03.1938	Эспенберг	Начальник штаба 12-го стрелкового корпуса
22.	16.03.1938 – 21.08.1939	Колпакчи В. Я.	Командир 12-го стрелкового корпуса
23.	21.08 – 5.09.1939	Баронов К. Ф.	Командир 53-й стрелковой дивизии
24.	5 – 24.09.1939	Бенский В. С.	Начальник штаба 63-го стрелкового корпуса
25.	24.09.1939 – 9.12.1940,	Сергацков В. Ф.	Командир 63-го стрелкового корпуса
26.	9 – 21.12.1940	Шевчук	
27.	21.12.1940 – до начала Великой Отечественной войны	Петровский Л. Г.	Командир 63-го стрелкового корпуса

Приложение 2

**Краткие биографические справки начальников
Саратовского гарнизона в 1921-1941 гг.**

1. *Смирнов*, позже занимал должности начальника 71-х Саратовских пехотных подготовительных командных курсов и начальника штаба 32-й Саратовской стрелковой дивизии.

2. *Буренин Борис Анатольевич* (1893 – 1937), русский, закончил Вологодское реальное училище (1914 г.), ускоренные курсы академии Генерального штаба (1917 г.). В Русской императорской армии с 1915 г. дослужился до штабс-капитана, имел награды. В РККА – с 1918 г., проходил службу в должностях от помощника начальника оперативного управления фронта до начальника дивизии. Был награждён орденом Красного Знамени. В Саратове руководил действиями войск по борьбе с повстанчеством на территории Саратовской губернии. Уволившись в 1924 г. из армии, работал в Народном комиссариате земледелия. Скончался в 1937 г., похоронен в Москве¹.

3. *Артанов Александр Иванович* (1895 - ?), русский. Закончил городское училище (1909 г.), механико-техническое училище (1912 г.), школу прапорщиков (1915 г.), Институт путей сообщений (1923 г.), Военно-геодезическое отделение Московского института. В Русской императорской армии с 1915 г., дослужился до штабс-капитана. В РККА с 1918 г., проходил службу в должностях от командира взвода до начальника Военно-топографического управления Главного управления РККА².

4. *Уваров Николай Михайлович* (1896 - 1938), русский, Закончил три класса министерской школы и гимназию в г. Рязани (1914), Саратовскую школа прапорщиков (1916), Высшие академические курсы при Военной академии РККА (1924), Военную академию РККА (1929). В Русской императорской армии с 1915 г., прапорщик. В РККА с сентября 1918 г., проходил службу в должностях от командира роты до начальника управления авиации Центрального совета общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ЦС ОСОАВИАХИМ). Награждён двумя орденами Красного Знамени. Был обвинён в шпионаже и участии в военном заговоре, в марте 1938 г., арестован и 28 августа 1938 г. расстрелян. Определением Военной коллегии от 11 июля 1957 г. реабилитирован³.

5. *Степанов Василий Андреевич* (1886 – 1936), русский, закончил 7 классов Камышинского реального училища Саратовской губернии, учительскую семинарию, Оренбургскую школу прапорщиков (1915), академию Генерального штаба (1925). В Русской императорской армии с 1914 г. Подпоручик. В РККА с февраля 1919 г., проходил службу в должностях от военного комиссара уезда

¹ Там же. Ф. 40895.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦА МО РФ). Картотека УПК. РГВА. Ф. 40895.

³ Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937-1941. – М.; Жуковский: Кучково поле; Мегapolis, 2012. С.292-283.

до старшего руководителя кафедры тактики академии Генерального штаба. Был награждён двумя орденами Красного Знамени, золотыми часами и револьвером. Скончался в августе 1936 г.¹

6. *Триандафилов Владимир Кириакович* (1894 – 1931), грек, закончил Закавказскую учительскую семинарию, 2-ю Московскую школу прапорщиков (1915), академию Генерального штаба (1923). В Русской императорской армии с 1915 г., штабс-капитан. В Красной армии – с июня 1918 г., прошёл путь от командира роты курсантов Саратовских пехотно-пулемётных курсов до заместителя начальника штаба РККА – начальника оперативного управления. Четырежды был ранен, награждён орденом Красного Знамени. Автор теоретических трудов об оперативном искусстве. В своих работах заложил основы теории глубоких операций. 12 июля 1931 г. трагически погиб в авиационной катастрофе.²

7. *Сокк Роман Иванович* (1896 – 1932), эстонец. Закончил реальное училище в г. Юрьеве (Тарту), школу прапорщиков (1916). В Русской императорской армии с 1915 г., прапорщик. В РККА с сентября 1918 г., дослужился до комбрига. В Гражданскую войну был трижды ранен, награждён двумя орденами Красного Знамени и серебряными часами.³ В данной ему аттестации начальника дивизии 13 декабря 1921 г. указано: «лично храбр, имеет массу подвигов, пользуется популярностью в массах». Но в то же время: «в вопросах воспитания мешает делу свойственная т. Сокку вспыльчивость и недостаточность такта в обращении с подчинёнными. Если судить строго – нуждается в расширении общего умственного кругозора и пополнения военных знаний путём командирования в соответствующую высшую военную школу». В дальнейшем Р. И. Сокк был уволен в запас и умер в 1932 г.⁴

8. *Путна Витовт Казимирович* (1895 – 1937), литовец. Закончил курсы Рижского коммерческого училища, немецкое ремесленное училище, Рижскую художественную школу, школу прапорщиков Северного фронта (1917), Высшие академические курсы при Военной академии РККА (1923). В Русской императорской армии с 1915 г., прапорщик. В РККА с апреля 1918 г. проходил службу в должностях от военного комиссара Витебской губернии до военного атташе в Великобритании. Будучи начальником 27-й стрелковой дивизии подавил крестьянское восстание в Саратовской губернии. Награждён тремя орденами Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени Белорусской ССР, пистолетом Маузер. В 1936 г. отозван в СССР, в августе 1936 г. арестован и 12 июня 1937 г. расстрелян. Определением Военной коллегии от 31 января 1957 г. реабилитирован.⁵

9. *Нестеровский И. П.* с июля 1922 г. первый командир легендарной 32-й стрелковой дивизии, образовавшейся слиянием 2-й Саратовской бригады и 81-й бригады 27-й стрелковой дивизии.⁶

10. *Блажевич Иосиф Францевич* (1891 – 1939), белорус. Закончил шесть классов реального училища, Виленское военное училище (1913), обучался 2 месяца в академии Генерального штаба (1917), закончил Высшие академические курсы при Военной академии РККА (1922). В Русской императорской армии с 1910 г., дослужился до подполковника, награждался орденами и боевым оружием. В РККА с июня 1918 г., проходил службу в должностях от помощника командира полка до заместителя начальника управления противовоздушной обороны (ПВО) РККА. Был трижды ранен, награжден двумя орденами Красного Знамени.⁷ Внёс большой вклад в создание системы ПВО страны. Был обвинён в причастности к военному заговору, в феврале 1938 г. арестован и 8 мая 1939 г. расстрелян. Определением Военной коллегии от 29 августа 1956 г. реабилитирован.⁸

11. *Шарангович Петр Михайлович* (1893 – 1938), белорус. Закончил городское училище и военную семинарию в г. Молодечно (1912), Александровское военное училище (1916), курсы офицеров пехоты при штабе 5-й армии (1916), Высшие академические курсы при Военной академии РККА (1924), курсы при Военной академии имени М. В. Фрунзе (1930) В Русской императорской армии с 1914 г., поручик. За боевые отличия был награжден орденами Святой Анны 3-й степени, Святого Станислава 3-й степени. В РККА с декабря 1917 г., проходил службу в должностях от начальника разведывательного отделения армии до старшего руководителя общевойскового

¹ РГВА. Ф. 40895.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Ф. 37976. Оп. 3. Д. 58-044. Л. 5.

⁵ Там же. Оп. 5. Д. 7420. С. 22.

⁶ Саратовская Краснознаменная. Саратов, 1981. С. 3.

⁷ РГВА. Ф. 40895.

⁸ Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные) : 1937-1941. Указ. соч. С.186-187.

цикла Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева. Дважды награжден орденом Красного Знамени. В связи с мероприятиями операции ОГПУ «Весна» в мае 1931 г. был уволен из РККА и арестован, но вскоре оправдан и восстановлен в армии. Был обвинён в причастности к антисоветской контрреволюционной организации, в августе 1937 г. арестован и 18 января 1938 г. расстрелян. Определением Военной коллегии от 17 ноября 1956 г. реабилитирован¹.

12. *Чернышов Василий Ананьевич* (1895 – 196?), русский. Сведений о дореволюционной жизни обнаружить не удалось. Закончил Военную академию РККА с окончанием Гражданской войны служил в военных комиссариатах Саратовской губернии и в тыловых службах воинских частей Красной армии. Дослужился до полковника интендантской службы. В 1946 г. уволен в запас по болезни².

13. *Онуфриев Иван Андреевич* (1893 – 1938), русский. Закончил начальное училище (1904), сельскохозяйственную школу (1909), учебную команду (1915), экстерном сдал за курс среднего учебного заведения на звание Народного учителя (1916), закончил Чистопольскую школу прапорщиков (1916), Высшие академические курсы при Военной академии РККА (1922), курсы при Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева (1931), Особый факультет Военной академии имени М. В. Фрунзе (1936). В Русской императорской армии с 1914 г., поручик. За мужество и храбрость награжден орденом св. Анны 4-й степени и офицерским Георгиевским крестом. В РККА с января 1918 г., последовательно занимал должности от командира полка до ответственного инструктора Центрального Совета ОСОАВИАХИМ. Трижды награждался орденом Красного Знамени. Обвинён в причастности к военному заговору, в августе 1937 г. арестован и 25 апреля 1938 г. расстрелян. Определением Военной коллегии от 3 августа 1957 г. реабилитирован³.

14. *Карманов Гавриил Петрович* (1896 – 196?), русский. Закончил четыре класса Сердобской школы (1912), Саратовскую школу прапорщиков (1915), двухмесячные офицерские курсы при штабе 11 армии Юго-Западного фронта (1916), курсы военно-экономического отделения Военной академии РККА (1931), Ленинградскую промышленную академию имени И. В. Сталина (1936). В Русской императорской армии с 1915 г., штабс-капитан. В Красной армии с октября 1918 г., проходил службу в должностях от районного инструктора по всеобщему обучению уездного военкомата г. Вольска Саратовской губернии до заместителя начальника цеха завода № 4 имени М. И. Калинина в Ленинграде. В 1937 г. уволен в запас⁴.

15. *Резцов Владимир Ипатьевич* (1885 – 1938), русский. Закончил училище в д. Полог Смоленской губернии (1897), фабричную школу (1898), учебную команду (1908), школу подпрапорщиков (1910), ускоренные курсы командиров рот (1917), курсы при Военной академии РККА (1923, 1927, 1933). В Русской императорской армии с 1907 г. Дослужился до капитана. В 1917 г., будучи командиром батальона, вместе со всем личным составом батальона перешёл на сторону большевиков. В РККА прошёл службу от командира роты до начальника Мичуринских курсов усовершенствования командного состава. Был четырежды ранен, дважды награждён золотыми часами, орденом Красного Знамени. В феврале 1938 г. обвинён в причастности к военному заговору и арестован, в октябре 1938 г. расстрелян. Определением Военной коллегии от 29 июня 1957 г. реабилитирован⁵.

16. *Туровский Семён Абрамович* (1895 – 1937), еврей. Закончил черниговскую гимназию (1914), Высшие академические курсы при Военной академии РККА (1922). В Русской императорской армии с 1914 г., младший унтер-офицер. В РККА с декабря 1917 г., занимал командные и штабные должности до заместителя командующего войсками округа. Был награжден орденом Красного Знамени и золотыми часами. Обвинён в причастности к военному заговору, в сентябре 1936 г. арестован и 1 июля 1937 г. расстрелян. Определением Военной коллегии от 29 сентября 1956 г. реабилитирован⁶.

17. *Клёнов Пётр Семёнович* (1892 – 1942). Закончил начальное училище в г. Саратове, торговую школу, сдал экстерн за пять классов гимназии, закончил Оренбургскую школу прапорщиков (1916),

¹ Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА. 1937-1941: Комбриги и им равные. — М.: Кучково поле; Икс-Истори, 2014. С.268-269. РГВА. Ф. 40895.

² ЦА МО РФ. Картотека УПК.

³ Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные) : 1937-1941. Указ. соч. С.257-258.

⁴ ЦА МО РФ. Картотека УПК.

⁵ Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА. 1937-1941: Комбриги и им равные. Указ. соч. С.209-210. РГВА. Ф. 40895.

⁶ Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные) : 1937-1941. Указ. соч. С.116.

Высшие академические курсы при Военной академии РККА (1923), курсы при Военной академии имени М. В. Фрунзе (1930). В Русской императорской армии с 1915 г., прапорщик. В РККА с лета 1918 г., занимал должности от инструктора физической подготовки военного комиссариата Саратовской губернии до начальника штаба Северо-Западного фронта. В 1941 г. был награждён орденом Красного Знамени, но уже 1 июля 1941 г., за неудачи войск фронта в боевых действиях, отстранён от должности. 11 июля 1941 г. арестован, обвинён в проведении антисоветской и контрреволюционной деятельности и 23 февраля 1942 г. был расстрелян. Определением Военной коллегии от 9 июня 1956 г. реабилитирован¹.

18. *Ткачёв Иван Фёдорович* (1896 - 1938), русский. Закончил два класса высшего начального училища, 1-ю Царицынскую учебно-пулеметную команду (1915), Высшие академические курсы при Военной академии РККА (1924), Особый факультет Военной академии имени М. В. Фрунзе (1932). Был призван в Русскую императорскую армию, но вскоре отзван на военный завод. Рядовой. В РККА с августа 1918 г., занимал партийно-политические и командные должности до заместителя начальника ВВС РККА. После увольнения в марте 1935 г. - начальник Главного управления гражданского воздушного флота. Был награжден орденом Красного Знамени. 29 января 1938 г. арестован, обвинён в причастности к военному заговору и 29 июля 1938 г. расстрелян. Определением Военной коллегии от 8 февраля 1956 г. реабилитирован².

19. *Ефремов Михаил Григорьевич* (1897 - 1942), русский. Закончил учебную команду (1915), Телавскую школу прапорщиков (1916), курсы при Военной академии РККА (1922, 1928), особый факультет единоначальников Военно-политической академии (1930), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1933). В Русской императорской армии с 1915 г., прапорщик. В РККА с февраля 1918 г., занимал командные должности от командира роты до командующего войсками округа. В 1937 г. два с половиной месяца находился под следствием, но был оправдан. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени, Красного Знамени Азербайджанской ССР, медалью «XX лет РККА». В 1941 г. командовал армией. 19 апреля 1942 г. погиб при выходе из окружения (застрелился). Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 1996 г. «за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» генерал-лейтенанту М. Г. Ефремову посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации³.

20. *Калинин Степан Андрианович* (1890 - 1975), русский. Сдал экзамен за четыре класса начальной школы (1915), закончил Псковскую школу прапорщиков (1917), курсы при Военной академии РККА (1922, 1928), курсы единоначальников при Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева (1930). В Русской императорской армии с 1912 г., прапорщик. В Красной армии с декабря 1917 г. занимал командные должности от начальника штаба отряда до командующего войсками округа. Награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, медалями. В июне 1944 г. арестован, в 1946 г. уволен из армии. В 1951 г. осужден на 25 лет, но в 1953 г. судимость была снята. В 1954 г. восстановлен в звании и уволен в запас с положенной пенсией. Скончался в 1975 г., похоронен в Москве⁴.

21. *Эспенберг*, полковник. В 1938 г. занимал должность начальника штаба 12-го стрелкового корпуса⁵.

22. *Колпакчи Владимир Яковлевич* (1899 - 1961), русский. Закончил гимназию в г. Киеве, Командные инструкторские курсы в Петрограде (1919), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1928), Высшие академические курсы при академии Генерального штаба им. К. Е. Ворошилова (1951). В Русской императорской армии с 1916 г., младший унтер-офицер. Участник штурма Зимнего дворца. В Красной армии с 1917 г., занимал должности от командира роты до начальника Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск. Герой Советского Союза, участник Гражданской и Великой Отечественной войн, воевал в качестве добровольца в Испании (1936-1939), награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1-й степени, двумя орденами Кутузова 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалями, а также орденами и медалями иностранных государств. 17 мая 1961 г. погиб в авиационной катастрофе⁶.

¹ Там же. С.429-430.

² Там же. С.112-114.

³ Коллектив авторов. Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. - М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. С.73-74.

⁴ Там же. С.87-88.

⁵ РГВА. Ф. 27656. Оп. 1. Д.33. Л. 16.

⁶ Коллектив авторов. Великая Отечественная. Командармы. Указ. Соч. С.99-100.

23. *Баронов Константин Фёдорович* (1890 – 1943), русский. Закончил ускоренный курс военного времени Виленского военного училища в Полтаве (1916), Высшие академические курсы при Военной академии РККА (1924), Военную академию имени М. В. Фрунзе (1934). В Русской императорской армии с 1913 г., дослужился до поручика. Дважды был ранен. За мужество и храбрость был награжден орденами Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, светло-бронзовой медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых. В РККА с 1918 г., проходил службу в должностях от начальника манёвренного отряда курсантов до командующего армией. В Красной армии был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Красной Звезды, медалями. Скончался от болезни в июле 1943 г.¹

24. *Бенский Владимир Степанович* (1895 – 1968), русский. Закончил церковно-приходскую школу, Пензенскую духовную семинарию, 2-ю Иркутскую школу прапорщиков (1917), курсы при Военной академии РККА (1930). В РККА с 1918 г., на должностях от командира роты до начальника организационного управления в Главного штаба войск ПВО страны. Был ранен. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью «XX лет РККА», другими медалями, наградами иностранных государств². Скончался в 1968 г.

25. *Сергацков Василий Фадеевич* (1898 - 1975), русский. Закончил два класса Технического училища, 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1915), курсы при Военной академии РККА (1928), Высшие академические курсы при академии Генерального штаба им. К. Е. Ворошилова (1941). В Русской императорской армии с 1915 г., подпоручик. В РККА с февраля 1918 г. занимал командные должности от командира отряда до главного военного советника в Албании. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Красной Звезды, медалями и орденом иностранного государства. С 1961 г. в отставке. Скончался в 1975 г.³

26. *Шевчук*, генерал-майор, в 1940 г. проходил службу в управления 63-го стрелкового корпуса⁴.

27. *Петровский Леонид Григорьевич* (1897 – 1941), украинец. Сын известного советского деятеля Г. И. Петровского. Закончил заводскую школа, 7-ю Петроградскую гимназию, Ораниенбаумскую школу прапорщиков (1917), курсы при Военной академии РККА (1928), Военную академию имени М. В. Фрунзе (1932). В Русской императорской армии прослужил несколько месяцев в 1917 г., прапорщик. Участник штурма Зимнего дворца. В Красной армии с декабря 1917 г., занимал должности от командира взвода до командующего войсками округа. Был трижды ранен и один раз контужен. В 1938 г. был уволен и находился под следствием. В ноябре 1940 г. восстановлен в звании и вновь призван в армию. Был награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени (посмертно), медалью «XX лет РККА». В июле 1941 г корпус генерала Петровского нанес первый успешный контрудар советских войск. Погиб 17 августа 1941 г. при прорыве из окружения⁵

¹ Там же. С.17-18.

² ЦА МО РФ. Картотека УПК.

³ Коллектив авторов. Великая Отечественная. Командармы. Указ. соч. С.209-210.

⁴ РГВА. Ф. 27656. Оп. 1. Д.36. Л. 40.

⁵ Коллектив авторов. Великая Отечественная. Комкоры. Военный биографический словарь. Т. 1. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2006. С.430-432. РГВА. Ф. 40895.

Фотопортреты начальников Саратовского гарнизона 1921 - 1941 гг.



Н.М. Уваров



В.К. Триандафилов



В.К. Путьна



Командный состав 27 сд. 1919 г.
Степанов В.А., Сокк Р.И., Блажевич И.Ф., Гусев И.Д.



П.М. Шарангович



И.А. Онуфриев



В.И. Резцов



С.А. Туровский



П.С. Кленов



И.Ф. Ткачев



М.Г. Ефремов



В.Г. Цыплин
Саратов

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Битва за Кавказ является одной из ярких страниц истории Великой Отечественной войны. В ней принимали участие воины всех видов Вооруженных Сил и родов войск. Войска НКВД не только сражались на фронте, но и выполняли специальные служебно-боевые задачи в войсковом тылу, обеспечивали режим военного положения, тем самым внесли большой вклад в разгром немецко-фашистских захватчиков на Северном Кавказе.

В 1943 г. характер действий войск НКВД по охране тыла Северной группы Закавказского фронта значительно изменился. Это было связано, прежде всего, с быстрыми темпами наступления частей Красной Армии по всему фронту. Отступая, гитлеровцы перешли к открытым массовым репрессиям, грабежам, кровавому террору. В Нальчике они взорвали 117 зданий, в Пятигорске уничтожили все школы и большинство санаторно-курортных здравниц. Значительные разрушения были в Минводах, Армавире, Ставрополе. Практически вся железная дорога была превращена в руины.

Много кровавых злодеяний совершил на Кавказе специальный карательный отряд "Бергман" (Горец) во главе с гитлеровским палачом Т. Оберлендером. Одно из них они совершили против 540 военнопленных "Лагеря 181", в ходе конвоирования которых фашисты довели до Минеральных Вод лишь 360 человек, а до Усть-Лабинска только 17 оставшихся в живых военнопленных, остальные были расстреляны или умерли в пути от голода и болезней¹.

Чувствуя по обстановке, что дни их пребывания на Северном Кавказе сочтены, немцы пытались в массовом масштабе истребить советских людей. Только в Георгиевске, в результате

¹ Ортенберг Д. И. Сорок третий. Рассказ-хроника. М., 1991. С. 79.

раздачи населению отравленных продуктов, погибло 2000 человек, из них 700 человек умерло в первый же день. В окрестностях Нальчика было обнаружено 600 зверски убитых человек, в Георгиевске - свыше 1000. Всё еврейское население Северного Кавказа было уничтожено или же вывезено.²

Отступая, гитлеровцы стремились посеять национальную рознь между народами Северного Кавказа, дезорганизовать тыл фронта. «Вопреки надеждам захватчиков ... массовые мятежи не вспыхнули ни среди населения национальных окраин, ни среди крестьян. Высокую моральную стойкость народов Кавказа в дни войны отмечали М. И. Калинин, Г. К. Жуков, А. А. Гречко, С. М. Штеменко.³

В ходе отступления фашисты создали широкую шпионско-диверсионную сеть из числа изменников Родины, их ставленников и пособников, которые должны были дезорганизовать тыл Красной Армии. В отдельных районах Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаевской автономной области и Ставропольского края после изгнания немцев националистические преступные элементы (бандиты, бывшие полицейские, дезертиры, немецкие пособники), объединившись в бандитские формирования, организовали выступления против Советской власти за сохранение установленного фашистами «Нового порядка».⁴ Повстанческие группы вооружались не только за счет дезертиров, но при нападении на воинские подразделения. Существование антиправительственных отрядов в горах стало возможным благодаря материальной поддержке населения на основе родственно-клановых отношений.⁵ Эти отряды объединяли ставленников и пособников немцев, уголовных элементов, диверсантов и дезертиров из Красной Армии.

Одно из таких формирований под названием «Балыкская армия» действовало в с. Гунделен Кабардино-Балкарской АССР, основу которого составляли повстанческие отряды численностью около 450 кабардинцев и балкарцев. Попытки органов власти республики политическими методами предотвратить это антисоветское выступление желаемых результатов не принесли. В ходе четырёх специальных операций, проведенных войсками НКВД, истребительными батальонами и разведывательно-поисковыми группами, было убито 75 бандитов, задержано 202, остальные рассеялись в горах.⁶

Объединение банд Исраилова, Алхастова, братьев Мусостовых действовало в Итум-Калинском районе Чечено-Ингушской АССР, которое выступило против восстановления колхозов и местных органов власти. Для борьбы с ними привлекались 141-й стрелковый полк и части Тбилисской дивизии внутренних войск.⁷

Созданный в районе Уччулака Карачаевской автономной области под руководством немецкого ставленника И. Дудова управленческий штаб, прикрываясь лозунгом «За религию Карачая» поднял часть населения против восстановления Советской власти и организовал бандформирование численностью до 153 человек.⁸

В горных и предгорных районах Главного Кавказского хребта сформировалась широкая сеть бандгрупп, которых, по неполным данным, в первой половине 1943 г. на Северном Кавказе насчитывалось около 314, из них: в Ставропольском крае - 38, Краснодарском - 51, Чечено-Ингушетии - 52, Дагестане - 53, Северной Осетии - 17, Кабардино-Балкарии - 42.⁹

Так, только на территории Чечено-Ингушетии весной 1943г в бандах насчитывалось около 4000 человек¹⁰, из которых 1500 человек составляли чеченцы и ингуши.

По данным оперативного отдела управления внутренних войск НКВД Северо-Кавказского округа здесь действовали 3 группы банд¹¹:

1. Бандгруппы, имевшие политическую направленность, действиями которых руководила

¹Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне 1942-1945гг. С.351.

² Там же. С. 350.

³Калинин М. И. Статьи и речи. 1941-1945гг. М. 1975; Жуков Г. К. воспоминания и размышления. В 3-х т. 6-е изд. М. 1985. Т. 2. С. 262; Гречко А. А. Битва за Кавказ. 2-е изд. М. 1969. С. 244; Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. 2-е изд. Кн. 1. М. 1972.

⁴ РГВА. Ф. 38663. Оп. 1. Д. 41. Л. 142.

⁵ Данилов В. Н. Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов. 1996. С. 214.

⁶ РГВА. Ф. 38633. Оп. 1. Д. 41, 42.

⁷ РГВА. Ф. 38633. Оп.1. Д. 41. Л.386.

⁸ Там же . Д.44. Л. 4-5.

⁹ РГВА. Ф.38654. Оп. 1. Д. 1, 2, 8,10, 11, 12; Ф. 38633. Оп. 1. Д. 41, 42, 43, 44; ЦАВВ. Ф. 239. Оп.1. Д. 154,158.

¹⁰ РГВА. Ф. 38654. Оп. 1. Д. 11. Л.22.

¹¹ РГВА. Ф.38654. Оп. 1. Д. 12. Л.7-8.

немецкая разведка. Их главной задачей было свержение Советской власти и сохранение установленного фашистами “Нового порядка”. Они, в большинстве своём, создавались из активных пособников и ставленников немцев, белоэмигрантских элементов, изменников Родины. Под их руководством действовали бандитские объединения и повстанческие отряды.

2. Бандгруппы, не связанные с немецкой агентурой. Они состояли из бывших старост, менее активных полицейских, бывших военнопленных и дезертиров. Их враждебные действия были направлены на дестабилизацию обстановки в войсковом тылу Действующей армии, борьбу с руководителями местных органов власти, установление своей власти в горных селениях. В результате дезинформации, угроз и запугивания под их влиянием оказалась часть горского населения.

3. Банды, не имевшие определённых целей и задач. Они создавались в основном за счёт дезертиров, бежавших из мест заключения, и других преступных элементов, которые скрывались в предгорьях Северного Кавказа от правосудия. В большинстве своём они занимались грабежом и насилием мирного населения, имели связи с родственниками и преступными элементами.

По мнению автора, банды первой и второй групп целесообразно объединить в одну первую группу банд политической направленности, так как действия банд 2-й группы были направлены против руководителей местных органов власти и тоже носили политический, антиправительственный характер¹.

Малочисленные по составу банды третьей группы, как правило, действовали разрозненно и не были связаны между собой. Занимаясь грабежом и насилием², они совершали уголовные преступления, поэтому их действия не носили политического характера. По мнению автора, их можно отнести к бандам второй группы уголовной направленности.

Из общего числа банд, действовавших в национальных республиках Северного Кавказа после изгнания врага, около 70 % составляли банды второй группы. В отличие от них, все бандитские формирования и объединения по своим преступным целям и задачам относились к первой группе банд. Они имели разветвленную сеть агентов, через которых осуществлялось руководство повстанческими отрядами.

Учитывая общественно-политическую обстановку, сложившуюся на Северном Кавказе в 1943 г., одной из главных задач войск НКВД по охране тыла фронта стала борьба с бандитизмом. В их состав из внутренних войск было передано 10 тысяч человек³, в результате чего их общая численность достигла 18 тысяч человек⁴. Приказом наркома Союза ССР в феврале 1943 г. было создано управление войск НКВД по охране тыла Северо-Кавказского фронта под руководством генерал-майора С.М. Фадеева.

Быстрое изменение военно-стратегической обстановки на Северном Кавказе в пользу советских войск потребовало привлечения дополнительных сил для наведения порядка на освобожденной от врага территории. На созданный в январе 1943 г. Северо-Кавказский округ внутренних войск возлагались задачи по: охране стратегических объектов и жизненно важных центров, организации службы войсковых гарнизонов и КПП, борьбе с остатками немцев, их ставленниками и пособниками, сбору трофеев и оружия⁵.

В его состав вошли Орджоникидзевская и Грозненская стрелковые дивизии, шесть полков и три отдельных батальона внутренних войск численностью около 20 тысяч человек, которые к октябрю 1943 г. увеличились еще на 6 тысяч человек⁶.

Подразделения внутренних войск, продвигаясь за боевыми порядками Красной Армии, обязаны были не позднее 3-4 часов после освобождения занимать населенные пункты и выставлять гарнизоны, КПП, заслоны. Взаимодействуя с органами безопасности и милиции, они закрывали все выходы и входы из контролируемых ими населенных пунктов, где проводили массовую проверку документов, выявляя при этом дезертиров, вражеских ставленников и других преступных элементов.

Организация служебно-боевой деятельности войск в тылу фронта осуществлялась в соответствии с утвержденной в июле 1943 г. Инструкцией о службе войск НКВД по охране тыла

¹ РГВА. Ф.38650. Оп. 1. Д. 538. Л.320; Ф. 38654. Оп. 1. Д.27. Л.14.

² РГВА. Ф.38653. Оп. 1. Д. 41. Л.142; Ф.38654. Оп. 1. Д.10. Л.9-20.

³ РГВА. Ф.38650. Оп.1. Д.617. Л.270.

⁴ РГВА. Ф.38650. Оп.1. Д.608, 617, 621.

⁵ РГВА. Ф. 38654. Оп. 1. Д. 7. Л.5-9.

⁶ РГВА.Ф. 38650.Оп. 1. Д. 621.Л.2.

Красной Армии. Она устанавливала единые требования по проведению оперативной работы, служебно-боевых операций по очистке прифронтовой полосы от остатков фашистских войск, вражеских ставленников и их пособников, борьбе с бандитизмом и преступными элементами.

Большое внимание уделялось работе по оказанию помощи в восстановлении местных органов власти, проведению агитационно-пропагандистских мероприятий среди населения освобожденных районов. Для этих целей были созданы специальные группы из числа опытных политических работников внутренних войск, силами которых в январе-феврале 1943 г. была восстановлена нормальная работа советских и хозяйственных органов в 66 селах и станицах, 128 колхозах автономных республик и областей Северного Кавказа. С населением проведено 1100 собраний, бесед, митингов¹. Большое значение имела помощь политработников в организации открытых судебных заседаний по разбору дел предателей Родины и пособников врага. В результатах этой работы во многих селах значительно повысилась активность местных жителей и разоблачение вражеских агентов².

Одной из практической форм работы с населением горных районов явились бригады содействия, которые вовлекали население на оборонные работы, выявляли бандитов и других вражеских элементов. На Северном Кавказе в 1943 г. действовали 1329 таких бригад (14320 человек). За этот период они задержали 1280 немецких ставленников и их пособников, а по их данным служебные наряды выявили еще 448 преступных элементов³.

Большую поддержку бригадам оказали военные комендатуры и гарнизоны. В первом квартале 1943 г. в городах и населенных пунктах Северного Кавказа действовало 230 гарнизонов войск НКВД⁴. Их основу составили кочующие и линейные заставы, от которых для несения службы выделялись разведывательные поисковые группы, дозоры, засады, секреты, контрольно-проверочные посты, патрульные наряды и др.

В общей системе организации охраны тыла действующей армии наиболее эффективными были кочующие заставы. За первое полугодие 1943 г. они выявили 187 вражеских агентов⁵. Решительно действовали и другие виды войсковых нарядов, силами которых после изгнания врага из автономных республик было задержано 194 бандита и около 60 уничтожено, взято 25 полицейских и старост, 162 дезертира⁶. По мере освобождения территории от фашистов количество банд увеличилось, и борьба с бандитизмом принимала все большие масштабы. В феврале-марте 1943 г. войска НКВД по охране тыла фронтов совместно с частями Грозненской и Орджоникидзеградской дивизии внутренних войск в Чечено-Ингушетии уничтожили 352 бандита, задержали 2585, а за первое полугодие 1943 г. – 2 бандформирования и около 85 бандгрупп⁷.

В апреле-июне 1943 г. для борьбы с крупными бандформированиями и объединениями в предгорьях Главного Кавказского хребта привлекались части Сухумской и Тбилисской дивизии внутренних войск. Для ликвидации бандобъединения немецкого ставленника Жангуразова в Черекском и Чегемском районах Кабардино-Балкарии было задействовано около 1800 солдат и офицеров, 17 бригад содействия и местные горцы. В ходе проведения этой операции было задержано 216 бандитов, 115 их пособников, 90 уничтожено⁸.

В Карачаевской автономной области в борьбе с бандформированиями А. Салпагарова и И. Дудова участвовало около 200 человек. Действиями антисоветских элементов руководил «Карачаевский национальный комитет»⁹. В апреле-августе 1943 г. в верховьях реки Малка войска НКВД и части Красной Армии дважды проводили специальные операции. Воинам на некоторых перевалах приходилось действовать на высоте около 3000 метров. За этот период войска провели 10 крупных боев с бандами, в ходе которых было ликвидировано 95 бандитов, 174 задержано, 32 сдались добровольно, а также захвачено 5 диверсантов¹⁰.

В ходе борьбы с бандитизмом войска НКВД проводили массовые облавы, прочесывание отдельных участков местности, блокирование населенных пунктов для проверки документов,

¹ Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 г. с.582.

² Там же. С. 583.

³ РГВА. Ф. 32885. Оп. 1. Д. 47. Л. 14.

⁴ РГВА. Ф. 39385. Оп. 1. Д. 1. 141; Ф. 38654. Оп. 1. Д. 7, 11.

⁵ РГВА. Ф. 32885. Оп. 1. Д. 44. Л. 21.

⁶ РГВА. Ф. 38663. Оп. 1. Д. 41; Ф. 38654. Оп. 1. Д. 1, 7, 8.

⁷ РГВА. Ф. 38663. Оп. 1. Д. 41; Ф. 38654. Оп. 1. Д. 1, 7, 8.

⁸ РГВА. Ф. 38663. Оп. 1. Д. 34. Л. 142-151; Ф. 38654. Оп. 1. Д. 1. Л. 213-215.

⁹ Иосиф Сталин-Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». М. 1992. С. 8.

¹⁰ РГВА. Ф. 38654. Оп. 1. Д. 10. Л. 9-298; Д. 11. Л. 11-12.

организовывали службу заграждения. Население в большинстве своем с одобрением относилось к подобным действиям войск, а нередко оказывало помощь в выявлении вражеских агентов. Только после освобождения Краснодара в городе и его окрестностях в ходе массовой проверки документов с помощью местных формирований было задержано около 200 вражеских ставленников и их пособников.

В связи с ухудшением оперативной обстановки в районе городов Кавказских Минеральных вод внутренние войска в середине 1943 г. провели три специальных операции по выявлению вражеских и преступных элементов, в ходе которого было задержано 19546 человек, из них 209 немецких ставленников и их пособников, 214 бандитов, 1664 дезертира¹.

Всего войсками НКВД в автономных республиках и областях Северного Кавказа в первой половине 1943 г. было проведено более 750 специальных операций, в ходе которых ликвидировано 3 бандобъединения и не менее 180 бандгрупп, предотвращено 5 антисоветских восстаний².

Проведенное автором исследование указывает на сложность общественно-политической обстановки на Северном Кавказе, где по неполным данным, в первой половине 1943г. было задержано 15645 вражеских и преступных элементов.

Основную же часть задержанных за этот период составляли: нарушители прифронтового режима 37595, отставшие от своих частей 19921, бывшие в плену 3112, уклоняющиеся от оборонных работ 3817, без документов 22115. Всего задержано войсками НКВД на Северном Кавказе за первое полугодие 1943г. 85563 человека³.

Во второй половине 1943г. войска НКВД вынуждены были действовать на значительной территории, что требовало выставления дополнительных гарнизонов и военных комендатур. В связи с этим в октябре 1943г. численность войск Северо-Кавказского округа увеличилась до 27000 человек⁴.

Несмотря на ослабление во второй половине 1943г. бандитизма в автономных республиках Северного Кавказа, его увеличение было отмечено на освобожденной от врага территории Ставропольского и Краснодарского краёв (6 бандформирований и около 123 бандгрупп)⁵. Значительные силы войск НКВД осенью 1943г. привлекались для ликвидации бандгрупп в отдельных областях Карачаево-Черкесии. Дополнительно сюда были направлены части 1-й мотострелковой дивизии им. Ф.Э. Дзержинского. За этот период они ликвидировали здесь 3 бандформирования и около 23 банд, задержали 253 бандита, 114 дезертиров⁶. Не менее сложной оставалась общественно-политическая обстановка в Краснодарском крае, где осенью 1943г. действовало 3 банд формирования и 51 бандгруппа. Частями Орджоникидзеvской дивизии внутренних войск за этот период здесь было задержано 1025 бандитов, 1741 дезертир, 289 ставленников и пособников немцев⁷.

В ходе разъяснительной работы среди населения и призывов к бандам прекратить сопротивление в Краснодарском крае добровольно сдались властям 636 бандитов, в то время как в отдельных областях Карачаево-Черкесии из 177 банд главарей только 67 обратились с повинной, остальные продолжали сопротивление⁸.

Из общего числа задержанных войсками НКВД вражеских и преступных элементов в 1943г. только около 30% приходилось на его вторую половину⁹.

Уменьшение числа задержанных во второй половине 1943г. объяснялось некоторой стабилизацией общественно-политической обстановки в тылу Северо-Кавказского фронта, повышением действенности органов власти по вовлечению местного населения в восстановление разрушенного фашистами народного хозяйства.

Проведённое автором исследование показывает, что в 1943г. на Северном Кавказе около 70% задержанных были нарушители прифронтового порядка и уклоняющиеся от оборонных работ. В

¹ РГВА. Ф. 32885. Оп. 1. Д. 47. Л. 12.

² РГАСПИ Ф.17. Оп.43. Д.478, 1688; ЦАВВ . Ф.239. Оп.1. Д.154, 158; РГВА . Ф. 38664. Оп.1 . Д.25, 26, 28; Ф.38663. Оп.1. Д.41, 42, 44; Ф. 38654. Оп 1. Д.10-12.

³ ЦАВВ. Ф.239. Оп.1. Д.154, 158. ; РГВА. Ф.38663. Оп.1. Д.41, 44; Ф.32885. Оп.1. Д.44,47; Ф.38654. Оп.1. Д.1,7,8,10-13. Ф.38664. Оп.1. Д.21,26,28. РГАСПИ. Ф.17. Оп.43. Д.478, 1688.

⁴ РГВА. Ф.38650 . Оп.1. Д.617. Л.274.

⁵ РГВА. Ф.38664. Оп. 1. Д. 133. Л.22.; Ф. 38654. Оп.1. Д.10 -12.; ЦАВВ. Ф.239. Оп.1. Д.158.

⁶ РГВА. Ф.38654. Оп. 1. Д. 10.; Ф. 38663. Оп.1. Д.44.

⁷ РГВА. Ф.38654. Оп. 1. Д. 11, 16.; Ф. 38664. Оп.1. Д.20, 28; ЦАВВ. Ф.239. Оп.1. Д.158.

⁸ Иосиф Сталин-Лаврентию Берии: "Их надо депортировать". М. 1992. С.8.

⁹ РГВА. Ф. 38654. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.

тоже время 30% задержанных в этот период оказались немецкими ставленниками и их пособниками, бандитскими и другими преступными элементами, которые своими действиями дестабилизировали общественно-политическую обстановку в прифронтовой полосе фронта. В ходе борьбы с бандитизмом в 1943г. частями НКВД у них было изъято значительное количество оружия и боеприпасов. Немаловажное значение в ходе охраны тыла Северо-Кавказского фронта имели действия войск НКВД по сбору оружия и трофеев, оставшихся на поле боя.

Этими действиями войска предотвратили распространение оружия среди населения, хотя незначительная его часть всё же оказалась в руках граждан. Призывы местных органов власти и войсковых комендатур добровольно сдать незаконно хранящееся оружие желаемых результатов не принесли. В ходе проведённых специальных операций войсками НКВД в 1943г. у населения автономных республик и областей было изъято 105 миномётов, 347 противотанковых ружей, 48978 гранат и мин, 5876 автоматов и пулемётов и другого вооружения¹.

Проведённое автором исследование показывает, что около 60% задержанных на Северо-Кавказском фронте в 1942-1943гг. составляли дезертиры, бежавшие из мест заключения и уклонявшиеся от призыва в армию, которые, боясь возмездия, пополняли ряды повстанцев, бандгрупп и преступных элементов.

Решительные действия войск НКВД в тылу Северо-Кавказского фронта по выявлению и изъятию вражеской агентуры, преступных и бандитских элементов оказали положительное влияние на улучшение общественно-политической обстановки на Северном Кавказе. Они обеспечили стабилизацию положения, ослабили криминогенную обстановку в прифронтовой полосе, что позволило создать нормальные условия для проживания там основной массы населения и восстановления местных органов власти.

В.А. Конониренко
Саратов

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НА ПОСТДЕПОРТАЦИОННЫЕ ТЕРРИТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Краснодарский край среди регионов России всегда отличался высокой степенью полиэтничности. В 1939 г. на территории края проживало 3 млн. 179 тыс. человек. Доля русских к 1939 г. увеличилась до 88,1%, украинцев снизилась до 5%. Доля армян составляла 2%, греков – 1,4, молдован – 0,3, белорусов – 0,4, адыгов – 0,3, грузин – 0,2, немцев – 1,2%. К концу 1950-х гг. население Кубани увеличилось на 18,7%. Наиболее значительно выросла численность русских, армян, адыгов. Сократилась доля украинцев, греков (на 70,9%), немцев (на 86,7%), молдован (на 32,3%)².

Краснодарский край еще до войны испытал трагедию репрессий по национальному признаку. В декабре 1937 г. – январе 1938 г. в крае было арестовано около 5 тысяч греков, бежавших из Анатолии в Россию из-за угрозы геноцида и поселившихся здесь в 1912-1915 гг. Именно в это время край был включен в число регионов, куда должно было быть переселено население из других сельскохозяйственных районов страны. Одной из причин планируемого переселения являлся тот факт, что из имевшихся в крае «пахотоспособных» земель в количестве 3495,1 тыс. га., в 1940 г., к примеру, использовалось 3214,5 тыс. га. Планировалось переселить 378,4 тыс. хозяйств с 688,7 тыс. трудоспособных. Переселение должно было охватить «приморские» районы края: Баканский, Темрюкский и Адлеровский. Благодаря своим климатическим и почвенным условиям эти районы должны были «послужить для развития субтропических культур, прежде всего, цитрусовых, а также для развития шампанских сортов винограда»³.

Реализовать этот план не позволила война. В апреле-мае 1942 г. от «антисоветских, чуждых и сомнительных элементов» были очищен ряд районов Краснодарского края, в том числе Темрюк и Новороссийск. В перечень неблагонадежных, а от того – «превентивно-депортированных», были

¹РГВА. Ф.38663. Оп.1. Д. 41, 44; Ф.32885. Оп.1. Д.4447. Ф.38654. Оп.1. Д.1,7,8,10-13; Ф.38664. Оп.1. Д.21,25,26,28; ЦАВВ. Ф.239. Оп.1. Д.154, 158; РГАСПИ. Ф.43. Оп.1. Д.478, 1688.

²См.: Ракачев В.Н., Халафян А.А. Национальный состав населения Кубани: история формирования и развития, демографический прогноз // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5. С. 208.

³Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 5675. Оп.1. Д. 354. Л. 39.

включены немцы, греки, румыны, крымские татары. В течение мая-июня 1944 года из Краснодарского края было депортировано 8300 греков¹.

К концу войны в результате военных потерь и депортационных процессов население края сократилось как минимум на 500 тыс. человек (18%). В начале 1950-х гг. численность населения края лишь приближалась к довоенному уровню (в 1939 г. – 3 млн. 179 тыс. человек, в 1951 – 2 млн. 925,5 тыс.)². Ни реэвакуация, ни демобилизация воинов-кубанцев не могла восполнить потери населения. Между тем, Постановлением СНК СССР от 1 ноября 1945 г. Краснодар и Новороссийск были включены в список 15 городов РСФСР, подлежащих первейшему восстановлению. Однако восстановление шло низкими темпами. Причиной отставания был дефицит квалифицированных кадров. Нахождение в Краснодарском крае двух лагерей НКВД военнопленных общей численностью 22,9 тыс. человек и трех лагерей заключенных (19,5 тыс.) не снимало проблему дефицита рабочих рук³. Несмотря на трудности с трудовыми ресурсами в 1949 г. из Краснодарского края были депортированы греки (всего с Черноморского побережья в Казахстан 13-16 июня 1949 г. были вывезено 37,5 тысяч греков)⁴. По некоторым сведениям, депортация турков, дашнаков, греков из Краснодарского края проводилась до 1951 гг.

Одним из проверенных методов восполнения трудовых ресурсов стало переселение колхозников на территории, которые более всего нуждались в хозяйственном восстановлении и развитии. В случае с Краснодарским краем депортационные процессы явились главным побудительным мотивом к переселению. Представляется, что существенную роль в принятии решения о включении Краснодарского края в план переселения сыграл накопленный государством опыт замещения населения с постдепортационных территорий Северного Кавказа, Крыма и Поволжья.

Началом реализации переселенческой политики можно считать 1949 г., когда было принято решение о переселении 613 семей из северных районов Краснодарского края в Адлерский и Лазаревский районы. Переселить удалось 423 семьи, в которых оказалось всего 1051 трудоспособный⁵. В основном переселенцы направлялись в хлопкосеющие и чаеводческие совхозы. Всех переселенцев 1949 г. разместить не удалось, и краснодарское руководство вынуждено было просить Совет Министров СССР «приостановить переселение до полного размещения и хозяйственного устройства переселенцев, прибывших в 1949 году и готовности совхозов к приему и размещению переселенцев по плану 1950 года»⁶. Действительно переселять было некуда: план жилищного строительства был выполнен всего на 4,6 %⁷.

Тем не менее, Совмин СССР настаивал на выполнении контрольных цифр переселения: 1950 г. – 780; 1951 г. – 650; 1952 г. – 1000; 1953 г. – 200 хозяйств⁸. План однако не выполнялся: в 1950 г. не доехало 286 семей, в 1951 г. – 63; в 1952 г. – 250 семьи. Только в 1953 г. приехало на 19 семей больше запланированного количества переселяемых хозяйств⁹. С 1949 по 1952 г. в переселенческие районы Краснодарского края было переселено 1831 хозяйство (Адлеровский район – 848; Лазаревский – 983 семьи). За это же время выбыло обратно 464 семьи, что было вовсе неудивительно, поскольку домами было обеспечено только 1083 семьи, 900 семей осталось без коров, а 23 семьи – без приусадебных участков¹⁰. Только в 1953 г. приехало на 19 семей больше запланированного количества переселяемых хозяйств¹¹.

Большие масштабы «обратничества» из столь благодатного края не могут быть объяснены только лишь хозяйственными трудностями и отсутствием пригодного жилья. Еще одной причиной оттока переселенцев из Краснодарского края стали напряженные межнациональные отношения. Примеров межнациональных конфликтов между приезжими и коренным населением множество.

¹Полян П. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 126.

²См. подробнее: Стругова М.Р. Кубань послевоенная: 1949-1952 // Люди - гордость твоя, Кубань. Краснодар, 2001. С. 7-18.

³См.: Стругова М. Р. Социальные процессы в послевоенном советском обществе (1945-1953 гг.): на примере Краснодарского края. Автореферат дис. на соискание степени канд. ист. наук. Краснодар, 2007. С. 18.

⁴Земсков В.Н. Спецпоселенцы. М., 2001. С. 42

⁵РГАЭ. Ф. 5675. Оп.1. Д. 678. Л. 36.

⁶Там же. Д. 427. Л. 9.

⁷Там же. Д. 381. Л. 126

⁸Там же. Д. 678. Л. 94.

⁹РГАЭ. Ф. 5675. Оп.1. Д. 678. Л. 94.

¹⁰Там же. Д. 636 Л. 92.

¹¹Там же. Д. 678. Л. 94.

Несмотря на то, что "коренное население разговаривает на русском языке", "во всех национальных колхозах" общие собрания и заседания правлений "проводились на нерусском языке", "на языке местного населения – шапсугов" (Лазаревский район в 1924–1945 гг. назывался Шапсугским национальным районом)¹. «Неприятное отношение к переселенцам» проявляется, писали колхозники, «внутри колхозных бригад, где бригадирами работают колхозники из местного населения». Эти бригадиры «направляют на высокодоходные работы колхозников-старожилов, а переселенцев на тяжелые работы», «факты грубейших нарушений трудовой дисциплины старожилов покрывают, на переселенцев часто налагаются взыскания по формальным предлогам»². В колхозе им. Н.К. Крупской Адлерского района "установлены случаи грубейших оскорблений" прибывающих переселенцев и "даже нанесение побоев". В колхозе им. С.М. Кирова этого же района "продолжается замаскированная вражда"³.

О враждебном отношении местного черкесского населения колхоза "Красный Октябрь" к русским переселенцам сообщал один из них – И.Г. Банкин – депутату Верховного Совета СССР Игнатову. В руководстве сельсовета и колхоза "только черкесы", зато «на работе большинство – русские, а местные все в лесу, на заготовке каштанов». В русских черкесы видели потенциальную угрозу их выселения: "Ваш приехал сюда затем, чтобы нас выселили с гор, с аулов", "Пусть русские разбегаются с аулов, тогда мы дольше будем жить в ауле". "Надо это изменить, – заключал Банкин, – так как русские никогда ничего не добьются"⁴. К.П. Здоровцев, А.Л. Кириченко и другие вселенные в этот же колхоз жаловались на то, что "черкесское руководство колхоза не вовлекает русских переселенцев в хозяйственную и общественную деятельность колхоза, т.е. ставит в такое положение, чтобы русские переселенцы ничего не знали, что делается в колхозе, а русские к этому непривычны"⁵.

В.Г. Герасимов из колхоза им И.В. Сталина Адлерского района характеризовал этот колхоз как "большую и настоящую грузинскую артель" и жаловался, что "законные и необходимые требования переселенцев остаются безо всякого внимания"⁶. О враждебном отношении армян к русским переселенцам («смотрят на нас как на каких-то пришельцев, ведь мы же не приехали заниматься сюда заниматься такими глупостями, как занимаются местные руководители колхоза», "злобно смотрят на нас", "трудодни плохо начисляют потому, что в руководстве здесь все исключительно армяне, по три дня не учитывают работу и ничего не говори") писали П.И. Губарев из колхоза им. Г.М. Маленкова и В.М. Серенко из колхоза им. Мясникяна Лазаревского района⁷. И.С. Горлов, вселенный в тот же колхоз им. Мясникяна, характеризовал отношения между русскими и армянами как «враждебные»: «каждый русский за голову берется, что сюда попал, а пожаловаться нельзя, узнают...», «русские бригадиры стали говорить, почему армяне работают, где можно заработать, армянский бригадир ответил: "Мы вам не доверяем"⁸.

Еще одна острейшая проблема, вызывавшая процесс обратничества – невозможность обучения детей на родном языке. «До начала переселения» в районах въезда уже была создана школьная сеть для «армянского, греческого, грузинского и шапсугского населения». В том же Адлерском районе из 67 школ 25 были национальными (24 армянские и одна грузинская), что осложняло жизнь русских переселенцев. Дети русских переселенцев вынуждены были посещать школы с родным языком обучения, «расположенные за 4–8 километров от мест поселения, а ученики старших классов – за 10–15 километров». Построить новые школы для переселенцев не представлялось возможным по экономическим соображениям⁹.

Таким образом, процесс переселения на постдепортационные территории Краснодарского края привел к усложнению национальной структуры этих районов и как следствие – обострил межнациональные отношения между переселенцами и местным населением.

¹ Там же. Д. 636. Л. 65. (здесь и далее орфография и пунктуация в письмах сохранены авторские. – В.К.)

² Там же.

³ РГАЭ. Д.636. Л. 65.

⁴ Там же. Л. 109.

⁵ Там же. Л. 110.

⁶ Там же. Л. 109.

⁷ РГАЭ. Д. 636. Л. 109, 110.

⁸ Там же. Л. 110.

⁹ Там же. Л. 109

О.С. Мозговая
Саратов

СОВЕТСКО-ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДДВЕРИИ ВИЗИТА
КАНЦЛЕРА АДЕНАУЭРА В МОСКВУ В СЕНТЯБРЕ 1955 ГОДА

В 2015 г. исполняется 65 лет со дня визита канцлера ФРГ Конрада Аденауэра и установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ. В контексте сегодняшних внешнеполитических событий, на мой взгляд, интересно проследить специфику зарождения и развития советско-западногерманских отношений и их значение в рамках общей европейской политики.

Взаимоотношения между двумя странами носили сложный характер. В период «эры Аденауэра» внешняя политика ФРГ в отношении Советского Союза строилась с позиции силы, с явным акцентом на «поддержку» западных союзников и, прежде всего, США¹. Аденауэр был убежден, что с советским руководством, оккупировавшим восточную часть Германии, возможно разговаривать только на равных и главным доказательством силы ФРГ должно было являться ее политическое и военное положение на европейской политической арене. Данного преимущества можно было добиться, по мнению К. Аденауэра и ряда реакционных политических деятелей Западной Германии, только в случае поддержки ФРГ со стороны США, а также Англии и Франции².

Политические круги Соединенных Штатов, в свою очередь, рассматривали Федеративную Республику как важного игрока на европейской политической арене. Западная Германия представляла собой буферную зону между капиталистическим и социалистическим миром. Поэтому разумное укрепление позиций ФРГ не противоречило внешнеполитической деятельности США, направленной на ослабление СССР.

В то время, как Западная Германия активно включалась в блок НАТО, Восточная Германия являлась оплотом социалистического строительства и своеобразной «витриной социализма». Так, например, еще в декабре 1952 г., выступая в Бундестаге, К. Аденауэр заявил, что Германии, «как никогда, угрожает опасность», поскольку она «граничит непосредственно с территорией, где господствует Советский Союз». «По этой причине западные державы, – утверждал канцлер, – не могут отказаться от своих прав в Германии, которые обеспечивают возможность обороны против Востока», что проявлялось в готовности США «поставить оружие нового образца для немецких контингентов в европейском оборонительном сообществе»³.

11 апреля 1955 г. Аденауэр продолжал настаивать, «что все переговоры с Советами должны основываться на силе. Я уверен, чтобы внушить Советам уважение, Америка и объединённая Европа должны быть достаточно сильными»⁴.

Несмотря на столь воинственный настрой канцлера, федеративное правительство должно было считаться с тем, что существовал целый ряд вопросов, которые возможно было решить только путем прямого диалога, как между СССР и ФРГ, так и между членами бывшей антигитлеровской коалиции. Особое внимание уделялось проблеме воссоединения Германии⁵, положению немецких граждан и военнопленных, находившихся в СССР, проблеме советских немцев, положению Западного и Восточного Берлина и другим. Следует обратить внимание, что Аденауэр стремился представить военную мощь ФРГ, как вынужденный шаг в ответ на угрозу со стороны СССР, в условиях отказа советского правительства вести конструктивные переговоры⁶.

Вступившие в силу 5 мая 1954 г. Боннский и Парижский договоры позволили ФРГ восстановить свой военный потенциал, и сделали ФРГ полноправным членом НАТО. Данное обстоятельство серьезно осложнило процесс объединения Германии и негативно сказалось на дальнейших отношениях СССР и ФРГ. В тоже время, Аденауэр, чувствуя давление со стороны германской общественности, и понимал, что вопрос об объединении Германии невозможно больше игнорировать. И здесь, прежде всего, следует выделить проблему немецких военнопленных и германских граждан, находящихся в СССР. По сообщению ТАСС, выступая в марте 1953 года перед представителями иностранной прессы в Бонне, Аденауэр призвал СССР «освободить

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (Далее: АВП РФ) Ф. 595 б. Оп.1. П. 103. Д. 235. Л. 25.

² АВП РФ Ф. 595 б. Оп. 1. П. 103. Д. 235. Л. 127.

³ АВП РФ. Ф. 595 б. Оп. 1. П. 102. Д. 232. Л. 120.

⁴ Цит. по. Тимошенко Е. П. Германский вопрос во внешней политике Советского Союза (1945-1955 гг.). М., 2008. С. 100.

⁵ АВП РФ. Ф. 595 б. Оп. 1. П. 102. Д. 233. Л. 237, 256.

⁶ АВП РФ. Ф. 595 б. Оп. 1. П. 102. Д. 233. Л. 256.

военнопленных и перемещенных лиц, находящихся до сих пор в заключении в Советском Союзе, число которых составляет не менее 300 тыс. человек»¹.

Советское правительство в начале 1954 года на Берлинском совещании министров иностранных дел четырех держав выразило готовность к нормализации отношений с ФРГ².

15 января 1955 года было опубликовано заявление ТАСС с инициативой нормализации отношений между СССР и ФРГ (или ГФР в английском варианте)³. В заявлении говорилось: «Советский Союз поддерживает хорошие отношения с Германской Демократической Республикой. Советское правительство готово нормализовать отношения СССР и с Федеративной Республикой Германии. В современных условиях нормализация отношений между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германией могла бы одновременно содействовать улучшению взаимопонимания и поиску эффективных путей решения задачи восстановления единства Германии»⁴.

Следующим шагом, доказывающим серьезность намерений СССР в нормализации отношений с ФРГ, является указ президиума Верховного Совета СССР от 25 января 1955 года о прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией⁵.

Однако западногерманское правительство сосредоточило свое внимание на проблеме вступления Германии в НАТО, а не нормализации внешнеполитических отношений с СССР. Ответным шагом со стороны совблока явилось создание Организации Варшавского договора, куда была включена и ГДР.

В 1955 году был заключен мирный договор между СССР и Австрией, который должен был на практике продемонстрировать политическим оппонентам СССР, в том числе и ФРГ, что советское руководство готово вести конструктивный диалог по вопросу нормализации отношений⁶. Некоторые западные печатные издания отметили, что СССР впервые после прекращения Второй мировой войны выводит свои оккупационные войска⁷. В апреле 1955 года советское правительство приняло решение о передаче ГДР сокровищ Дрезденской галереи⁸.

Проводимый Аденаэром курс был неоднозначно встречен, как населением Западной Германии, так и некоторыми членами бундестага. Так по данным МИДа «широкие слои западногерманского населения испытывают страх перед угрозой войны и настроены против ремилитаризации» Германии. Прежде всего, это были представители молодого поколения, которые не рвались с оружием в руках противостоять Советской Армии. Чтобы переломить данные настроения среди немецкого населения, правительство ФРГ пыталось заручиться поддержкой профсоюзов⁹. В свою очередь, советское руководство пыталось информировать депутатов бундестага о позиции СССР по «германской проблеме» путем пересылки «советских материалов через отдел печати посольства СССР в ГДР или через германский комитет обороны за единство Германии»¹⁰.

Используя свои сторонников среди политических деятелей Западной Германии, МИД СССР предпринимал шаги к организации визита в СССР ряда депутатов бундестага. Западногерманских депутатов убеждали, что в ходе поездки в Советский Союз они смогут обсудить и добиться «освобождения ряда военнопленных из СССР»¹¹. Непосредственно данная работа проводилась при посредничестве Общества германо-советской дружбы в Западной Германии¹².

Так, в апреле 1955 года депутат бундестага от СвДП, Шван в беседе с послом СССР в ГДР Пушкиным «зондировал возможность поездки в Советский Союз группы депутатов группы

¹ АВП РФ. Ф. 595 б. Оп. 1. П. 102. Д. 233. Л. 300.

² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 13. П. 6. Д. 46. Л. 25-26. Новик Ф. И. Поездка Конрада Аденауэра в Москву в 1955 году: подготовка, переговоры, результаты // Россия и Германия. М., Вып. 4. 2007. С 319.

³ Ахтамзян А. А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия. Очерки. М., 2010. С. 26.

⁴ Цит. по: «Взгляд назад в будущее. К 50-летию установления дипломатических отношений. Blick zurueck in die Zukunft. Zum 50. Jahrestag der Aufnahme der diplomatischen Beziehungen», М., 2005. С. 121.

⁵ Визит Канцлера Аденауэра в Москву 8-14 сентября 1955 г. Документы и материалы. М., 2005. С.25-28.

⁶ Müller Wolfgang. Die sowjetische Besatzung in Österreich 1945-1955 und ihre politische Mission. Köln, 2005.

⁷ Новик Ф. И. Поездка Конрада Аденауэра... С. 319.

⁸ Мировые сокровища дрезденской коллекции: спасение и передача. К 50-й годовщине возвращения коллекции Дрезденской галереи 1955-2005. М. 2005.

⁹ Российский государственный архив новейшей истории (Далее РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 326. Л. 13-14.

¹⁰ РГАНИ Ф. 5. Оп. 28. Д. 328. Л. 70.

¹¹ РГАНИ Ф. 5. Оп. 28. Д. 328. Л. 84.

¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 328. Л. 81.

депутатов бундестага от СДП и СвДП для обмена мнениями по назревшим вопросам советско-германских отношений, в частности, по вопросу о военнопленных¹.

За нормализацию отношений с СССР выступали социал-демократическая партия (СДП) и «другие общественные организации, а также некоторые деловые круги». 13 марта 1955 года лидер СДП Олленхауэр потребовал от боннского правительства «сделать все возможное для нормализации отношений с Советским Союзом», что, по его мнению, должно было оказать благоприятное влияние на экономику Западной Германии, «а так же будет способствовать решению вопроса о военнопленных»².

20 мая 1955 года в беседе с доверенным лицом Общества германо-советской дружбы в Западной Германии Кархером, Шван отметил, что для более конструктивного разговора относительно поездки западногерманских депутатов в СССР желательно было получить официальное приглашение Москвы, о чем и информировал МИД СССР советский посол в ГДР Пушкин в мае 1955 года³.

В своих воспоминаниях Аденауэр признавал, что советскому руководству удалось весной 1955 года оказать значительное влияние на общественное мнение западных немцев, убедить их в том, «что советская политика не так уж и опасна для Запада»⁴.

Однако мероприятия СССР, направленные на установление политических и дипломатических отношений, не были всесторонне изучены и не получили серьезного обсуждения со стороны боннского руководства. Несмотря на это, советское правительство продолжало разрабатывать вопрос о нормализации отношений с ФРГ. По поручению ЦК КПСС и МИД СССР 24 мая 1955 года А. Громыко и И. Степанов предоставили на имя В. М. Молотова предложения по вопросу об установлении дипломатических и торговых отношений между СССР и Западной Германией⁵.

В записке отмечалось наличие сложной политической обстановки в Западной Германии, связанной с неоднозначным отношением различных политических групп Германии по вопросу ремилитаризации ФРГ и политики в отношении Советского Союза. Депутат бундестага Леммер (ХДС) в беседе с послом СССР в ГДР Пушкиным высказал мнение, «что инициатива СССР по нормализации отношений между СССР и Западной Германией встретила бы поддержку многих депутатов бундестага». С другой стороны, правительство Аденауэра, как отмечают авторы записки, «связанное определенными обязательствами перед западными державами» заняло «уклончивую позицию». Хотя лидер ФРГ не исключал «в соответствующий момент» возможность переговоров с СССР.

МИД «считал целесообразным проведение некоторых предварительных мер» прежде, чем направлять предложение об установлении дипломатических и торговых отношений. Предполагалось опубликовать интервью, данное министром иностранных дел корреспонденту ТАСС о нормализации отношений между СССР и ФРГ, пригласить группу депутатов бундестага, «в целях установления прямого контакта с западногерманскими властями использовать репатриацию из СССР немецких военнопленных, имевших место жительства в Западной Германии, передав их непосредственно в Западную Германию». В июне МИД СССР предполагал рассмотреть вопрос о направлении правительству ФРГ официального предложения об установлении отношений. Все мероприятия в отношении Западной Германии должны были быть скоординированы «по партийной линии с ЦК СЕПГ»⁶.

Из всех вышеперечисленных мер ЦК СЕПГ решило опубликовать интервью Молотова, попытаться установить прямой контакт с лидерами Западной Германии о нормализации отношений между двумя странами, пригласить западногерманских депутатов и поручить МИД «информировать о всех мероприятиях» правительство ГДР⁷. В конце мая 1955 года МИД СССР направил ЦК КПСС проект ноты правительству ФРГ⁸.

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. П. 13. Д. 184. Л. 2.

² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. П. 13. Д. 184. Л. 2, 13.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 328. Л. 81.

⁴ Adenauer K. Erinnerungen. 1953-1956. Stuttgart, 1966. S. 449.

⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. П. 13. Д. 184. Л. 1, 12.

⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. П. 13. Д. 184. Л. 2-4, 13-19.

⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. П. 13. Д. 184. Л. 5-6, 16-22.

⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. П. 13. Д. 184. Л. 25, 33.

7 июня 1955 года нота советского правительства была передана советским посольством в Париже через германского посла фон Мальцана¹. Западногерманские журналисты узнали о московской ноте только из срочного сообщения агентства АП и ДПА из Москвы 7 июня 1955 года в 20 часов 15 минут. Аденауэр, получивший текст ноты в закрытой телеграмме, никаких комментариев по данному поводу не дал. Вечером 7 июня Аденауэр передавал полномочия министра иностранных дел ФРГ, которые были на него возложены в 1951 году, Генриху фон Брентано, председателю фракции ХДС/ХСС в бундестаге. Вопрос о советской ноте обсуждался правительством ФРГ только на следующий день, и Аденауэр признал, что приглашение Москвы явилось для него «довольно неожиданным»². 8 июня в официальном сообщении из Бонна говорилось, что данная инициатива СССР приветствуется федеральным правительством³.

Аденауэр оказался перед трудным выбором. С одной стороны, Аденауэр был убежден, что переговоры должны проводиться с СССР «только на равных» и, прежде всего, с точки зрения военного потенциала двух стран. Поэтому Аденауэр расценил политический ход СССР, как правильность выбранного им курса на усиление ФРГ с помощью Запада. С другой стороны, отказ от переговоров мог вызвать серьезное недовольство и непонимание со стороны политических кругов Бонна, простого населения Западной Германии, которые были заинтересованы в непосредственном обсудить вопрос о немецких военнопленных с советской стороной.

Аденауэр был убежден, что «Советы пригласили его лишь с одной целью – демонстративно провалить его миссию и тем самым ускорить его политический конец»⁴. В случае провала переговоров, ему в вину могли поставить, что он «реакционер и противник русской системы», с которым «невозможно прийти к соглашению»⁵.

В любом случае все дальнейшие внешнеполитические шаги необходимо было продумать и согласовать с союзниками ФРГ, ввиду чего Аденауэр не торопился с ответом. С целью выработки общей линии действий Аденауэр провел консультации с Вашингтоном и Лондоном. Госсекретарь США Дж. Ф. Даллес, представляя американский план ведения европейской политики, считал, что безопасность в Европе может быть построена только в случае объединения Германии. Президент США Д.Эйзенхауэр и премьер-министр Англии А. Иден выразили согласие на визит канцлера в Москву. В то же время Аденауэр получил заверение от западных держав в дальнейшем проведении жесткой политики в отношении СССР.

Западными союзниками ФРГ был предложен следующий вариант. Канцлер в ходе своего визита в Москву не должен был соглашаться на обмен послами, а настаивать на создании смешанных комиссий по вопросу нормализации отношений между СССР и ФРГ. В результате такой политики «затягивания» переговоров СССР пошел бы на уступки в вопросе объединения Германии, что давало возможность укрепить положение ФРГ в НАТО⁶. Подобную точку зрения высказывали и министр иностранных дел ФРГ Г. Фон Брентано, министр по общественным делам ФРГ Я. Кайзер и другие. Они считали невозможным нахождение в Москве двух немецких послов (ФРГ и ГДР), поэтому обмен послами должен был произойти после объединения Германии. На данном этапе необходимо было уделить внимание проблеме немецких военнопленных и наладить отношения между двумя странами⁷.

Таким образом, решение вопроса об объединении Германии западные союзники возлагали на плечи ФРГ, в то время как сам канцлер считал это делом четырех держав-победительниц. По мнению Аденауэра, правительство Западной Германии должно было только напоминать и подталкивать союзников к конкретным действиям по объединению Германии. Подобная позиция вызывала критику даже со стороны боннских соратников Аденауэра, которые не очень доверяли Западу в немецких делах⁸.

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. П. 13. Д. 184. Л. 43-51; Правда. 1955. 8 июня; Визит канцлера Аденауэра в Москву 8-14 сентября 1955г. С. 28-30; Ахтамзян А. А. Указ. соч. С. 27.

² Новик Ф. Поездка Конрада Аденауэра в Москву... С. 321.

³ Визит канцлера Аденауэра в Москву 8-14 сентября 1955г. С. 34.

⁴ Adenauer K. Erinnerungen. S. 449.

⁵ Цит. по: Вернер Килиан. Цели московского визита Аденауэра. Взгляд назад в будущее. К 50-летию установления дипломатических отношений. Blick zurueck in die Zukunft. Zum 50. Jahrestag der Aufnahme der diplomatischen Beziehungen, М., 2005. С. 136-137.

⁶ Тимошенко Е. П. Германский вопрос... С. 102.

⁷ Новик Ф. Поездка Конрада Аденауэра в Москву... С. 322-323.

⁸ Там же. С. 322.

Подобные планы, по мнению А. М. Филитова, свидетельствовали о нежелании западных держав конструктивно решать вопрос о воссоединении Германии, поскольку единую Германию было бы труднее контролировать в рамках НАТО¹, а вопрос о нейтральном положении ФРГ на европейской политической карте даже и не рассматривался.

К моменту возвращения К. Аденауэра группа экспертов боннского внешнеполитического ведомства подготовила два варианта ответной ноты. Статс-секретарь В. Хальштейн и министриальдиректор В. Грете с одобрения министра иностранных дел ФРГ Г. фон Брентано включили в проект ноты требования об освобождении всех немцев, находившихся в тот момент в плену в СССР; непризнание боннским правительством границы по Одеру-Нейсе; непризнание Бонном правительства ГДР. Боннский Кабинет министров, после двухдневного обсуждения проектов, одобрил более мягкий вариант². По существу победила точка зрения тех, кто действительно был заинтересован в нормализации отношений с Советским Союзом.

Правительство ФРГ направило в адрес СССР ответную ноту только 30 июня 1955 года. В ноте говорилось о согласии ФРГ принять советское предложение «об установлении дипломатических, торговых и культурных отношений между двумя странами». Но правительство ФРГ считало «целесообразным» уточнить вопросы, «которые должны явиться предметом такого обсуждения... и выяснить очередность их рассмотрения». Германская сторона так же внесла предложение о проведении предварительных, неофициальных переговоров в Париже³.

3 августа 1955 года последовала следующая нота советского правительства, в которой немецкой стороне предлагалось провести переговоры в Москве в конце августа – начале сентября 1955 года и обсудить следующие вопросы:

- «Об установлении дипломатических отношений» между СССР и ФРГ;
- «Об установлении торговых отношений... и заключении торгового договора»;
- «Об установлении и развитие культурных связей...».

Ни одна из сторон не должна была высказывать предварительные условия и советское правительство не имело возражений против предварительного обмена мнениями в Париже, где советскую сторону должен был представлять Посол СССР во Франции С. А. Виноградов⁴.

В ноте от 12 августа 1955 года немецкая сторона приняла предложение о встрече в Москве, но ввиду необходимости проведения подготовительных мероприятий перед встречей и парламентских каникул в августе месяце просила перенести встречу на 9 сентября 1955 года. Так же Федеральное правительство поддержало перечень вопросов, предложенных для обсуждения, однако упомянуло о «необходимости обсуждения других вопросов», без решения которых невозможно прийти к соглашению по ранее выдвинутым проблемам. К таким вопросам немецкая сторона отнесла «вопрос национального единства Германии; ... освобождения немцев, которые задерживаются на территории или в сфере влияния Советского Союза или которым чинятся другие препятствия покинуть названную территорию...»⁵.

Ответ советского правительства последовал 19 августа 1955 года. СССР принимал сроки проведения переговоров, выдвинутые ФРГ. Позиция по вопросу о единстве Германии Федеральному правительству известна, но «препятствий к обмену мнениями по этому вопросу, равно как и по другим международным вопросам» с советской стороны нет⁶.

В июле-августе 1955 года К. Аденауэр тщательно готовился к предстоящей поездке в Москву. 23 августа 1955 года Аденауэр представил представителям МИДа, советникам и экспертам документ, отражавший цели боннской делегации. Во-первых, необходимо было только «установить контакт» с советской строной, поэтому министра экономики Л. Эрхарда в члены делегации не включили. Подобное предложение указывало на нежелание немецкой стороной обсуждать серьезные экономические вопросы в ближайшее время. Во-вторых, установление дипломатических отношений, по мнению канцлера, было бессмысленно без решения вопросов о воссоединении Германии и возвращении немецких граждан из СССР. В-третьих, планировалось создание четырех смешанных комиссий (политической, экономической, культурной, по проблеме военнопленных). В-четвертых, в случае отказа советской стороной обсуждения вопроса о единстве

¹ Филитов А.М. Германский вопрос от раскола к объединению. М.,1993. С. 164.

² Новик Ф.И. Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ (сентябрь 1955 г.) // Труды Института российской истории. Выпуск 8. М.: Наука, 2009. С. 236.

³ Визит канцлера Аденауэра в Москву 8-14 сентября 1955г. С. 35, 36.

⁴ Там же. С. 37, 38.

⁵ Визит канцлера Аденауэра в Москву 8-14 сентября 1955г. С. 39-41.

⁶ Там же. С. 42, 43.

Германии и возвращении немецких военнопленных, немецкая сторона могла предложить «обмен дипломатическими агентами», чтобы не прерывать полностью контакты между двумя державами. В-пятых, Аденауэр осветил на заседании основные пункты собственной речи по случаю открытия переговоров, в которой делался основной акцент на обязательство четырех держав о воссоединении Германии, праве немецкого народа на самоопределение¹.

Подготовка к переговорам активно велась и в МИД СССР. В случае, если немецкая сторона будет особое внимание уделять вопросу о восстановлении единства Германии, советская делегация может предложить для обсуждения тему о создании системы коллективной безопасности в Европе, в рамках предложений СССР, выдвинутых на Женевском совещании Глав правительств четырех держав. В случае, если делегация ГФР не согласится на установление дипломатических отношений, и в свою очередь предложит создание комиссий из представителей ГФР и СССР для рассмотрения неурегулированных вопросов, то советским представителям следует отклонить это предложение, заявив, что оно может быть понято как выдвижение предварительных условий для установления дипломатических отношений, с чем советская сторона не сможет согласиться².

23-24 августа 1955 года в Москве побывала группа германских экспертов во главе с фон Чиршке, которая согласовала все протокольные детали относительно пребывания германской делегации³. К данному моменту уже был определен и основной состав делегаций. С советской стороны главой делегации был назначен Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин, так же входили член Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущев, Первый Зам. Совета Министров СССР и Министр иностранных дел СССР В. М. Молотов, Первый Зам. Председателя Совета Министров СССР М. Г. Первухин, Министр внешней торговли И. Г. Кабанов, Зам. Министра иностранных дел СССР В. С. Семенов⁴.

Главой германской стороны являлся Федеральный канцлер К. Аденауэр. В состав официальной делегации входило 20 человек, в том числе министр иностранных дел Г. Фон Брентано, статс-секретарь Министерства иностранных дел В. Хальштейн, статс-секретарь Канцелярии Федерального канцлера Г. Глобке, посол Г. Бланкенхорн и другие⁵. Всего в дипломатическую миссию входило 120 человек, которые прибывали во Внуково двумя самолетами⁶. Как отметил Аденауэр на заседании Кабинета министров 31 августа 1955 года, в состав делегации не включили ряд влиятельных персоны, которые могли существенно повлиять на ход переговоров, способствовать установлению более тесных отношений между СССР и ФРГ, что должно было успокоить, в какой-то мере, западных союзников и противников переговоров с СССР в Бонне.

25 августа 1955 года Президиум ЦК КПСС дал согласие на въезд в СССР 82 корреспондентам ФРГ и 15 корреспондентам ГДР, «а так же 10 корреспондентам прогрессивных органов печати Западной Германии»⁷. Кроме того, 7 сентября советские органы пошли на определенные «исключения» существовавших правил и разрешили иностранным корреспондентам «передавать информацию о переговорах за границу по телефону, телеграфу и телетайпу без предварительного просмотра цензурой»⁸.

Несмотря на то, что подготовка к переговорам шла полным ходом, статс-секретарь Канцелярии Федерального канцлера Г. Глобке в секретной записке от 6 сентября 1955 года писал, что немецкий представитель в Москве фон Чиршке сможет получить окончательные «объяснения» относительно программы пребывания канцлера в Москве только 7 сентября. Хотя у Чиршке имелись опасения, что «окончательные указания» он получит от советской стороны не ранее 8 сентября. Немецкая программа пребывания была передана СССР уже 1 сентября и ответа пока не поступало⁹.

¹ Новик Ф. Поездка Конрада Аденауэра в Москву... С.323-324.

² Цит. по: Ахтамзян А.А. Миссия канцлера Конрада Аденауэра в Москву – уникальное событие в истории дипломатии XX века. Взгляд назад в будущее. К 50-летию установления дипломатических отношений. Blick zurueck in die Zukunft. Zum 50. Jahrestag der Aufnahme der diplomatischen Beziehungen, М., 2005. С.114.

³ Ахтамзян А. А. Объединение Германии. С. 31.

⁴ Визит канцлера Аденауэра в Москву 8-14 сентября 1955г. С.46.

⁵ Визит канцлера Аденауэра в Москву 8-14 сентября 1955г. С. 46-47.

⁶ Ахтамзян А. А. Объединение Германии. С. 31.

⁷ Визит канцлера Аденауэра в Москву 8-14 сентября 1955г. С.44.

⁸ Там же. С.45.

⁹ Bundesarchiv.Koblenz. В 136/3644.

Тем не менее, 8 сентября самолет на борту с Аденауэром совершил посадку в аэропорту Внуково, где канцлера встретил Булганин, Молотов, Первушин, Суслов, Громыко и другие. Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева, «который позднее на переговорах наряду с Булганиным играл значительную роль, не было». В своей приветственной речи Аденауэр выразил надежду на возможность установления хороших отношений между ФРГ и СССР¹. Хотя как показали переговоры, начавшиеся 9 сентября 1955 года, достичь желаемого оказалось весьма проблематично.

Итогом непростых переговоров, участники которых порой забывали о дипломатическом протоколе, стал многосторонний компромисс. В обмен на установление официальных отношений между двумя странами Председатель советского правительства Н.А.Булганин пообещал вернуть на родину последних немецких военнопленных. Аденауэр сделал для СССР, как участника Потсдамской конференции, исключение из «доктрины Хальштейна», подразумевавшей разрыв отношений Федеративной Республики Германии с любым государством, признавшим ГДР. Переговоры не принесли с собой никаких подвижек в германском вопросе, экономические отношения восстанавливались очень медленно.

А.А. Гуменюк
Саратов

XX СЪЕЗД КПСС – КАТАЛИЗАТОР ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

После распада Советского Союза российское руководство главной целью своей деятельности декларировало создание эффективной рыночной экономики. Среди обязательных функций государства задача социальной защиты и поддержки населения отступала на второй план, на первый выдвигались программы приватизации собственности, либерализации цен, конверсии. Советский опыт решения социальных проблем идеологи рыночных реформ без какого-либо критического анализа объявили «историческим мифом». Высокие цены на нефть позволяли поддерживать довольно высокий уровень жизни россиян даже после уничтожения производящих отраслей промышленности. Масштабный экономический кризис, начавшийся в 2008 г. и усугубленный санкционной политикой Запада в 2013 г., разрушил иллюзии социальной защищенности населения и «социальную безмятежность» государства. Именно это обстоятельство делает исключительно значимым и актуальным исследование проблемы эволюции социальной политики СССР в условиях «полной автономности» советской экономики.

Большевики, придя к власти, многократно декларировали о своем стремлении радикально улучшить уровень жизни населения России. Однако решение неотложных задач по удержанию власти в годы Гражданской войны, сохранению контроля над командными высотами экономики в годы НЭПа, а также осуществлению ускоренной модернизации поглощали имеющиеся в стране материальные ресурсы, вынуждая государство проявлять заботу лишь об ограниченной части населения. Только военное лихолетье и период послевоенного восстановления страны заставили государство пересмотреть свое отношение к социальным проблемам, обострившимся в 1941 – начале 1950-х гг. до предела. Тем самым, в первое послевоенное десятилетие был инициирован процесс выделения социальной политики в самостоятельное направление внутренней политики государства, завершившейся уже после смерти Сталина.

Группа государственных деятелей, сосредоточивших в своих руках власть весной 1953 г., стала проводить экономическую и социальную политику, которая существенно отличалась от сталинской. Старт этим преобразованиям был дан на сентябрьском 1953 г. пленуме ЦК КПСС. Однако целостная программа строительства советского потребительского общества оформилась в ходе работы XX съезда КПСС, проходившего с 14 по 25 февраля 1956 г.². Этот партийный форум можно охарактеризовать как переломный не только для общественно-политической жизни страны, но и для других аспектов внутренней политики государства, и, прежде всего, социальной политики.

Н. С. Хрущев, заняв пост первого секретаря ЦК КПСС, считал первостепенной задачей своей социальной политики создание условий для полноценного обеспечения населения продуктами,

¹ Bundesarchiv. В 122/570.

² См.: XX съезд КПСС (14-25 февраля): Стенографический отчет. Т. I-II. М., 1956.

чтобы питание соответствовало научно-обоснованным нормам, и было не хуже, чем на Западной Европе и США. Первые законодательные инициативы первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева в сфере обеспечения продовольственной безопасности населения страны были приняты еще на сентябрьском пленуме ЦК КПСС 1953 г. и дополнены постановлениями пленумов 1954 г. и 1955 г. Однако они представляли собой в большей степени набор антикризисных мер с целью создания условий для потребления необходимых для выживания человека продуктов (хлеб, картофель, мясо, молоко, яйца, шесть)¹ и обеспечения минимумом товаров первой необходимости².

Решения XX съезда КПСС относительно этого аспекта социальной политики отличала системность. Они определяли стратегию дальнейшего развития страны по обеспечению всего того, что требуется для достойного существования человека³. Идеи, положенные в основу решений этого съезда, получили развитие в постановлениях, принятых партией и правительством в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Речь в них шла об обеспечении населения овощами, макаронами, одеждой и обувью из синтетических и традиционных материалов, мебелью, различными бытовыми и хозяйственными товарами и т.д.⁴. Таким образом, в годы «хрущевской оттепели» была создана законодательная база, повышавшая возможности советской экономики полнее удовлетворять продовольственные и товарные запросы населения. Даже те решения, которые существенно подорвали престиж Хрущева в обществе и явились причиной экономических трудностей и социального недовольства, изначально самим Никитой Сергеевичем задумывались как меры по стимулированию непосредственных производителей максимально обеспечить население продовольствием⁵.

На повышение степени доступности населению товаров и продуктов были нацелены меры по реформированию торговой сети. Основные направления этих преобразований также содержались в итоговых документах XX съезда КПСС. Во-первых, предпринимался количественный рост торговых предприятий за счет выделения на первых этажах в новых жилых домах необходимых помещений, а также строительства торговых комплексов по типовым проектам. Во-вторых, осуществились меры по качественному изменению торгового обслуживания путем внедрения методов самообслуживания и других прогрессивных форм обслуживания покупателей (предварительная расфасовка товаров для продажи населению, расширение сети магазинов без продавцов, магазинов автоматов, развитие посыльных и кольцевых форм торговли). Одновременно делегаты съезда рекомендовали внедрять самообслуживание в общественном питании. Еще одним немаловажным условием достижения научно обоснованных норм потребления продуктов и изобилия товаров в стране являлась проблема доходов населения, особенно низкооплачиваемых. И первый шаг в ее разрешении был сделан именно на XX съезде КПСС, участники которого постановили повысить реальную заработную плату рабочих и служащих в среднем примерно на 30 процентов, подняв при этом уровень заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим⁶. Тем самым это решение заложило законодательный фундамент для появления у наименее обеспеченной части населения больших возможностей в приобретении всего необходимого им для достойного существования.

Необходимость доказать преимущества социализма более наглядным путем требовала от Н. С. Хрущева проявлять заботу не только о малоимущих гражданах страны, но и о массе пожилых людей. Поэтому с 1 января 1954 г. в стране начала осуществляться реформа пенсионного обеспечения⁷. Однако базовый документ этой реформы – закон «О государственных пенсиях» был принят именно в развитие постановлений XX съезда КПСС, делегаты которого в своих докладах

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 8. 1946–1955. М., 1985. С. 359–360, 468; Т. 9. 1956–1960 гг. М., 1986. С. 192, 483; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2. М., 2006. С. 490.

² См.: См.: РГАНИ, ф. 3, оп. 31, д. 17, л. 137; Хрущев С. Н. Никита Хрущев: Реформатор. М., 2010. С. 140, 216, 913, 947, 969.

³ См.: Резолюции XX съезда коммунистической партии Советского Союза. 14-25 февраля 1956 г. М., 1956. С. 77, 79, 80.

⁴ См.: РГАНИ, ф. 3, оп. 16, д. 935, л. 12; ГААО, ф. Р-2233, оп. 9, д. 223, л. 194–195, 253 об. – 255, 282–283; КПСС в резолюциях ... Изд. 9-е. Т. 9. С. 239–241; СП СССР. 1958. № 4. Ст. 36. № 5. Ст. 45. 1959. № 18. Ст. 147.

⁵ Более подробно об этом см.: Хрущев С. Н. Указ соч. С. 553–556, 560–561, 791–792.

⁶ См.: Резолюции XX съезда коммунистической партии Советского Союза. 14-25 февраля 1956 г. С. 77, 79–80, 81.

⁷ РГАНИ, ф. 3, оп. 28, д. 4, л. 16–21.

затронули и вопрос улучшения материального обеспечения престарелых граждан¹. Таким образом, этот партийный форум придал пенсионной реформе существенное ускорение. Распространение же действия закона от 14 июля 1956 г. на жителей деревни в июле 1964 г. явилось исходным пунктом в уравнивании социального статуса жителей города и села в СССР.

Следующим важнейшим направлением социальной политики в постсталинском СССР являлась проблема обеспечения подавляющей массы советских людей малогабаритными отдельными квартирами. Делегаты XX съезда партии уделили этой проблеме также немало внимания. Относительно этого вопроса, в резолюции съезда «По повышению материального и культурного уровня жизни народа» говорилось о дальнейшей индустриализации жилищного строительства путем широкого применения сборных железобетонных конструкций и деталей; применении типовых проектов, недопущении архитектурных излишеств; помощи трудящимся в строительстве жилья за счет личных сбережений и с помощью государственного и колхозного кредита². Тем самым был не только дан старт первому в истории страны массовому жилищному строительству, но созданы условия для возрождения жилищной кооперации.

Среди важнейших ценностей, обеспечивающих высокое качество жизни людей, одно из лидирующих позиций принадлежит здоровью, заботу о котором также проявлял Н. С. Хрущев. Основные направления развития законодательных инициатив в сфере здравоохранения также были намечены делегатами XX съезда КПСС. Первым них стал пакет мероприятий по стимулированию рождаемости в стране, улучшению лечебно-профилактического обслуживания женщин и детей, снижению детской смертности, расширению сети роддомов, особенно колхозных, женских консультаций и фельдшерско-акушерских пунктов. Тем самым руководство страны заменяло отмененный 1 ноября 1955 г. сталинский закон о запрете абортов от 27 июня 1936 г. более продуманной политикой в области материнства и детства. Вторым направлением модернизации здравоохранения стала программа мер по повышению доступности населению специализированной медицинской помощи, улучшению материально-кадровой базы здравоохранения³. Таким образом, создавались условия для превращения специализированной медицинской помощи в неотъемлемую часть повседневной жизни советского человека.

Ускорение, данное законодательству советского государства в социальной сфере решениями XX съезда КПСС, позволило советской социальной политике находиться в центре внимания руководства страны вплоть до середины 1970-х гг. Стабилизация экономической ситуации внутри страны к началу 1970-х гг. позволила новому руководству страны в марте 1971 г. сформулировать лозунг, определявший главной задачей хозяйственного развития страны удовлетворение все возрастающих материальных и культурных потребностей трудящихся⁴. Период второй половины 1960-х – первой половины 1970-х гг. был отмечен принятием множества важнейших социальных решений, способствующих реализации в жизнь положений принятой еще октябре 1961 г. третьей программы партии⁵. Тем самым, пришедшее в середине октября 1964 г. к власти новое руководство страны получило готовый алгоритм для дальнейшего проведения социальных реформ. В рамках этого процесса фактически были реализованы в жизнь многие идеи, направленные в адрес Президиума ЦК КПСС еще Н. С. Хрущевым. Речь шла об осуществлении комплексной мелиорации земель, строительстве широкой сети птицефабрик, механизированных овцеводческих ферм, крупных комплексов по производству свинины, откорму крупного рогатого скота и производству молока⁶. Кроме того, за 1966–1974 гг. было принято около десяти постановлений партии и правительства о дальнейшем увеличении производства товаров народного потребления и сближении темпов роста производства продукции предприятиями группы «А» и группы «Б».

¹ См.: Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917–1958 гг.). МГУ, 1966. С. 549–552; РГАНИ, ф. 3, оп. 28, д. 1, л. 65; Резолюции XX съезда коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. С. 79.

² См.: Резолюции XX съезда коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. С. 72–73, 81–82.

³ См.: Там же. С. 78, 85–86.

⁴ См.: Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1972. С. 41, 42.

⁵ В ней государство предстает как комплекс институтов, заботящихся о человеке от рождения до смерти, о его жилищных условиях, пище, бытовом обслуживании, о содержании пенсионеров и т.д. Эта программа нацеливала на построение в СССР социального государства. (См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М., 1976. С. 90–100).

⁶ См.: КПСС в резолюциях ... Изд. 8-е. Т. 10. 1969–1971. М., 1972. С. 324–330; Изд. 9-е. Т. 11. 1966–1970. М., 1986. С. 93, 95, 534.

Именно на это нацеливал экономику страны Л. И. Брежнев, выступая с отчетным докладом 26 марта 1966 г. на XXIII съезде КПСС¹.

Начатый еще Хрущевым курс на обеспечение людям жизни, достойной человека, активно продолжал активно реализовываться в других сферах социальной политики. В конце 1960-х гг. была создана законодательная база для реализации социального проекта «Доступное и комфортное жилье». Он предусматривал не только повышение этажности жилых домов (на смену пятиэтажкам должны были прийти девятиэтажные дома), но и повышение удобства при проектировании, оборудовании и отделке квартир².

Был повышен необлагаемый налогами минимум заработной платы. Городские и сельские жители стали получать одинаковые пенсии (разница сохранялась лишь в размерах минимальных пенсий)³. На новый уровень вышел комплекс мер по приближению специализированной медицинской помощи населению, особенно сельскому. На заботу о здоровье будущих поколений советских людей был нацелен национальный проект «Спорт», запущенный в 1966 г.⁴. Инициатором принятия многих социальных решений выступал сам Л. И. Брежнев, социальный уклон политики которого доказывает содержание его личного дневника. Записи генсека, сделанные в 1965–1970 гг. содержали множество мыслей и идей о росте зарплаты, ценах на продукты, охране труда и др.⁵. Таким образом, в 1965–1974 гг. социальная политика являлась одним из приоритетов внутреннего развития СССР.

Резкое ухудшение здоровья руководителя СССР в декабре 1974 г. существенно затормозило интенсивное продвижение страны по пути социальных преобразований. Однако социальное законодательство, набрав высокий темп развития в предшествующее десятилетие, в течение второй половины 1970-х гг. продолжало по инерции поступательное развитие вперед. Многие из вышеперечисленных законодательных инициатив требовали логического завершения, итогом чего стало принятие в 1977 г. новой Конституции. Основные ее положения свидетельствовали об окончательном оформлении в СССР социального государства⁶. В то же время возможностей для реализации социального блока основного закона страны становилось все меньше и меньше. Эффект от экономической реформы 1965 г. после известных событий в Чехословакии в 1968 г. стал стремительно сокращаться и к середине 1980-х гг. в экономике стагнация явно превалировала над динамизмом. СССР все больше и больше отставал от Западной Европы, где стремительно набирала обороты научно-техническая революция. Руководство же Советского Союза видело рецепт преодоления трудностей в дальнейшем развитии мелиорации⁷. Поэтому ориентиры на улучшение качества жизни людей, на которые нацеливали развитие экономики постановления партийных съездов, пленумов и многочисленные решения партии и правительства, так и оставались практически нереализованными⁸.

Социальная политика постепенно утрачивала свое приоритетное положение во внутривластном курсе. Доступным и комфортным жильем были обеспечены не все

¹ См.: СП СССР. 1965. № 3. Ст. 16. 1966. № 12. Ст. 116; Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 60; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 7. июнь 1968 – 1969 гг. М., 1970. С. 305–308, 410. Т. 9. Февраль 1972 – сентябрь 1973 гг. М., 1974. С. 294–295, 329–330; Т. 10. октябрь 1973 – октябрь 1975 гг. М., 1976. С. 185; Чазов Е. Здоровье и власть: Воспоминания кремлевского врача. М., 1992. С. 80, 97, 124, 126.

² См.: См.: СП СССР. 1965. № 17. Ст. 130. 1969. № 15. Ст. 84; СП РСФСР. 1965. № 23. Ст. 144. 1966. № 15. Ст. 79. РГАНИ, ф. 3, оп. 31, д. 29, л. 152–154, 159; Материалы XXIII съезда КПСС. С. 61. Материалы XXIV съезда КПСС. С. 180.

³ СП СССР. 1967. № 23. Ст. 161. № 26. Ст. 183. 1973. № 1. Ст. 2; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 8. С. 466–468. Т. 9. С. 339. СП СССР. 1967. № 23. Ст. 161.

⁴ СП СССР. 1968. № 13. Ст. 82; Материалы XXIII съезда КПСС. С. 162; КПСС о профсоюзах. М., 1967. С. 607–609.

⁵ См.: Дневниковые записки Л. И. Брежнева (1957–1982) // Хинштейн А. Указ. соч. С. 483–491.

⁶ См.: Конституция (основной закон) Союза советских социалистических республик. М., 1977. С. 11–13.

⁷ Чазов Е. Указ. соч. С. 112–113, 115, 126–127, 129, 140, 141, 144; Материалы Пленума Центрального комитета КПСС, 23 октября 1984 г. М., 1984. С. 41–63.

⁸ См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 120, 194–195; Брежнев Л. И. Выступление на Пленуме Центрального Комитета КПСС 27 ноября 1978 г.; Постановление Центрального Комитета КПСС. М., 1978. С. 12–13; Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 48, 49, 112, 113, 161–162, 163; КПСС в резолюциях ... Изд. 9-е. Т. 13. 1976–1980. М., 1987. С. 297; Т. 14. 1980–1981. М., 1982. С. 71–73, 75, 483, 530; СП РСФСР. 1981. № 10. Ст. 62; СП СССР. 1981. № 22. С. 578–581. 1983. № 13. С. 228–230; Андропов Ю. В. Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. Избранные речи и статьи. М., 1984. С. 377, 477.

нуждавшиеся в улучшении жилищных условий граждане, особенно в сельской местности¹. Принятие в 1977 г. и 1982 г. специальных документов об улучшении медицинского обслуживания населения, призывы руководства страны в 1983 г. и 1984 г. ежегодно проводить диспансеризацию населения, все это было продиктовано не столько стремлением продолжения модернизации здравоохранения, сколько выработкой путей разрешения нараставших в стране демографических проблем². Этими же соображениями объясняется попытки власти скорректировать демографическую политику, повысив в начале 1980-х гг. единовременные пособия на детей и введя частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до года³. Однако, это были вынужденные меры, продиктованные обстоятельствами, представлявшими угрозу существованию СССР. Угрожающий характер приобретала и ситуация с обеспечением населения продовольствием. Попытка повысить эффективность экономики, предпринятая в конце 1970-х гг. обернулось ростом социального недовольства, поскольку в разряд дефицитных попало еще больше самых необходимых населению товаров⁴. Нейтрализовать эти негативные проявления была призвана принятая на майском пленуме ЦК КПСС 1982 г. «Продовольственная программа». Ее целью было «... в возможно более короткие сроки надежно обеспечить население страны продуктами питания»⁵. Однако к концу 1984 г., руководство страны вынуждено было констатировать сохранение остроты «... в снабжении населения многих городов продуктами питания, и прежде всего, мясом ...»⁶. Это означало провал курса на достижение всеобщего достатка в обществе (именно так понимало коммунизм советское руководство) в течение двадцати лет, на что ориентировала принятая осенью 1961 г. программа партии.

Ю. В. Андропов был вынужден признать, что страна находится фактически в начале пути строительства коммунизма и для достижения конечной цели ей предстоит преодолеть еще не один этап⁷. В частном порядке генсек высказывался еще более радикально: «Какой там ... развитой социализм, нам до простого социализма еще пахать и пахать»⁸. Однако нерешительность руководства страны в лице сначала Андропова, а затем Черненко в проведении курса на дальнейшее совершенствование развитого социализма так и не позволила в 1983-1984 гг. создать в стране экономическую основу для разрешения назревших социальных проблем. Их обострение в период «перестройки» ускорило процесс отрицания социалистических идей населением СССР, а у руководства страны не хватило административных ресурсов для противодействия этому явлению. В конечном итоге это привело к распаду союзного государства

Таким образом, XX съезд КПСС придал советскому законодательству в сфере социальной политике важнейший импульс, энергетика которого сохранялась вплоть до середины 1970-х гг. В течении последнего предперестроечного десятилетия активность государства в социальной сфере стала постепенно угасать. Помимо своего прямого назначения – удовлетворять потребности людей в более комфортной жизни, причинами проведения советским руководством социально ориентированной внутренней политики являлась необходимость, во-первых, как Хрущеву, так и Брежневу одержать верх над своими соперниками в борьбе за власть (политический аспект), а, во-вторых, доказать преимущества социализма на международной арене. Возможности реализации принятых в эти годы социальных решений зависели от диапазона социальной мобильности, самые широкие пределы которого приходится на 1966–1974 гг.

¹ См.: СП РСФСР. 1978. № 17. Ст. 102; СП СССР. 1981. № 29. Ст. 169.

² См.: КПСС в резолюциях ... Т. 13. С. 204–216; Т. 14. 1981–1984. М., 1987. С. 365–367, 523–524; Андропов Ю. В. Указ. соч. С. 478, 480.

³ См.: СП СССР. 1981. № 13. Ст. 75. № 24. Ст. 139, 141, 1984. № 6. Ст. 32, № 8. Ст. 46; Материалы XXVI съезда КПСС. С. 104–105, 178.

⁴ См.: КПСС в резолюциях ... Изд. 9-е. Т. 13. С. 353–396.

⁵ См.: Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и о мерах по ее реализации: Материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 г. М., 1984. С. 5, 8–10.

⁶ См.: Материалы Пленума Центрального комитета КПСС, 23 октября 1984 г. С. 7.

⁷ Андропов Ю. В. Указ. соч. С. 432.

⁸ Цит. по: Шубин А. В. Золотая осень, или период застоя. СССР в 1975–1985 гг. М., 2008. С. 243.

Е.В. Буреева
Казань

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА 1950-1960-Х ГГ.: ПОПЫТКА ДИАЛОГА ИЛИ ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ РТ)

В советский период большие потоки писем традиционно устремлялись в партийные органы, так как именно с ними население связывало надежду на разрешение разного рода проблем. Однако, в середине 1950-х гг. большое количество писем населения направляется в редакции крупных периодических изданий. Читательская почта в ТАССР чаще всего направлялась в редакции крупных республиканских газет «Советская Татария» («Совет Татарстаны») и «Комсомолец Татарии»

Необходимо отметить, что письма, направляемые в партийные органы, содержали главным образом жалобы и просьбы личного характера. Письма в газету носили более конструктивный и общественно значимый характер. Газета стала рассматриваться как трибуна для озвучивания и дальнейшего решения общественных проблем. Принципиальным становится вопрос о том, стихийным был этот процесс или это стало новым инструментом партийного руководства.

Конечно не все письма находили свое отражение на страницах газет, однако в документах первичных партийных организаций редакций газет, а также в протоколах заседания оргбюро Союза журналистов ТАССР содержится достаточно информации, позволяющей говорить о содержании читательских писем.

В середине 1950-х гг. в республиканских газетах впервые были созданы рубрики по читательским письмам: «Из писем в редакцию», «Почта «Чаяна», «Читатели о газете», «Письма в редакцию», «Нам пишут». В таких публикациях поднимались самые разнообразные вопросы: когда будет построен обещанный клуб, почему на сценах театров мало пьес для детей, почему в общежитиях не хватает мест и т.д.

В газете Арского района «Новая жизнь» в 1955 г. появилась рубрика «Письма в редакцию», в которой часто печатали статьи с откликами на постановки художественной самодеятельности и претензиями к работе сельских клубов. Житель деревни Сукачи Н. Зарипов жаловался, что в их хорошем клубе нет драматического кружка, И. Шагимуратов выразил недовольство плохой игрой актеров драмкружка, показавших драму Т. Гиззата¹

Большую часть читательских писем составляли жалобы и заметки о работе учреждений культуры.² Так, в январе 1954 года газета «Советская Татария» опубликовала серию писем читателей, возмущенных отсутствием пьес для детей в репертуаре Казанского театра юного зрителя.

В газете «Комсомолец Татарии» в середине 1950-х годов появляется серия статей работников милиции о попустительстве людей в отношении хулиганов и пьяниц. Так, в 1959 году лейтенант милиции С. Волков в статье «Исправьте Владимира Ионов» пишет о том, что В. Ионов регулярно пьет, бьет жену и мать, а соседи и друзья не предпринимают никаких мер для его исправления.³

На страницах газет стали публиковать обличительные статьи рядовых граждан о соседях, знакомых, которые проявляют такие черты как эгоизм, черствость, нежелание работать.

Со страниц газет и журналов авторы статей не только обличали пороки, несовместимые с образом строителя коммунизма, но и призывали самих граждан участвовать в коммунистическом воспитании.

Как правило, подборка писем в газете составлялась соответственно очередной установке партийного руководства. В 1962 году перед редакциями всех периодических изданий республики была поставлена задача, сформулированная на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС: «поднять культуру села». Соответственно во многих газетах республики были опубликованы письма читателей, выступающих за «необходимость поднять культуру села», «развивать самодеятельность», «помогать сельским очагам культуры» и т.д.⁴

Так, в газете «Комсомолец Татарии» в рубрике «По письмам читателей» в 1962 году была напечатана серия статей о плохой организации работы в клубах и отсутствии кружков

¹ Письма в редакцию //Новая жизнь. - 1958. - 8 января.

² Из материалов интервью с Юлией Петровной Порошиной. Личный архив автора.

³ Воспитать человека коммунистического завтра // Комсомолец Татарии. -1959.- 9 января.

⁴ Клуб есть, да что толку// Нижнекамский колхозник. - 1963. - 7 апреля; Сельский клуб – центр культуры! // Новая жизнь. - 1962. - 12 января.

художественной самодеятельности. Житель села Абди Актанышского района И. Колдин пишет, что жители села «хотят заниматься в кружках худ. самодеятельности, но такой возможности у них нет, так как клуб по две недели вообще не открывается»¹. Однако, необходимо отметить, что авторы писем хорошо понимали ситуацию и правильно аргументировали свои просьбы. Необходимость строительства клуба объяснялась не отсутствием культурной жизни и хоть какого-то досуга, а тем что хороший труд возможен только при хорошем отдыхе, для которого нужен новый клуб.

В январе 1956 года в ТАССР вышел первый номер журнала «Чаян» («Скорпион») на русском языке, который сразу стал весьма популярным не только в республике, но и за ее пределами. «Рейтинг» журнала складывался не только за счет карикатур и юмористических историй, но и за счет публикаций критических писем читателей и откликов на них.

Читательская почта, стала, пожалуй, одной из немногих возможностей «простого советского человека» обратиться к властным структурам со своими нуждами, предложениями, пожеланиями.

В письмах читателей были не только бытовые просьбы, жалобы на соседей и плохую работу сферы быта, но и вопросы, затрагивающие развитие промышленности, сельского хозяйства, экономики, культуры. Пресса стала восприниматься как защитник и советник, в свою очередь газеты и журналы пытались услышать своего читателя, пытались дать адекватный ответ на его запросы.

Необходимо отметить, что не все письма читателей находили свое отражение на страницах газет, большое количество писем оставалось в редакциях. Так, из 1542 писем читателей, поступивших в редакцию газеты «Советская Татария» в сентябре 1961 г. было опубликовано только 590 писем². Приоритет отдавался письмам на сельскохозяйственную тематику. В сентябре 1962 года в отдел сельского хозяйства редакции газеты «Советская Татария» пришло 233 письма, из них напечатано было 226 писем; в отдел культуры – 69 писем, напечатано 34; в промышленно – экономический отдел поступило 50 писем, опубликовано было 40.

Читательская почта газет и журналов 1950-х-1960-х гг. позволила выяснить какие изменения произошли в сознании общества, какие вопросы и проблемы являлись приоритетными для населения республики. В июне 1953 года в рубрике «Читатели о книгах» было опубликовано письмо преподавателя Чистопольской школы Р. Портмана, в которой он высоко оценил очерк В. Овечкина «Районные будни». «Очерк Овечкина,- пишет читатель, - подкупает большой силой правды, высотой художественного мастерства, актуальной значимостью»³. Публикация письма на страницах официальной республиканской газеты свидетельствовала о совпадении партийной оценки с мнением читателя. В таких случаях, когда мнение читателей совпадало с точкой зрения критики, то критики говорили: «Как вырос читатель!». А когда расходилась, то говорили: «читателя надо правильно воспитывать»⁴.

Увеличившийся поток корреспонденции после XX съезда КПСС вызвал необходимость создания в Татарском обкоме КПСС Отдела писем в январе 1957 г. Жители республики центральную прессу воспринимали как более действенную и в большинстве случаев писали в центральные газеты и журналы, которые в свою очередь переправляли письма в Татарский обком КПСС. Причем существовало четкое разграничение писем по проблематике. Так, письма с жалобами на злоупотребление властью местными чиновниками направлялись читателями в газету «Правда», о недостатках в сельском хозяйстве писали в журналы «Сельское хозяйство» и «Крестьянка». О вопросах касающиеся литературы и искусства – в «Известия» и «Литературную газету».

Об этом же свидетельствуют первые строки из письма жителя Казани А.Н. Кузьмина в газету «Известия»: «Вынужден обратиться к Вам и это не удивительно. Являясь постоянным читателем газеты, я имел возможность убедиться в том, что она выступает за справедливость»⁵. Именно «Известия» в период 1953-1964 гг. выступила с рядом инициатив. Например, в этой газете в июне 1953 года было напечатано первое письмо заключенного из колонии.

Существенно отличалась читательская почта казанской молодежной газеты «Комсомолец Татарии». Молодежь воспринимала газету «Комсомолец Татарии» скорее как советника и доброго друга. Молодые люди с помощью газеты пытались разобраться в своих чувствах, разрешить трудную ситуацию, сделать сложный выбор. Так в одном из писем, опубликованных в газете, девушка Катя поделилась своими непростыми отношениями с молодым человеком-студентом.

¹ Больше внимания сельским очагам культуры // Комсомолец Татарии. – 1954. – 31 января.

² НА РТ. Ф. Р-4821. Оп. 2. Д. 20. Л.1.

³ Портман Р. Читатели о книгах // Советская Татария. – 1953. – 5 июня.

⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 4128. Л. 21.

⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 43. Д. 163. Л.11.

Владимир ей очень нравится, но Катя не может с ним дружить, потому что он ведет себя не по-коммунистически. (причем, в опубликованном письме отсутствовали подробности, и современному исследователю можно только предположить – как это – не по-коммунистически). Как ей быть? Отвернуться от человека, которого все осуждают, или отвернуться от коллектива?¹ Впервые через письма молодежи поднимается проблема взаимодействия человека и общества, проблема общественных ценностей. В одном из писем ученицы училища осуждают свою одноклассницу за то, что она бегаёт постоянно на свидания и хочет только одного – выйти замуж и сидеть дома с детьми. Такое поведение они назвали мещанским и несоответствующим облику современной советской девушки. В следующих номерах газет печатались комментарии и советы читателей, как правило, осуждающие героев статьи. Однако в редакцию поступали и письма, осуждающие и позиции авторов, которые сохранились в архиве редакции газеты «Комсомолец Татарии» и не были опубликованы. Эти письма, обсуждение которых должно было способствовать формированию правильного морального облика строителей коммунизма, имели порой и сопутствующий эффект. Они заставляли молодежь задумываться не только о будущем советского общества, но и о своем собственном будущем и настоящем.

Росту читательской почты способствовал и тот факт, что газеты не только публиковали письма читателей, но и отчет о проделанной работе. Появились рубрики, в которых можно было проследить результат расследования по письму. Так, в рубрике «По следам неопубликованных писем» группа молодых колхозников деревни Ст. Юмралы сообщила в редакцию о плохом состоянии сельского клуба. Для расследования письмо было послано в Апастовский райисполком. В статье сообщалось, что в результате расследования, проведенного председателем исполкома райсовета депутатов трудящихся Т. Мифтахова, зав. клубом М. Халиков от работы освобожден, и на ремонт клуба выделено 2 000 рублей.² Это создавало впечатление о действенности советской печати и росту доверия к газете.

Конечно, необходимо отметить, что работа редакций газет и журналов с письмами читателей была под контролем партийных органов, и действенность обращения обращений в газету была обусловлена именно этим. Однако, из огромного количества обращений граждан, руководящие органы весьма избирательно «требовали обратить внимание» и «брали на контроль» те письма, которые были «созвучны политическому моменту», работа с которыми способствовала активизации идеолого-воспитательной работы с населением.

В период с середины 1950-х до середины 1960-х гг. происходит рост читательской почты в республиканскую газету «Советская Татария». Если в сентябре 1960 года пришло 1442 письма, то в сентябре 1962 года уже 2584. В 1963 году на заседании Татарского обкома обсуждалась работа редакции газеты «Советская Татария» с письмами читателей. Это направление работы было признано неудовлетворительным, так как редакция к 1963 году не получила ответы на 163 письма и жалобы.

Читательская почта газет и журналов 1950-1960-х гг. дает возможность заглянуть за видимый фасад «оттепели», разглядеть разнообразные умонастроения в обществе. Конечно лишь часть писем, соответствующая тем или иным программным партийным установкам, находила отражение на страницах газет и журналов. Однако регулярно возрастающий поток читательской почты свидетельствует не только о росте доверия печатному изданию, но и о росте уверенности населения в собственных возможностях влиять на ситуацию в том или ином вопросе.

Так, весной 1957 года в «Литературную газету» поступило письмо двух жителей Казани Гумера Энверова и Шамиля Фахрульсламова «О будущем татарской культуры», в котором они отмечали, что «сейчас республика всеми силами готовится к декаде татарской литературы и искусства в Москве, которая явится смотром достижений Татарской республики... Но для того, чтобы дальше развивать национальную культуру необходимо, чтобы молодежь явилась приемником тех лучших традиций, которыми отличается наша культура». Авторы письма предлагают «ввести во всех школах республики татарский язык, предоставить право сдачи вступительного экзамена на татарском языке, создание групп в институтах с обучением на татарском языке.»³ Это письмо не было опубликовано и переправлено в Татарский обком КПСС. Эти предложения не могли быть приняты в этот период, однако, реализация этих и подобных идей стала возможна в 1990-е годы.

¹ Миронова К. Сложная ситуация // Комсомолец Татарии. – 1955. – 23 марта

² По следам неопубликованных писем // Комсомолец Татарии. – 1953. – 12 сентября.

³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6 А. Д.509. Л. 59.

Советская печать являлась органичной частью культурного и общественно-политического пространства. При этом периодические издания представляли собой влиятельнейший субъект политики, формирующий общественное мнение.

В середине 1950-х гг. власть призвала граждан помогать «бороться с недостатками» через читательскую почту и в ответ получила потоки критических писем. Большой поток читательской почты свидетельствует о доверии населения страны периодической печати и вере в силу печатного слова. По понятным причинам партийные инстанции в большей степени манипулировали общественной активностью людей, используя их обращения для укрепления политической линии, воздействуя на массовое сознание, в том числе и «печатным словом». Однако, сами читатели зачастую воспринимали читательскую почту как диалог, может даже не столько с властными структурами, сколько с обществом. Об этом свидетельствует содержание, проблематика и доверительный тон большого числа писем, многие из которых так и не были опубликованы.

И.А. Гузельбаева
Казань

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ДИАЛОГА ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН (1985-1991ГГ.)

Взаимодействие власти и интеллигенции в переходные исторические периоды является многогранным предметом изучения ряда социогуманитарных наук. Особое внимание исследователей привлекает вопрос культурной политики и механизмов ее практической реализации, посредством которого раскрывается данное взаимодействие¹.

Понятие интеллигенции претерпело изменения с XIXв. до нашего времени, однако некоторые исследователи справедливо замечают основополагающие черты интеллигенции, характерные для всех времен. Так, например, В.Ф. Кроммер такой чертой считает отчужденность от государственной власти, сознание коллективной отчужденности². Мы склонны к определению интеллигенции как дифференцированной социальной группы, состоящей из специалистов, занятых умственным и творческим трудом, а также обладающей высокими моральными качествами; способной артикулировать общественные интересы власти. При этом выделяют творческую или художественную интеллигенцию. Нам представляется наиболее емким и содержательным определение В.А. Копырина, по которому художественная интеллигенция является социально-профессиональной-группой, занятой высококвалифицированным умственным трудом по художественному (эстетическому) освоению мира³. К этому определению можно добавить ее нравственные характеристики, среди которых особенно выделить чувство справедливости и гражданского долга.

Эти характеристики обусловлены аксиологическими ориентирами, присущими творческой интеллигенции. Как отмечает А.Г. Здравомыслов, основу мировоззрения, систему взглядов и убеждений формируют базовые ценности⁴. Среди наиболее значимых для советской творческой интеллигенции второй половины 1980-х - начала 1990-х гг. ценностей можно выделить: общественную справедливость, идея мира, интернационализм, альтруизм, верность идее культурного и творческого развития и т.п. Ценности формируют потребности: эстетические, этические, познавательные, потребность в самореализации и раскрытии творческого потенциала.

¹ См.: Время, вперед! Культурная политика в СССР [Текст]/ Под. Ред. И.В. Глушенко, В.А. Куренного; Нац. Исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2013. 272 с.; Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. 2-е изд., испр. И доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009 — 304 с.: Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских исследователей. Под редакцией Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова и Инго Грабовского. Москва. «АИРО-XX» 2002. 480 с.; Чупринин С.И. Русская литература сегодня: новый путеводитель / Сергей Чупринин. - Москва: Время, 2009. - 814 с.

² См.: Кроммер В.Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдо-культура// Вопросы философии.1989. № 9. С. 71.

³ См.: Копырин В.А. Социологическое исследование художественной интеллигенции // Социологические исследования. 1975. №2, С. 74-81.

⁴ См.: Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности. М.: Политиздат, 1986. С.23.

Однако, при этом необходимым для каждого человека является удовлетворение базовых потребностей: физиологических, потребности в безопасности и социальных.

Желание удовлетворить аксиологические потребности творческой интеллигенцией раскрывается именно в ее взаимодействии с властью. Также через отношения интеллигенции и власти раскрываются существенные черты системы связей политики, идеологии и культуры, их влияния на общество.

Примечательно, что в диалоге с властью творческая интеллигенция выступает одновременно и как актер общественно-политического процесса, и как объект по отношению к власти.

Творческая интеллигенция как действующий субъект артикулирует и транслирует собственные и общественные интересы, ценности и потребности различными способами, которые раскрывают архивные документы. В Центральном Государственном архиве историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ) и Национальном архиве Республики Татарстан (НАРТ) представлены письма, обращения творческой интеллигенции органам власти, народным депутатам, выступления на собраниях и пленумах творческих союзов, конференциях, пленумах и съездах КПСС¹.

Также представители творческой интеллигенции выражают свои и общественные интересы на страницах центральной и местной периодической печати, пытаясь привлечь внимание власти к наиболее актуальным социально значимым вопросам, в том числе, отражающим запросы национальной культуры². Национальная культура в рассматриваемый период выступает важной ценностью для представителей творческой интеллигенции. В статьях поднимаются вопросы возможности развития и увеличение области применения татарского языка в республике, традиций, общественных наук по изучению национальной истории и т.п.

В тоже время, интеллигенция, являясь посредником между обществом и властью, выступает в детерминированном властью положении, находится в состоянии частичной конвергенции с властью. Многие представители творческой интеллигенции, особенно занимающие руководящие посты в творческих союзах или культпросвет учреждениях, вместе с этим занимают важную партийную должность. В справке «О работе Бауманского РК КПСС по повышению роли первичных партийных организаций Союза писателей, театрально-зрелищных учреждений в идейно-политическом воспитании творческой интеллигенции в реализации решений XXVII съезда КПСС» указывается: «РК КПСС уделяет постоянное внимание работе с руководящими кадрами творческих учреждений»³.

Следовательно, интеллигенция отчасти выполняет функцию транслятора партийно-государственной идеологии и ценностей, осуществляя реализацию культурной политики. Члены творческих союзов стремятся поддерживать, развивать курс политической власти, что отражается в материалах их планов, собраний и т.п. Это характерно для советских творческих и культурных организаций, в том числе, периода перестройки.

Для второй половины 1980-х гг. в стране и регионах характерны политические реформы, давшие возможность развития общественным внепартийным формированиям. Участники таких формирований, организаций формулировали свои требования, в том числе, относительно общественных проблем и вопросов культуры. Часть этих идей, требований получают дальнейшее развитие. Однако, преимущественно выполняются те требования, которые необходимы государственно-партийному аппарату для контроля общественного сознания. Аналогичные процессы характерны и для запросов, требований творческой интеллигенции, особенно в области развития национальной культуры. Национальная культура конструирует социальные нарративы, которые решают идеологические задачи, то есть могут осуществлять управление широкими массами, оперируя значимыми для них идеями, символами и т.д. В этом случае, национальная идея выступает в виде массовой, чему способствует интегрирующий потенциал национального мифа. Из этого можно заключить, что, интеллигенция в этих процессах выступает не как субъект, а как масса.

Показательно, что в своих письменных и устных заявлениях представители творческой интеллигенции ТАССР особое внимание уделяли проблемам возможности развития национальной

¹ См.: НАРТ. Ф. 7237. Оп.2. Д. 2326. Л. 7-12; А ИПД РТ Ф.15. Оп.14. Д. 254. Л.44-48; ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп.15. Д. 1591. Л.56.

² См.: Валеев Д. Приоритет равноправия // Литературная газета, 1988. - 23 ноября; Рахимов М. Дело не в имени, а в содержании // Социалистик Татарстан, 1988. - 20 октября; Садыков Н. С думой о языке // Вечерняя Казань, 1988. - 15 июля.

³ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп.15. Д. 370. Л.25

культуры в целом, языка в частности. Также, некоторые члены радикально настроенных неформальных организаций открыто требовали возвращения татарам этнонима булгары¹. Однако, государственно-партийные органы обращали внимание на конструктивные предложения, выдвигаемые интеллигенцией, наиболее необходимые всему населению, а также усиливающие легитимацию самой власти.

В решении некоторых важных социальных проблем представители творческой интеллигенции ощущали себя активным субъектом общественно-политических событий. Особенно, это было характерно для сферы журналистики. По воспоминаниям Людмилы Ивановны Колесниковой: «В первые месяцы моей работы в «Вечерке» редакция пожинала плоды своего феноменального газетного успеха – акции против строительства биохимзавода в районе теперешней Рублевки – престижного дачного массива Боровое Матюшино. Главных героев было два – редактор Гаврилов и журналист исполнитель этого гражданского заказа Женя Наумов. Его блестящий цикл статей на тему экологии и вреда будущего химзавод поставил крест на намерениях федеральных властей построить под Казанью второй «Оргсинтез». Как счастлив был главный редактор и как гордился своей победой редакционный коллектив!»². Это является иллюстрацией некоторого влияния представителей творческой интеллигенции на решения властей. Характеризуя развитие гласности в период перестройки, С.И. Никонова справедливо подчеркивает: «В истории нашей страны никогда прежде призывы интеллигенции не звучали так смело, слово писателя, деятеля культуры не было таким свободным и не имело такого веса»³.

В тоже время, можно согласиться с В.Ф. Кромером относительно двойственного положения советской творческой интеллигенции: «...на всем бытии интеллигенции лежит отпечаток всепроникающей раздвоенности. Интеллигенция не принимает Советской Власти, отталкивается от нее, порою ненавидит, и, с другой стороны, меж ними симбиоз, она питает ее, холит и пестует; интеллигенция ждет крушения Советской Власти, надеется, что это крушение все-таки рано или поздно случится, и, с другой стороны, сотрудничает тем временем с ней; интеллигенция страдает, оттого что вынуждена жить при Советской Власти, и вместе с тем, с другой стороны, стремится к благополучию. Происходит совмещение несовместимого»⁴. Такая двойственность в отношении политического и идеологического управления характерна и для представителей региональной творческой интеллигенции.

Ряд творческих деятелей республики указывали в интервью на государственную социальную поддержку членов творческих союзов, что во многом определяло характер взаимодействия с властью. Так, поэт А. Остудин вспоминает: «Союз Писателей СССР и Литфонд поддерживали писателей и поэтов, была достойная оплата, была продумана система поощрений в виде различных премий, были специальные дома отдыха для творческих деятелей. Профсоюз платил 10% от стоимости путевки. Эта система хорошо работала. При Советской власти я всего две книжки издал, а мог купить машину на полученные средства. Если бы не было перестройки, путча, я, размышляя как эгоист, могу сказать, что жил бы очень неплохо»⁵. Такую позицию занимали многие деятели культуры, как показало проведенное интервью⁶. Однако, некоторые творческие деятели придерживаются противоположной точки зрения в отношении оценки власти. Особенно это характерно для представителей неофициальной культуры, важной аксиологической потребностью для которых выступает свобода творческого самовыражения. Стремление к удовлетворению данной потребности обуславливало способы построения диалога с властью. Например, для выхода из-под политико-идеологического контроля и цензуры рок-музыканты нередко прибегали к определенным ухищрениям. Об этом указывает М. Журавлев участник группы «Холи» («Макс и Ко»): «Прежде чем получить разрешение выступить, нужно было тексты своих песен принести в отдел культуры горисполкома и поставить там первую печать, подтверждающую, что это петь можно. Затем райком, и, наконец, третья инстанция – печать того места, где ты будешь эту песню исполнять. Добыть печати было сложно, и мы начали хитрить: делали 2 текста. В одном были

¹ См.: ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп.15. Д. 2195. Л.90.

² Из интервью с Л. И. Колесниковой. Личный архив автора.

³ Никонова С.И. Власть и советская интеллигенция: особенности коадаптации/ Никонова С.И.// Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 5. С.140-143.

⁴ См.: Кромер В.Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдо-культура// Вопросы философии.1989. № 9, С. 65-79.

⁵ Из интервью с Алексеем Игоревичем Остудиным. Личный архив автора.

⁶ См.: Интервью с Александром Борисовичем Дерябиным. Личный архив автора; Интервью с Данилом Хабибрахмановичем Салиховым. Личный архив автора.

нейтральные слова, очень похожие по звучанию на те, которые могли бы не допустить, и на нем ставили все необходимые печати. На выступлении, конечно, исполняли второй вариант, а если нас потом начинали за это ругать, говорили, что им просто это послышалось или что вокалист нечаянно перепутал слова»¹. По словам известного республиканского журналиста О. Южновской начало перестройки не вызвало ощущений больших перемен в культуре и творчестве: «Художники писали революционеров, Ленина по государственному заказу. Андеграунд был еще «в подвалах» и только в 1986г. начал он «выходить» куда-то. Было ощущение безысходности»². Однако, постепенная реализация политики гласности в ходе перестройки позволила деятелям культуры и искусства удовлетворять потребности в свободе творческого самовыражения.

Творческая интеллигенция, выстраивая диалог с властью, выражает определенный набор требований и идей, которые детерминированы аксиологическими потребностями. Идеи социального блага, справедливости и т.п. способствовали выражению требований, в которых творческая интеллигенция надеялась на изменения различных сфер общественной жизни: экологической, социально-экономической, культурной, политической и др. Двойственность положения интеллигенции позволяла ей использовать как неофициальные (собрания, неформальные организации), так и официальные (съезды творческих союзов, обращения к пленумам и съездам партии) способы выстраивания диалога с властью. При этом, творческая интеллигенция наравне с артикуляцией общественных интересов, выражает и собственные, поднимая вопросы, решение которых необходимо для развития творчества деятелей культуры и искусства: благоустройство помещений для работы, создание новых площадок для культурных мероприятий, улучшение материально-технической базы и т.п. Подобные запросы детерминированы потребностью в самореализации, а также ценностью развития культуры в целом.

Таким образом, аксиологический аспект являлся одним из определяющих факторов выстраивания диалога творческой интеллигенции и власти.

А.П. Мякшев
Саратов

ЭГОИЗМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ КАК ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Существует целый ряд моделей межэтнического доверия, возникших на протяжении многих лет в самых разных странах мира. В западных сообществах формирование межэтнического доверия происходило в значительной степени под влиянием рационального выбора и деятельности движений за гражданские права расовых и этнических меньшинств. В нацистской Германии генерировалось тотальное доверие на основе групповой идентичности и тотальное недоверие к «чужакам», в том числе и к своим согражданам-евреям, подвергшимся тотальному уничтожению.

Советский опыт формирования широкого межэтнического доверия был для своего времени уникальным, его значение сохраняется по сей день. Большевикам после победы в гражданской войне досталась в управление страна тотального социального и межэтнического недоверия. Жизнеспособность Советского государства зависела от его способности генерировать обобщенное социальное и межличностное доверие и организовать сотрудничество народов страны. Провал борьбы за завоевание доверия мог привести к широкой конфронтации с национальными окраинами и краху страны. Пролетарский интернационализм без проведения политики нацистроительства и коренизации в 1920-30-е гг. был абстрактной схемой построения бесклассового и безнационального общества. Создание национальных республик, ликвидация национального неравноправия и коренизация, предполагавшая формирование национальных

¹История казанского рока в лицах: Максим Журавлев// http://snat.ru/reportages/3165-istoriya_kazanskogo_roka_v litsakh_maksim_zhuravlev

² Из интервью с Ольгой Гертовной Южновской. Личный архив автора.

кадров управленцев, педагогов, врачей, инженеров и квалифицированных рабочих, позволило проводить линию на формирование генерализованного социального и межэтнического доверия¹.

Насколько успешным был советский проект завоевания доверия можно судить по истории советских народов, претерпевших страдания форсированной модернизации, и в то же время оставшихся лояльными Советскому государству в годы Великой Отечественной войны. Американский историк М.Б. Олкотт фактически признает успех советского проекта: «Сталинский режим, кажется, был относительно успешным в формировании советского патриотизма среди казахов. Нет или почти нет доказательств нелояльности казахов во время Второй мировой войны»².

Одним из результатов советской национальной политики в 1920–1930-е гг. стало конструирование национальных элит большинства этносов, нежданно-негаданно получивших собственную государственность. Ярким примером является Казахстан. Перед войной в республике насчитывалось 7790 школ (4428 – казахских), с контингентом обучающихся 1138 тыс. детей (441 тыс. учащихся-казахов)³. В 1937 г. в республике функционировали 18 вузов, в них постоянно росла доля казахских студентов, в 1939–1940 учебном году – 2675 человек. С 1926 по 1936 годы численность интеллигенции в республике выросла с 20,3 тыс. до 63,8 тыс. человек, т.е. в три раза; численность казахской интеллигенции с 2,5 тыс. до 18,8 тыс. человек, т.е. более чем в семь раз⁴. За короткий исторический срок был сформирован отряд советской казахской интеллигенции, обязанный своим образованием и достижениями Советскому государству. По внешней форме коренизация достигла своих целей, и потому 23 октября 1936 г. Президиум КазЦИК ликвидировал Комитет по коренизации при Президиуме КазЦИК. По мнению К. О'Коннора: «Политика коренизации постепенно пришла к концу, когда советский режим начал продвигать русификацию политических институтов в нерусских республиках. Хотя Сталин содействовал политике русификации, главной его целью было обеспечение советского господства в национальных окраинах»⁵.

Представляется, что на деле все было сложнее. Уступки национальным элитам закончились с принятием Конституции 1936 г. Число титульных этнонаций расширилось (несмотря на нарушения требования «составлять компактное большинство населения» статус союзной республики обрели и казахи), «этнические территории» центром категорически сохранялись. Так, 21 февраля 1933 г. Сталин в категорической форме отверг предложение руководителей Узбекистана А.И. Икрамова и Ф.А. Ходжаева о передаче Бостандыкского района Казахстана в состав Узбекской ССР. Сталин отклонил территориальные притязания узбекских руководителей, оставив решение данного вопроса на рассмотрение руководства Казахстана⁶. По мнению Ю.Н. Жукова, Сталину пришлось уступить партийной элите при разработке новой Конституции⁷. Сложная экономическая и внешнеполитическая ситуация привела И.В. Сталина к необходимости «номенклатурной революции». Вкупе с партийной элитой были разгромлены и довольно консолидированные и сильные национальные кланы в республиках.

Впрочем, первый «залп» в борьбе с местным политическим национализмом союзные власти произвели против украинской партийной организации. Поводом к началу гонений на украинское руководство стал чрезмерный успех политики «украинизации». В августе 1932 г. Сталин обозначил свою озабоченность «засильем националистов и иностранных агентов» в рядах украинских коммунистов. В ноябре 1932 г. начались чистки украинских национал-коммунистов в УССР и в районах компактного проживания украинцев в РСФСР. Нарком просвещения Н.А. Скрыпник был обвинен Сталиным на XVII съезде партии в националистическом «грехопадении»⁸.

Сталин четко обозначил цели борьбы не только с украинским национализмом, но и с этнонационализмом во всех республиках, заключавшиеся в том, чтобы «поставить себе целью

¹ См.: Иванов А.В. Теория социального доверия: методологические проблемы социально-философской концептуализации // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1 // URL Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18840> (дата обращения: 20.12.2015).

² Olcott, M.B. The Fabrication of a Social Past: The Kazakhs of Central Asia // Political Anthropology Yearbook 1. Ideology and Interest: The Dialectics of Politics. – New Brunswick: Transaction Publishers, 1980. – Pp. 193–213.

³ Сулейменов Р.Б. Великий Октябрь и культурные преобразования в Казахстане. – Алма-Ата, 1987. С. 55–56.

⁴ Кийкбаев Н. Торжество ленинской национальной политики в Казахстане. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. С. 57.

⁵ O'Connor, K. Intellectuals and Apparatchiks: Russian Nationalism and the Gorbachev Revolution. – Lanham: Lexington Books, 2006. p. 35.

⁶ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2. 1933–1945. – М., 2009. С. 92–93.

⁷ См., подробнее: Жуков Ю.Н. Иной Сталин. – М., 2005.

⁸ Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии // Сталин И.В. Сочинения. – Т.13. – М., 1952. С. 247, 382

превратить Украину в кратчайший срок в настоящую крепость СССР, в действительно образцовую республику. Денег на это не жалеть. Без этих и подобных им мероприятий (хозяйственное и политическое укрепление Украины, в первую очередь ее приграничных районов и т. п.), повторяю, – мы можем потерять Украину»¹.

«После 1934 г. были систематически вычищены Коммунистические партии Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана. Исчезли как те люди, вступившие в Коммунистическую партию из различных националистических организаций, как Алаш-Орда (Букейханов, Байтурсинов, Дулатов) и «младобухарцы», так и те, кто начал свою политическую деятельность большевиками (Рыскулов, Мендешев, Садвокасов). Писатели, историки, артисты и другие деятели культуры были репрессированы и уничтожены»².

Кланы уничтожались беспощадно. Так, Л. Мирзоян, сменивший Ф.И. Голощекина на посту руководителя Казахстана, способствовал уничтожению национально ориентированной части казахской интеллигенции и партаппарата³. Ю.Н. Жуков относит Л. Мирзояна к семерке наиболее кровавых организаторов террора среди руководителей региональных партийных организаций⁴.

Сам Л. Мирзоян был репрессирован за протекцию своим родственникам и близким друзьям и пренебрежение к местным кадрам, по сути за создание своего «собственного» национального клана. Сталин резко отозвался о практике создания Мирзояном своей «группировки» в 30-40 человек - выходцев с Закавказья: «Взять т. Мирзояна. Работает он в Казахстане, работал он раньше в Азербайджане долго, а после Азербайджана работал на Урале. Я его несколько раз предупреждал: не таскай за собой своих приятелей ни из Азербайджана, ни с Урала, а выдвигай людей в Казахстане, не отгораживайся от местных людей в Казахстане, потому что – что значит таскать за собой целую группу приятелей, дружков из Азербайджана, которые коренным образом не связаны с Казахстаном? У него своя группа, у меня своя группа, они мне лично преданы. Вот, глядите, заведующим ОРПО Южно-Казахстанского обкома у него сидит т. Бадабашьян, взятый из Азербайджана, секретарем Кустанайского обкома сидит т. Саакян, взятый из Азербайджана, секретарем Джата-Горийского райкома сидит у него т. Саркисян, взятый из Азербайджана, секретарем Сайсанского райкома сидит у него т. Поузбикян, взятый из Азербайджана, секретарем Ленинского райкома сидит у него Айрапетян, взятый из Грузии... Я ведь предупреждал т. Мирзояна ... А он, видите ли, свою группу создал лично ему преданных людей»⁵.

Смерть Сталина знаменовала собой первое открытое выступление возродившихся и окрепших национальных элит. Интересы этноэлит поначалу попытался реализовать Л.П. Берия, надевшийся на ответную поддержку в борьбе за власть в высшем руководстве СССР. Попытка перевода делопроизводства на языки титульных этносов, очередная коренизация аппарата сопровождалась открытой травлей русских управленцев в западной части страны. После устранения Берия притязания республиканских элит только усилились и выразились в требованиях больших прав региональным лидерам в национальных республиках, больших инвестиций в собственную республику, протестах против притока русских в республики и против тенденции к языковой ассимиляции⁶.

Власть, правда, быстро спохватилась и нашла силы одернуть "зарвавшихся" национальных лидеров: в 1958-1961 гг. высшие партийные руководители Азербайджана, Киргизии, Латвии, Молдавии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана были сняты с занимаемых постов в связи с националистическими проявлениями⁷. Инерция этих решений ощущалась достаточно долго, а обвинения в "национализме" зачастую выступали прикрытием борьбы за власть внутри национальных элит республик. Так, казах Д.А. Кунаев на посту 1-ого секретаря ЦК Казахстана был заменен в конце 1962 г. уйгуром И.Ю. Юсуповым, руководившем к тому времени Южно-Казахстанским крайкомом партии и доложившим Н.С. Хрущеву о нежелании Кунаева передавать Узбекистану двух сельскохозяйственных районов Чимкентской области, производящих хлопок. Юсупов обвинял своего соперника в борьбе за власть в республике в том, что он "в подборе и

¹ См.: Борисенко Е.Ю. Феномен советской украинизации 1920–1930 годы. – М., 2006. С. 212.

² Bennigsen, A., Wimbush, S.E. Muslims of the Soviet Empire: A Guide. – London: C.Hurst & Co., 1986. p. 92.

³ Политические репрессии в Казахстане в 1937-38 гг. Алма-Ата, 1998. С. 85-87.

⁴ Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 445-447.

⁵ Из речи т. Сталина. 5 марта 1937 года // Вопросы истории. – 1995. – № 12. – С. 18.

⁶ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. С. 284. Там же.

расстановке кадров допускает национализм", и на заседании президиума ЦК КПСС назвал Кунаева "националистом"¹.

Однако несмотря на периодические "окрики" из ЦК КПСС, объективный в условиях укрепления иерархической системы национально-государственного устройства СССР процесс коренизации руководящих кадров в национальных республиках ("жизнь наглядно показала, пишет в своих мемуарах М.С. Соломенцев, что все руководители республик в той или иной мере – националисты")² приобретал форму этнической мобилизации республиканских элит. Хрущев, безусловно, в борьбе за местную инициативу укрепил позиции национальных элит. Передача Крыма Украине в данной связи может рассматриваться как победа украинской партократии над российской политэлитой. Настойчивые узбекские руководители во второй половине 1950-х годов убедили Хрущева передать Узбекской ССР Бостандыкский район и Голодную степь, были близки к решению вопроса о передаче всего Южного Казахстана.

Национальные элиты, конечно же, были напуганы активно возрождавшейся и все более широко пропагандируемой в конце 1950-х – начале 1960-х гг. доктриной о слиянии наций. Однако слияние должно было произойти при коммунизме, а коммунизм должен был "произойти" так "скоро" (всего лишь через 20 лет), что его трудно было воспринимать всерьез.

Этноэлиты показали свою живучесть и приспособляемость даже в условиях сталинского террора. Неслучайно, движение депортированных народов за воссоздание упраздненных автономий возглавила бывшая партгосноменклатура. Так, в 1956 г. была создана "инициативная" группа крымских татар, в которую вошли бывший секретарь Бахчисарайского райкома партии В. Муртазаев, бывший третий секретарь Крымского обкома Р. Мустафаев, бывший секретарь Ялтинского райкома М. Селимов, бывший секретарь отделения Союза писателей Крыма Ш. Алядинов, бывший секретарь журнала "Совет эдабияти" Ю. Болат³. Среди прибывших летом 1956 г. в Москву с целью убедить власть восстановить автономию калмыков были бывший председатель СНК Калмыцкой АССР Н. Гаряев, писатель А. Сусеев и другие представители интеллигенции и бывшей партноменклатуры (Санджиев, Бембеев, Саврушев, Бачаев)⁴.

Наиболее упорно сопротивлялись прибалтийская номенклатура. Оружием борьбы стала русофобия. В ноябре 1956 г. секретарь ЦК КП Латвии Я. Калнберзин сообщал в ЦК КПСС о том, что при обсуждении на бюро ЦК вопроса об изучении русского и латышского языков первый секретарь Рижского горкома партии Берклав "предложил срок изучения латышского языка установить в два года, а тех кто... в этот срок не изучит... освободить от работы и предложить им выехать из республики", а Председатель Президиума Верховного Совета Латвии Озолинь заявил, что "партийная организация, благодаря преобладанию русских, не ведет работу на национальном языке, становится сектантской"⁵.

Заместитель председателя Совета Министров Латвии Круминьш заявил "о засилье русских кадров, что г. Рига превращается в русский город и теряет свой национальный облик, в республике игнорируется латышский язык"⁶. На предприятиях нередкими были случаи, когда не принимали заявления на русском языке, зато ведомости на зарплату, несмотря на наличие русскоязычных рабочих, составляли, к примеру, на литовском языке⁷.

Бывший председатель КГБ В.Е. Семичастный, работавший в то время в ЦК партии, участвовал в проверке по данному факту и указывал, что Берклав и Круминьш "были прожженными националистами" и оказывали большое воздействие на Калнберзина. Они, писал Семичастный, дело закрутили в Латвии так, что "Вечерняя газета" Риги в разделе объявлений, уведомлений и прочего опубликовала сообщение, смысл которого состоял вот в чем: русских больше не будут прописывать в Риге"⁸.

Оценивая школьную реформу 1958 г. как практический шаг в направлении слияния наций, Ю. Слезкин полагал, что "этнически однородные и уверенные в себе элиты Армении и Литвы не выразили особого беспокойства, "малочисленные" национальные аппараты внутри РСФСР

¹ Соломенцев М.С. Верю в Россию. М., 2003. С. 164–165.

² Там же. С. 167.

³ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 97, 98.

⁴ Там же. Л. 209.

⁵ Там же. Оп. 31. Д. 59. Л. 59, 60.

⁶ Там же. Л. 58.

⁷ Там же. Д. 100. Л. 13.

⁸ Семичастный В.М. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 100.

смирились с неизбежным, а демографически ущемленные, но политически крепкие элиты Латвии, Украины и Азербайджана дали бой¹.

Полными хозяевами страны национальные кланы ощутили себя в годы так называемого «развитого социализма». Повсеместно в национальных республиках и автономиях наблюдались диспропорции по национальному признаку в руководящих кадрах. Так, первый секретарь Каракалпакского обкома КП Узбекистана К. Камалов "на руководящие посты выдвигает главным образом каракалпаков, не учитывая при этом национальный состав автономной республики"² (по данным переписи 1979 г., каракалпаки составляли 31,1% населения республики, узбеки – 31,5%, казахи – 26,9%, туркмены – 5,4%, русские – 2,3%).

Например, заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС, ссылаясь на письма, поступающие в КГБ СССР, в декабре 1972 г. писал в ЦК, что "за последние годы в Киргизии получили широкое распространение ранее искоренённых обычаев, пережитков, реакционных традиций", а подбор и расстановка кадров проводятся "по родоплеменным признакам", причём "на многие ключевые позиции выдвинуты родственники ранее репрессированных националистов". Доказательства приводились следующие: племянница жены первого секретаря ЦК КП Киргизии Усубалиева являлась секретарём ЦК ЛКСМ Киргизии, тесть Усубалиева Худайбергенов – "бывший нарком юстиции и прокурор республики, трижды осуждался за антисоветскую деятельность", а работники ЦК КП республики К. Молдобаев, Д. Турсунов, А. Омурова "родились в Нарынской области, откуда родом и Усубалиев"³.

Политика национальных кланов, "густо замешанная" на коррупции и других пороках советской системы, неизбежно должна была привести к нарастанию сепаратизма в их действиях, стремлению освободиться от опеки центра и получить полную свободу в управлении "своей республикой", что, в свою очередь, способствовало отождествлению центра и государствообразующего этноса, коим в национальных образованиях, естественно, считали русскую нацию. Таким образом, в интересах пришедших к власти национальных кланов в республиках подпитывался не только национализм, но и откровенная русофобия.

Яркий пример в данной связи являл собой Узбекистан. В октябре 1972 г. председатель Совета Национальностей Я. Насреддинова, узбечка по национальности, получила от своих земляков – членов Академии наук Узбекской ССР В. Кабулова, Я. Таракулова, Н. Набиева, Х. Фазылова письмо с "сигналом... в отношении национализма, процветающего в республике"⁴.

Академию наук Узбекской ССР, сообщается в письме, "заполонили родственники секретаря ЦК тов. Рашидова", для которых "абсолютно чуждо чувство интернационализма", в то время как русские учёные, живущие в Узбекистане и достойные быть членами Академии, туда не допускаются. Авторы письма привели имена И. Муминова – вице-президента АН, который "пользуясь родством с Рашидовым (сын Муминова был женат на дочери Рашидова), практически отстранил от руководства президента А. Садыкова и "под соусом суверенности республики" исповедует "махровый национализм". "Считая себя философом, он исподволь развивает в подрастающем поколении ненависть к русским"⁵.

Приёмный сын Рашидова У. Арипов, который "держит в полном повиновении отделение биологических наук", был известен по деятельности "в вытеснении всех русских профессоров из стен медицинского института". К. Зуфаров, женившийся своего сына на дочери Арипова, "таким образом породнившись с Рашидовым", был в своё время снят с должности ректора мединститута за создание в стенах института антирусского общества "Любители гор и долин". Председатель Госплана Узбекской ССР, член АН и ближайший друг Рашидова С. Зиядуллаев известен тем, что рассказывал "в узких кругах антисоветчину и анекдоты о "белых ушах" – русских". Сын Рашидова "через несколько дней после демонстрационного выступления против русских на стадионе "Пахтакор" лично разбрасывал националистические листовки в старом здании театра эстрады».

¹Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // *Ab Imperio*. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. Казань, 2002. № 4. С. 362.

²РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 70. Л. 15.

³См.: Брук С.И. Население мира. М, 1986. С. 215.

⁴РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 70. Л. 77.

⁵Там же. Л. 78.

⁶Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Оп. 106. Д. 101. Л. 62.

⁷Там же. Оп. 106. Д. 101. Л. 62.

Авторы письма подчеркивали: они не удивятся, "если возникнет вопрос о самоопределении Узбекистана в самостоятельное государство"¹.

Политика украинизации, проводимая П.Е. Шелестом, привела к тому, что среди секретарей Одесского обкома партии до 1970 г. было два русских, а в 1972 г. кроме украинцев не было ни одного секретаря других национальностей. И это несмотря на то, что среди населения области 45% составляют русские и другие национальности, "а в областной партийной организации представителей других национальностей – 51,2%, из них русских – 48,5%"².

Представляется, что окончательное оформление национальных кланов в период "развитого" социализма при явном попустительстве центральной власти, отдающей в обмен на политическую лояльность все больше привилегий в национальные республики, создало к периоду перестройки непреодолимый фундамент национал-сепаратизма. Стремление к национальной замкнутости и ограниченности объективно усиливалось параллельно возрастанию коррупции и других признаков морального разложения национальных руководящих элит, делало их независимыми от центра, создавая тем самым реальные предпосылки дезинтеграционных процессов в СССР.

Перестройку национальные элиты восприняли как возможность овладеть властью и собственностью в национальных республиках в условиях резкого ослабления федерального центра.

Бывший советник, пресс-секретарь Президента СССР А.С. Грачев называет Алма-Атинские события декабря 1986 г. "первым, явно не подготовленным вторжением горбачевской перестройки в зыбучие пески национальных проблем "реального социализма". По мнению Грачева, М.С. Горбачев не учел "две вещи": "первое – пытаться одновременно выкорчевывать режим, основанный на клановых связях и коррупции, и будить стихию общественных и политических страстей, значило как минимум осложнять себе жизнь. Второе – заменить местного "крестного отца" в союзной республике, оставляющего в национальной почве обширную "грибницу", на присланного из другого региона "варяга" совсем не так же просто, как сделать это в Москве"³. В декабре 1986 г. Центр получил от этноэлит «черную метку». Национальные кланы методично приступили к разрушению Союза. 24 сентября 1990 г. Президиум Верховного Совета Казахской ССР примет постановление "О выводах и предложениях комиссии по окончательной оценке обстоятельств, связанных с событиями в городе Алма-Ате 17-18 декабря 1986 г." Националисты предстанут первыми борцами за перестройку, новоявленными "декабристами", а те, кто пытался препятствовать беспорядкам, будут обвинены в жестокости при разгоне "демократических демонстраций". По сути это был ультиматум союзным властям.

Исторический опыт разрушения СССР национальными элитами актуален для современной Российской Федерации. Доля титульных этносов в составе региональных правительств (Дагестан, Ингушетия, Чечня – 100%; Кабардино-Балкария – 86%, Татарстан – 84%, Карачаево-Черкессия – 80%, Тыва – 79%, Северная Осетия – 76%, Чувашия – 74%)⁴ делает вопрос: «Не повторит ли Россия судьбу СССР?» отнюдь не риторическим.

С.А. Яковлев

Саратов

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ (1991-2000ГГ.)

Аграрные преобразования начались с распадом СССР. Перед тем как приступить к их анализу, следует выявить, существовали ли причины для их проведения. В 1986-89 гг. сохранялся неплохой уровень производства основных видов продукции. Эти высокие результаты обуславливались крупными капитальными вложениями в аграрный сектор в 1986-1990 годах. Своевременно пополнялся парк сельскохозяйственной техники и производились поставки минеральных удобрений.

¹ Там же. Л. 63, 64.

² РГАНИ. Оп. 64. Д. 52. Л. 42, 43.

³ Грачев А.С. Горбачев. М., 2001. С. 261.

⁴ См.: Федерализм и этническое разнообразие в России. М., 2010. С. 101.

Зарубежные и некоторые отечественные исследователи считают, что к началу 1991 г. сельское хозяйство находилось в бедственном состоянии. Было несколько причин, приведших к реформированию в аграрном секторе:

1. Сельское хозяйство было затратным, потребляло на единицу конечного продукта в 2-3 раза больше энергии, чем в любой развитой стране.
2. Экстенсивный характер развития.
3. Низкая производительность при отставании от развитых стран более чем в 5 раз.
4. Сельское хозяйство дефицитное, не покрывает внутренние потребности в продовольствии.

По вопросу необходимости проведения в то время аграрной реформы у исследователей существует три различных мнения:

1. Аграрная реформа была не нужна, так как в сельском хозяйстве цариле благополучие¹.
2. Реформа была нужна, но проводить ее нужно было не революционно, а эволюционно².
3. Реформа была нужна, так как сельское хозяйство находилось в кризисном состоянии³.

К началу реформ в сельском хозяйстве не были разработаны их цели и задачи, не существовали прогнозы их результатов. Преобразования можно подразделить на ряд этапов. В качестве критерий деления можно считать ориентацию курса и уровень государственного регулирования сельскохозяйственного производства. Исходя из этого выделяются следующие этапы:

1. Приватизационный (1990-1993гг.). Основные усилия правительства были направлены на приватизацию и реструктуризацию сельскохозяйственных предприятий. В это время поведилась разработка и уточнение нормативных документов по формированию рыночных отношений.
2. Постприватизационный (1993-1996гг.). Углубленное развитие аграрной реформы, совершенствование многоукладной экономики.
3. Стабилизационный (1996-2000гг.). Принимается ряд решений, направленных на стабилизацию агропромышленного производства, укреплению рыночной инфраструктуры.

Крупный шаг вперед к аграрной политике в сторону приватизации сделал Верховный Совет РСФСР 24 декабря 1990, приняв закон о собственности в РСФСР, который в дальнейшем был включен в Конституцию РФ⁴. В соответствии с ним земля может находиться в государственной, частной, кооперативной собственности. Объектами права собственности объявлены земельные участки. В соответствии с законом собственник по своему усмотрению владеет, пользуется и распоряжается принадлежащим ему имуществом.

Основополагающий элемент реформы был связан с преобразованием отношений собственности в направлении разгосударствления, приватизации, перехода ее в руки частных владельцев. На собственника было возложено бремя, связанное с содержанием принадлежащего ему имущества. Эта позиция закона была в то время крайне необходима государству, так как стало очевидным, что оно не в состоянии обеспечить ход производственного процесса из-за отсутствия необходимых средств. Документом устанавливался порядок предоставления, изъятия и пользования земельным участкам.

В 90-е годы аграрный комплекс начал постепенный переход к рыночной экономике. Указ Президента РФ от 27 декабря 1991г. №323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР»⁵ и постановление Правительства РФ от 29 декабря 1991г. №86, «О порядке реорганизации колхозов и совхозов»⁶ дали старт аграрной реформе. В соответствии с Указом № 323 колхозы и совхозы должны были в 1992 г. провести реорганизацию. Если работник колхоза и совхоза подавал заявление о создании крестьянского (фермерского) хозяйства, руководители хозяйств обязаны в течении 1 месяца выделить земельные доли работника и членов его семьи. Государство оказывало вновь созданным крестьянским (фермерским) хозяйством финансовую поддержку для приобретения сельскохозяйственной техники. На каждые 50 гектаров пашни

¹ Лысенко Е. Вопросы эффективности и агрокультуры земледелия // Экономист. 1996г. №9. С.88.

² Шмелев Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в XX в. М.2000г. С.229.

³ Хлыстун В.Н. Стабилизировать работу агропромышленного комплекса России// АПК: экономика, управление. 1997г.№4. С.4.

⁴ Конституция РФ. М., 2001г. р.1гл.1ст.9. С.6.

⁵ Аграрная реформа в России (документы и материалы). М., 1992 г. С.13.

⁶ Агропромышленный комплекс России (сборник нормативных актов документов), Новосибирск, 1998. С.258.

предусматривался один пропашной трактор¹. Но это обязательство осталось на бумаге. А на самом деле на один трактор приходилось 124 га².

Процесс создания самостоятельных фермерских хозяйств шел крайне медленно. Крестьянские (фермерские) хозяйства тесно были связаны с колхозами и совхозами. Они реализовали основную долю (около 80%) своей производимой продукции. В своем развитии фермерство отразило ход аграрной реформы: 1991г.-начало фермерского движения, 1992г.- быстрый количественный рост фермерских хозяйств, 1993г. - снижения темпов создания фермерских хозяйств, нарастание кредитно-финансовых и материально – технических проблем их функционирования³. Поспешность с которой проводилось реформирование, не имела аналогов. Результативность процесса определялась не показателями эффективности производства, а численностью реформированных хозяйств. Постановление № 86 устанавливало разграничение земель, находящихся в пользовании колхозов и совхозов на государственные, частные, коллективные. Реорганизуемые хозяйства должны были сохранить свою аграрную направленность, а работникам обеспечена возможность пользования инфраструктурой преобразуемых предприятий. Исключение из постановления составляли сельскохозяйственные предприятия, функционирование которых имело общегосударственное значение. Для проведения реформы устанавливались довольно жесткие временные рамки - колхозы и совхозы должны были до 1 января 1993г. провести реорганизацию.

Вряд ли это отвечало требованиям времени. Многие воспринимали это преобразование как «атаку» правительства на колхозы и совхозы⁴. Несмотря на то, что министр сельского хозяйства РФ В.Н. Хлыстун их уверял, что не следует воспринимать реформу как «административное принуждение к развалу колхозов и совхозов»⁵. Руководители и жители колхозов и совхозов на вопрос: «Зачем они преобразовались?» отвечали: «Заставили... Надо, чтобы не было колхозов»⁶. Большинство крупных хозяйств не пошло дальше формальной «смены вывески»⁷. Для большинства рядовых работников эта реформа была навязана «сверху», они не только не осознавали свой интерес в этом процессе, но и не поняли ее сути. Были «отдельные случаи», которые подтверждают реальную практику давления на хозяйства⁸. Реакция народа на побочные действия «сверху» была однозначной: «Умрем, но вместе»⁹. Реформа не носила характера совершенствования и последовательности. Перечень организационно-правовых форм, в которые реформировались колхозы и совхозы был утвержден постановлением Правительства от 4 сентября 1992г. № 708¹⁰. Такими формами были: товарищества, акционерные общества, сельскохозяйственные кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства. Другим шагом реформ было обеспечение земель крестьянских (фермерских) хозяйств Указом Президента РФ от 27 октября 1993 г. «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы», разрешавший продажу земли¹¹. Государство гарантировало неприкосновенность и защиту частной собственности на землю. Была ликвидирована монополия государственной собственности.

Тем не менее, в сознании сельского труженика не сформировалось отношение к земле как к капиталу, как к признаку богатства и достатка. Передача земли носила формальный характер. В деревне всегда был развит взгляд на землю как на среду обитания, а не на средство производства, товар. Сторонники частной собственности на землю выдвигают следующие аргументы: «Это обеспечит переход земли в руки тех, кто ее лучше обрабатывает, укрепит права крестьян как собственников земли»¹². Но возникает вопрос: «А могут ли крестьяне, простые сельские жители купить себе земли!»¹³. Поэтому многие выступали против этой реформы, так как в результате ее «большинство крестьян останется без земли»¹³. Количество сторонников купли-продажи земли среди фермеров- 74,4 %, ниже- среди руководителей и простых сельских жителей¹⁴. Вопрос о

¹ Там же. с.6.

² Россия в цифрах: краткий статистический сборник. М., 1999г. С.212.

³ Там же. С.213.

⁴ Многоукладная аграрная экономика и российская деревня в 80-90гг. XX столетия. М., 2001. С. 148.

⁵ Там же. С.13.

⁶ Там же. С.161.

⁷ Там же.

⁸ Многоукладная аграрная экономика и российская деревня в 80-90гг. XX столетия. с.160.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Многоукладная аграрная экономика и российская деревня в 80-90 гг. XX столетия. С. 190.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 191.

частной собственности на землю вызывал наиболее острые споры, которые основывались на разных социальных и политических позициях. В целом мнение исследователей склонялось к тому, что идея частной собственности на землю продвигалась людьми, которые не заботились об «адекватности, преемственности и моральном аспекте этой американской модели у нас».¹

С началом реформ в аграрной сфере развалился некогда существовавший общероссийский рынок и большое развитие получили лишь региональные. Поэтому специализация в большей мере была утрачена. Испытывая давление на сельскохозяйственное производство со стороны внешнего рынка, озабоченные самообеспечением, все регионы стараются производить все. Таким образом, земля, как основной ресурс стала объектом управления и распоряжения регионального уровня.

Весь первый этап земельных преобразований осуществлялся в условиях постоянно меняющегося и противоречивого законодательства. Некоторые шаги правительства, направленные на поддержку сельского хозяйства не приносили результатов. В январе 1993г. было принято постановление правительства РФ «О чрезвычайных мерах финансовой поддержки агропромышленного комплекса»². В нем предусматривалось увеличивать дотации сельскохозяйственным предприятиям, но поступление средств сильно отставало от графика. Дотации включали в себя лишь 30%-ную компенсацию затрат на приобретение различных видов топлива, расходов на электроэнергию и на газ. Часто в счет бюджетного финансирования регионам предлагалось лишь зерно, закупленное в федеральный фонд по завышенной цене³.

Доля дотаций на сельскохозяйственную продукцию постоянно снижалась с 7,9% в 1993г. до 2,5% в 1997г.⁴. Это не позволяло преодолеть убыточность отрасли. Все выплаты из средств федерального бюджета напрямую не были связаны с показателями эффективности и соответственно со стимулированием специализации. В условиях неустойчивости цен действенным методом экономического регулирования могло бы стать использование системы гарантированных цен. В России 9 октября 1995 г. были утверждены «Методические рекомендации по расчету и индексации гарантированных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию для государственных нужд»⁵. Согласно этому документу, целью гарантированных закупочных цен являлась поддержка доходов товаропроизводителей. Защитные (гарантированные) цены на сельскохозяйственную продукцию планировалось применить в рамках системы закупок государства в федеральный и региональный фонды продовольствия. Они представляли собой минимальный уровень цен на сельхозпродукцию, обеспечивающий безубыточность ее производства. Перечень продукции, на которую распространялись гарантированные цены разрабатывается ежегодно. В 1996 году по гарантированным ценам закупалось 16 продуктов растениеводства и 4 - животноводства⁶. Государственные закупки в продовольственные фонды составляли незначительную долю от всей реализуемой сельскохозяйственной продукции, в 1997г. они были около 34% от реализации всей сельскохозяйственной продукции⁷. Поэтому, пока применение гарантированных цен не подкреплялось финансовыми ресурсами бюджетов всех уровней, реально оценить их действенность было невозможно.

Наиболее важным инструментом для сельскохозяйственного производства являются кредитные отношения. С 1992г. централизованный льготный сельскохозяйственный кредит стал необходимым условием осуществления производства в сельскохозяйственных предприятиях. Вначале этот кредит был льготным по процентным ставкам и срокам погашения⁸. Однако из-за слабого контроля огромные кредитные средства использовались не по назначению. В 1994г. централизованный кредит сохранился, но льготных процентах ставок уже не было. С 1996г. льготное кредитование стало предназначаться строго на сезонные, а не капитальные затраты⁹.

В 1998г. кредитование АПК из средств федерального бюджета предусматривалось в размерах 8,9 млрд. руб. (деноминированных)¹⁰. Механизм кредитования предполагал выделение денег через 12 коммерческих банков. Однако предъявляемые требования по кредитоспособности оказались

¹ Никольский С.А. Человек. Земля. Реформа. М., 2000. С.32.

² Российская газета. 1993г. 2 февраля. С.5.

³ Региональные проблемы в России, Саратов, 1999. С.21.

⁴ Российский статистический ежегодник. М., 1997. С.20.

⁵ Российская газета. 1995г. 12 октября, С.6.

⁶ Региональные проблемы аграрной реформы в России. С.28.

⁷ Россия в цифрах: краткий статистический сборник. 1998г. С.216.

⁸ Агропромышленный комплекс России (сборник нормативных актов и документов). С.671.

⁹ Там же. С.112.

¹⁰ Российская газета. 1998г. 8 июля. С.4.

чрезмерно жесткими для большинства, сельхозпроизводителей. Они так и не сумели получить необходимые средства и были вынуждены пользоваться товарным кредитом по завышенным ценам. В 1997г. правительство РФ образовало специальный фонд для кредитования аграрного сектора на льготных условиях. Однако финансовый кризис августа 1998г. помешал выполнению этих условий.

В системе государственных мер ведущее место отводилось налоговой системе. Налоговый кодекс предусматривал ответственность собственников земли за ее эффективное использование. Кроме этого, налоги должны быть не обременительными для владельцев, что достигнуто не было.

В 1997г. в проекте Федерального бюджета предполагалось выделение финансовых средств на образование специальных региональных лизинговых фондов для материально-технического обеспечения организацией агропромышленного комплекса на льготных условиях. Проблема состояла в том, что возможности бюджета были весьма ограничены и не могли обеспечить всех потребностей сельского хозяйства. Фактически, существующая до реформы система распределения материально-технических ресурсов была полностью ликвидирована.

Для поддержания развития кооперативов в стране Государственной Думой в 1995 г. был принят указ «О сельскохозяйственной кооперации»¹. В нем были отражены такие принципы как добровольность вхождения, объединение имущественных паев, распределение прибыли и убытков кооператива. Согласно закону, «видами производственных кооперативов являются сельскохозяйственная артель (колхоз), рыболовецкая артель (колхоз) и кооперативное хозяйство (колхоз), а также кооперативы, созданные в соответствии с требованиями закона»². По закону в сельскохозяйственном производственном кооперативе существует обязательный и дополнительный паевой взнос. В колхозах и совхозах вместо таких паевых отношений введены имущественные отношения: коллективная, совместная собственность. Поэтому, чтобы превратится в кооперативы, подавляющему большинству крупных коллективных хозяйств, нужно было пройти этап реорганизации. Недостатки закона в отношении реорганизации состояли в том, что он затрагивал размеры кооперативных хозяйств и предполагали преобразоваться, например, «хозяйству размером в 50 тыс. га земли в один кооператив таких же размеров»³. С экономической точки зрения это невозможно, так как нормально организованный кооператив может существовать только в размерах около 1500 га. Помимо требования реорганизации, согласно закону наименование кооператива должно содержать слова «сельскохозяйственная артель» или «рыболовецкая артель»⁴. Это положение закона дискредитирует колхоз как форму хозяйства и превозносит понятие «артель». Но артель может состоять в лучшем случае из нескольких десятков человек, но никак не сотен. Так как кооперация это особая разновидность коллективного хозяйства, то для преобразованных в кооперативы колхозов подошло бы больше наименование «коллективное кооперативное хозяйство»⁵.

В конце 90-х годов в России наряду с внутриколхозной стала появляться фермерская кооперация. Она также активно насаждается сторонниками фермерства, которые предполагают, что если увеличить площади земель для хозяйствования, то фермерские обособленные хозяйства укрепятся, станут высокодоходными и эффективными. Они убеждены в том, что этого можно достичь при площадях земли не в 45 га⁶, как сегодня, а не ниже 300-400га. Однако нужно учитывать то, что фермерское хозяйство использовало рабочую силу только самого фермера и членов его семьи. Поэтому даже при удовлетворении потребности в технике каждое фермерское хозяйство имеет свои верхние пределы роста площади земли. Следовательно, увеличение размеров хозяйства ведет к снижению эффективности использования земли. Фермерское хозяйство с площадью свыше 150га потребует использование наемного чужого труда. Отсюда можно сделать вывод, что кооперация с целью увеличения площади земли в фермерских хозяйствах не принесет ожидаемых результатов. Более эффективным может оказаться объединение фермерских хозяйств в кооператив с целью увеличения количества техники. В конце 90-х годов по стране на фермерское хозяйство приходилось в лучшем случае один трактор и один автомобиль⁷, а объединение сразу

¹ Агропромышленный комплекс России (сборник нормативных актов и документов). С. 35.

² Там же.

³ Региональные проблемы аграрной реформы в России. С. 150.

⁴ Агропромышленный комплекс России (сборник нормативных актов и документов). С.35.

⁵ Региональные проблемы аграрной реформы в России. С. 150.

⁶ Состояние и тенденции развития сельского хозяйства России в 1992-1997 годах (экономический обзор)// АПК: экономика, управление. 1999г. №1. С. 15.

⁷ Россия в цифрах: краткий статистический сборник. М, 1998г.с.220.

принесет в новое хозяйство по десятку тракторов и автомобилей. Это составит для такого хозяйства минимально необходимый парк.

Стратегия российской государственной аграрной политики состоит в обеспечении продовольственной безопасности страны. Она предполагает самообеспеченность страны основными продуктами питания. С 1991г. в России начинает значительно возрастать доля импорта продовольствия из зарубежных стран. В 1997 г. по сравнению с 1993г. импорт мяса возрос в 13 раз, молока - в 6 раз, сахара - в 2 раза¹. Доля импорта продовольствия, в общем его объеме составила 25%.² Отсюда возникает вопрос: «Способна ли наша страна обеспечить свою потребность, в продуктах питания?». Для решения этого вопроса в июле 1997г. был утвержден закон «О государственном регулировании агропромышленного производства»³. Согласно ему главными задачами государства являлось «Обеспечение продовольственной безопасности, защита отечественных товаропроизводителей»⁴. В конце 90-х годов готовились предложения о защите сахарного отечественного производства птицеводства, свиноводства и других отраслей сельского хозяйства. Однако попытки защитить повышением пошлин российских товаропроизводителей от импорта продукции практически не приносили результатов. С 1994 г. были повышены импортные таможенные пошлины на ту ввозимую сельскохозяйственную продукцию, которая является в нашей стране традиционно производимой. Однако в условиях недостатка собственного продовольствия импорт этой продукции не только не сократился, а увеличился. 14 января 1998 г. Государственной думой был принят Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью». Законом определены общие правовые положения ООО: особенности порядка создания, реорганизации и ликвидации обществ в некоторых сферах, в том числе в сельском хозяйстве. В законе рекомендовалось создание товариществ на вере. При этом работник аграрной отрасли будет «отстранен от средств производства и результатов своего труда»⁵. Ведь в товариществе на вере, создаваемой на базе колхоза, реальный труженик становится наемным работником у небольшой группы активных предпринимателей. В законе уделялось внимание созданию сельскохозяйственных кооперативов с небольшим числом членов, которые сосредотачивают в своих руках всю собственность. Но законодательные основы, которые определили бы механизм вступления собственников в свои права, не были сформулированы. Таким образом, реформа не решила, а породила земельный вопрос.

В большинстве субъектов РФ региональное законодательство соответствует федеральному. В 13 субъектах РФ действует региональные земельные законы, вводящие ограничения на частную собственность. В Саратовской области местные власти разрешают куплю-продажу земли и разрабатывают законы, предусматривающие земельный оборот практически без ограничений. 22 октября 1997 г. в Саратовской области принят закон о земле, что позволило приступить к проведению земельных аукционов⁶. Из опыта аукционных земельных торгов можно сделать некоторые выводы: во первых, спросом пользовались в основном городские земли. В первую очередь покупались небольшие участки под строительство магазинов, кафе и т. д.⁷ Во - вторых, вырученные в ходе земельных аукционов денежные средства только частично направлялись в сельское хозяйство области. Так как четко прописанного экономического механизма по их целевому расходованию не было, в законодательных актах он тоже не был предусмотрен. Поскольку запасы государственной земли далеко не безграничны, правительству области стоило бы задуматься о том, есть ли смысл в такой поспешной распродаже земель сельскохозяйственного назначения.

Кроме того, в Саратовской области так же как и по всей России, многие жители сел относились к своим паям как к части общественного. Основная часть населения не понимала аграрной реформы и возражала: «Зачем мне земля? Я имею 20 соток, и хватит»⁸. Часть сельских жителей (47%)

¹ Ткач А. Реалии аграрной реформы в России//АПК: экономика, управление. 1998г. №7. С.6.

² Региональные проблемы аграрной реформы в России. С.6.

³ Агропромышленный комплекс России (сборник нормативных актов и документов). С. 104.

⁴ Там же.

⁵ Конкин Ю. О научном сопровождении реформирования АПК//АПК: экономика, управление. 1999г. № 9. С. 11.

⁶ Закон Саратовской области «О земле». 1997. С. 5.

⁷ Региональные проблемы аграрной реформы в России. С. 83.

⁸ Великий П.П. Аграрная реформа и проблемы социального благополучия российского крестьянства (по материалам Поволжья)//Региональные агросистемы: Экономика и социология. Саратов, 2000. С.62.

считают, что передел земли изменил их жизнь не в лучшую сторону¹.

Начиная с 1992 г. земельные преобразования проводились прежде всего на основании указов президента РФ и постановлений правительства РФ, которые зачастую не отражали достигнутую в обществе степень согласия, особенно по вопросам вовлечения земли в гражданский оборот. Итак, к началу 90-х годов правительство, чтобы сократить денежные затраты на сельское хозяйство, решило провести в этой сфере реформу. Тщательно не разрабатывались ее цели и задачи, не прогнозировались результаты. Реорганизации были

подвергнуты колхозы и совхозы. Основные действия правительства были направлены на создание как можно большего количества фермерских хозяйств. Они должны были, по замыслу организаторов преобразований, прокормить страну. Но большинство сельского населения не поняло и не приняло аграрную реформу. Кроме того, ситуацию обострила передача земли в частную собственность. Правительство надеялось, что положение в сельском хозяйстве можно стабилизировать с помощью финансовой поддержки, дотаций, системы гарантированных закупочных цен, льготного сельскохозяйственного кредита. Но из-за нехватки средств в бюджете и отсутствия контроля за расходованием денег, направленных на финансирование сельского хозяйства, правительству не удалось осуществить запланированную помощь аграрной сфере. Кроме того, в это время в Россию начинает поступать в большом количестве продовольствие из зарубежных стран. В ответ на это правительство увеличивает ввозные пошлины, но из-за нехватки собственного продовольствия эти меры не смогли принести ожидаемых результатов. В Саратовской области острые споры разгорелись вокруг закона «О земле». Многие крестьяне опасались, что из-за нехватки средств они ни только не смогут купить себе дополнительный участок земли, но потеряют и тот, который обрабатывают.

Таким образом, аграрная реформа была законодательно не проработана и только затронула аграрный вопрос, обратила внимание на него со стороны общественности. Многие аграрные законопроекты так и остались невыполненными. Поэтому такие преобразования в аграрной сфере дали совершенно не запланированные социально - экономические результаты.

¹Великий П.П. Аграрная реформа и проблемы социального благополучия российского крестьянства. С. 62

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т. А. Свиридова
Калуга

КОММЕРЧЕСКАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ КАЛУГИ В XVIII - XIX ВВ.: ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ, ВЛАДЕНИЯ И НАСЛЕДОВАНИЯ В КОМПЕТЕНЦИИ КОРОННЫХ И ВЫБОРНЫХ ИНСТИТУТОВ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ¹

Комплексное изучение объектов коммерческой недвижимости в дореволюционной России, в том числе, на материалах губернского города Калуги XVIII - XIX вв., своего рода "клетке" большого хозяйственного организма Российской империи, позволит, на наш взгляд, лучше понять не только суть отечественных исторических традиций в сфере частной собственности и предпринимательства в целом, но и изучить те её аспекты, которые были обозначены в работах А. А. Кизеветтера как "характерные и основные черты в истории взаимных отношений коронных и выборных общественных властей на поприще местного управления в России"².

Истоки этого процесса можно видеть уже в десятилетие 1775-1785 гг., составившее, как известно, эпоху екатерининских реформ. Именно в этот период были приняты четыре важнейших законодательных акта ("Учреждение для управления губерний" 1775 г., "Устав благочиния" 1782 г., Жалованные грамот дворянству и городам 1785 г.), вызвавшие серьезные изменения в системе местного управления и сословного самоуправления.

Сама систематизация объектов недвижимости, к которым относились городские усадьбы, торгово-промышленные объекты (трактиры, городские кузни, пивоварни и т.п.), гостиничные заведения, банки, торговые бани и многое другое, становится важной задачей Калужского наместнического правления. Оно было образовано 15 января 1777 г. на основании закона «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. Документы Калужского наместнического правления находятся в неплохой сохранности в Государственном архиве Калужской области (далее - ГАКО) (фонд 132, 2512 ед. хр.; 1777-1796). Дела фонда содержат распоряжения наместника и переписку с магистратами, городской думой и казённой палатой о постройке новых корпусов лавок в гостиных рядах Калуги, ведомости о количестве фабрик и заводов, о движении населения, о числе купцов, мещан и разночинцев. В этих документах проступает своего рода «цивилизаторская» миссия назначенных Екатериной II наместников, занимавшихся благоустройством наместничества, осуществивших, опираясь на сословные учреждения, глубокие институциональные сдвиги в ходе претворения в жизнь "Учреждения для управления губерний" 1775 г., а затем - Жалованных грамот.

В изданном в XIX в. «Журнале реляций к ее императорскому величеству Калужского, Тульского и Рязанского генерал-губернатора М.Н. Кречетникова в 1782 - 1787 гг.» дается в связи с созданием губерний сравнительное описание Тулы и Калуги.³ В апреле 1787 г. Кречетников докладывал, что «натуральное положение губернского города Тулы соразделяет оный на три части, яко то: Градскую, имеющую в себе 1913 дворов, Оружейную, разделяемую от первой рекой Упою, в которой части 1175 дворов, и Чулкову слободу, отделенную от Оружейной Демидова прудом, в коей находится 436 дворов. Немалолюдное же число жителей в каждом доме сего города было поводом мне поделить вообще город на 6 частей и 35 кварталов. Напротив же, хотя в

¹ Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект № 15-11-4002/16 а(р), и Правительства Калужской области

² Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России IX - XIX столетия. Исторический очерк. Пг., 1917. С.16

³ Общеизвестно, что проектные планы этих городов наместничества являлись великолепными образцами русской градостроительной просветительской концепции. См. Лукьянов Н.А. Кречетниковская Калуга. Город эпохи Просвещения //Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып.3. Калуга, 2002.

губернском городе Калуге число домов несколько и превосходнее тульского, но как многие из оных таковы, что нося токмо имя дворов, вмещают в себя с нуждою одну семью... Поделая я оный не более, как на 4 части и 28 кварталов". Из текста следует, что "многие из тех дворов, при выстроении города, соответственно Высочайше апробованному плану, идут ко времени к уничтожению, яко то: крестьян дворцовых, экономических и помещичьих, не имеющих права быть градскими жителями, и имеющих свои земли при тех деревнях, к коим они приписаны и на которые выселиваться должны"¹.

Утверждённый 8 апреля 1782 г. "Устав благочиния или полицейского", определявший устройство полицейского аппарата городов, возлагал сохранение "благочиния, добронравия и порядка" в городах на городскую (отдельную от уездной) полицию и ее органы. Общегородское учреждение— управа благочиния - охраняла порядок в городе, принуждала жителей к исполнению законов и постановлений, приводила в исполнение повеления местной администрации и решения судов, заведовала городским благоустройством и торговлей. Управа благочиния имела и некоторые судебные функции.

Кроме полицеймейстера в состав Управы благочиния входили два пристава (уголовных и гражданских дел), а также ратманы—выборные члены от купечества. Важно отметить, что Устав вводил должность частного маклера, который контролировал наем рабочей силы, условия найма, регистрировал наем, а также аналогичная должность по уставу учреждалась для контроля за обращением недвижимостей. Именно поэтому мы видим в архивных документах постоянные обращения в Управу благочиния².

Так, губернский землемер и архитектор города сообщают: «... По плану на Жировской улице быть каменному строению, но жители той улицы каменные строения строить ныне по своему малоимуществу не в состоянии, хотя по объявленному опробированному плану построения города строить велено каменные дома». Наместник приказал - «по Жировской большой улице в самом центре города быть каменному строению, а по бедности тамошних жителей доколе придут они в лучшее состояние позволить строить дома деревянные на каменных фундаментах, о чем в учреждении о строении губернского города и городничему о сем определении дать копию, а в городской магистрат послать указ. 20 июня 1779 г.»³.

На основании отложившихся в фонде наместнического правления источников (указов, прошений, смет, ведомостей и пр.) можно проследить процесс перехода от деревянных по преимуществу лавок к каменным строениям в гостиных рядах в Калуге. Помимо документов Калужского наместнического правления обновление крупного торгового центра города освещают документы фонда ГАКО «Комитет по устройству г. Калуги» (ф.214) и материалы канцелярии калужского губернатора (ф. 32).

Гостиный двор занимал важное место в жизни городского населения Калуги. Здесь продавались различные товары, заключались важные сделки. В конце XVIII в. гостиные ряды, в основном, состояли из деревянных строений. Купцы не спешили перестраивать свои лавки, хотя число желающих занять лавочные места заметно росло.

Возможно, с высокой «конкурентоспособностью» данного комплекса торговых заведений была связана его модернизация. Можно проследить, как происходил процесс устройства новых лавок, как была проведена перестройка Гостиного двора, ставшего из деревянного каменным. Из документов становится понятно, по какой причине ее начали, на каких условиях проводили, кто являлся инициатором и исполнителями проекта, как выглядели сметы расходов и т. д.

Так, в 1788 г. последовало прошение властям калужских купцов Макара Чернова «с товарищами» (всего 10 человек), желающих «в новом гостином дворе выстроить половину корпуса лавок». Просителями заявлялось, что новые лавки будут больше старых, и что они будут стоять на выгодных местах («по большой дороге»).

Хозяева старых лавок были настроены против строительства, так как не получили таких же выгодных мест и стали опасаться убытков, что «будет меньше продаваться товаров»⁴. Тем не менее,

¹ Журнал реляций к ее императорскому величеству Калужского, Тульского и Рязанского генерал-губернатора М.Н. Кречетникова в 1782 - 1787 гг. М., 1863.С.5-6.

² ГАКО. Ф.132. Оп.1, т. 1. Д. 12. Переписка с калужской Управой благочиния о планировании г. Калуги 1777 - 1779 гг. Л.19.

³ ГАКО. Ф.132. Оп.1, т. 1. Д. 12. Л. 28.

⁴ Государственный архив Калужской области (далее - ГАКО). Ф. 132. Оп.1. Д. 749. Л. 5

указом Калужского наместнического правления было разрешено строить лавки «общим капиталом», заготовить к лету 1789 г. все необходимые материалы¹.

В основном, лавки делились на деревянные и каменные. Упоминается также сравнительно небольшое число лавок (всего 9) «без сидлицов». На языке того времени «сидлецами» или «сидельцами» именовали приказчиков в лавках. И в литературе той эпохи, и в российском законодательстве² эта категория торговых приказчиков упоминается очень часто. В народе говорили: «Сидельцы некоторых лавок,— кому они не надоедают! — докучливые крикуны, выхваляя свои товары, обыкновенно зазывают прохожих в свои лавки». Виды названных в документах лавок чрезвычайно разнообразны. Это лавки «красные, красные молочные, книжные, пушные, крашенинные, ветошные и шапошные, чулочные, сапожные, шорные, сырмятные, серебряные, медные, железные, овощные, москательные, хрустальные и скляночные, свечные, рыбные, хлебные, калачные, сытные, щепные, лапотные, птичьи, охотные»³. Из 353 лавок только 22 каменные, 331 строение по-прежнему деревянные.

Лишь после прогремевшего на всю Россию пожара 30 августа 1797 года в Казани, при котором сгорел Гостиный двор, начались решительные перемены. В результате страшного казанского пожара жители понесли убытки на 1 млн.200 тыс. рублей⁴. Вскоре последовал Указ Павла I, чтоб отныне «нигде вновь деревянных гостиных дворов не строить, и чтобы лавки нужные для торговли были каменные. Лавки и построенные гостиные дворы должны быть отделены, по возможности, от всяких строений и магазинов удобно возгораемых»⁵.

В 1797 г. от Калужского гражданского губернатора поступило предложение в Калужскую городскую думу, «дабы она приняла деятельные меры к уничтожению старых деревянных лавок и тем отдалить опасности от запаления, так, на место гнусного вида ветхих развалин улучшить наружность первого в городе места и построить с двух сторон квартала каменные ряды»⁶. В городской Шестиголосной думе собрались купцы и мещане, имеющие в красных рядах крепостные лавки и лавочные места, постановили единогласно: «Построение новых по плану рядов или гостиного двора на тех же местах, где крепостные купеческие и мещанские лавки состоят, разделить к выстроенным трем корпусам по линии к Московской улице, соответственно им еще такие же корпуса. Проходы между ними оставить свободнее, для этого ширину корпусов уменьшить на 2 аршина, чтобы приобрести выгоду в приумножении покупателей на товары. Новые ряды строить каждый корпус одновременно Если земли больше чем надо и если она не идет ни к кому в частное владение, предоставить в распоряжение градской думы. Кому недостаточно земли – добавлять⁷. Кому земли много – может уступить тому, кому ее не хватает за условленную цену или выстроить половину лавки»⁸. Начать строительство в 1798 г. летом. К этому времени подготовить все материалы. Строить наружную часть строго по плану, а внутренние отделки – на усмотрение собственников. Внутренняя отделка оплачивается собственником, а наружная – общим капиталом, составляемым по количеству у каждого лавок. Выбрать или нанять порядочного человека для этого»⁹.

Конечно же, это была не последняя перестройка гостиного двора. Но на этом примере можно увидеть, что работы велись за счет калужских купцов, которые были собственниками лавочных мест (у одного владельца могло быть несколько лавок). Гостиный двор включал в себя торговые ряды, лавки, в которых сосредотачивается торговля разнообразными товарами, места для хранения товаров (амбары, погреба). На основании изученных материалов, можно сделать вывод, что собственники торговых лавок, в полной мере могли ими владеть, пользоваться и распоряжаться, что является неотъемлемой частью института частной собственности.

¹ Там же. Л. 10

² Там же. Л.13

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. I и II. СПб., 1830-1881. Т. XXVI. № 19187. Высочайше утвержденный императором Павлом I Устав цехов, глава XVI («О цехе приказчиков или лавочных сидельцев»).

⁴ ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 109. Л..3

⁵ Там же. Л.6.

⁶ ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 109.Л.11

⁷ ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 109..Л.11об

⁸ Там же. Л.12

⁹ ГАКО. Ф. 214. Оп.1.Д. 75а. Л. 8.

Калужская губерния являлась одной из густонаселенных крепостнических губерний Нечерноземной полосы¹. Приоритетное положение представителей дворянского сословия в местной администрации вполне объяснимо, довольно сильными были также позиции первогильдейского купечества. Можно составить представление о том, из каких социальных слоев формировалось "градское гражданство". По мнению А. В. Демкина, проследившего изменения в численности купечества Калужского наместничества в конце XVIII в., что было обусловлено установлениями о необходимом минимуме капитала для причисления к купеческим гильдиям. В последние десятилетия XVIII в. он увеличивался от 10000 руб. до 16000 руб. для купцов 1 гильдии, от 5000 до 8000 для купцов 2 гильдии, от 500 до 1000 руб. для купцов 3 гильдии. В первую гильдию по Калужскому наместничеству в 1787/89 - 1796 гг. входило от 13 до 18 семей, большинство семей - от 12 до 16 - находилось в самой Калуге. Во вторую гильдию входило от 42 до 69 семей, но подавляющее большинство семей входило в третью гильдию².

Остановимся на статистических данных, показывающих динамику численности населения Калуги в XIX в., а также особенности развития в городе промышленности и торговли. Самые ранние сведения (начала XIX века, за 1811 г.) говорят об общей численности населения г. Калуги в 23 тыс. 100 чел. Поэтому (до 1840-х - 1850-х гг.) приходится, имея в виду общую численность населения губернского города, а также сведения о численности также заметного в количественном отношении здешнего купечества, примерно представлять, какую долю населения города составляли «остальные» категории городского населения, в том числе, мещанство.

В издании «Обозрение состояния городов», вышедшем в 1833 г., в «Калуге при реке Оке» насчитывалось жителей 26 тыс. 168 (14 тыс. 127 муж. и 12 тыс. 041 жен.). Налицо прирост населения города на 3 тыс., (на 11,9% !), по сравнению с 1811 годом. В том числе, купцов 1-й гильдии - 54 (муж.) и 49 (жен.); 2-й гильдии - 44 (муж.) и 61 (жен.); 3-й гильдии - 906 (муж.) и 859 (жен.). Всего - 1 тыс. 973 представителей купеческого сословия. Остальное население города - 24 тыс. 195 - составляли жители, принадлежавшие к «мещанам и посадским обою пола», к духовному и дворянскому сословиям (как правило, насчитывавшие несколько сотен человек, об этом говорят данные следующих десятилетий).

Из других сведений, обобщенных в табличном материале 1833 г., интересны данные о количестве домовладений Калуги, которых было - 555 каменных и 3 тыс. 284 деревянных.

Промышленность и торговля города предстают в таких цифрах. Фабрик и заводов - 71 с числом работников 497, лавок - 580, трактирных заведений - 22, «питейных домов» - 27. Следующие статистические данные приведены в таблицах 1840 г. Здесь в «Калуге при р. р. Оке и Яченке» заметным стал более значительный, по сравнению с первыми десятилетиями XIX века, прирост (на 9 тыс.) населения в целом. Жителей насчитывается 35 тыс. 274, в том числе, 20 тыс. 546 (муж.) и 14 тыс. 728 (жен.). В этих таблицах появляются новые, более «детальные» графы. Сообщается о «духовенстве обою пола» (290 чел.), «дворян и чиновников» насчитывается 492 (муж.) и 377 (жен.), 104 чел. отнесено к «почетным гражданам», купечество трех гильдий в количестве 1 тыс. 985 чел., а мещан и посадских «обою пола» насчитывается 20 тыс. 270³.

Мещане, как правило, держали лавочки и домашние заведения. В 1840 г. из опубликованного в «Калужских губернских ведомостях» (далее - «КГВ», Т.С.) списка лиц, получивших из уездных калужских казначейств, свидетельства на табачные фабрики, домашние заведения, лавки и лавочки, мы видим, что в Калуге их выдали 21 мещанину, 7- на домашние заведения и всем 21 человекам - на лавочки и 7 мещанкам - 2 - на домашние заведения и всем на лавочки⁴.

Приведем наиболее распространенные виды коммерческой недвижимости, принадлежащей в пределах городской усадьбы преобладающим по численности в населении города сословиям мещан и купцов на основании окладных книг, фиксировавших налог с недвижимых имуществ, отложившихся в документации институтов городского общественного управления Калуги,

¹ В «Генеральной ведомости» в Сенат в 1790 г. о числе «душ» в губернии сообщалось - 302 тыс. 700. : ГАКО. Ф. 66 (Калужское губернское дворянское депутатское собрание). Оп.1. Д.15. Лл.1-3.

² Демкин А.В. Купечество Калужского и Тверского наместничества в конце XVIII в. (изменения в численности) // Город и горожане России. М., 1991. С. 106-111

³ Свиридова Т.А., Звягинцева С.Л. Калужское мещанство в XVIII - XIX вв.: социокультурный облик, хозяйственная деятельность, общественный и правовой статус, Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 13. Калуга, ООО «Ноосфера». 2012. С.36 - 40.

⁴ КГВ, 1840, № 18, 4 мая

Из описания с этой позиции двух тысяч 67 домовладений (2067 объектов)¹ следует, что наиболее распространенным типом домовладения были дома деревянные одноэтажные, редко «низ каменный, верх деревянный, редко « с флигелем» или «кухней». Реже встречаются, «по ведомости раскладочной комиссии», полицейской или городской, «дом двухэтажный каменный и при нем кожевенный завод купчихи А.И. Перекалиной» или «завод каменный и при нем флигель» купца П.Г. Грибанова, «дом каменный и при нем кожевенный завод купца И.М. Грибанова», «дом каменный и при нем два завода купца И.И. Верейтинова», «дом каменный и при нем кожевенный завод купчихи П.А. Грибановой», «дом каменный и при нем кожевенный завод мещанки М.Т. Верейтиновой», «дом каменный двухэтажный с двумя заводами» купчихи М.А. Кадминой, «дом каменный и при нем кожевенный завод купчихи А.Я. Постниковой», «дом каменный трехэтажный с флигелем и при нем кожевенный завод купца С.Я. Канунова»

Своего рода «кожевенный квартал» образуют семь купеческих «кожевенных заводов»: Гораздо чаще в окладных книгах встречается такие типы недвижимости как «дом деревянный с кожевенным заводом». В окладных книгах упоминаются кирпичные заводы, отдельно фигурируют «бойни», «бумажная фабрика», «отдельная водяная мельница».

Из других объектов недвижимости с предпринимательским характером названы: «щетинное заведение», «рогожное заведение», «масляное заведение». Упоминаются харчевня и пивоварня купца Е.Ф. Астреева, «солодовня каменная и пивоварня» мещанки Е.М. Астреевой рядом с ее 2-этажным каменным домом, а также кузни («все деревянные», принадлежат мещанам).

Обратимся к сведениям, характеризующим вопросы владения, продажи и наследования недвижимостью мещанского сословия Калуги, помещенным на страницах «КГВ». В основном, это объявления о продаже с публичного торга домов (за различные долги) мещан, по которым можно судить о материальном положении представителей мещанского сословия Калуги. Вот некоторые из них. По определению Калужского магистрата, за неплатежи наследницей умершего мещанина Федота Зотова, дочерью его губернской секретаршей Натальей Померанцевой «должных им Зотовым Надворному советнику Ивану Чашникову по заемному письму 500 рублей, будет продаваться дом деревянный, ветхий, на каменном фундаменте с принадлежащим к нему разным надворным строением и землею»². Такого рода объявления довольно часты. «Продается дом мещанки Матрены Свечниковой – двухэтажный, низ каменный, верх деревянный покрытый тесом, ветхий; лавка, кухня, конюшня, сад (20 яблонь, 20 кустов смородины, 10 кустов крыжовника). Оценен в 180 рублей серебром»³.

Продавались не только ветхие дома, но и весьма приличные, пригодные для комфортного проживания: «Продается дом калужской мещанки за неплатеж по трем векселям. Дом новый, двухэтажный с мезонином, крытый железом, низ каменный, верх деревянный, с надворным строением и плодовым садом. Дом оценен в 900 рублей»⁴.

«Мещане вообще» нередко понимались как «все городские обыватели». В «Калужских губернских ведомостях» именно в этом смысле в 40-е гг. XIX в. обладавшие несомненной исторической и архитектурной ценностью палаты купца 1 гильдии Коробова описывались так: «...Дом калужского мещанина Ивана Петровича Коробова, который принадлежит к числу редкостей города Калуги, замечательный по своей древней архитектуре. Дом находится в первой части близ каменного моста на улице Новой. Он окружен забором и внутри палисадом. Построение этого дома по характеру архитектуры и по вкусу наружных архитектурных украшений должно отнести к весьма древнему времени, что неоспоримо доказывается хранящимися у Коробова деловыми записями, писанными по старинному летоисчислению в 7205 году от сотворения мира, а по нынешнему в 1697 году»⁵.

Анализируя объявления о продаже домов, можно сказать, что равные, казалось бы, по социальному статусу, мещане были не равны по своему материальному положению. Одни могли позволить себе новые двухэтажные дома, а другие (к сожалению, их было большинство) жили в ветхих, старых, тесных домах. Проблема ветхого жилья поднималась на страницах «КГВ». «Число обветшавших частных домов увеличивается год от года. Главная причина этого, при дороговизне строительных материалов и высокой плате рабочим, бедность наибольшей части домовладельцев, которые все вообще обязаны платить квартирную повинность в 2% и поземельной в 1% со

¹ ГАКО. Ф. 87. Оп.1. Д.2. Л. Л. 40 - 188 об.

² КГВ, 1840, № 21, 25 мая

³ Там же.

⁴ КГВ, 1843, № 5, 29 января

⁵ КГВ, 1860, № 1, 2 января

стоимости дома. Сверх того существовавший порядок разрешения мелочных починок и поправок в обывательских домах крайне был стеснителен для жителей, ныне порядок упрощен»¹.

«Новые упрощенные правила», их положительную роль и влияние на состояние обывательских домов «КГВ» обсуждают неоднократно. Сообщалось, что «распоряжение губернского начальства об упрощении порядка разрешения поправок в обывательских домах ... в видах облегчения бедных домовладельцев (новые правила устраняют всякие стеснительные формальности, проволочки связанные со строительной Комиссией) и улучшения строений, постепенно приводит к желаемому результату. В течение 10 месяцев городским архитектором выдано 152 разрешения на разные починок, исправления и на постройку новых надворных служб. Нельзя не подивиться, однако, что есть обыватели, которые ничего не знают о существовании этих правил, хотя о них было напечатано в КГВ. Мы уже не говорим о мещанах, большинство которых газет не читает, как сложилось подобное поведение встретить у купцов»².

В этом же 1860 г. открылись два комитета для застройки Калуги и для «пособия домовладельцам»: «Губернское начальство решило посредством заимообразных выдач капиталов, или безвозвратных ссуд, поправить быт некоторых из обывателей, облегчив способы к производству нужных построек и дав им возможность привести свою недвижимость в которую она могла бы приносить доход. Такие денежные пособия будут выдаваться домовладельцам из вспомогательного капитала на устройство города, находящегося в ведении Калужской Строительной Комиссии и взято заимообразно из сумм Приказа Общественного Призрения на общих 37 - летних правилах с уплатою этого займа из городских доходов. Комитетам поручено осмотреть домовладения и соображаясь с их ветхостью тут же постановить заключение - или к сломке, или к исправлению здания и объясняя в чем должно состоять исправление, в какой срок. Постановления эти тотчас объявлять домовладельцам к исполнению и тут же выдавать надлежащие разрешения к производству работ. Если же к слову и нет рядом места для постройки нового дома, Комитет предлагает строиться в кварталах назначенных для постройки»³.

На основании статистических сведений о выстроенных домах в городе Калуге с 1851 по 1860 гг. следует, что из 180 новых домов (23 каменных и 157 деревянных) 118 построены мещанами - 65,56%, дворянами - 3, чиновниками - 9, духовными лицами - 7, купцами - 19, солдатами - 16, крестьянами - 2, разночинцами 14.

Таким образом, некоторые аспекты структурно-институциональной характеристики объектов недвижимости в динамике, рассмотрение их эволюции, начиная от времени создания Калужского наместничества и включая XIX в., свидетельствуют о объемной картине их сложения, оформления и функционирования. В этом участвовали как коронные институты власти, так и учреждения городского общественного и сословного управления, такие органы, как относящиеся к основным структурным элементам управления городом Управа благочиния и полиция, комиссии (строительная, квартирная и по сбору повинностей), а также собрания общества городского и граждан по 6 разрядам, городской магистрат, а в пореформенный период институты всесословного городского самоуправления. Эти вопросы входили в полномочия городского головы и Шестигласной думы, мещанской, купеческой, ремесленной управ; выборное общественное управление города вступало в определенные взаимоотношения с коронной администрацией в лице губернатора и губернского правления.

А.А. Ярцев
Калининград

ЗЕМСКИЕ ХОДАТАЙСТВА КАК ФОРМА ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ. 1864 - 1904.

Земские органы самоуправления получили право непосредственного обращения к высшим этажам государственной власти. Эти обращения имели форму «всеподданнейших адресов» или «ходатайств». Первые представляли собой торжественные поздравления, направленные на имя

¹ Там же.

² КГВ, 1860, № 43, 2 октября

³ КГВ, 1860, № 44, 29 октября

⁴ КГВ, 1860, № 45, 5 ноября

императора по поводу важных событий в жизни страны или династии или выражения благодарности за помощь со стороны государства, как правило, в финансовых вопросах. А.Ф. Тютчева, фрейлина супруги Александра II Марии Александровны называла такие адреса «сборищем узаконенных официальных верноподданнических фраз».¹

Ходатайства оказались для земств более полезной формой взаимодействия с высшей бюрократией. Согласно второй статьи Положений о земских учреждениях 1864 г. органы самоуправления получили право ходатайствовать перед правительством «по предметам, касающимся местных хозяйственных польз и нужд губернии или уезда».² При этом подчеркивалось, что государство заинтересовано в «получении сведений и заключений» от земских учреждений.³ Таким образом, местные деятели могли заявлять свои потребности, для удовлетворения которых требовалось содействие правительства, правда, эти потребности могли быть только хозяйственными и ограничивались рамками отдельных губерний или уезда.

Комиссия для составления проектов по преобразованию местного управления под руководством статс-секретаря М.С. Каханова, учрежденная в 1881 г., собрала большую коллекцию земских ходатайств. Эта коллекция была издана в 1884 г.⁴ На ее материалах земский деятель и экономист Н.А. Карышев написал специальное исследование.⁵ Исследователь подсчитал, что за период 1865 - 1884 гг. земская Россия подала две тысячи 623 ходатайства, но при этом отметил, что «не ручается за полноту, особенно по 1883 - 1884 годам».⁶ В свое время Б.Б. Веселовский, известный историк земства, заметил, что эти данные «значительно ниже действительных». При проверке этих данных непосредственно по сборникам постановлений Петербургского губернского земства за 1865 - 1884 гг. оказалось, что за период 1865 - 1884 гг. упомянутое земство направило в пять раз больше ходатайств, чем это указано в фонде Кахановской комиссии: 194 к 34.⁸

Ходатайства направлялись в министерства, главным образом, в министерство внутренних дел, гораздо реже - в Сенат. Заявлять ходатайства непосредственно на имя царя запрещалось. В первые годы земства министры отклоняли ходатайства без объяснения причин. Гласные стали выражать недовольство такой практикой. 7 июля 1867 г. Комитет министров обязал министерства сообщать обо всех отклоненных земских ходатайствах предварительно в Комитет и только затем соответствующим земским собраниям. Министр внутренних дел П.А. Валуев объяснял царю, что решение комитета от 7 июля «не было опубликовано общеустановленным для правительственных распоряжений порядком»,⁹ то есть сами земства не были поставлены об этом в известность. 7 августа 1873 г. право отклонять земские ходатайства было изъято у министерств и передано Комитету министров, за исключением вопросов государственных дотаций, по которым окончательное решение оставалось за министром финансов. Однако поток земских ходатайств оказался настолько огромным, что отдельные министерства стали самостоятельно принимать окончательные решения по отклонению ходатайств. На основании жалоб ряда земств Сенат в 1896 г. еще раз указал, что это право является прерогативой Комитета министров.¹⁰

В новом земском Положении 1890 г. слово «хозяйственных» в отношении ходатайств было исключено, что существенно расширяло права земств. С другой стороны запрет на подачу ходатайств по общероссийским вопросам остался.¹¹ Считаясь с этим формальным ограничением, некоторые земства ходатайствовали по общероссийской проблеме, но указывали на местную необходимость в этом. Явно демонстративный характер имело ходатайство Новоторжского

¹ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853 - 1882. Тула, 1990. С. 320.

² Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи - II. Отделение первое. Т. 39. № 40457. Ст. 2. П. XII.

³ Там же.

⁴ Материалы Высочайше учрежденной Особой комиссии статс-секретаря М.С. Каханова для составления проектов местного управления. В 19 т. СПб., 1884.

⁵ Карышев Н. Земские ходатайства по материалам Кахановской комиссии. М., 1900.

⁶ Там же. С. 1.

⁷ Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. В 4 т. СПб., 1909 - 1911. Т. 3. С. 402.

⁸ Сборник постановлений Санкт-Петербургского губернского земского собрания. Изд. ежегодное. СПб., 1871 - 1907.

⁹ Сборник правительственных распоряжений по делам до земских учреждений относящимся за 1864 - 1890 гг. В 13 тт. Т. 1. С. 103.

¹⁰ Кузнецов Н.Н. Систематический свод указов Правительствующего Сената по земским делам. 1866 - 1900. В 12 тт. СПб, 1902 - 1916. Т. 11. С. 212.

¹¹ Положение о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 г. // Полное собрание законов Российской Империи - III. Отделение первое. Т. 11. № 6927. Ст. 63, 64.

земства об отмене телесных наказаний именно в Новоторжском уезде.¹ 22 мая 1895 г. МВД издало циркуляр о порядке представления ходатайств, в котором указало, что они «поступают в министерство не подкрепленными подлежащими указаниями на местные потребности, а основаны почти исключительно на общих соображениях, не имеющих прямой связи с интересами данной местности, вследствие чего при всей готовности министерства оказать поддержку подобным ходатайствам, оно лишь в редких случаях имеет возможность удовлетворить их».²

По мнению Н.А. Карышева, ходатайства иллюстрировали, «чем занята была общественная мысль в те или иные годы, в каком направлении складывались общественные стремления, что у них оказалось возможным провести в исполнение и что осталось в области благих пожеланий».³ Все же ходатайства не являлись зеркальным отражением «общественных стремлений», как правило, они подавались с прагматическим расчетом на реальность их осуществления. Когда земства во второй половине 80-х - начале 90-х гг. начали возбуждать ходатайства об отмене телесных наказаний для грамотных крестьян, Л.Н. Толстой осудил это в статье «Стыдно», указав земцам, что отменять телесные наказания необходимо для всех крестьян. Ему возразил писатель А.И. Эртель: «Мне самому довелось быть на земском собрании, где состоялось единогласное ходатайство об отмене телесного наказания для окончивших курс... Те, которые принимали его единогласно, конечно, превосходно понимали, что дело идет обо всех крестьянах, но «чтобы ходатайство дошло куда следует», решили просить хотя бы для окончивших».⁴

Ходатайства затрагивали широкий круг вопросов - от мелочной просьбы до законотворческой инициативы. При этом инициаторами ходатайств в собраниях выступали почти исключительно одни и те же лица - несколько активистов-дворян на фоне «болота». Ссылки на мнения избирателей были крайне редки, за исключением ходатайств об открытии школ, которые по закону составлялись на основании «приговоров» волостных или сельских сходов. Но даже в этом случае инициатива могла принадлежать учителю из близлежащей местности, представителю местной администрации, управе или отдельному гласному: «Сошедшись на приходском сходе в селе Кневицы, где слушали вычитанное нам волостным старшиною отношение Демянской уездной земской управы от 1 марта сего 1890 г. за №444 о том, что земство желает, чтобы в нашей местности села Кневицы устроить дом для земской школы».⁵

Несмотря на то, что земские учреждения в большинстве губерний приступили к работе в 1866 - 1867 гг., они сразу же стали использовать свое право на ходатайства. В первое десятилетие земства были особенно загружены работой, вызванной новизной земского дела: принятие на свой баланс имущества и бумаг закрывавшихся местных государственных учреждений, выработка оснований по налогообложению, проведение грандиозных работ по учету и оценке облагаемого имущества, организация деятельности исполнительных земских органов - управ и их канцелярий и многое другое. Н. Карышев отмечал: «Почти вслед за изданием закона 21 ноября 1866 г., ограничивавшего права земства облагать торговые и промышленные заведения, начали поступать ходатайства об увеличении норм обложения, указанных в этом законе».⁶ Ревизор Саратовской губернии сенатор И.И. Шамшин указал время инициации некоторых ходатайств. Так, в губернии уже в 1867 - 1869 гг., по меньшей мере, подали следующие ходатайства: Балашовское земство - о концессии на соединение Балашова железной дорогой с линиями Тамбово-Саратовской и Грязе-Борисоглебской железных дорог, об обязательной замене в хлебной торговле мер весами, Камышинское - о снятии с него расходов на строительство железнодорожной ветки к линии Тамбово-Саратовской железной дороги, Петровское - о передаче в ведение земства оспопрививания и упразднении оспенников, об обязательной постановке земств в известность об имеющихся земских недоимках при совершении купчих крепостей на недвижимые имущества, о разрешении земству принимать на свой счет расходы по ссылке порочных людей и уплату за них податей до новой ревизии, Хвалынское - о замене высылаемых в стантовые квартиры десятских наемными лицами, Сердобское - о допущении члена от земства в педагогический совет

¹ Частное совещание земских деятелей, происходившее 6, 7, 8 и 9 ноября 1904 г. в Санкт-Петербурге. М., 1905. С. 164.

² Доклады Псковской губернской земской управы XXXII-му очередному земскому губернскому собранию. Псков, 1896. С. 71.

³ Карышев Н. Указ. соч. С. 1.

⁴ Цит. по кн. Веселовский Б.Б. Указ. соч. Т. 3. С. 392.

⁵ ГАНО (Государственный архив Новгородской области), ф. 101, оп. 1, д. 6, л. 17.

⁶ Карышев Н. Указ. соч. С. 146.

Саратовской женской гимназии с правом голоса, Саратовское губернское - о сложении с земства расхода на распространение оспопрививания. Сердобское земство подало одно ходатайство уже в 1866 г. - о предоставлении земствам наблюдения за правильностью сельских построек и о мерах предосторожности от огня.¹

Основной поток ходатайств вызывался несовершенством законодательных норм. Кроме того, компетенция земств нарастала, открывались новые отрасли хозяйства, поэтому рамки земского законодательства оказывались узкими. Мизерное число ходатайств по благотворительности и попечении о тюрьмах говорит или об отсутствии интереса у гласных к этой деятельности или о не стесненности законодательством.

Путь ходатайства был многоступенчатым и длительным во времени: гласный - собрание - управа - губернатор - МВД (нечасто - другое ведомство) и обратно. Для согласования ходатайство могло быть направлено из МВД в дополнительные инстанции - другие министерства или в Сенат. Право на подачу ходатайств земские собрания стали использовать уже с первых дней своей деятельности. В отчете за 1866 г. новгородский губернатор Э.В. Лерхе сообщал императору: «Многие уездные собрания сожалеют о переводе безусловно дорожной повинности на деньги и охотно бы возвратились вновь к смешанной натуральной, но этому препятствует существующий закон (24 статья временных правил для земских учреждений). О чем ныне уже ходатайствуют».²

В лучах эйфории первых пореформенных лет Псковское губернское земское собрание уже на второй сессии первого созыва (ноябрь 1865 г.) потребовало отчета управы о результатах ходатайств.³ На деле, решения по земским обращениям затягивались годами. Подозрения гласных поначалу падали на бездеятельность управ. Например, в Новгородской губернии в 1866 г. губернская управа самочинно придерживала ряд ходатайств. Претензии предъявлялись и губернаторам. В 1880 г. Петербургское губернское земское собрание потребовало «вменить губернатору в обязанность ежегодно, при открытии очередных сессий губернского земского собрания, сообщать последнему о том положении, в котором находятся возбужденные земством ходатайства».⁴

Однако главным виновником волокиты, и земцы это быстро осознали, был центр, на делопроизводство которого они не могли влиять. Земский деятель Н.Н. Фирсов вспоминал: «Когда во второй половине 60-х годов очередное губернское собрание (*новгородское - А.Я.*) из доклада председателя управы Н.А. Качалова усмотрело, что за целый год огромное большинство земских ходатайств по существенным вопросам (в том числе податному, по народному образованию, продовольствию), представленных в министерства, оставались без ответа и без движения, невзирая на все личные хлопоты и другие меры, принятыми исполнительными органами земства, тогда князь Александр Илларионович⁵ спокойно и уверенно произнес речь, смысл которой заключался... что лучше земству упраздниться... Речь эта произвела во всей России большую сенсацию».⁶ В 1882 г. раздосадованный председатель Тихвинской земской управы К.П. Агафонов заявил на сессии, что в МВД «ходатайства ценятся в грош по заграничному курсу»,⁷ за что вместе с председателем собрания, не возразившем ему о неуместности подобных выражений, получил выговор от МВД. Будучи гласным Сапожковского уездного и Рязанского губернских земских собраний славянофил А.И. Кошелев вспоминал: «В сапожковских земских собраниях, очередных и чрезвычайных 1871 - 1872 гг. не произошло ничего особенного. Очень охотно мы предлагали и утверждали разные ходатайства перед высшим правительством и прямо к нему, и через губернское собрание; но почти постоянно получали от первого отказы, или наши предложения оставались даже без ответа».⁸

¹ Шамшин И.И. Записка по вопросам особого наставления ревизующим сенаторам, относящимся к земским учреждениям // Отчет сенатора И. Шамшина по ревизии Самарской и Саратовской губерний. СПб., 1881. С. 102 - 106.

² РГИА (Российский государственный исторический архив), ф. 1263, оп. 1, д. 3292, л. 54.

³ Отчет о занятиях Псковского губернского земского собрания 1865 г. Псков, 1866.

⁴ Сборник постановлений Санкт-Петербургского губернского земского собрания с 1880 по 1883 гг. СПб., 1884. С. 41.

⁵ А.И. Васильчиков, князь, автор двухтомного сочинения «О самоуправлении: Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений» (1870), председатель Старорусской уездной земской управы в 1865 - 1871 гг., гласный Новгородского губернского земского собрания.

⁶ Фирсов Н.Н. Силуэты времени реформ. Первый земский съезд. Воспоминания о цесаревиче и императоре Александре III в юности // Исторический вестник. 1910. № 2. С. 497 - 498.

⁷ РГИА, ф. 1341, оп. 148, д. 336, л. 2.

⁸ Кошелев А.И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812 - 1883 годы). Берлин, 1884. С. 270.

Волокита с ходатайствами вынуждала земства прибегать к помощи так называемых «ходоков», сопровождавших ходатайства по инстанциям. Обычно это были влиятельные аристократы или удачливые дельцы, как, например, князь П.А. Татищев и С.Н. Струговщиков. О последнем говорили, что он брал МВД измором.¹ Новгородский губернатор Э.В. Лерхе заранее предупреждал П.А. Валуева: «Отряжают депутатов к Вам лично подкрепить их ходатайства о нуждах».² Иногда вокруг земских ходатайств возникала борьба даже среди высших сановников. 6 мая 1880 г. председатель Комитета министров П.А. Валуев записал в своем дневнике: «Комитет министров. В первый раз я заметил со стороны графа Лорис-Меликова (*министра внутренних дел - А.Я.*) прямой пошиб влияния на дела. Речь шла об отклонении ходатайства рязанского земства по училищной части. Пошиб был популярнически-адвокатский за земство. Но так как дело было отложено, то и результат попытки влияния отсрочился».³

На наш взгляд, земства и сочувствующие им органы печати подчас лукавили, когда говорили об игнорировании центром ходатайств. В этих утверждениях проглядывается и политический подтекст противопоставления «прогрессивного общества» и «закосневшей бюрократии». Чем тогда объяснить тот факт, что земства все более активно использовали это право вплоть до начала деятельности Первой Государственной Думы?

Согласно Н.А. Карышеву, категорические отказы следовали в чуть более 50% случаях. Так, по реформе крестьянских учреждений государство отказало 26% ходатайств, земскому обложению - 45,1%, медицине - 46,7%, традиционно подозрительному в глазах церкви и центральной бюрократии земскому народному образованию - 61%.⁴

В 1881 г. сенатор И.И. Шамшин осуществил ревизию Самарской и Саратовской губерний, сенатор С.А. Мордвинов - Воронежской и Тамбовской. В своем отчете на имя императора И.И. Шамшин привел список из 206 ходатайств, поданных к 1880 г. в ревизуемых губерниях. Оказалось, что из этого числа 54 ходатайства были удовлетворены, 49 отклонены, 103 (ровно 50%) оставались без разрешения. Сенатор указал на медлительность центра в этом деле. Он привел пример, когда ходатайство саратовского губернского земского собрания 1868 г. об упразднении посреднической комиссии, стоившей земству ежегодно несколько тысяч рублей, было уважено только в 1879 г. Сенатор подчеркнул, что к 1881 г. не было получено ответа на такие ходатайства, которые были заявлены еще в конце 60-х годов.⁵ С.А. Мордвинов не представил списка ходатайств, указав, что по Воронежской губернии их было 66. Из них положительно разрешилось 22 ходатайства, отрицательно 21, принято к сведению 9 и 14 оставлено без ответа. Сенатор посчитал такой результата положительным: «Цифры эти, несомненно, доказывают, что об отсутствии внимания со стороны правительственных лиц и учреждений к земским ходатайствам и о несочувственном их отношении к земству Воронежской губернии речи быть не может».⁶

С.Ю. Витте писал: «Никто лучше министра внутренних дел не знает и не может знать, что проще отменить распоряжение любой губернской власти, чем постановление земского собрания, и что с ходатайствами, даже неосновательными, земских собраний приходится совершенно иначе считаться, чем с губернаторскими предположениями».⁷ Одиноким голосом в историографии прозвучало мнение Л.Е. Лаптевой о том, что «министерства, в рассмотрение которых поступали ходатайства земских собраний и даже управ, относились к ним достаточно внимательно и часто удовлетворяли эти ходатайства».⁸

Трудность заключается в том, что точное число удовлетворенных ходатайств невозможно установить. Положительная резолюция могла последовать через несколько лет, заявленная земством просьба могла войти в новый закон или циркуляр, нередко ходатайства удовлетворялись частично, или же центр предлагал компромиссный вариант. Сенатор С.А. Мордвинов в отчете о ревизии Тамбовского земства в 1881 г. привел пример ходатайства, которое формально было

¹ Фирсов Н.Н. Указ. соч. С. 503.

² РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1813, л. 2.

³ Валуев П.А. Дневник. 1877 - 1884. Пг, 1919. С. 92.

⁴ Карышев Н. Указ. соч. С. 4.

⁵ Шамшин И.И. Указ. соч. С. 112.

⁶ Отчет сенатора С. Мордвинова по ревизии Воронежской и Тамбовской губерний. СПб., 1881. С. 40.

⁷ Земское самоуправление в пореформенной России (1864 - 1918 гг.). Документы и материалы. Учебное пособие. М., 1995. С. 82.

⁸ Лаптева Л.Е. Земская реформа в России (историко-правовое исследование): Дис. ... канд. юр. наук. М., 1986. С. 79.

отклонено, но, по сути, разрешено в положительном смысле. Местное губернское земское собрание ходатайствовало на декабрьской сессии 1873 г. о предоставлении сельским обществам права переводить свои натуральные хлебные запасы в денежные. 21 мая 1874 г. вышло высочайшее повеление, которое предоставляло крестьянским обществам такое право. Ходатайство, которое рассматривалось позже, было отклонено на основании отсутствия заявленной земством проблемы.¹

МВД нередко отклоняло ходатайство в завуалированной форме, например, «принимало к сведению». Иногда мотивация отказа была чисто формальной: «подобного же ходатайства по другим городам не возбуждалось». Гласный Е.А. Шакеев возмущался на петербургском губернском собрании: «До общего вопроса - самый убийственный для земства ответ, потому что он ничего не значит».² Такой ответ министерства провоцировал всю губернию или даже несколько земских губерний на подачу однотипные ходатайства. Благодаря определенному уровню гласности, земства могли координировать свои совместные акции, в том и при подаче совместных ходатайств. Однотипные, иногда даже синхронные по времени подачи, ходатайства начали входить в практику уже с середины 70-х гг. Например, в 1874 г. в МВД поступило сразу 23 ходатайства губернских земств о разрешении брать ссуды из запасного продовольственного капитала.³ Практика подачи параллельных ходатайств еще более широко распространилась на рубеже 80-х - 90-х гг. XIX., причем, вместе с земствами часто ходатайствовали и другие организации. Например, ходатайства об отмене телесных наказаний для грамотных крестьян почти одновременно возбудили губернские земства, Вольное экономическое общество, IX всероссийский съезд врачей и испытателей и VI Пироговский съезд врачей.⁴

Б.Б. Веселовский насчитал 50 новых законов, которые были инициированы земскими ходатайствами. К ним относятся законы об отмене подушной подати и соляного акциза, учреждении Крестьянского и Дворянских банков, наделении школ землею, страховании скота, понижении выкупных платежей, отмене телесных наказаний для крестьян, освобождении учителей начальных школ от воинской повинности, сокращении срока службы в войсках для грамотных, целый ряд узаконений по регулированию отношений владельцев фабрик и рабочих и другие.⁵

В целом, земские ходатайства способствовали установлению диалога между обществом и властью, которая с большим вниманием относилась к заявленным «местным пользам и нуждам». Ходатайства способствовали преодолению излишней регламентации в земской деятельности, открытию и развитию новых отраслей земского дела. Правительство, в свою очередь, получало постоянную информацию о земских настроениях, стремлениях, расценивая ходатайства как совещательный голос с мест при разработке текущего законодательства.

С.В. Лёвин
Балашов

КОРОННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И НАЁМНЫЕ ЗЕМСКИЕ СЛУЖАЩИЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Вопрос взаимоотношения власти и наёмных специалистов, находившихся на земской службе, представлял и продолжает представлять интерес для исследователей. Безусловно, отношения эти не оставались неизменными; они, образно говоря, развивались волнообразно. Их началом следует считать первую половину 80-х годов XIX века, поскольку в этот период происходит организационное становление такой категории наёмных земских служащих, как статистики. И таким образом, все основные группы земских служащих - учителя, врачи и статистики - окончательно оформились.

В 1880-е годы отношения между правительством и наёмными земскими специалистами сводились, главным образом, к притеснению последних. Правительство стремилось поставить под

¹ Отчет сенатора С. Мордвинова ... С. 15.

² Сборник постановлений Санкт-Петербургского ... с 1880 по 1883 гг. ... С. 43.

³ РГИА, ф. 1317, оп. 1, д. 100.

⁴ Сборник правительственных ... Т. 5.

⁵ Веселовский Б.Б. Указ. соч. Т. 3. С. 408.

полный контроль, а там где это было невозможно, ограничить их профессиональную и общественную деятельность. Так, уже 31 июля 1882 года губернаторам земских губерний, был разослан секретный циркуляр Департамента полиции, предписывавший местным властям самым тщательным образом проверять претендентов на должности земских статистиков, и уже работавших, на политическую благонадёжность¹. Как справедливо отметил Г. А. Герасименко «статистики раньше других земских служащих приняли на себя удары реакции. Во второй половине 80-х годов, когда в правящих сферах встал вопрос о реорганизации земства, а точнее его ликвидации, пострадала, прежде всего, земская статистика»².

В 1890-е годы градус противостояния коронной администрации и наёмных земских специалистов заметно снизился, но в начале XX века вновь вырос. Несомненно, это было связано с обострением социально-политической ситуации в стране. Поводом, послужившим к началу притеснений «третьего элемента» земства³ послужили крестьянские волнения 1901-1902 годов в Полтавской и Харьковской губерниях. Вину за это власти взыскали на статистиков. «Последние события в Полтавской и Харьковской губерниях, – писал министр внутренних дел В. К. Плеве в отчётном докладе императору, – с очевидностью выяснили необходимость немедленно положить предел вредному влиянию, которое оказывали на население некоторые из земских статистиков»⁴. 30 мая 1902 года министр обратился к царю с просьбой «собрание в текущем году статистических сведений о земельных имуществах в губерниях: Бессарабской, Екатеринославской, Казанской, Курской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Самарской, Симбирской, Тульской, Харьковской и Черниговской прекратить, предоставив применение этой меры в отдельных сельских местностях остальных 22-х губерний усмотрению начальников губернии»⁵. Просьба В. К. Плеве была удовлетворена.

Близкие к правительственным кругам публицисты упрекали земских служащих за то, что они не пытались предотвратить (очевидно, методом доноса) развернувшиеся в малороссийских губерниях революционные события. «Земские учреждения, – писал М. Д. Шаховской, – казалось бы, близко стоящие к населению через посредство “третьего элемента”, часто находящегося в деревнях, должны были бы знать о толках, угрожающих общему спокойствию, личной и имущественной безопасности. Им и их агентам до последнего времени население во всяком разе больше доверялось, чем земским начальникам и полицейским чиновникам. Но вкоренившийся антагонизм между земством и администрацией, затем строгое соблюдение принципа невмешательства земских деятелей, даже и там, где единение в действиях могло бы оказать бесспорную услугу, как это воочию доказали печальные события, также сыграли в руку тем, кто решил теми или иными способами подготовить население к волнениям, а затем и произвели самый бунт»⁶.

Правительство с тревогой наблюдало за всё усиливавшимся влиянием «третьего элемента», на местную земскую жизнь. Директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел, действительный статский советник Б. В. Штюмер в отчёте о проводившейся им проверке («ревизии») Тверского земства в 1903 году, с тревогой констатировал: «Действительная власть в направлении земских дел мало по малу перешла к лицам, служащим в земстве по найму»⁷. П. А.

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 78. 1882 г. Д. 625. Ч. 1(4). Л. 8-8 об.

² Герасименко Г.А. Земское самоуправление. М., 1990. С. 17.

³ Термин «третий элемент» ввёл в обиход самарский вице-губернатор В. Г. Кондоиди, в своей речи на открытии XXXV очередного губернского собрания 11 января 1901 года. (Речь г. управляющего губернией // Самарская газета. 13.01.1900. № 9. С. 2).

⁴ ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 101. 1903 г. Д. 1242. Л. 56-56 об. В советской историографии сложилось стойкое убеждение, в «революционности» земских статистиков, к чему, по мнению ряда исследователей, располагал характер их работы. (См.: Воронезцев А. В. Земская интеллигенция Саратовской губернии в годы первой русской революции // Четыре века: сб. статей к 400-летию Саратова / отв. ред. Е. К. Максимов. Саратов, 1991. С. 80; Львова Т. Н. Земская демократическая интеллигенция Московской губернии и её участие в революционном движении 1870-х – начале 1890-х годов // Учёные записки МГПИ им. В. И. Ленина. 1964. № 229. С. 363; Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и её роль в общественной борьбе до начала XX века / отв. ред. В.Я. Лавёрычев. М., 1986. С. 97).

⁵ ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 101. 1903 г. Д. 1242. Л. 59.

⁶ Шаховской М. Крестьянские волнения в Харьковской губернии в 1902 году // Исторический вестник. 1906. Т. СШ. № 1-3. С. 126.

⁷ Цит. по: Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. СПб., 1911. Т. III. С. 551.

Столыпин в своём «всепоподданнейшем отчёте» о состоянии Саратовской губернии за 1904 год так написал о «третьем элементе»: «На почве наших военных неудач и всевозможных разоблачений правительственных язв и якобы правительственной слабости “третий элемент” быстро поднял голову и смело предъявил притязания на руководящее положение. Не имея связей в прошлом и греша большой теоретичностью, он, не встречая к тому же здоровой оппозиции в самом обществе, ведёт пленённое им земство дальше, может быть, чем последнее того хотело бы.

Единственный тормоз на пути “третьего элемента” – это администрация, но против неё к услугам и пресса, и модное общественное течение, и тенденциозная фальсификация фактов и событий»¹.

Даже начавшаяся война не сделала правительство более лояльным к земским статистикам. В сентябре 1916 года в своём ежегодном обзоре общественно-политической жизни губернии симбирский губернатор М. А. Черкасский, в ряду «внутренних врагов России», поставил и представителей «третьего земского элемента». «Не на последнем плане в печальном перечне внутренних врагов России, – говорится в обзоре, – я поставлю так называемый третий элемент. <...>. Дружные соратники еврейства в 1905-1906 гг. это “пушечное мясо революции”, тысячами высланное в места “не столь отдалённые” и в места “весьма отдалённые”, отбывшие это наказание и возвратившиеся уже в земские городские управы, они и ныне в душе остались такими же. <...>. Никакие законы, никакие льготы не изменят бунтовщических взглядов и мечтаний этой недисциплинированной многотысячной толпы. Самое строгое наблюдение и твёрдая рука, вот та власть, которая необходима для этих “дрожжей” переворота, бунта и беспорядков»². О том, насколько пристально коронная администрация следила за земскими статистиками, свидетельствует тот факт, что по ним, Департаментом полиции был проведён учёт возраста, социального происхождения, срока службы в земстве³. По другим категориям земских служащих такого сделано не было.

Почему именно они чаще других групп земских служащих становились объектом пристального внимания со стороны властей? Безусловно, в силу специфики своей работы. Если врачи и учителя имели дело с небольшим количеством людей, собранных одновременно в одном месте (больница, школа), то статистики – с несколькими десятками, а иногда и сотнями крестьян, собранных на сельский сход, и обсуждавших животрепещущие, злободневные для них вопросы социально-экономического характера. Кроме того, далеко не всегда местные власти могли контролировать их, как врачей и учителей. Статистиков, без преувеличения, можно назвать самым мобильным отрядом земских служащих; в день, как свидетельствуют источники, им приходилось проезжать по 100 км. и больше. Руководитель статистического бюро Рязанской губернии Василий Николаевич Григорьев писал своей невесте Софье Вернер: «Ещё неделька с небольшим, и мы закончим весь уезд по сю сторону Оки. <...>. И мы перенесёмся за 80 вёрст в совершенно новые условия – в страну раскольников и бабьих сходов, так как чуть ли не все мужики уходят на заработки»⁴. Для сравнения: земские врачи, объезжая свой участок, в день преодолевали всего лишь 30-40 вёрст, а с середины 1880-х годов разъездная практика вообще полностью уступает место стационарной⁵. Уездные исправники, волостные старшины, просто не успевали следовать за статистиками. Правительственные чиновники называли их «кочующим» или «бродячим» элементом.

Весомым аргументом для властей к преследованию статистиков было их народническое прошлое, а также активная жизненная позиция, стремление к широкой общественной деятельности. Среди рядовых служащих статистического бюро всегда был достаточно высок процент временных, сезонных работников, среди которых, в свою очередь, преобладали студенты, традиционно считавшиеся политически неблагонадёжными, а во многих случаях, таковыми и являвшиеся. Среди врачей и учителей категория временных работников отсутствовала. Наконец, статистики не были, даже в начале 1900-х годов, организованы, как врачи и учителя. Они не проводили своих съездов, правительство им этого не разрешало, на все просьбы, поступавшие с

¹ Государственный архив Саратовской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10243. Л. 29-29 об.

² Государственный архив Ульяновской области. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1495. Л. 7-7 об.

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 651. Л. 43-44.

⁴ Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей. Ф. 218. Картон 557. Ед. хр. 3. Л. 3-3 об.

⁵ Булгакова Л. А. Мистика земского врача // Наука, технология и общество во время Первой мировой войны. Медицина: сб. статей и документов / отв. ред. и сост. Л. А. Булгакова. СПб., 2011. С. 281.

мест, провести съезд земских статистиков, следовал неизменный отказ¹. У статистиков до 1914 года не было даже своего печатного периодического издания. Но высокая степень их корпоративности, базировавшаяся на общих профессиональных и культурных интересах, противопоставлении себя чиновничьей бюрократии, неформальной и достаточно эффективной системе подготовки кадров, личных знакомствах, регулярно поддерживаемых контактов друг с другом, не могла не вызывать подозрения коронной администрации.

Вместе с тем, в начале XX века правительство всё больше и больше начинает обращаться к профессиональным навыкам, опыту и знаниям «третьего элемента». К примеру, вследствие участвовавших среди крестьян, начинающих осваивать во всё более возрастающем масштабе сельскохозяйственную технику, случаев травматизма, и возвращавшихся после русско-японской войны 1904-1905 годов раненых демобилизованных солдат, возросла востребованность знаний и опыта земских врачей. Использование сельскохозяйственной техники делало крайне актуальным и вопрос образования крестьян.

Начавшаяся Первая мировая война резко повысила, фигурально выражаясь, спрос на земских специалистов. Востребованными оказались и статистики: они принимали деятельное участие в работе различных государственных, хозяйственных, культурно-просветительских и научно-общественных учреждений. Например, руководитель Саратовского земского статистического бюро В. И. Серебряков в 1915 году стал членом главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, глава пензенской земской статистики В. Г. Громан в 1915-1917 годах возглавлял экономическое управление Союза городов, а осенью 1917 года – Центральный продовольственный комитет Петрограда, получив от своих противников прозвище «продовольственного диктатора» столицы. Бывший заведующий земским статистическим бюро Калужской губернии А. В. Пешехонов с мая по август 1917 года занимал пост министра продовольствия Временного правительства. В данном случае, нельзя не согласиться с выводом А. Станциани, что «экономисты и статистики играли ведущую роль в новорожденных национальных экономических учреждениях: экономическом совете при Министерстве земледелия, экономическом бюро Союза земств, экономическом бюро Союза городов, Национальном кооперативном союзе и т. п.»². Статистики приняли самое непосредственное участие в организации и проведении Всероссийских сельскохозяйственных и земельных переписей 1916 и 1917 годов, которые, как справедливо отметила М. В. Угрюмова, стали плодотворным «опытом совместной работы земств и органов государственной власти»³. На основе данных земской статистики предполагалось даже составить общероссийский продовольственный план на 1917-1918 календарный год. Правительственные учреждения пользовались данными земской статистики по оценке земель сельскохозяйственного назначения, городской и сельской недвижимости, по количеству крестьянского скота, которые, по мнению японского историка К. Мацузато, в условиях войны «оказались более приспособленными к задаче тотальной мобилизации ресурсов» и могли бы принести правительству и земству значительную практическую пользу⁴. Мобилизации делали вопрос кадрового обеспечения земств специалистами особенно злободневным. Согласно подсчётам Е. М. Петровичевой убыль в составе «третьего элемента» к концу 1916 года достигла почти одной трети⁵. Найти подготовленного сотрудника-специалиста земским управам было весьма трудно.

Статистики, в отличие от врачей и учителей являлись разносторонними специалистами, выражаясь расхожим советским шаблоном, «специалистами широкого профиля». Многие из них совмещали службу в статбюро с должностью агронома или сотрудника страхового отдела. Некоторые статистики, оставив земскую службу, устраивались в банки, высшие учебные заведения. К примеру, Н. Н. Черненко совмещал руководство Саратовским губернским земским

¹ Подробнее см.: Лёвин С. В. Земские статистики на съездах русских естествоиспытателей и врачей // Власть. 2011. № 4. С. 129-131.

² Станциани А. Экономика и статистика между политикой и технократией (1861-1930) // Власть и науки, учёные и власть, 1880-е – начало 1920-х годов: материалы международного научного colloquium (6-9 июня 2001 г. СПб) / отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб., 2003. С. 142.

³ Угрюмова М. В. Документальное наследие российских земств. Нижневартовск, 2014. С. 116.

⁴ Мацузато К. Первая мировая война и изменение продовольственной системы Российской империи // Acta Slavica Japonica. 1991. № 9. С. 95.

⁵ Петровичева Е. М. Земская интеллигенция в период Первой мировой войны. (На материалах центральных губерний России) // Интеллигенция и мир. 2014. № 2. С. 10.

оценочно-статистическим бюро и страховым отделом, курский статистики К. А. Вернер в 1895 году получил место профессора на кафедре сельскохозяйственной статистики в Московском сельскохозяйственном институте.

Итак, в начале XX века отношения между властью и наёмными земскими служащими оставались натянутыми, но коронная администрация всё чаще обращается к профессиональным теоретическим знаниям, практическому опыту и навыкам «третьего земского элемента». Он являлся носителем специальных знаний, профессиональных навыков, опыта практической деятельности, которые продуктивно использовало земство в своей хозяйственной деятельности, и к которым, в начале XX века, всё чаще обращаются представители коронной администрации. При этом, нельзя не отметить такую интересную деталь: большей частью обращаются к тем, кого больше всех преследовали и притесняли – к статистикам. Думается, имеет право на существование утверждение, что отношения между коронной администрацией и земскими служащими присущ, своего рода, дифференцированный подход; к врачам и учителям отношение было более лояльным, чем к статистикам. На мой взгляд, отношение коронной администрации к наёмным земским служащим, условно можно определить тремя прилагательными: к врачам – уважительное, учителям – пренебрежительное, к статистикам – подозрительное.

Т.А. Кобзева
Ульяновск

РОЛЬ ЗЕМСТВ ГУБЕРНИЙ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В РАЗВИТИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В НАЧАЛЕ XX в.

На рубеже XIX–XX вв. производственная кооперация находилась на начальной стадии развития. По неполным данным, в 1902 г. насчитывалось 180–190 сельскохозяйственных обществ. Больше всего их было в Полтавской, Вятской, Московской, Самарской, Пермской, Санкт-Петербургской и Саратовской губерниях.¹ Как и кредитные товарищества, они создавались на добровольной основе по инициативе сельской интеллигенции (агрономов, ветеринаров) или самих крестьян. Их средства складывались из членских взносов. Хозяйственная деятельность крупных и средних обществ, владевших складами семян и сельскохозяйственных орудий, приносили в общую кассу от 600 до 1200 руб. в год.² Губернские земства чаще всего выдавали обществам небольшие единовременные (100–300 руб.) и ежегодные безвозвратные пособия (50–150 руб.) на проведение агрономических мероприятий и приглашение секретарей со специальным образованием. Более значительные ассигнования поступали от земств в виде товаров на обороты складов (от 300 до 2 тыс. руб.) Однако ведомственная и земская финансовая помощь не носила обязательного планового характера. По мнению Королевой Н.Г., возникла двойственная ситуация в отношении производственной сельскохозяйственной кооперации: с одной стороны, признавалась ее полезность для развития культуры земледелия, с другой стороны, общества были представлены сами себе и доброй воли уездных агрономов.³

Судьба сельскохозяйственных обществ стала предметом обсуждения на съездах представителей кооперативов, земств и сельских хозяев в 1908–1912 гг. На первом Всероссийском съезде представителей кооперативных учреждений в 1908 г. была предпринята попытка определить статус и функции кооперативов и выяснить принципы их взаимодействия с земскими службами. Сельскохозяйственные общества рассматривались как местные центры кооперативной пропаганды среди крестьянского населения. Вокруг этих центров должны были формироваться все сельские кооперативы – кредитные товарищества и потребительские общества.⁴

Сельскохозяйственные общества распространяли аграрные знания среди населения, устраивали зерноочистительные пункты для сортировки и очистки посевных семян, прокатные

¹ Королева Н.Г. Хозяйственно-экономическая деятельность земств в период модернизации российской деревни (1907–1914 гг.). М., 2011. С. 152.

² Там же.

³ Королева Н.Г. Хозяйственно-экономическая деятельность земств в период модернизации российской деревни (1907–1914 гг.). М., 2011. С. 153.

⁴ Там же.

пункты для приобретения орудий труда.¹ В отличие от кредитных учреждений эти общества были развиты крайне слабо. Симбирская губернская Управа ежегодно ассигновывала средства на их деятельность и, по сути, они были главным источником их финансирования. В 1915 г. сумма пособия обществам, внесенная губернской Управой равнялась пяти тысячам рублей. Она неравномерно была распределена между 12 обществами. Симбирское общество сельского хозяйства при Вырыпаевской ферме получило самое крупное пособие в две тысячи рублей. Кроме того, оно получило еще тысячу рублей на издание журнала «Симбирский хозяин». Остальные общества получили пособие в 100–300 рублей: Алатырское, Сиявское, Промзинское, Талызинское общества сельского хозяйства по 300 руб.; Ключищенское общество – 150 руб., Нов-Тукшумское – 100 руб., Алатырский отдел общества плодоводства – 100 руб., Симбирский отдел общества пчеловодства – 150 руб.; Симбирский и Алатырский отделы общества птицеводства – 300 и 50 рублей.² В 1916 г. пособие сократилось до 4,71 тыс. рублей.³ Кроме губернского земства, деятельность сельскохозяйственных обществ финансировали уездные земства. В 1914 г. Алатырское уездное земское собрание ассигновало Промзинскому обществу сельского хозяйства 300 руб., Сенгилеевское собрание ежегодно выдавала Ново-Кукшумскому обществу пособие в 100 рублей.⁴

В Казанской губернии поддержкой земств пользовались Казанское общество пчеловодства, Чистопольское, Лаишевское и Тетюшское сельскохозяйственные общества. Их финансирование было возложено на губернное земство и департамент земледелия. Через губернскую земскую управу они напрямую, минуя уездные земства, субсидировали или кредитовали сельскохозяйственные общества. Например, такая модель взаимодействия было апробирована с Казанским обществом пчеловодства.⁵

Одной из форм развития производственной кооперации в сельском хозяйстве являлось создание артелей и объединений единоличных производителей в производственные кооперативы, с целью улучшения технических условий производства, оптовой заготовки необходимых материалов и сырья и совместного сбыта готовой продукции. Артельный способ производства кустарных изделий был выгоден не только непосредственным производителям, но и заказчикам готовых изделий. Артель могла поставить на рынок в определенные сроки большие объемы качественной продукции и соответственно выполнить свои обязательства перед заказчиком.

В 1911 г. в Казанской губернии благодаря усилиям местного агронома А.Г. Соколова возник первый сельскохозяйственный производственный кооператив – артель молочного дела, организованная в селе Ново-Мордово Спасского уезда.⁶ В 1914 г. губернская земская управа Симбирской губернии приняла решение об открытии молочной артели. Идею ее создания в свое время высказал младший специалист по молочному хозяйству К.Е. Турков. В его докладе говорилось, что к 1914 г. в губернии появилось 20 молокодельных заводов в сёлах Ардатовского и Алатырского уездов. Из оставшегося молока, по мнению Туркова, с успехом и пользой для крестьянства можно было изготавливать сливочное масло на предприятии, организованного на артельных началах. Создание такой артели обеспечило бы развитие молочного скотоводства в губернии. На организацию артели Губернская Управа выделила 5 тыс. рублей.⁷ Во время Первой мировой войны открытие производительных артелей продолжилось. В 1917 г. была образована Сенгилеевская артель по выработке кулей и рогож. Сразу после открытия она получила заказ от губернского земства на 10 тыс. рублей.⁸

В начале XX в. немаловажное значение имело взаимодействие земских учреждений с потребительской кооперацией. Поначалу земства уделяли ей мало внимания. В газете «Самарский земледелец» отмечалось, что земские кассы мелкого кредита с опасением относились к

¹ ГАУО. Ф. 46. Оп. 10. Д. 245. Л. 101.

² ГАУО. Ф. 46. Оп. 10. Д. 164. Л. 68.

³ ГАУО. Ф. 46. Оп. 10. Д. 210. Л. 28.

⁴ ГАУО. Ф. 46. Оп. 10. Д. 758. Л. 15 – 15 об.

⁵ Старостин В. А. Роль земства в аграрном развитии Казанской губернии 1906–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2002. С. 130.

⁶ Там же. С. 119.

⁷ ГАУО. Ф. 46. Оп. 10. Д. 164. Л. 88–89.

⁸ ГАУО. Ф. 46. Оп. 13. Д. 78. Л. 322–323.

кредитованию потребительских обществ: «Им не доверяют, сомневаются в их кредитоспособности и в обеспеченности того кредита, который может быть оказан».¹

Ситуация кардинально стала меняться с началом аграрных преобразований П.А. Столыпина и последовавшим экономическим ростом. Можно выделить несколько направлений в области взаимодействия земств с потребительской кооперации: кредитование потребительских обществ, поддержка их торговой деятельности, проведение организационной и просветительской работы.

Кредитование потребительской кооперации стало основным направлением деятельности земств. В 1910–1912 гг., за три года по России в целом, сумма выданных кредитов увеличилась в 71,5 раз. В 1910 г. земства выдали кредиты на 6900 руб., а в 1912 г. — 493.951 рублей.² К 1914 г. свое внимание на потребительскую кооперацию обращают земства Среднего Поволжья. Одним из первых было Симбирское уездное земство.

Земские деятели большое внимание уделяли просветительской деятельности. Земства организовывали чтения и беседы по вопросам организации кооперативов, счетоводства и делопроизводства, распространяли специальную литературу, устраивали обучающие курсы. Земство приглашало специалистов, которые рассказывали слушателям о кооперации, разъясняли ее суть, помогали в открытии кооперативов, а потом с инструктажем посещали созданные учреждения. Обязанности специалистов по кооперации часто выполняли земские агрономы. Кроме того, земства организовывали кооперативные и кооперативно-счетоводные курсы, созывали совещания и съезды для обсуждения вопросов кооперативного дела и обмена опытом. Симбирская уездная земская управа периодически созывала совещания представителей кредитных товариществ, потребительских обществ, волостных суде-сберегательных касс и уездной кассы мелкого кредита. В 1911–1916 гг. было создано четыре совещания.³ На них обсуждались вопросы совместной деятельности, финансовой помощи, объединения кооперативов.

Потребительские общества выполняли государственный и земские заказы и объединяли кустарных производителей. В Симбирской губернии в 1911–1915 гг. их количество увеличилось с 18 до 23, что составило 0,29% от общего числа потребительских кооперативов России.⁴ К 1917 г. в Симбирской губернии насчитывалось 224 потребительских кооператива. Буквально за два года их количество выросло 9,7 раза. Больше всего их было в Сызранском (27), Сенгилеевском (28) и Буинском (25) уездах, а меньше всего в Курмышском (12) и Симбирском (12) уездах.⁵ Продовольственные затруднения, начавшиеся с первых дней войны, и торговая спекуляция заставили потребителей самих взяться за снабжение себя необходимыми продуктами. В 1916–1917 гг. потребительские общества кроме непосредственного снабжения членов товарами, по поручению продовольственных органов, ответственных за снабжение товарами, распределяли продовольствие по карточкам среди населения.⁶ В Саратовской губернии Аткарское уездное земство открыло шесть складов, которые отпускали продукты потребительским обществам и кооперативам.⁷

Во время войны Симбирская губернская управа заключала договоры с различными крестьянскими товариществами на артельных началах для поставки в земские учреждения различной продукции. В 1916 г. крестьяне артельного молочного товарищества с. Грязнухи Ключищенской волости Симбирского уезда заключили договор с управой. По его условиям молоко в земские больницы, богоугодные заведения и раненым солдатам, лечившимся в Губернской больнице, поставлялось по цене 1 руб. 10. коп за ведро.⁸ В случае нарушения условий договора, Губернская управа вправе была купить молоко у других лиц за счёт грязнухинского товарищества.⁹

Потребительские общества активно привлекались к регулированию цен на предметы первой необходимости. В 1914 г. согласно постановлению Керенского земского собраний Пензенской губернии, земство открыло льготный кредит обществу потребителей и выступило в качестве

¹ Потапова Л.В. Становление и развитие потребительской кооперации Среднего Поволжья в конце XIX-в начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саранск, 2007. С.118–119.

² Симбирский хозяин. — 1914. — №10–11. — С.38.

³ Кооперация и учреждения мелкого кредита. // Симбирский хозяин. — 1916. — № 6–7. — С.61.

⁴ Симбирский хозяин. — 1915. — №1. — С. 30–31.

⁵ Симбирский хозяин. — 1917. — №2. — С. 25.

⁶ ГАУО. Ф.46. Оп. 10. Д. 245. Л. 104 об.

⁷ ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 4. Д. 116. Л. 3.

⁸ ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 782. Л. 6.

⁹ Там же. Л. 8.

пайщика в Котельское общество, взяв 10 паев. А Чембарское уездное земское собрание открыло беспроцентный кредит потребительским обществам уезда.¹

В условия товарного дефицита в годы Первой мировой войны земства вынуждены были кардинально пересмотреть свою политику в отношении потребительской кооперации. На местах была развернута грандиозная работа по учету действующих потребительских обществ. Исследование проводилось по инициативе земских касс мелкого кредита с целью объединения усилий обществ в снабжении населения.²

Необходимость координации их действий побудила земства поставить вопрос об объединении всех потребительских кооперативов губернии в единый союз. В августе 1916 г. при Симбирской Уездной земской Управе была создана специальная комиссия для разработки этого вопроса. В конце октября она пришла к положительному заключению,³ и 22 января 1917 г. Симбирске уездное земство организовало совещание представителей потребительских обществ, на котором окончательно был решён вопрос об объединении.⁴

В Самарской губернии объединение потребительских кооперативов происходило вокруг Продовольственных Совещаний. Они были созданы на основе закона от 17 августа 1915 г., по которому основная тяжесть борьбы с продовольственным кризисом на местах перекладывалась на земские учреждения. Обратные средства Продовольственного совещания составлялись исключительно из вкладов потребительских обществ. На эти средства закупались крупные партии продовольствия, которые затем распределялись между кооперативами. Последние, в свою очередь, при реализации товара среди населения должны были придерживаться установленных Продовольственным совещанием норм отпуска и расценок, за этим следили специально уполномоченные инструкторы. Такое сотрудничество было взаимовыгодным. Кроме того, что товарищества находили надежное применение тому избытку средств, который образовался у них в годы войны, они получали значительную прибыль за свою посредническую деятельность.⁵

Для реализации первоочередной государственной задачи по организации поставок предметов военного снаряжения и продуктов на фронт, произошло объединение всех кооперативных учреждений вокруг губернского земства, взявшего на себя интегративную роль. Министерство продовольствия разработала проект по привлечению кредитных кооперативов к расчетам по поставкам хлеба и других продуктов для правительства.⁶ Земские кооперативные комитеты в Среднем Поволжье активно участвовали в организации военных поставок. Они действовали практически во всех уездах. Например, в Карсунском уезде Симбирской губернии при местном земстве была создана специальная комиссия по военным поставкам. При ее содействии было заготовлено 26.437 пар солдатских сапог, за что кооператоры получили 204 тыс. рублей. В годы войны земские кооперативные комитеты смогли организовать деятельность артелей портных и обувщиков, помогли снабдить их сырьем и первоначальными средствами для покупки оборудования, и нашли для этого необходимые средства.

Таким образом, земства Среднего Поволжья активно содействовали развитию потребительской и производственной кооперации в регионе Среднего Поволжья. Начиная с 1913 г. они значительно расширили свою помощь производственным и потребительским обществам. Их взаимодействие носило многоплановый характер. Трудные военные годы стали своеобразной проверкой на прочность всей земской системы. В период организации военных поставок, благодаря земской деятельности, в Поволжском регионе наблюдался наивысший расцвет кооперации.

¹ Живодрова С. А. Пензенское земство в 1900–1914 гг. Социальный состав, бюджет и практическая деятельность: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1996. С. 88.

² Симбирский хозяин. — 1915. — №8. — С.25.

³ Кооперация и учреждения мелкого кредита // Симбирский хозяин. — 1916. — № 11. — С.25.

⁴ Кооперация и учреждения мелкого кредита // Симбирский хозяин. — 1917. — № 2. — С.24.

⁵ Потапова Л.В. Становление и развитие потребительской кооперации Среднего Поволжья в конце XIX-в начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саранск, 2007. С.122.

⁶ ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 4. Д. 20. Л. 27.

П.В. Галкин, Н.В. Ловягин
Москва

ЗЕМСТВО И ВЛАСТЬ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ ГАЗЕТЫ «THE MANCHESTER GUARDIAN»(1904–1905 ГГ.)¹

Проблема взаимоотношений земских либералов и властных структур рассматривалась в дореволюционной историографии, как правило, с позиции того, что среди представителей государственной власти отсутствовало четкое понимание роли общественных сил в процессе политических преобразований. По образному сравнению И. П. Белококонского, деятельность бюрократии по отношению к земству представляла собою «шлюзную систему», которая заключалась в том, что перед каждой волной недовольства возводился новый шлюз, при этом «самый источник недовольства не только не уничтожался, а страшно возрастал»². Эволюцию взглядов земских деятелей по вопросу народного представительства проследил Б. Б. Веселовский, отмечавший важную роль земских съездов в процессе политической модернизации³.

В советской историографии земские либералы, как правило, подвергались критике за отсутствие четкой программы, не дававшей возможности заручиться поддержкой широких слоев населения⁴.

На современном этапе авторы характеризуют политику власти по отношению к земству как противоречивую⁵, одновременно подчеркивается важная роль земских съездов, позволивших «не только сплотить земские собрания на либеральной платформе, но и превратить их в трибуну пропаганды программ и идей будущих либерально-буржуазных партий»⁶.

Освещению событий Первой российской революции на страницах британской прессы посвящено исследование А. Н. Зашихина, в котором отмечается, что не в последнюю очередь британские корреспонденты связывали будущее политической модернизации с активностью либералов⁷. В данной статье предпринята попытка рассмотреть взаимоотношения земства и власти через призму восприятия одного из старейших изданий Великобритании – газеты «The Manchester Guardian».

Внутриполитические проблемы России стали объектом пристального внимания британских журналистов после назначения в августе 1904 г. на пост министра внутренних дел князя П. Д. Святополк-Мирского. Газета «The Manchester Guardian» сообщала, что пресса в России писала о начале «новой жизни», сравнивая политику министра с «глотком свежего воздуха».

В ноябре 1904 г. состоялось частное совещание земских деятелей, на котором были сформулированы основные требования реформ. Совещание выступило за объединение усилий земства и правительства, за расширение прав самого земства. В итоговой резолюции не содержалось прямого упоминания о «всеобщем избирательном праве», но британские журналисты считали, что этот принцип подразумевался, на основании чего говорилось о сближении революционеров и либералов⁸. Однако вскоре стало известно о негативном отношении императора к земским инициативам⁹. А после публикации 12 декабря 1904 г. указа Сенату и правительственного сообщения, которым запрещалось обсуждение вопросов, не относящихся к компетенции земских

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-31-01010 «Земство и проблемы политической модернизации России начала XX века в освещении британской прессы».

² Белококонский И. П. Земское движение. М., 1914. С. 1.

³ Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. СПб., 1911. Т. 3. С. 622.

⁴ Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 61; Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация. Программа. Тактика. М., 1985. С. 320, 324.

⁵ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 122; Герасименко Г. А. История земского самоуправления. Саратов, 2003. С. 238; Королева Н. Г. Революция 1905–1907 годов и политическая деятельность земств // Земское самоуправление в России, 1864–1918: в 2 кн. Кн. 2. М., 2005. С. 12.

⁶ Королева Н. Г. Земство на переломе (1905–1907 гг.). С. 207–208.

⁷ Зашихин А. Н. За строкой «Таймс»: британские корреспонденты в России и революция 1905–1907 гг. Архангельск, 2004. С. 29.

⁸ NoTitle // The Manchester Guardian. 1904. December 9. P. 6; Our London Correspondence // The Manchester Guardian. 1904. November 30. P. 6.

⁹ The Reform movement in Russia // The Manchester Guardian. 1904. December 22. P. 4.

собраний, Московское и ряд других губернских земских собраний приняли решение отложить работу на неопределенный срок¹.

Изменение позиции власти произошло после событий Кровавого воскресенья. 18 февраля 1905 г. был издан Высочайший указ Сенату, предписывавший рассматривать поступавшие от частных лиц и организаций предложения по вопросам изменений и улучшений государственного устройства, а новый министр внутренних дел А. Г. Булыгин получил рескрипт, в котором указывалось на необходимость создания особой комиссии для разработки проекта представительства.

В тот же день, в газете «The Manchester Guardian» появилось сообщение, что Московское земство и городская Дума направили министру депутации с предложением включить выборных представителей от земств в состав Особого совещания². Позже стало известно, что министр принял лишь делегатов Думы, при этом его ответ не содержал ничего конкретного. Представители земства и вовсе не удостоились аудиенции, и были вынуждены покинуть столицу, чтобы успеть вернуться в Москву до окончания работы собрания, а свои пожелания передали в письменной форме³. Также в газете сообщалось, что Саратовское земство приняло резолюцию о необходимости организовать публичную дискуссию по вопросу представительства⁴. С подобной инициативой выступило и Полтавское земство⁵. Позднее, со ссылкой на российские издания, в газете «The Manchester Guardian» была упомянута инициатива А. Г. Булыгина призвать рабочих, представителей духовенства и земских деятелей для обсуждения вопроса о включении народных представителей в состав Особого совещания⁶.

В конце апреля, в г. Москве состоялся очередной земский съезд, проводившийся в формате частного совещания. На нем присутствовало 130 делегатов от земств⁷. В газете «The Manchester Guardian» сообщалось о запрете со стороны правительства освещать ход заседаний съезда в российской прессе, а также о принятии на съезде резолюции в поддержку принципа всеобщего избирательного права⁸. Отмечалась неоднородность позиции земцев: в частности, говорилось о выступлении Д. Н. Шипова и части депутатов за создание законосовещательного представительства⁹.

На следующий день были опубликованы детали прений по вопросу о форме представительного органа, а также сообщение о решении А. Г. Булыгина назначать членов Особого совещания лично, так как, по его словам, «при избрании их количество оказалось бы слишком большим»¹⁰. В очередной статье, посвященной апрельскому съезду содержались сведения об итоговых резолюциях, где говорилось, что земства должны быть представлены в комиссии А. Г. Булыгина, наряду с назначенными членами, а ход работы комиссии следовало сделать публичным. Кроме того, сообщалось о требовании земцев наделить первый состав представительного органа статусом Учредительного собрания. Как отметил автор публикации, решения съезда должны были дать существенный толчок политическим реформам¹¹.

В одной из последующих публикаций британские журналисты попытались осмыслить итоги и значение земского съезда. Они отмечали, что съезд был более представительным, а организационный комитет в течение 7 месяцев готовился к заседаниям, собрав обширный статистический материал и изучив особенности известных форм представительных органов¹².

Корреспондент газеты «The Manchester Guardian» Г. Вильямс лично присутствовал на заседаниях и подробно освещал происходившее – от содержания предварительной резолюции организационного комитета до дебатов. В заключении статьи автор назвал участников съезда «в душе политическими идеалистами», и отметил, что этот идеализм не мог полностью исчезнуть,

¹ Summary of News // The Manchester Guardian. 1904. December 27. P. 4; Zemstvo and the Crisis // The Manchester Guardian. 1905. January 28. P. 9.

² The Elective Assembly // The Manchester Guardian. 1905. March 22. P. 7.

³ Reform in Russia // The Manchester Guardian. 1905. March 25. P. 9.

⁴ Discussion of the situation demanded // The Manchester Guardian. 1905. March 30. P. 9.

⁵ Reform in Russia // The Manchester Guardian. 1905. March 31. P. 7.

⁶ «Russia in danger» // The Manchester Guardian. 1905. May 3. P. 7.

⁷ Summary of news // The Manchester Guardian. 1905. May 6. P. 8.

⁸ Summary of news // The Manchester Guardian. 1905. May 8. P. 6.

⁹ Russia`s Reformers // The Manchester Guardian. 1905. May 19. P. 7.

¹⁰ The national Assembly // The Manchester Guardian. 1905. May 9. P. 7.

¹¹ Conditions of assistance // The Manchester Guardian. 1905. May 10. P. 7.

¹² The Second Zemstvo Congress // The Manchester Guardian. 1905. May 15. P. 7.

предопределив «революционный» характер съезда¹. Итоги съезда оценивались британцами весьма высоко, он был назван самым значительным в ряду прошедших в 1905 г. земских совещаний².

Следующим крупным событием в земском движении стал майский съезд, также широко освещавшийся на страницах «The Manchester Guardian». Съезд проходил на фоне поражения российской эскадры в Цусимском проливе, что стало причиной объединения различных политических сил. В частности, в работе съезда приняли участие и сторонники «меньшинства», возглавляемого Д. Н. Шиповым.

В газете сообщались подробности прений на съезде, развернувшихся, в том числе, при обсуждении адреса императору. Британские журналисты отмечали, что изначально радикальный характер документа был смягчен под давлением группы Д. Н. Шипова.

Депутация съезда земских и городских деятелей, по данным британских корреспондентов, должна была включать 12 человек, а ее целью было добиться окончания войны и организации представительства. Возглавить депутацию должны были граф П. А. Гейден и Д. Н. Шипов³. Вскоре появилась информация, что царь согласился принять депутацию при условии, что вопрос о войне не будет поставлен. Журналист обратил внимание, что среди допущенных на аудиенцию лиц был даже И. И. Петрункевич, долго находившийся в опале и на 22 года лишенный права пребывать в Санкт-Петербурге⁴.

5 июня газета «The Manchester Guardian» сообщила, что общественные деятели получили приглашение на аудиенцию в качестве официальных представителей земств и городов 6 июня в Петергофском дворце. Британский журналист назвал это великой победой общественного мнения⁵.

На следующий день после аудиенции в «The Manchester Guardian» была опубликована статья, в которой сообщалось, что царь принял депутацию из 14 человек (2 делегатов присоединились в качестве представителей Санкт-Петербурга). В газете был приведен списочный состав, общее содержание речи князя С. Н. Трубецкого, ответ монарха. Журналист указал, что царь был весьма тронут обращением, и, судя по реакции, не знал об описанных проблемах. Николай II заявило неизменности своей воли по созданию представительного органа и пожелал, чтобы его ответ стал известен общественности⁶.

В очередной публикации сообщалось, что факт принятия царем депутации благоприятно отразился даже на сырьевых биржах. По словам журналиста, впечатление оказалось бы еще более сильным, если бы газетам позволили публиковать полный отчет об аудиенции, но цензурный департамент по «необъяснимой причине» отложил публикацию⁷.

Когда стало известно о решении А. Г. Булыгина ограничить цензом избирательное право на выборах в представительный орган, в газете «The Manchester Guardian» была опубликована статья, в которой отмечалось, что подобные решения не могли удовлетворить общественность. Журналист также сообщил о надеждах на то, что Булыгинский проект «будет совсем отброшен, и приняты предложения земского съезда»⁸.

О проведении очередного земского съезда газета «The Manchester Guardian» писала 5 июля 1905 г. В публикации отмечалось, что хотя съезд и был запрещен властями, общественные деятели все-таки собрались в Москве для обсуждения вопроса о создании представительного органа⁹. По словам корреспондента, на первом заседании присутствовало более 225 человек. К полудню появилась полиция, но она «воздержалась от применения силы»¹⁰.

Главным вопросом в повестке съезда стало отношение к проекту А. Г. Булыгина¹¹. Как и ожидалось, правительственный проект был раскритикован, а решение об участии в выборах отложено до официальной его публикации. Журналист отметил, что общий настрой становился все более и более революционным: «складывалось ощущение, что от правительства более ничего не ожидали – все было в руках народа»¹². На очередном заседании была дана рекомендация

¹ The Second Zemstvo Congress // The Manchester Guardian. 1905. May 15. P. 7.

² The Zemstvo Congress // The Manchester Guardian. 1905. May 18. P. 9.

³ The demand for an Assembly // The Manchester Guardian. 1905. June 9. P. 7.

⁴ Tsar and Zemstvos // The Manchester Guardian. 1905. June 16. P. 6.

⁵ Zemstvo deputation // The Manchester Guardian. 1905. June 19. P. 4.

⁶ Tsar and Zemstvos // The Manchester Guardian. 1905. June 20. P. 7.

⁷ The reception of Zemstvo delegates // The Manchester Guardian. 1905. June 21. P. 12.

⁸ The Tsar's speech // The Manchester Guardian. 1905. June 22. P. 12.

⁹ Another Zemstvo meeting in Moscow // The Manchester Guardian. 1905. July 18. P. 7.

¹⁰ Zemstvo Congress opens at Moscow // The Manchester Guardian. 1905. July 20. P. 7.

¹¹ The Zemstvo Congress // The Manchester Guardian. 1905. July 19. P. 12.

¹² A Revolutionary spirit // The Manchester Guardian. 1905. July 21. P. 7.

обществу организовать пассивное сопротивление правительственным чиновникам, а также издать документ, объяснявший простым языком позицию земского съезда для широких народных масс¹. Журналист также отметил отсутствие единства мнений в отношении обращения к народу, предложенного И. И. Петрункевичем, однако 18 противников подобного шага не смогли повлиять на итоговое решение².

На последнем заседании съезда было принято решение о создании конституционно-демократической партии³, поскольку земства имели отличные от политической агитации функции, а исполнение намеченной ими программы могло быть осуществлено только политической партией в «западном понимании этого термина»⁴.

В августе 1905 г. по итогам работы комиссии под председательством А. Г. Булыгина был опубликован Манифест об учреждении Государственной Думы. Для обсуждения тактики земцев в отношении предстоявших выборов в сентябре был созван очередной съезд. Причем председатель Оргбюро съездов Ф. А. Головин договорился с московским генерал-губернатором о разрешении на проведение собрания при условии четкой регламентации повестки дня⁵ и присутствия представителей власти. В статье, опубликованной 13 сентября в «The Manchester Guardian», сообщалось, что на первом заседании земского съезда собравшиеся пришли к решению принять участие в выборах в Думу, чтобы легитимным образом продолжить борьбу за реформы⁶.

В итоге, выборы в Булыгинскую Думу не состоялись, потому что в условиях нарастания революции, Николаю II пришлось пойти на дальнейшие уступки, и издать Манифест 17 октября 1905 г., знаменовавший начало легальной партийной деятельности. Дальнейшие съезды были гораздо менее представительными, и земство перестало быть объектом пристального внимания британских журналистов.

Подводя общий итог, отметим, что наличие у редакции «The Manchester Guardian» собственного корреспондента позволяло публиковать подробные сведения об обстоятельствах проведения земских съездов. Центральной темой всех публикаций стало создание представительного органа и степень влияния общественных деятелей на позицию власти в вопросе о характере народного представительства.

Н.И. Горская
Смоленск

СМОЛЕНСКОЕ ЗЕМСТВО ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: РАБОТА НА ДВА ФРОНТА

Первая мировая война, долгое время остававшаяся в российской историографии, «забытой трагедией»,⁷ в настоящее время презентуется как судьбоносное событие российской истории, образно названное В.М. Шевыриным «войной-революцией»⁸. Сложные и противоречивые связи войны и революции стоят в центре дискуссии отечественных и зарубежных историков. Японский историк К. Мацузато сводит проблему к уровню «межрегиональных противоречий». Исследовав состояние продовольственного дела в России во время войны, он пришел к убеждению, что усиление роли земства в снабжении населения продовольствием, нарушило межрегиональные связи. Эта неразбериха в продовольственном деле и стала причиной продовольственного кризиса, приведшего в свою очередь к падению монархии⁹. Выводы Мацузато, несмотря на всю их значимость, все же необоснованно сужают поле исследования узловой проблемы российской

¹ Passive resistance policy recommended // The Manchester Guardian. 1905. July 22. P. 8.

² The Moscow Congress // The Manchester Guardian. 1905. August 1. P. 7.

³ A new constitutional party // The Manchester Guardian. 1905. July 24. P. 7.

⁴ Reform in Russia // The Manchester Guardian. 1905. August 4. P. 7.

⁵ Next Zemstvo Congress // The Manchester Guardian. 1905. September 18. P. 7.

⁶ Zemstvo Congress at Moscow // The Manchester Guardian. 1905. September 26. P. 7.

⁷ Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск, 2000.

⁸ Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914-1917). Аналитический обзор. М., 2003. С.6.

⁹ Мацузато К. Земств во время Первой мировой войны: межрегиональные конфликты и падение царизма // Земский феномен. Политологический подход. Саппого, 2001. С. 144-198.

истории XX столетия. Вместе с тем Мацузато и другие историки заявляют о большой роли земства в истории войны и войны в судьбе земства¹.

Благодаря современным исследованиям ясно, что деятельность российского земства являлась фактором существенно влиявшим на обстановку в стране. Однако направленность и глубина этого воздействия не могут быть осознаны без изучения истории провинциальных земств, вовлеченных в грозные события и наложивших свой отпечаток на ход и результаты войны и революции.

Смоленское земство в силу своего географического положения оказалось в центре событий. На территорию Смоленской губернии с самого начала войны были распространены законы военного времени. Согласно «Правилам о местностях, объявленных на военном положении», в Смоленском, Краснинском и в Поречском уездах устанавливался режим военного положения, а остальные девять уездов губернии были объявлены прифронтовой зоной². Через губернию с востока на запад и в обратном направлении передвигались большие массы людей: армия, беженцы, раненые.

Во время войны российское земство вынуждено было действовать на два фронта, каждый из которых объективно приобретал особую социально-политическую значимость. Оно работало на войну и одновременно продолжало выполнять функции органов местного самоуправления. В этих условиях перед земством стояли две серьезные проблемы: проблема финансовых и людских ресурсов, т.е. материальных возможностей земского самоуправления, и проблема авторитета земства, его влияния на местное общество³. Только при наличии достаточных ресурсов и авторитета можно было рассчитывать на успех дела. Земская традиционная работа, хотя и осложнившаяся в связи с войной, в это время воспринималась населением как обыденное течение местных хозяйственных и общественных дел, и вместе с тем она поддерживала уверенность в скором возвращении к нормальной послевоенной жизни. Война же требовала новых и масштабных усилий.

Как известно, для выполнения задач, связанных непосредственно с войной, земство создало специальные общественные организации: Всероссийский земский союз (ВЗС) и совместно с городским самоуправлением Союз земств и городов (Земгор). ВЗС вел работу по трем направлениям: лечение раненых, помощь беженцам, помощь семьям ушедших на фронт; Земгор занимался поставками в армию. Основной целью этих организаций была поддержка правительственных мер по оказанию помощи армии и различным категориям населения, пострадавшим от войны. ВЗС опирался на опыт перовой общеземской благотворительной организации. Такая организация, включавшая 48 губернских и уездных земств, была создана в 1904 г. во время русско-японской войны. ВЗС заимствовал у нее организационные формы и основные направления работы. Первая общеземская организация содержала лечебно-питательные отряды и питательные пункты на Дальнем Востоке, отправляла раненых вглубь страны. Она оказала помощь более чем 0,5 млн человек и продолжала действовать после войны, в «тылу»: оказывала помощь голодающим и переселенцам, привлекая для этой цели земские средства, пожертвования из России и за границы, государственные субсидии⁴.

Создание ВЗС произошло «быстро, почти по телеграфу», 30 июля 1914 г. на совещании уполномоченных земств при Московской губернской управе⁵. От Смоленского земства в совещании принимали участие К.П. Энгельгардт, П.А. Вакар и Я.К. Курнатовский, представлявший городскую думу Смоленска. Но еще раньше 27 июля 1914 г. в ответ на телеграмму Московской губернской управы был создан смоленский губернский комитет по оказанию помощи раненым и больным воинам. Особенностью смоленского губернского комитета было участие в его работе представителей г. Смоленска (городского головы Б.П. Рачинского, городских гласных Я.К. Курнатовского и К.И. Крылова), Красного Креста, местного дворянства и общественности (временный комитет Красного Креста под руководством А.Н. Алексеевой, благотворительный отряд С.Д. Плещовой). Активное участие в делах губернского комитета ВЗС принимали жители уездов. ВЗС возник на волне патриотического подъема, охватившего без преувеличения все слои общественности в начале войны.

¹ Шевырин В.М. Указ. соч. С. 28

² Государственный архив смоленской области (ГАСО). Ф. 1289. Оп.1. Д. 413. Л. 3.

³ Горская Н.И. Местное земство и война (Из истории Смоленского земства в 1914-1917 гг.) // Политические партии и общество в России. М., 2000. С. 144.

⁴ Казимиров Н.Я. Земство и Всероссийский земский союз. М., 1917. С. 27-32.

⁵ Шевырин В.М. Указ. соч. С. 36.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Смоленский комитет ВЗС возглавлял председатель губернской управы, дядя будущего известного маршала М.Н. Тухачевского А.М. Тухачевский. Ведущую роль в его деятельности играли члены губернской управы и гласные губернского земства: П.А. Вакар, И.В. Глинка, П.А. Губкин, Д.Г. Полуектов, В.Н. Каверзнев, граф П.А. Келлер, М.Н. Купчин, И.П. Герасимов, К.П. Энгельгардт, А.А. Потемкин, Н.Н. Мертенс и заведующий санитарным бюро при губернской управе Т.В. Шверин. Во всех уездах, кроме Поречского, действовали уездные комитеты ВЗС, которые возглавляли председатели земских управ. 11 сентября 1915 г. под руководством А.М. Тухачевского был создан смоленский губернский комитет Земгора¹.

Местные комитеты ВЗС и Земгора являлись общественными организациями в полном смысле этого слова: добровольными, некоммерческими, преследующими общественно значимые цели. Члены и волонтеры ВЗС и Земгора не получали никакого вознаграждения за свою работу, кроме суточных (10 руб.), если находились вне дома по делам комитетов. Несмотря на то, что государство субсидировало ВЗС и Земгор, их местные комитеты, оставались самостоятельными организациями, хотя и тесно сотрудничавшими с государственными учреждениями и общественными организациями.

Члены комитетов отдавали массу времени и сил на общественное дело, работая безвозмездно и без отпусков. Особенно большая нагрузка ложилась на представителей управ, которые занимались не только организационными делами, но и «черной работой». Например, все члены губернской управы во главе с Тухачевским по очереди дежурили на железнодорожном вокзале в ожидании поездов с ранеными. Они участвовали в транспортировке раненых, работали с беженцами, предоставляли свои дома для раненых. Руководство губернскими комитетами А.М. Тухачевским, одним из самых авторитетных земцев губернии, поднимало их значение в глазах населения. Не стояли в стороне и рядовые земские гласные. В 1914 г. в земствах Смоленской губернии работало 340 гласных (по расписанию полагалось избирать 368 депутатов - «недобор» составлял 7%) и около полутора тысяч служащих. В абсолютном большинстве это были люди, воспринявшие войну как суровое испытание для земского дела, которому они служили не один год.

Комитеты ВЗС и Земгора действовали независимо друг от друга, хотя их действия и задачи неизбежно переплетались. При этом нельзя ставить знак равенства между комитетами и земствами. Земства оставались органами местного самоуправления, а комитеты были общественными организациями, созданными при земствах, в которых работали земцы и использовались земские финансы. Однако в некоторых делах трудно было провести демаркационную линию между этими организациями. В первую очередь это касалось помощи населению.

ВЗС создал на территории губернии сеть госпиталей, с достаточным количеством коек, организовывал питательные, медицинские и ветеринарные пункты на пути передвижения беженцев, превратив стихийное бегство в организованное перемещение большой массы людей в глубь страны. Губерния и город принимали огромное число беженцев, которых надо было лечить и кормить, давать работу или отсылать в другие места проживания. С 1915 г. Смоленск стал распределительным пунктом, откуда поезда с беженцами направлялись в Тульскую, Рязанскую, Пензенскую и другие губернии страны. В конце 1915 г. на территории Смоленской губернии, включая города и сельскую местность, «осело» приблизительно 43 тыс. беженцев, находящихся под опекой различных общественных организаций, включая ВЗС. Только за 6 месяцев 1915 г. через Смоленск, население которого составляло около 100 тыс. (1916 г. - 99 тыс.), проследовало более 600 тыс. человек (628,2)². Миграция населения сказывалась на обеспечении населения губернии продуктами, медицинской помощью, оказывала влияние на восприятие жителями губернии военных и политических событий.

Смоленский комитет Земгора выполнял для армии заказы по производству мелких, но необходимых фронту вещей и приспособлений. Земгор и ВЗС, минуя правительственные структуры, работали непосредственно с армией и населением. Смоленский комитет получал заказы от Главного комитета Земгора, Интендантства Западного фронта, воинских частей, от

¹ Журнал чрезвычайного Смоленского губернского земского собрания 27 июля 1914 года. Смоленск, 1914. С. 3, 4, 8; ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 41. 1914. Л.1, 2, 4, 11.

² ГАСО. Ф. 7. Оп. 4. 1916. Л. 36.

инженерной части Минского военного округа¹. К выполнению заказов привлекались кооперативы, местное население, беженцы, учащиеся ремесленных училищ и даже заключенные Смоленской каторжной тюрьмы.

Смоленск, расположенный в тылу Западного фронта, превратился в базу для размещения разнообразных подразделений ВЗС: мастерских (чугунолитейная, шорная, сапожная, палаточная, кожаная), Смоленского отделения Центрального аптекарского склада, склада продуктов, центральной прачечной и крупного госпиталя Западного фронта ВЗС, расположившегося в здании современного Смоленского государственного университета.

В центре внимания земства и комитетов ВЗС была судьба людей, оставшихся без кормильцев. 29 августа 1914 г. на совещании председателей уездных и губернской управы было принято решение о «призрении семей нижних чинов, призванных на войну». По решению очередных земских собраний помощь оказывалась 6-й категории жителей сельской местности: детям полусиротам; детям, утратившей трудоспособность матери; женам, утратившим трудоспособность; внебрачным детям, если они содержались за счет призванного в армию; матерям внебрачных детей, если они содержались за счет призванного; племянникам и племянницам, если они содержались за счет призванного. В 1914 г. помощь была оказана на 18 694 руб.; в 1915 г. – на 98 448; в 1916 г. – на 120 860 руб.².

Земские собрания оказывали помощь и отдельным лицам и организациям. Например, в феврале 1916 г. на губернском собрании было оглашено написанное перед боем, как оказалось, предсмертное письмо патристического содержания ельнинского крестьянина, прапорщика Фомы Блажкова. Он погиб в горах, у города Сколе. Смоленская казенная палата по просьбе Сычевского волостного правления Ельнинского уезда назначило жене убитого пенсию в размере 60 руб. в год, а Смоленское губернское земство взяло на себя все расходы на образование сына убитого «вплоть до 18 лет» за счет стипендии гласного Н.Н. Опочинина³. В 1916 г. за материальным содействием к Смоленскому земству обратились семь общественных организаций. Среди них были Смоленская община сестер милосердия и Петроградский комитет по оказанию помощи Сербии под почетным председательством супруги великого князя Ивана Константиновича, дочери короля Сербии великой княгини Елены Петровны⁴.

Во время войны многие земства ходатайствовали о предоставлении льгот по земскому налогу для семей, мобилизованных в армию. 16 октября 1915 г. смоленский губернатор сообщил губернской управе, что правительство передало этот вопрос на рассмотрение земских собраний. И смоленские земства предоставляли такие льготы. Известно, что в 1916 г. ими пользовались семьи мобилизованных в Смоленском, Вяземском, Юхновском, Духовщинском уездах. Ельнинская и Рославльская управы разрабатывали такие предложения для своих собраний. Однако два земства – Поречское и Дорогобужское – решили не предоставлять налоговых льгот. Поречское земство приняло непопулярное решение «виду тяжелого финансового положения Поречского земства и невозможности вести земское хозяйство при отсрочке платежей». Дорогобужское земство, наоборот, посчитало, что «материальное положение уезда в связи с военными событиями не ухудшилось, и количество денежных знаков в уезде отнюдь не уменьшилось, так что надобности в предоставлении льгот по уплате земских сборов не встречается; и только в крайних случаях, например, при пожарах, градобитии, падеже скота т.п. следует предоставить отсрочки в уплате земских сборов»⁵.

Несмотря на военные трудности, земство и во время войны старалось поддерживать земское хозяйство на должном уровне. Оно продолжало работать в области медицины, народного образования, общественного призрения, содействия экономическому благосостоянию, дорожного дела и др., адресуя эти «услуги» местному населению. Действовали земские сельскохозяйственные склады, земские ссудно-сберегательные кассы, получившие дальнейшее развитие. Сохранилось традиционное разделение обязанностей между губернским и уездными земствами. Первое уделяло особое внимание медицине и общественному призрению, вторые – народному образованию и экономическим мероприятиям в деревне. Во время войны, несмотря ни на что,

¹ Горская Н.И. Смоленский комитет Всероссийского земского союза // Смоленское земство. Смоленск. 1998. С. 65-78.

² Журналы очередного I губернского земского собрания 1916 г. заседания 4-26 февраля и 1-4 марта. Смоленск, 1916. С. 10 - 11, 13. Прил.

³ Там же. С. 28 прил.

⁴ Там же С. 15-17.

⁵ Там же. С. 19 -20.

земцы занимались постепенным введением в уездах обязательного начального образования, развивали сеть внешкольных чтений и курсов взрослых. Более того, деятельность в сфере народного образования неожиданно получила политический подтекст. Необходимо было разъяснять народу характер происходящих событий, смысл и цели войны. Внешкольное образование взяло на себя и задачу «разумных развлечений», т.к. в связи с начавшейся войной был введен сухой закон и вместо традиционных развлечений проводились коллективные чтения, игры и т.п. В этом земцы опирались на плоды своей работы в предвоенное время, когда в народе укрепилось твердое убеждение в необходимости грамотности. Об этом в 1916 г. говорил гласный Сычевского земства: «Родители детей, находясь сами на позициях, в окопах, шлют домой строгие наказания, во что бы то ни стало, отдать детей в школу. И бабы, оставаясь в хозяйстве одинокими работницами, ведут детей в школу и требуют принять их»¹.

В предвоенное время при активном содействии со стороны земств значительных успехов достигло кооперативное движение. В 1913 г. в стране насчитывалось более 31 тыс. кооперативов (кредитных - 12 789, потребительских обществ - 10 000; сельскохозяйственных обществ - 4400; сельскохозяйственных товариществ - 1361; маслодельных - 2000, кустарных артелей - 500)². Смоленская губерния была покрыта сетью кооперативов, среди которых преобладали кредитные товарищества: 113 единиц, в среднем по 9-10 кредитных организаций на уезд.

Казалось, начавшаяся война, поставит крест на этой форме народной самодеятельности. «У дверей кредитных товариществ вереницами стояли вкладчики, требуя возврата своих средств, спешно уезжали на сборные пункты члены правлений, не успев как следует сдать книг, товаров, денежных сумм; кое-где правления и ревизионные органы уезжали полностью, и работа должна бы была замереть, заемщики увозили свои ссуды, члены потребительских обществ и маслодельных артелей - свои долги; оптовики прекращали отпуск товаров в кредит, сокращали кредитование банки, а у кооперативов и их союзов были срочные платежи по векселям, необходимость платить за сданное молоко, за привезенное масло. Прекратилось товарное движение и сделалось невозможным и подвоз и отправка товаров, в том числе даже таких скоропортящихся как масло, молоко, творог³. Однако дальнейшие события показали, что война укрепила кооперативное движение и их связи с земством.⁴ Основные задачи российские кооператоры видели в том, чтобы организовать обслуживание населения продуктами внутреннего рынка и принять участие в снабжении армии⁵.

До 1917 г., в значительной степени благодаря земству и кооперативам, в Смоленской губернии не ощущалось острой нехватки продовольствия. Со второй половины 1915 г. наиболее быстрый рост обнаружили потребительские общества. Так, в Смоленском обществе потребителей к началу 1916 г. было 549 человек, в течение 1916 г. в общество пополнилось 2 179 членами. Оно постоянно получало в качестве помощи деньги от земства на закупку продовольствия.⁶ Земства и кооперативы совместно занимались заготовкой для армии продовольствия, фуража, одежды, обуви, предметов первой необходимости. Организатором этой работы от правительства было Главное управление Земледелия и землеустройства, которое опиралось на земство, в качестве своего агента, а земство - на кооперативы, непосредственных исполнителей⁷.

Летом 1915 г. было создано «Сычевское товарищество кооперативов по посредничеству». При обсуждении устава обсуждался вопрос о вхождении в союз земства и его сельскохозяйственного склада. В организации товарищества участвовали 17 кооперативов уезда и представитель Московского народного банка, который перед войной наладил сбыт льна в Англию. Однако объединение кооперативов и Сычевского земства не состоялось⁸. Кооперативы ощущали, что работа на два фронта истощает силы земства, и оно не в состоянии нести бремя все новых и новых расходов.

¹ Горская Н.И. Местное земство и война. С. 146-147.

² Б.З. Корчагинский. Кредитная кооперация в Сычевском уезде Смоленской губернии. Сычевка, 1916. С.6, 10.

³ Маслов С. Кооперативное движение в России. Влияние войны // Вестник кооперации. 1916. № 5. С.62.

⁴ . Там же. С. 78.

⁵ Меркулов А. Кооперативный сбыт в условиях войны // Вестник кооперации. 1914. №.6-7. С. 51 , 52.

⁶ Отчет Смоленского общества потребителей за 1916 г. Смоленск, 1917. С. 6.

⁷ Меркулов А. Указ. соч. С. 59.

⁸ Вестник кооперативных союзов. 1915. № 9. С. 525, 526.

Смоленское земство на протяжении всей своей полувековой истории относилось к бедным, т.к. земские налоги в сельскохозяйственной губернии, с неразвитой промышленностью и неплодородными почвами, были невелики. Бюджет Смоленского земства (12 уездных и губернского) стал стремительно расти накануне Первой мировой войны, составив в 1914 г. более 6 млн. руб. (6 364 700). При этом почти четверть поступлений (24,1%) обеспечивало государство за счет пособий и субсидий. И все равно по величине бюджета губерния занимала только 35 место из 40 земских губерний (34 «старых» и 6 западных). Всероссийский земский союз располагал большими суммами. Так, в начале войны только земства отчислили на его нужды 12 млн рублей. Во время войны источниками земского бюджета, как и ранее, были текущие сборы с населения и правительственные поступления. Но их явно не хватало на все увеличивавшиеся расходы. В военный период земство стало широко пользоваться системой кредитования и тратить и так называемые специальные капиталы (оборотный, запасной, текущий, оценочный, страховой и др.), созданные в течение десятилетий в результате хозяйственной деятельности и бережливости. К началу войны запасные капиталы Смоленского губернского земства (уездные за редким исключением не имели таких капиталов) были больше консолидированного земского бюджета губернии и составляли 6 746 600 руб.¹

С 1914 г. бюджеты земств Смоленской губернии постоянно сокращались (в 1915 г. на 8,8%) за счет появления дополнительных расходов, сокращения доходных статей и инфляции. Спасительную роль в такой ситуации играли запасные капиталы губернского земства, накопленные в довоенную пору с участием всех уездов. Именно из запасных капиталов губернского земства делались существенные отчисления на сметные и дополнительные расходы земств Смоленской губернии. К началу 1918 г. эти специальные капиталы были почти полностью исчерпаны (сократились в 10 раз). В 1917 г. для получения очередного кредита из Госбанка губернное земство заложило все свое имущество, а в апреле 1918 г. просило советское правительство о предоставлении ему двухмиллионного займа². В противном случае, оно не могло существовать.

Во время войны земство оказалось на переднем фланге борьбы с внешним врагом и внутренними проблемами. Его деятельность демонстрировала возможности земского самоуправления, авторитет у населения, желание служить общественному делу. После свержения царизма Временное правительство решило окончательно ввести земства в строй государственной жизни, превратив их из органов самоуправления в органы государственного управления. Однако земства, не имевшие ни опыта политической борьбы, ни опыта бюрократического управления, в большинстве своем настроенные патриотически и монархически, ориентированные не на политику, а на развитие местного хозяйства, не смогли удержать власть.

Е.М. Петровичева
Владимир

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ)³

Столетие начала первой мировой войны, которое отмечалось два года назад, стало серьезным поводом для появления новых исследований, посвященных этому важнейшему историческому событию. Тем более, что история этой войны остается одной из самых болезненных тем в нашей науке – со всем кругом ее спорных и отложенных в изучении вопросов. Актуальным представляется исследование деятельности органов земского самоуправления и их взаимоотношений с властью в годы первой мировой войны.

В основу изучения последнего периода Российской империи в новейшей историографии кладется концепция модернизации и связанная с ней категория гражданского общества. Современные ученые более не оценивают модернизацию как однозначно линейный поступательный процесс, а видят в ней парадоксы и противоречивые тенденции. Примечательно, что действия в гражданском обществе все чаще рассматриваются историками как коммуникативный процесс, а из ценностных установок выделяются такие как терпимость,

¹ Горская Н.И. Смоленское земство в последние годы своего существования (1905 -1918). С. 45, 58, 69.

² Горская Н.И. Местное земство и война. С. 146-147.

³ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № Р 15-11-33003.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

добровольное принятие на себя ответственности, самоорганизация, гражданское мужество и др. Тем не менее, ряд ученых справедливо характеризуют гражданское общество не только как интеграционное, но как конфликтное понятие¹.

Опираясь на данную методологическую базу, мы поставили целью исследовать складывание элементов гражданского общества в России в контексте истории земского самоуправления на заключительном этапе существования империи. Важной исследовательской задачей является основанное на анализе различных групп источников изучение того, как складывались взаимоотношения между земской общественностью, с одной стороны, и местной администрацией и центральной властью, – с другой и выяснение того, как эти взаимоотношения в итоге повлияли на историческую судьбу страны.

Следует признать, что накануне первой мировой войны во взаимоотношениях земской общественности и власти возобладал так называемый «деловой курс», основанный на компромиссе и взаимодействии. Этому в значительной степени способствовало внимательное отношение правительства к целому ряду земских гражданских инициатив, прежде всего в аграрной сфере и народном образовании². Даже либеральные земские деятели признавали, что "послереволюционные земства не знали уже тех административных преград, которые на каждом шагу приходилось преодолевать их предшественникам"³.

Вступление России в первую мировую войну внесло существенные коррективы в политические установки легально действующих партий. В начале войны в политической среде стали доминировать соображения национального единства ради победы над внешним врагом⁴. В обществе возник небывалый патриотический подъем. Наряду с различными общественными организациями, возникшими в годы войны, органы земского самоуправления оказали огромную помощь правительству и внесли реальный вклад в дело мобилизации сил и средств в помощь фронту и по организации работ в тылу.

Большую роль в организации земской работы сыграл созданный в начале войны Всероссийский земский союз, целью которого была объявлена помощь раненым, затем еще беженцам и помощь армии. К союзу примкнула 41 земская губерния. Руководящим органом ВЗС стало собрание уполномоченных земств. В Союз вошла общеземская организация, возглавляемая князем Г.Е.Львовым, он и был избран Главным уполномоченным. Что касается партийного состава Всероссийского земского союза, то доминировали здесь октябристы, кадеты и прогрессисты. Средства центральной организации составлялись из капиталов, собранных общеземской организацией, государственных пособий, частных пожертвований и специальных ассигнований земских собраний. Уже в первый год войны только Владимирское, Костромское, Нижегородское, Ярославское, Тульское и Рязанское губернские земства ассигновали в Земский союз более двух миллионов рублей, а уездные земства этих шести губерний – около полутора млн. руб. В последующем земства неоднократно делали дополнительные отчисления средств в ВЗС. Летом 1914 г. в центральных губерниях прошли экстренные земские собрания, на которых были созданы губернские и уездные комитеты ВЗС. Возглавлялись комитеты, как правило, председателями земских управ или их заместители.

Следует отметить, что Верховная власть признала Всероссийский земский союз очень быстро: уже 12 августа 1914 г. последовало высочайшее соизволение на разрешение его деятельности. Правительство оказывало союзу большую финансовую помощь. Местные власти получили распоряжения оказывать земствам всяческую поддержку в организации лечения раненых и больных воинов.

Объединение усилий органов самоуправления и администрации на местах оказалось весьма эффективным. Уже к 1 сентября 1914 г. Земский союз обеспечил устройство госпиталей и лазаретов на 60 тыс. коек, к концу 1914 г. – на 155 тыс., а к концу 1915 г. – на 173 тыс. На территории Владимирской губернии госпитали и лазареты были оборудованы в основном в течение второй

¹ Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX - начало XX века. М., 2007. С.19.

² Зеньковский А.В. Правда о Столыпине. М., 2002. С.23; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С.615.

³ Первый общеземский съезд по народному образованию в 1911 г. Журнал общих заседаний съезда (стенографическая запись). М., 1912. С.2.

⁴ Архипов И.Л. Российская политическая элита в Феврале 1917: психология надежды и отчаяния. СПб., 2000. С. 19.

половины 1914 г., к концу 1916 г. их насчитывалось уже около 400¹. В Ярославской губернии уже летом 1914 г. губернская земская больница предоставила места для 40 раненых. Кровати для раненых предоставляли и уездные земские больницы; земские управы устраивали также специальные госпитали². Земства заботились о снабжении лазаретов и госпиталей продуктами, книгами и всем необходимым³.

Земская работа серьезно осложнялась тем, что в годы войны количество гласных сокращалось в результате мобилизаций⁴. Корпус губернских и уездных гласных в Центральной России сократился к 1915-1916 годам до 70-80% от числа избранных в 1912-1913 годах⁵. На фронт были призваны многие члены и председатели земских управ. В то время как запросы со стороны общества к земскому самоуправлению существенно выросли, его кадровые и финансовые возможности сузились. В связи с начавшейся войной сократилось поступление окладных сборов. Война не могла не подорвать общего благосостояния населения, которое платило земские налоги. Уже во второй половине 1914 г. по Центральной России из оклада земских сборов с надельных земель в 27.491,6 тыс. руб. получился недобор в 1.938,8 тыс. руб. или в 7%. И все-таки, по признанию самих земцев, их финансовое положение не стало таким катастрофичным, как можно было ожидать. Этому во многом способствовали действия правительства (прежде всего, финансовая помощь государства семьям запасных, прекращение продажи водки, закупка для нужд армии скота, сельскохозяйственных продуктов и предметов первой необходимости, а также мобилизация лошадей, за которых казна платила хорошие деньги). Однако по мере затягивания военных действий платежеспособность крестьянского населения ухудшалась. К концу 1914 г. в центральных губерниях насчитывалось 30,5% уездов с худшим поступлением сборов с крестьянских надельных земель, по сравнению с довоенным периодом, а к середине 1915 г. – уже 39,6%.

Несмотря на все сложности, земская общественность, к чести своей, сразу же взялась за конкретную работу, вызванную нуждами военного времени. Ежегодно увеличивались расходы по общественному призрению, хотя доля их в земском бюджете оставалась пока еще небольшой (к 1914 г. из общего итога всех земских смет в 353 млн. на него приходилось лишь 5,4 млн. руб. или 1,5%). Заметно уменьшились в годы войны затраты на народное образование, хотя оно по-прежнему составляло самую приоритетную статью земских расходов. Акцент был сделан на разработку программ развития профессионального обучения, что должно было привести к повышению обороноспособности страны и преодолению имевшегося технического отставания.

Второе место в период войны как и в предыдущие годы, занимали расходы на земскую медицину, причем земства стали уделять наибольшее внимание борьбе с широко распространившимися инфекционными заболеваниями. На территории Владимирской губернии госпитали и лазареты были оборудованы в основном в течение второй половины 1914г., к концу 1916г. их насчитывалось 384. За все время войны госпитали Владимирской губернии приняли на лечение почти 50 тыс. человек⁶. В Ярославской губернии уже летом 1914г. губернская земская больница предоставила места для 40 раненых. Кровати для раненых предоставляли и уездные земские больницы; земские управы устраивали также специальные госпитали⁷. Земства заботились о снабжении лазаретов и госпиталей продуктами, книгами и всем необходимым⁸.

В годы войны земские учреждения взяли на себя роль посредников между интендантством и населением по заготовкам сельскохозяйственных продуктов на нужды армии. Благожелательное отношение правительства способствовало тому, что земства Центральной России развернули эти операции в широких масштабах, существенно снижая возможности для спекуляции в деле закупки

¹ Доклады Владимирской губернской земской управы по 1 отделению очередному губернскому земскому собранию сессии 1916 г. Владимир, 1917. С. 120; Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф.379. Оп.1. Д.1323. Л.1; Журнал чрезвычайного Владимирского губернского земского собрания 4 августа 1914г. С.III; Журнал Вязниковского уездного земского собрания. 1914. С.23.

² Врачебно-санитарный обзор Ярославского губернского земства. Ярославль, 1916. Вып.3. С.5-7.

³ Нижегородская земская газета. 1916. № 2. С.48.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1288. Оп.3. 1 д-во. 1913 г. Д.24. Л. 56.

⁵ РГИА. Ф.1288. Оп.3. 1 д-во. 1915 г. Д.33. Л.28-35, 80.

⁶ Доклады Владимирской губернской земской управы по 1 отделению очередному губернскому земскому собранию сессии 1916 г. Владимир, 1917. С. 120; ГАВО. Ф.379. Оп.1. Д.1323. Л.1; Журнал чрезвычайного Владимирского губернского земского собрания 4 августа 1914г. С.III; Журнал Вязниковского уездного земского собрания. 1914. С.23.

⁷ Врачебно-санитарный обзор Ярославского губернского земства. Ярославль, 1916. Вып.3. С.5-7.

⁸ Нижегородская земская газета. 1916. № 2. С.48.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

провианта для армии¹. Заготовками хлеба, консервированных и сушёных овощей для армии занимался земский агрономический персонал².

Земства потребляющих промышленных губерний проводили операции по снабжению местного населения продовольствием. Земские управы Владимирской, Костромской, Нижегородской и Ярославской губерний производили крупные закупки продовольствия³. Цельный ряд земств открыл продажу продуктов и предметов первой необходимости по заготовительным ценам⁴.

Во второй половине 1916г. центральные земства отчаянно пытались бороться с надвигающимся продовольственным кризисом⁵. 29 ноября 1916г. управляющий Министерства земледелия А.А.Риттих подписал постановление о продовольственной разверстке. Она предусматривала систему принудительного отчуждения хлеба у землевладельцев и крестьян в соответствии с определенными нормами и сроками по твердым ценам, которые устанавливались уполномоченными и земскими управами. Основную работу по осуществлению этих чрезвычайных мер правительство возложило на губернские и уездные земские управы. Однако справиться с поставленными задачами в условиях нарушенной работы транспорта, при отсутствии собственного заготовительного аппарата и при наличии расходящихся местных интересов земским учреждениям было очень сложно.

В этой ситуации либерально настроенная земская общественность, подобно Нижегородскому губернскому собранию, требовала "передать все продовольственное дело в руки земств"⁶, фактически подталкивая к полной децентрализации продовольственного дела, что, по мнению правительства, было особенно опасно в период войны. По мере затягивания военных действий усиливалась дискредитация власти со стороны лидеров либеральных и социалистических партий, среди оппозиционно настроенных земцев⁷.

Действия земской общественности в годы первой мировой войны трудно оценить однозначно. В советской и постсоветской историографии встречались различные, порою противоположные оценки деятельности общеземской организации. Справедливости ради отметим, что еще среди современников ее роль оценивалась по-разному. Оппозиционно настроенные либералы оценивали ее очень высоко. П.Н.Милюков говорил о "строго деловой земской организации князя Львова"⁸. Совсем иную характеристику ей давал такой тонкий наблюдатель событий в верхах как В.И.Гурко, обвинявший Львова в циничности и нечистоплотности, а возглавляемый им общероссийский земский союз - в растрате государственных средств. Он писал: "Князю Львову важна была лишь одна вещь - пускать пыль в глаза общественности, с одной стороны, и быть носимыми на руках всеми сотрудниками, с другой"⁹. В.А.Маклаков отмечал своеобразную «конкуренцию» общественных организаций с властью: «Общественность помогала войне, тоже привлекая те силы, которых у правительства не было..., но наряду с простым «патриотизмом» у нее было стремление показать «преимущество «общественной» работы перед бюрократической». Он также вспоминал, что «...союзы жили тогда на государственные ассигнования... Но на этот раз никто этого знать не хотел, комфорт и удобства земских санитарных поездов и госпиталей сопоставлялась с бедностью казенной военной санитарии, которой приходилось обслуживать все, а не только то, что они

¹ Крестьянство, земство и военные нужды // Земское дело. 1914. № 19. С.1193-1195; Земское дело. 1914. № 22. С.1388; РГИА. Ф. 1288. Оп.3. 1 д-во. 1913 г. Д.24. Л.70.

² См.: Новые задачи общественно-агрономической работы // Земское дело. 1915. № 20. С.1138-1139; Снаряжение и заготовки для армии // Там же. № 21. С. 1188-1189; Труды агрономических совещаний при Владимирской губернской земской управе за 1915 год и краткий обзор земской агрономической деятельности в связи с войной. Владимир, 1916. С.28.

³ РГИА. Ф. 1288. Оп.3. 1 д-во. 1913 г. Д.24. Л.58, 78; Д.25. Л.136; Д.53. Л.87; Журнал экстренного Ярославского губернского земского собрания заседания 3 января 1915 г. Ярославль, 1915. С.11-12; Русское слово. 1916. № 213; Земское дело. 1916. № 2. С.85; № 3. С.148; № 4. С.202; № 5. С.268; Нижегородская земская газета. 1916. № 1. С.14.

⁴ Календарь-справочник земского деятеля на 1916 г. Пг., 1915. С. 347; Земское дело. 1915. № 10. С.660.

⁵ Земское дело. 1916. № 24. С.1054.

⁶ Земское дело. 1916. № 6. С.317.

⁷ Государственный архив Костромской области. Ф.749. Оп.1. Д.531. Л.3-21; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.102. 1915г. Д.20. Ч.94. Л.А. Л. 2,3,4,10.

⁸ Милюков П.Н. Воспоминания. М.1991. С.406.

⁹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 645-647.

выбирали. В преимуществах общественных учреждений видели преимущество самой «общественности» над правительством»¹.

Что касается политических целей Всероссийского земского, а также Городского союзов, то они не были секретом для многих современников. Последний премьер-министр царского правительства князь Н.Д.Голицын был уверен, что "у союзов готов состав временного правительства, и отделы союзов соответствуют существующим министерствам"².

В то же время следует признать, что местные земские комитеты вместе с земскими управами и земскими службами сделали для страны очень многое, прежде всего, в организации помощи раненым, детям-сиротам и инвалидам войны, в снабжении армии, в решении продовольственного вопроса и борьбе со спекуляцией³.

Значительную помощь они оказывали беженцам; особое внимание этой проблеме уделяли Владимирское и Тульское земства. На совещании губернаторов в мае-июне 1916г. говорилось о "хозяйничаньи" в этих двух губерниях Общеземского союза и его попытках "захватить беженцев в свои руки"⁴.

Следует отметить, что факт затяжного характера войны заметно воздействовал на настроение политической элиты в центре и на местах. Оппозиционные настроения усиливались среди кадетствующих гласных в Ярославском, Нижегородском, Тульском, Костромском губернских земствах, в Ковровском, Судогодском, Сергачском уездных земствах Владимирской губернии и в других земствах Центральной России⁵. В этих условиях правительству все сложнее было осуществлять крайне необходимый в условиях войны конструктивный курс, направленный на сотрудничество с земскими учреждениями.

Лидеры либерального фронта действительно стремились реализовать свои политические амбиции через руководство Земского союза, а позднее – Земско-городского союза. Кампания по дискредитации правительства, развернутая либералами и социалистами, находила благодатную почву в обществе, уставшем от затянувшейся войны⁶. Справиться с оппозицией правительство было не в силах. Свое главное поражение российская «историческая власть» потерпела не на фронтах первой мировой войны, а во внутренней схватке с оппозиционно-настроенной общественностью.

И.Н. Литвинова
Волгоград

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ Г. ЦАРИЦЫНА)

Проблематика вопросов беженства также актуальна в современном мире, как и столетие назад, в эпоху Первой мировой войны. В историческом прошлом России и многим другим европейским государствам уже приходилось решать глобальные проблемы беженства: предоставление жилья, денежного содержания, организации приютов, трудоустройства.

Статья посвящена некоторым аспектам результатов исследования деятельности общественных благотворительных организаций беженцев периода Мировой войны, объединявшихся по национальному признаку, а также формам помощи мигрантам в их адаптации к условиям новой среды. Опыт прошлого по социальной защите беженцев и сегодня не потерял своей актуальности и требует дальнейшего изучения и осмысления.

Формы помощи беженских структур своим соотечественникам, бытовавшие в Царицыне, исследовались на основании новых документальных материалов, что стало возможным только

¹ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936. Ч.1. С.130.

² Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 г. – М., 1974. С.20-21.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1288. Оп.3. 1 д-во. 1913. Д.24. Л. 75.

⁴ Журнал 3-го заседания приглашенных губернаторов: Под председательством товарища министра кн. В.М. Волконского // Красный архив. М., Л. 1929. Т.2 (33). С.158-159.

⁵ РГИА. Ф.1282. Оп.1. 1915. Д.1143. Л.6; ГАРФ. Ф. 102. Оп.124. Д.30. Ч.9. Л.1; Оп. 125. Д.78. Ч.9. Л.1.

⁶ РГИА. Ф.1282. Оп.1. 1915. Д.1143. Л.6; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп.124. Д.30. Ч.9. Л.1; Оп. 125. Д.78. Ч.9. Л.1.

благодаря финансовой поддержки РГНФ научного проекта «Гражданское общество Царицына в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.)»¹.

Долгое время научной проблеме – социальной культуре тылового провинциального общества Царицына в условиях тотальной войны, и, в частности, призрению беженцев в крупном уездном центре Саратовской губернии не уделялось должного внимания. Причины неактуальности данных вопросов в среде волгоградских ученых, отчасти, связаны с незначительным интересом региональной общественности к истории «забытой войны», на фоне известных миру событий героической битвы за Сталинград.

Летом 1915 г. неудачи на полях сражений вызвали перемещение значительного количества жителей из районов боевых действий и прифронтовых губерний в глубокий российский тыл – Астраханскую, Воронежскую, Пензенскую, Саратовскую, Тамбовскую губернии. В этих обстоятельствах в тыловых губерниях, помимо нужд для фронта и помощи семьям воинов, обострилась еще одна социальная проблема – необходимость изыскивать дополнительные ресурсы на благоустройство многочисленных мигрантов.

В Саратове и Царицыне первоначально наибольший поток эвакуированных по национальному признаку составляли поляки, евреи, немцы и галичане (малороссы). Впоследствии в губернию в эшелонах и теплушках стали прибывать латыши и литовцы. Согласно данным А.Н. Курцева, к концу 1915 г. в различных российских губерниях находилось уже свыше 2 млн 750 тыс. беженцев и переселенцев².

Категория «переселенцы» в России времен Первой мировой войны соответствует термину «выселенцы», и появились они вследствие политики властей о якобы, неблагонадежности некоторых национальностей населения прифронтовых территорий – евреев, немцев-колонистов и поляков, являвшихся иностранными подданными. Представителей этих национальностей власти депортировали в глубокий российский тыл, которым и являлась Саратовская губерния, а уездный Царицын, в частности.

Основную помощь беженцам оказывал Комитет великой княжны Татьяны Николаевны и его губернские и уездные отделения. В функции Татьянинского Комитета входили: единовременная материальная помощь, организация отправления в тыл и обустройство на новом месте жительства, также организация приютов для детей; оказание медицинской помощи; трудоустройство. Одной из главных функций Татьянинского Комитета являлось «...субсидирование различных организаций и учреждений, оказывающих помощь беженцам»³.

В августе 1915 г. в Саратове был образован губернский и городской комитеты попечения о беженцах, в начале сентября – Царицынский Беженский комитет. Тем не менее, местные комитеты не могли справиться с наплывом мигрантов. Например, уже в сентябре 1915 г. в статье местной газеты «Переполнение беженцами Царицына» сообщалось о том, что уездной земской управой была послана в губернскую земскую управу телеграмма следующего содержания: «В Царицын прислано беженцев более 5 тысяч. Совещанием в Саратове установлено 5 тысяч. По соглашению с городом прошу беженцев больше не присылать. Укажите меры реального воздействия на беженцев, не желающих выселяться из города в уезд»⁴.

В конце сентября количество беженцев в Саратовской губернии составляло 55 тысяч. В самом губернском центре, согласно данным газеты «Саратовский вестник», к 3 ноября «осело» 18 тыс. беженцев⁵. В Царицын в конце 1915 г. из Западных областей Российской империи прибыло 7143 человек⁶.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта №15-13-34004 а(р) «Гражданское общество Царицына в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.)»

² Курцев А.Н. Беженство // Россия и первая мировая война (материалы международного научного colloквиума). – СПб., 1999. С. 135.

³ Справочник об организациях и учреждениях, оказывающих помощь беженцам: Вып. 1/ Издание Особого отдела Комитета Ее Императорского Высочества Великой княжны Татианы Николаевны по регистрации беженцев. – Пг.: государственная типография, 1916. С. 2-4.

⁴ Царицынский вестник. – 1915. – 12.09.

⁵ Саратовский вестник. – 1915. – 03.10.

⁶ Максимов Е.К. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны / Е.К. Максимов, В.П. Тотфалушин. – Саратов, 2007. С. 38.

В ноябре 1915 г. после разделения Российской империи на 12 регионов по устройству беженцев внутри страны, Саратовскую и Астраханскую губернии включили в одиннадцатый регион, координатой движения эвакуированных уполномочили П.Е. Дворницкого. В декабре, во главе с губернатором было создано Саратовское Губернское Собрание по устройству беженцев, с организацией которого местные власти явно запоздали, так как уже в начале декабря 1915 г. в губернии насчитывалось 113667 беженцев, что почти в два раза превышало запланированную цифру 60 тыс.¹

Саратовская и царицынская пресса с началом массовых переселений фактически ежедневно отслеживала ситуацию с прибывавшими в город мигрантами. Так, первая крупная партия беженцев в Царицын прибыла 23 августа 1915 г. из Ковельского уезда Волынской губернии. В «Царицынском вестнике» о них имеются следующие сведения: «...в 22-ух теплушках – 529 беженцев, из них: один вагон немцев-колониютов, один вагон австрийско-подданных поляков, остальные русские – малороссы»². На следующий день прибыло 60 поляков-переселенцев из Двинска Виленской губернии «...в четырех теплушках и двух «классных» вагонах»³.

Согласно сведениям источника, мигранты, прибывшие в классных вагонах, были людьми состоятельными, не особо нуждавшимися в опеке городских властей. Данная категория переселенцев впоследствии составила костяк сотрудников местных национальных общественных организаций, деятельность которых регулировалась законом «Об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г.⁴

Организация первых национальных обществ в Царицыне относится к августу-сентябрю 1915 г. Их деятельность происходила без официального утверждения уставов и регистрации, получение которой из-за бюрократических проволочек оказалось длительной процедурой. В частности, ожидание официальной регистрации общественной организации Губернским об обществах присутствия МВД длилось 2-5 месяцев. Находились различные причины для отказа – недоплата по гербовому марочному сбору, неточности обозначения в уставе номинального взноса для членов общества или «неподходящий» состав учредителей и прочее. Известно, что к составу учредителей национальных организаций поляков и евреев власти проявляли особую бдительность. В числе первых организаций, основанных в городе, стало «Царицынское общество помощи пострадавшим от войны и переселенцам», устав которого зарегистрирован 30 октября 1915 г.⁵, а первой национальной беженской структурой – «Царицынское еврейское общество помощи жертвам войны»⁶.

Тем не менее, и без официальной регистрации общественные ассоциации и землячества с августа 1915 г. активно помогали соотечественникам, оказавшимся в Царицыне. Именно в это время значительно увеличился поток беженцев и переселенцев в Саратовскую губернию. Наиболее энергично проявило себя «Царицынское отделение Общества спомоществования бедным семействам поляков, участвующих в войне»⁷. Главная структура находилась в Петрограде, но районом ее действия являлась вся Россия.

Миссия местных отделений обществ заключалась в оказании помощи жертвам войны, то есть раненым на фронтах и больным воинам своей национальности, конечно, беженцам, переселенцам. Способы и формы оказания помощи соотечественникам – организация убежищ, приютов, столовых, чайных, школ, бань, больниц, амбулаторий⁸.

Польское и литовское общества в Царицыне оборудовали для соотечественников ряд мастерских: беловшейные, модную, вышивальную, башмачные и другие. Приобретение необходимых инструментов для мастеровых часто осуществлялось за счет средств центральных столичных комитетов⁹. В конце августа 1915 г. два этих общества открыли первые приюты в Царицыне для презрения детей: поляки – на 50 и литовцы – на 60 детей. Литовское общество, в том числе, содержало в городе школу, ясли и «убежище» для взрослых¹⁰. «Царицынский Латышский

¹ Максимов Е.К. С.38.

² Царицынский вестник. – 1915. – 25.08.

³ Там же.

⁴ Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. Изд-е 2. – М., 1916.

⁵ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 176. Оп. 1. Д. 517.

⁶ ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 506.

⁷ ГАСО. Ф. 573. Оп. 1. Д. 1. Л. 82.

⁸ Там же. Л. 10.

⁹ Царицынский вестник. – 1915. – 28.08.

¹⁰ ГАСО. Ф. 611. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 об.-5.

Комитет спомоществования беженцам», утвердивший устав в ноябре 1916 г., также организовал школу и детский приют.

В канун католического Рождества Польское Общество совместными усилиями с горожанами открыло еще два приюта для детей, а в пос. Ельшанка, что в черте города, – римско-католическую школу. С целью оказания материальной поддержки беженцам, уплаты за аренду их мастерских, национальные благотворительные структуры организовывали спектакли и концерты в здании Общественного собрания, кинематографические благотворительные «представления», кружечные сборы. Следует отметить активное участие местных волонтеров в массовых сборах пожертвований «в счет пополнения бюджета беженских организаций».

В Царицыне находилась большая община армян, взявшая на себя заботы о прибывавших беженцах армянской национальности. Наиболее активно в годы войны проявил себя местный Армянский Дамский комитет, помогавший, в том числе, воинам армянской национальности и их семьям. Объявления-отчеты Дамского комитета о собранных денежных средствах, вещах и продуктах в пользу пострадавших от войны, часто встречаются в газете «Царицынский вестник» за 1914-1917 гг.

Последние результаты поиска архивных материалов, дают основание утверждать, что в 1915-1917 гг. в Царицыне действовали семь национальных обществ: два польских, два еврейских, немецкое, литовское и латышское¹. Сотрудники местных общественных организаций работали на добровольных началах, не получая денежных вознаграждений, напротив – уплачивали членские взносы. В составе учредителей беженских организаций, согласно архивным источникам, иногда встречаются фамилии и адреса царицынцев. Например, в латышской организации помимо крестьян-латышей, уроженцев уездов Курляндской и Лифляндской губерний, значились почтовый чиновник г. Царицына и донской казак, являвшийся ее казначеем².

Этнические группы, в состав которых входили беженцы и переселенцы из прибалтийских губерний и поляки, держались вместе небольшими общинами. Значительную группу населения на территории Царицынского уезда представляли немцы, относившиеся к гражданам Российской империи. Их поддерживала местные немцы-колонисты из Сарепты, а также царицынские врачи немецкой национальности и Саратовская евангелическая лютеранская церковь. Евреев-переселенцев и беженцев в Царицыне в 1915 г. насчитывалось до 13 тыс. человек³. В частности, по ходатайству местных еврейских организаций, в составе которых было немало врачей, из Москвы в Царицын прибыл специально для обслуживания беженцев медико-санитарный отряд. Финансирование одной из царицынских амбулаторий для беженцев происходило, в том числе, за счет средств «Московского отделения Общества охраны здоровья еврейского населения».

Основная финансовая поддержка национальных беженских организаций осуществлялась за счет дотаций от главных общественно-государственных структур – Комитета великой княжны Татьяны Николаевны и Императорского Человеколюбивого общества, которые, в свою очередь, получали значительные средства от Особого совещания по устройству беженцев. Царицынский Беженский комитет содержал школы, бани, питательные пункты, амбулаторию. Местные национальные организации получали беспроцентные ссуды от центральных общественных национальных комитетов.

Как было отмечено, материальную поддержку беженцам оказывали и горожане в виде регулярных массовых сборов пожертвований деньгами, теплой одеждой, постельным бельем, табаком и продуктами. Значительные единовременные взносы делали царицынские купцы. Владельцы торгово-промышленных компаний предоставляли продукцию собственных фирм: мыло, табак, вяленую рыбу, пряники, конфеты, фруктовые воды.

Местные отделения благотворительных структур прилагали немало собственных сил для оказания помощи соотечественникам. Реализовывалась продукция швейных и башмачных мастерских, организовывались массовые сборы на улицах – кружечные, тарелочные, проводились культурно-развлекательные мероприятия, средства от которых поступали обществам беженцев. Поэтому можно утверждать о том, что мигранты времен Мировой войны не являлись лишь только потребителями государственных пайков и выплат. Важным в тех обстоятельствах являлось

¹ Посчитано по материалам ГАСО. Ф. 611. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 об.- 5.; Ф. 176. Оп. 1. Д. 517. Л. 5 об.; Ф. 615. Оп.1. Д.12. Л. 23.

² ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 517. Л. 1 об.

³ Царицынский вестник. – 1915. – 30.09.

стремление представителей национальных обществ развивать формы самопомощи в беженских общинах, чтобы пострадавшие люди смогли адаптироваться в чужой среде, укрепить свой моральный дух и сберечь традиции народа во имя главной цели – выжить в условиях тотальной войны.

Таким образом, в годы Первой мировой войны на общественные институты по оказанию помощи беженцам и переселенцам возлагалась важная миссия – оказание как финансово-материальной, так и морально-духовной поддержки жизнедеятельности людей, пострадавших от военных действий.

Ф.А. Рашитов

Саратов

ЭВОЛЮЦИЯ РАБОЧИХ СОВЕТОВ В 1917-1918ГГ.

Среди многочисленных массовых демократических организаций, возникших в ходе Великой российской революции 1917 г., особое место занимали Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. От штабов восстания до органов государственной власти – таков путь, пройденный ими за 8 месяцев революции. Исследование опыта существования и эволюции этих учреждений имеет огромное значение для понимания не только Революции 1917 г., но и всей после октябрьской истории России XX в.

Первым и наиболее глубоким исследователем Советов как в теоретическом, так и практически – политическом ключе был вождь партии большевиков, основатель советского государства В. И. Ленин. Им была верно схвачена сущность Советов, которые, по его словам, представляли то «нового типа «правительство», которое имеет примеры в истории высочайшего подъема революций».¹ Коренное отличие данного правительства от всех существовавших тогда в Европе правительств состояло в том, что это было правительство рабочего класса и беднейшего крестьянства, то есть правительство трудящегося большинства населения. Все тогдашние споры в России вращались фактически вокруг вопросов: посмеют ли рабочие Советы взять государственную власть и если – «да», то справятся ли они с задачей управления страной? В. И. Ленин твердо отвечал на эти вопросы: да, посмеют и сумеют. И он оказался прав. Однако путь Советов к власти не был усыпан розами, а в решении задачи овладения рычагами государственного управления, в реализации программ восстановления и модернизации страны встретились огромные трудности. Допускались и серьезные просчеты и ошибки. Весь этот исторический опыт нуждался в тщательном и всестороннем изучении. Первым в этом деле опять-таки был В. И. Ленин с присущими его анализу событий и фактов глубиной, честностью, самокритичностью.

Изучение Советов заняло важнейшее место в сформировавшейся после Октября советской историографии. Наиболее плодотворным периодом в исследовании темы Советов как в общесоюзном масштабе, так и на региональном и местном уровне являлись 1960-е годы, когда в рамках подготовки к 50-летию Великой Октябрьской революции было издано множество документальных сборников и крупных обобщающих трудов, посвященных Революции и Советам. Среди региональных исследований следует назвать коллективный труд историков Москвы, Саратова, Казани и Куйбышева «Октябрь в Поволжье».² В Саратовском университете им. Н. Г. Чернышевского аспирантами кафедры истории СССР советского периода Г.А. Герасименко и Ф.А. Рашитовым (научный руководитель профессор В.К. Медведев) в 1961- 1965 гг. были выполнены кандидатские диссертации по истории Советов Нижнего Поволжья в 1917-1918 гг. Основные результаты исследований опубликованы в монографии «Советы Нижнего Поволжья в Октябрьской революции».³

В постсоветской России внимание исследователей к Советам, как и к Революции 1917 г., резко ослабло. К тому же довольно часто встречаются факты тенденциозного, крайне идеологизированного толкования и даже прямого искажения революционных событий и роли в них отдельных социальных групп и персонажей. В качестве примера можно привести широко разрекламированную работу А. И. Солженицына «Размышления над Февральской революцией». В ней автор голословно утверждает, что в феврале 1917 г. «нигде, кроме Петрограда, не было предрасположения к восстанию», что народ «к тому мигу и не продремнул и не ведал ничего» и что сторонниками монархии в этот момент «владел обманый параллакс, сдвиг зрения: из-за

¹ В.И. Ленин. Полн.собр.соч.Т.32.С.261.

² Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967.

³ Герасименко Г.А., Рашитов Ф.А.. Советы Нижнего Поволжья в Октябрьской революции. Саратов, 1972. – 337с.

бушующей петроградской толпишки они не видели (кто и не хотел видеть) нетронутого массива России.¹ Называть 300-тысячный петроградский пролетариат, вышедший на улицу, «толпишкой» мог, конечно, только «великий» писатель Земли русской. Впрочем, рабочих он и «не заметил», назначив главной ударной силой февральского переворота в Петрограде «десяток необученных запасных батальонов».² За этими удивительными «открытиями» следуют новые, еще более экзотические. Оказывается, «сбродивший первый случайный состав Совета рабочих депутатов... не был готов к революционной атаке» и, если бы генерал Алексеев продиктовал Петрограду ультиматум, то Совет «похорохорился бы недолго... перед тем как разбежаться».³

Но, конечно, события в феврале 1917 г. развивались не столь фантазмагорическим образом, как изображает Солженицын. Рабочие петроградских заводов и фабрик посылали своих представителей в Совет в день вооруженного восстания 27 февраля, и Совет, собравшийся в Таврическом дворце, сразу же стал штабом этого восстания. Более того, именно Совет рабочих депутатов вместе с солдатами гарнизона довел восстание до конца, добившись не только отречения Николая II, но и ликвидации монархии, как таковой. Практически вся Россия в едином порыве поддержала почин петроградских рабочих и солдат. Повсюду стали возникать местные Советы. Так, в Саратове Совет рабочих депутатов возник 2 марта 1917 г., 6 марта Совет пополнился 50-ю представителями солдат гарнизона и приобрёл статус Совета рабочих и солдатских депутатов.⁴ К концу марта число депутатов достигло 392 человека, из них 248 депутатов в рабочей секции, 144 - в военной.⁵

Для монархиста Солженицына «революция - это хаос с невидимым стержнем», а Совет рабочих депутатов - орудие разрушения русской армии государства.⁶ На самом деле хаос в стране был создан самим царским правительством, ввязавшим в 1914 г. в империалистическую войну, а армия к весне 1917 г. не хотела и была неспособна воевать (братание на фронте, массовое дезертирство). В февральско - мартовские дни в 1917 г. в России ничего похожего на хаос не было. Было всенародное ликование по случаю свержения самодержавия. Что касается Приказа номер №1 Петросовета, на который неоднократно нападает Солженицын, то он был направлен не на развал армии (она фактически была уже развалена), а на демократизацию того, что от нее осталось. И не вина рабочего класса, что буржуазные министры Временного правительства вместо того, чтобы вывести страну из империалистической бойни и уже в мирных условиях заняться воссозданием новой армии на демократических принципах, погнали обесилевшую старую армию в новое наступление в угоду союзникам - империалистам Англии и Франции - и тем самым окончательно добились ее.

В послефевральский период либеральные идеологи неоднократно выступали с призывами и даже с требованиями распустить Советы рабочих и солдатских депутатов, ссылаясь на то, что со свержением царизма они выполнили свою миссию. Однако рабочие и солдаты не пошли на это. Дело в том, что существование Советов диктовалось самим характером Российской революции 1917 г., как первой социальной революции эпохи империализма. Главной движущей силой этой революции выступал пролетариат, и она, наряду с общедемократическими задачами, должна была решить социальные задачи, связанные с удовлетворением потребностей и нужд рабочего класса, широких слоев трудящихся. Однако Февраль не решил не только ни одной социальной задачи, но и даже ряда общедемократических задач. Временное правительство откладывало их решение до Всероссийского Учредительного собрания, дата выборов в которое переносилась несколько раз.

Лидер партии большевиков В. И. Ленин был убеждён, что и либеральная буржуазия, ни вступившие с ней в соглашение умеренные социалисты меньшевики и эсеры не пойдут на решение социальных задач революции. Да и рабочие и беднейшие крестьяне не согласятся ждать перемен к лучшему бесконечно долго. Поэтому в начале апреля 1917 г. была выдвинута программа перехода от первого этапа революции ко второму, на котором власть в стране должна была перейти к рабочему классу и беднейшему крестьянству, а государственной формой этой власти явится Республика Советов. Эта программа, одобренная VII (Апрельской) конференцией РСДРП (б), открывала перед рабочими Советами широкие исторические горизонты.

¹ А.И. Солженицын Размышления над Февральской революцией // Российская газета, 2007. 2 фев. Л.11.

² Там же. Л.9.

³ Там же. Л.10.

⁴ См.: Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье (1917-1918). Саратов, 1968. С.12.

⁵ См.: Там же. С.29.

⁶ См.: А.И. Солженицын Размышления над Февральской революцией // Российская газета, 2007. 2 фев. Л.4.

На этом пути Советам пришлось пройти через серьезные испытания и претерпеть значительные метаморфозы. Первым из основных направлений эволюции этих учреждений следует назвать рост численности депутатского корпуса и расширение состава представленных в них социальных групп. В Саратовском Совете третьего созыва, выборы которого проходили в сентябре 1917 г., насчитывалось 499 депутатов, из них в рабочей секции 269 человек, военной - 230. 500 депутатов на 160 тысяч человек населения города такого широкого представительного органа Советов не знал ни до, ни после революции 1917 г.. При этом в Совете были представлены самые большие социальные группы - рабочие, мелкие ремесленники, служащие и прислуга, а также все значительные этносы: великороссы, малороссы, белорусы, немцы, поляки, евреи, татары и др., и, наконец, - женщины. Совет рабочих и солдатских депутатов, несомненно, выражал волю абсолютного большинства населения, был легитимным органом. Это относилось тогда ко всем Советам в стране.

Еще одно направление эволюции Советов - это их постоянно расширяющееся участие в решении жизненно важных социально-экономических проблем. Уже 7 марта 1917 г. исполком Саратовского Совета создал продовольственный комитет из депутатов: большевиков И.А. Галактионова, Черномордика и эсера М.И. Садаева.¹ 22 марта в Саратове состоялось заседание согласительной комиссии из представителей промышленников и наемных рабочих по реализации инициативы Совета о введении на предприятиях города 8-часового рабочего дня. Промышленники, считая эту меру не только несвоевременной, но и вредной, вынуждены были заявить, что они соглашаются на повсеместное введение 8-часового рабочего дня, «уступая давлению со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов».² Саратовский Совет уже в первые дни своего существования озаботился также обеспечением безопасности и общественного порядка в городе. 6 марта было принято решение о создании милиции.³

Когда Советам пришел срок взять власть в свои руки, у них уже были довольно хорошо налаженный аппарат и управленческие кадры, владевшие навыками организаторской работы. Поэтому организованный кадетами в ноябре 1917 г. саботаж служащих государственного аппарата прежнего правительства не возымел действия, и не оправдались надежды противников советской власти на то, что рабочие не справятся с задачами государственного управления, и сама это власть быстро рухнет.

Еще один важный аспект проблемы эволюции Советов касается изменений их политической физиономии, и что в свою очередь определялось сдвигами в партийном составе депутатов. В момент возникновения политическое лицо большинства Советов была весьма расплывчатой, несколько наивно романтичным. В их составе преобладали беспартийные депутаты. Но по мере успехов партийного строительства депутатский корпус быстро пополнялся партийными товарищами. Одновременно шел процесс размежевания партий в идеологическом и политическом отношении. Причем в Советах были представлены только лишь партии социалистической ориентации. Начиная со второго созыва формирование и деятельность Саратовского Совета происходило на основе принципа партийной принадлежности. Этот принцип был закреплен в Уставе Совета, опубликованном в газете «Известия Саратовского Совета» 24 мая.⁴ «Каждая из партий, - говорилось в редакционной статье газеты, - предложит рабочим и солдатам голосовать за того депутата, который будет отстаивать программу и тактику данной партии».⁵ В итоге выборов в Совете второго созыва (май-август 1917 г.) большинство депутатских мандатов получили эсеры и меньшевики.

Выборы в Саратовский Совет третьего созыва, проходившие в первой половине сентября 1917 г., показали радикальное изменение в политических настроениях рабоче-солдатской массы. В Совете на платформе партии большевиков стояли 320 депутатов, на платформе меньшевиков - 76, эсеров - 103.⁶ Таким образом, большевики имели явное большинство. Председателем Совета был избран один из лидеров местных большевиков В.П. Антонов - Саратовский.

Произошедшая в сентябре 1917 г. большевизация Советов по всей стране позволила поставить в практическую плоскость осуществление лозунга «Вся власть Советам». Ни протесты, ни отчаянные демарши растерявших свой политический капитал меньшевиков и правых эсеров не

¹ См.: Саратовский Совет рабочих депутатов (1917-1918гг.)- Сб. документов. М.- Л., 1931, С.13-14.

² ГАСО, Ф.468, Оп.1, Д.25, Л.4.

³ См.: Саратовский Совет рабочих депутатов...С.7-8

⁴ См.: Известия Саратовского Совета. 917. 24 мая.

⁵ Там же.

⁶ См.: Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье ...С.116-117.

помешали Советам рабочих и солдатских депутатов в столицах и на местах отстранить обанкротившееся Временное правительство и взять власть в свои руки. Все это происходило в октябре 1917 г. совершенно открыто, при участии всех политических партий и общественных организаций, обсуждалось на все лады на страницах печати. Решение по вопросу о власти принимались демократическим путем на пленарных заседаниях Советов.

Приходится напоминать об этом, так как в современных российских научных и учебных изданиях постоянно тиражируются клише о «*большевистском заговоре*», и «*большевистском перевороте*», о «захвате власти *большевиками*», «*большевистской власти*» и т. д. и т.п. В угоду политической конъюнктуры, «заточенной» на антибольшевизм, педалируют на особой роли и ответственности партии большевиков, ее лидера В.И. Ленина за октябрьский переворот 1917 г.

Выдвижение большевиков на первые роли в октябрьских событиях, как и в обозначении последних термином «переворот», нет большой ошибки. Большевики – а их в октябре 1917 г. в России насчитывалось около 350 тысяч человек – не были ни жалкой кучкой заговорщиков, ни, тем более, германскими шпионами, а были плоть от плоти русского народа. Примерно половина членов РСДРП (б) являлись рабочими от станка. И рабочие – большевики действительно сыграли выдающуюся, можно даже сказать, решающую роль в той Великой социальной революции, которая получила толчок от октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, от октябрьского переворота.

Но и с учетом высказанных соображений нельзя пройти мимо содержащегося в названных клише искажения того исторического факта, что власть в октябре 1917 г. взяли Советы рабочих и солдатских депутатов, в которых большевики были лишь одной из фракций (хотя и самой многочисленной), и взяли они эту власть не в результате заговора, а открытого выступления, и следует называть новую власть «советской». Это был второй и заключительный акт Великой российской революции, начавшейся в феврале 1917 г.

Следующий отрезок в эволюции рабочих Советов связан с созывом и роспуском Всероссийского Учредительного собрания. И в этом случае приходится напоминать сочинителям идеологизированных историй, что Учредительное Собрание было распущено не решением партии большевиков, а декретом ВЦИК Советов от 6 января 1918 г. Эта мера была вызвана тем, что правозсеровское большинство Собрания отказалось признать Советскую власть и ее декреты. Фактически возникла дилемма: Советы или Учредительное собрание? В этом противостоянии победили Советы, опиравшиеся на поддержку абсолютного большинства населения России. В короткий отрезок бурных политических потрясений в России создалась парадоксальная ситуация: на всеобщих выборах 12 ноября 1917 г. формально победили правые эсеры, а реальной поддержкой населения в ноябре-декабре 1917 г. пользовались уже большевики и левые эсеры. Со всей определенностью следует подчеркнуть: Советы с точки зрения формальной демократии нисколько не уступали Учредительному собранию. И у них было решающее преимущество: в поддержке трудящихся масс, в легитимности. Это подтвердилось уже в январе месяце 1918 г., когда в Петрограде одновременно заседали III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, принявшие решение об объединении. Общее «число делегатов» объединенного Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов составило 1647 человек с решающим голосом. Они представляли 710 местных Советов, а также несколько сот солдатских комитетов и других организаций трудящихся.¹ Принятым III Всероссийским съездом конституционным актом – «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа» – Россия объявлялась Советской Федеративной Социалистической Республикой. Советы окончательно утвердились в качестве политической основы нового государства.

В заключение следует сказать, что установление в октябре 1917 г. Советской власти явилось добровольным и осознанным выбором рабоче-крестьянского населения России. И этот выбор оказался единственным правильным в тех конкретных условиях. Советская власть сумела не только предотвратить общенациональную катастрофу и изгнать из страны чужеземных охотников на русское добро, но и восстановить государственное единство русского народа и открыть путь индустриально – технической и социокультурной модернизации. Именно рабочий класс, объединенный в Советы, лучше и вернее всех защищал и обеспечивал национальные интересы России.

¹ См.: Советы в первый год пролетарской диктатуры. Октябрь 1917-ноябрь 1918 г. М., 1967. С.133.

ПРАВОВЫЕ И ДУХОВНЫЕ ФАКТОРЫ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

И. А. Королева
Саратов

ЛИЧНОСТЬ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

Середину XVIII столетия в России часто называют эпохой «дворцовых переворотов». Однако, кроме смены государственной власти, этот период характеризуется целым рядом изменений в области политических представлений, национального сознания и социально-правовых отношений. В. В. Каллаш выделял несколько явлений, рисующих общую картину общественного развития в середине XVIII века: дворцовые перевороты; фавориты и временщики, управлявшие именем царствующих детей или женщин; учреждение таких органов управления, которые брали на себя полномочия верховной власти в силу неопытности или бездействия самих представителей власти (Верховный Тайный Совет, Кабинет министров, Конференция); процесс освобождения дворянства от службы; участие России в войнах, раздирающих Европу. Подобная атмосфера, по мнению ученого, наложила определенный налет на характер государственных деятелей того времени. Гибкость моральных принципов, лицемерие – качества, позволявшие находиться у власти в России в середине XVIII века¹.

В соответствии с заявленной темой попытаемся обозначить роль личности императрицы Елизаветы Петровны в контексте общественного развития России середины XVIII века.

По мнению многих исследователей-биографов, Елизавета не была подготовлена к занятию престола. От своей матери, простой лифляндской крестьянки, она получила большой запас здоровья, бодрости и жизнерадостности. Принцесса Елизавета с детства отличалась беспечным, причудливым нравом и внешней привлекательностью, чем постоянно обращала на себя внимание окружающих. Учитывая абсолютную безграмотность Екатерины I, невозможно говорить о хорошем воспитании цесаревны Елизаветы. Вместе с тем, она изучала языки, в том числе, французский, так как родители в будущем хотели видеть Елизавету супругой французского короля². Сама цесаревна не любила ни учиться, ни читать. Она с удовольствием проводила время за верховой ездой, охотой, греблей, а также много ухаживала за своей красотой³.

До вступления на престол, особенно во время царствования Анны Иоанновны, Елизавета жила только своим небольшим двором, состоящим из верноподданных людей. Ее любимым занятием было наблюдать за сельскими девушками, когда те водили хороводы и пели. Вместе со своими придворными фрейлинами цесаревна нередко принимала в них участие. В зимнее время она часто каталась по пруду на коньках или ездила в поле охотиться за зайцами. Елизавета любила Александровскую слободу, приказала там построить для себя зимний и летний дворцы. Она с увлечением занималась соколиной охотой. Иногда для забавы Елизаветы производили травлю волков. По ее приказу в слободе развели фруктовый сад. Цесаревна сама принимала крестьянских детей при крещении. В свете ее осуждали за свободу в поведении и увеселительные встречи в пригородных резиденциях⁴.

¹ Три века. Россия от смуты до нашего времени: Исторический сборник / под ред. В. В. Каллаша. М., 1913. Т. IV. С. 63.

² Костомаров Н. И. Императрица Елизавета Петровна // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1888. Т. 2. С. 214 – 215.

³ Валишевский К. Елизавета Петровна. Дочь Петра Великого. М., 2002. С. 7.

⁴ Костомаров Н. И. Императрица Елизавета Петровна. С. 218.

Как мы видим, чисто внешне образ жизни будущей императрицы никак не может свидетельствовать о ее целенаправленном стремлении встать во главе государства. Это подтверждается и некоторыми свидетельствами ее современников. Так, например, в 1727 году, прусский посланник Мердефельд, ведя переговоры о браке Елизаветы с маркграфом Карлом Бранденбургским, писал о ней как о совершенной немке по духу и о том, что царевна только и жаждет уехать из России¹.

Однако судьба распорядилась иначе. 25 ноября 1741 года в результате подготовленного переворота Елизавета стала российской императрицей. Определить с точностью долю ее личного участия в этом достаточно быстром и успешном предприятии на первый взгляд непросто. Известный исследователь российского XVIII века Е. В. Анисимов выделяет ряд причин легкого восшествия на престол Елизаветы. Первая из них – слабость правящей власти или, говоря современным языком, благоприятная политическая конъюнктура. Во времена правления суровой Анны Ивановны и волевого Бирона царевна и подумать бы не могла о перевороте, так как боялась этих людей. Во времена регентства Анны Леопольдовны ситуация резко изменилась. Другая причина успеха – решительность окружения Елизаветы, толкавшего ее к незамедлительным, волевым действиям, обещавшего ей, дочери Петра Великого, в случае успеха, безусловную поддержку гвардии и народа. Третья причина – честолюбие самой царевны и ее беспокойство о будущем, которое оставалось для нее неясным. Наконец, важным фактором переворота стали иностранное влияние и иностранные деньги, которыми были подкуплены будущие участники путча². Как заметил К. Валишевский, совпали желания разных сторон, стремившихся соединиться для общей цели³. На гребне волны совпавших желаний Елизавета и оказалась на троне Российской империи.

И все же личность Елизаветы – дочери Петра I – сыграла в развитии событий далеко не последнюю роль. Е. В. Анисимов называет ночной мятеж 25 ноября 1741 года истинным «переворотом любви», плодом давнего «романа», который возник между царевной и гвардейцами. Елизавета давно и последовательно добивалась расположения гвардейцев. Они звали ее кумой и на «ты» потому, что дочь Петра Великого, подобно ее отцу, часто соглашалась стать крестной матерью новорожденных у простых гвардейских солдат. Царевна дарила роженице золотой и запросто выпивала со счастливыми родителями чарку водки за здоровье своего очередного крестника. А, как известно, крестная связь, кумовство на Руси признавалось родством не менее близким, чем родство кровное⁴.

Делала ли Елизавета это специально, предвосхищая будущее развитие событий? Думается, что нет. Вся предыдущая жизнь царевны свидетельствовала о благосклонности к простым людям – сельские хороводы, крещение крестьянских детей, истинно русские забавы. Да и в дальнейшем, добившись престола, Елизавета всячески стремилась показать, что она – дочь своего отца, который не гнушался общением с простым людом.

В поведении, манерах царевны было много симпатичных солдатам черт: она была добра, ласкова к ним, «взором любезна». Расположение усиливалось еще и тем, что Елизавета казалась им такой нежной и беззащитной, угнетенной людьми плохими, да к тому же иностранцами, вроде Бирона или членов Брауншвейгской фамилии, занявших престол великого Петра. В глазах гвардии Елизавета была единственным человеком, в котором струилась кровь Петра⁵.

Однако эта «беззащитная» и «угнетенная» наследница Петра вместе со своим окружением тщательно обдумывала план действий по проведению переворота. Во многих исследованиях, посвященных Елизавете, авторы приводят эпизод на куртаге, происшедший за два дня до «времени икс». Когда Анна Леопольдовна поставила царевну перед фактом, извещая ее, что о готовящемся перевороте все известно, Елизавета не замедлила уверить регентшу в обратном. Елизавета изобразила изумление, утверждала, что она ни за что на свете не нарушила бы клятву верности, данную малолетнему императору, что Лесток ни разу не был у французского посланника и, если угодно, могут его арестовать (хотя царевна этого страшно боялась, поскольку не была уверена в его стойкости: болтливый и слабовольный хирург знал так много, а в Тайной канцелярии у страшного ее начальника Андрея Ивановича Ушакова он бы непременно заговорил только при

¹ Валишевский К. Елизавета Петровна. Дочь Петра Великого. С. 14.

² Анисимов Е. Елизавета Петровна. М., 2005. С. 13.

³ Валишевский К. Елизавета Петровна. Дочь Петра Великого. С. 14.

⁴ Анисимов Е. Елизавета Петровна. С. 10.

⁵ Там же.

одном виде дыбы)¹. В завершении этой картины Елизавета расплакалась и бросилась правительнице в объятия. По своему добродушию Анна Леопольдовна тоже расплакалась. И дамы расстались при взаимных уверениях в любви и верности друг другу². Не те ли это «гибкость моральных принципов» и «лицемерие», о которых говорил, характеризуя государственных деятелей середины XVIII века В. В. Каллаш?

И все-таки, почему Елизавета решилась на переворот? Ведь с детства она настраивалась на роль невесты для укрепления династических связей с европейским двором, и ее имя мелькало во многих европейских брачных комбинациях? На этот вопрос дает свою версию ответа С. И. Вдовина, которая объясняет рассматриваемый факт свободолюбивым характером цесаревны. Крестьянские корни заставляли Елизавету любить свободу больше комфорта, денег, положения и т.п. Обстоятельства складывались не в ее пользу: ни одна брачная комбинация по разным причинам не была осуществлена, а во время правления Анны Иоанновны и регентства Анны Леопольдовны Елизавета была ограничена в своей свободе, да и в средствах. Для цесаревны свобода стала возможна только вместе с короной³.

Заметим, что на сегодняшний день личности императрицы посвящено немало исследований. В отношении некоторых фактов ее биографии авторы единодушны в своей оценке, но встречаются и прямо противоположные мнения. В рамках статьи, конечно, невозможно представить весь спектр авторских взглядов. Хотелось бы кратко остановиться на вопросе о личном вкладе Елизаветы как императрицы в процесс развития российского общества.

Об эпохе царствования дочери Петра чаще всего говорят как о времени «веселой Елизаветы». Действительно, балы, маскарады, спектакли, народные и другие развлечения сопровождали двадцатилетие правления императрицы. Сама она была непременным украшением этих мероприятий. Однако так ли уж все было легкомысленно и беспечно в делах государства?

В своей книге о Елизавете Петровне К. А. Писаренко дает характеристику императрице как достаточно умной женщине, не забывающей про свои интересы. Практически во всех направлениях государственной деятельности она «сказала свое слово». Приведем в качестве примера только одно направление – деятельность правительства.

Елизавета провела сенатскую реформу: восстановила систему центрального управления, существовавшую при Петре I и наметила контуры постепенной трансформации старой системы в новую. Ее Сенат не был универсальным, он представлял собой один из блоков властной пирамиды. Сфера его компетенции строго ограничивалась российским хозяйством.

Императрица возродила существующий при Петре Кабинет – личную канцелярию во главе с кабинет-секретарем Иваном Антоновичем Черкасовым. Деятельность Кабинета не ограничивалась налаживанием делопроизводства, как это было раньше, он выполнял самые разные функции – и фельдъегерской службы, и банковской конторы, и следственного комитета, и даже научно-исследовательского центра.

Елизавета создала новую властную модель – Императорский совет (с 1756 года он стал называться Конференция при высочайшем дворе), под эгидой которого устраивались различные прения. На совет приглашались по усмотрению императрицы от восьми до двадцати особ. Повестка дня, как правило, касалась международных отношений. Внутренние дела страны обсуждались в другом формате – на межведомственных совещаниях. Каждую дискуссию венчал протокол, фиксировавший окончательный вердикт, подписанный всеми участниками и подносившийся государыне для сведения или «апробации».

Первые годы своего царствования Елизавета старалась все держать под контролем. Она ввела практику еженедельных встреч с президентами Военной, Адмиралтейской, Иностранной коллегий, Тайной, Медицинской и Генерал-полицимейстерской канцелярий. Постепенно императрица стала выводить из-под контроля Сената одно за другим различные ведомства – силовые, Тайную канцелярию, полицию и др. Елизавета сформировала орган управления Императорским Московским университетом из двух кураторов (однако создание системы народного образования завершено не было)⁴.

Вместе с тем, Сенат вовсе не потерял своей власти, он управлял всей экономикой государства, без оглядки на царицу. Ему напрямую подчинялись коллегии, отвечающие за сбор налогов,

¹ Там же. С. 8.

² Костомаров Н. И. Императрица Елизавета Петровна. С. 227.

³ Вдовина С. И. Дочь Петра Великого // На Российском престоле. М., 1993. С. 205 – 280.

⁴ Писаренко К. Елизавета Петровна. М., 2014. С. 100 – 104.

бюджет, внешнюю торговлю, курирование разработки недр и литейного производства и многое другое.

Благодаря проведенной реформе, целью которой, по сути, была максимальная оптимизация государственного управления, Елизавета добилась колоссальной экономии своего личного времени. За повседневную рутину отвечал Сенат, плюсы и минусы международной конъюнктуры «взвешивал» Императорский совет, Кабинет наводил справки, вел всю переписку императрицы, выполнял разные деликатные миссии. В результате государыня могла, не отвлекаясь, целиком сосредоточиться на обдумывании проблем для нее первостепенных, важных или спорных, а также заняться своим любимым делом – разного рода развлечениями¹.

Как отмечают многие авторы, активная государственная деятельность императрицы длилась недолго. На этот счет у К. А. Писаренко есть следующее объяснение. Елизавета, тщательно изучив историю правления французского короля Людовика XIII (в ее библиотеке более двух десятков книг были посвящены истории Франции), приняла к сведению систему, основанную на тандеме пассивного монарха и активного первого министра, суть которой заключалась в противоположном отношении: одного (министра) все боялись, ненавидели и желали погубить, а другого (монарха) презирали, жалели и не трогали. Роль министра-«громоотвода» была поручена Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину. Ходило мнение, что Бестужеву нетрудно заставить государыню всё исполнить, что ему угодно, и что всякий, кто хочет чего-то добиться в делах, должен действовать через него, и что в империи нет другого человека, о котором императрица имела бы более высокое мнение. В результате Елизавета Петровна достигла того, чего хотела: превратившись из мишени в арбитра, тем самым нейтрализовав большинство заговоров против себя как внутри страны, так и извне².

Приведенный пример лишь приоткрывает нам завесу тайны личности императрицы Елизаветы Петровны. Несомненно, она была сильной в самом прямом смысле этого слова, несмотря на то, что была женщиной. Современные историографы констатируют, что двадцатилетнее правление «веселой Елизаветы» оказалось одним из самых спокойных, мирных и не жестоких в истории России. Будучи императрицей, она не подписала ни одного смертного приговора. Своими действиями, возможно, и несовершенными, она способствовала политической стабильности, которая в свою очередь благотворно влияла на экономическое развитие страны. Заметно возросло население, подушная подать несколько раз сокращалась, а многолетние недоимки в ее сборах были отменены, как и сдерживавшие торговлю внутренние таможи³.

Используя слова А. Б. Каменского, отметим: в царствование Елизаветы стало возможным создание новой реальности. Немаловажную роль здесь сыграла личность П. И. Шувалова, видного государственного деятеля того времени, придумавшего проекты, суть которых была не в новых институциональных изменениях, а в поиске источников государственных доходов путем создания новых условий хозяйствования⁴.

В эпоху правления Елизаветы знаменательными для дальнейшего развития российского общества стали перемены в его настроениях: в достаточно спокойное двадцатилетие выросло поколение новых людей. В России, не ограниченные никакими препятствиями, стали распространяться идеи Просвещения. Важные сдвиги произошли в литературе, искусстве, науке. Основание Академии художеств, Московского университета, публичного театра, увлечение оперой, музыкой – все это стало порождать таланты, воспитывать вкусы. Покровительство наукам и искусствам стало делом престижа, а успехи таких людей, как М. В. Ломоносов, способствовали повышению уровня самосознания и самооценности русских людей⁵.

По мнению А. Б. Каменского, стабильность и долговечность режима Елизаветы обеспечивались наличием официальной национальной идеологии, которая получила свое развитие в момент переворота и подпитывалась на протяжении всего времени ее правления провозглашением курса на преемственность наследия Петра Великого. Трудно сказать, насколько в самой Елизавете были сильны национальные чувства. Но царствование ее отмечено подчеркнутым предпочтительным отношением к русским перед иностранцами⁶. Свидетельством этому являются и факт длительного «романа» императрицы с гвардейцами, и факт отсутствия

¹ Там же. С. 105.

² Там же. С. 106-108.

³ Анисимов Е. Елизавета Петровна. С. 249.

⁴ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 291

⁵ Там же.

⁶ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). С. 277.

подписанных обязательств взамен на предоставляемые иностранными дипломатами деньги, и факт назначения русских на высшие государственные должности.

По мнению подавляющего большинства современных авторов, Елизавета была русской самодержицей со всей полнотой власти, предусмотренной этим саном. Время ее правления стало значительной вехой не только в русской истории, но и в истории XVIII века вообще.

Е.Н. Ардабацкий
Саратов

«НЕНАСЫТНАЯ АЛЧБА КОРЫСТИ»: АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ МЕРЫ В ЦАРСТВОВАНИЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

Проведённый 25 ноября 1741г гвардией в пользу дочери Петра и во имя традиций Петровского времени дворцовый переворот наконец – то сбросил ненавистную немецкую ферулу¹ и обеспечил национальное царствование императрицы Елизаветы Петровны. Переворот произошёл, когда, с одной стороны, чувство недовольства господством немцев особенно заметно развилось среди гвардейских полков, составлявших крепкую цитадель русского дворянства, а с другой стороны, когда режим, созданный в 1730 году, стал понемногу ослабевать и властители – немцы стали пожирать один другого.

Новая императрица была женщина добрая и немного взбалмошная, расположенная в душе ко всем, но способная очень сердиться и в гневе не всегда отходчивая. Умная от природы, но необразованная, ленивая и капризная, Елизавета любила удовольствия и утехи жизни больше всего на свете, и из-за вихря веселья, всегда её окружавшего, не находила часто досуга для занятий правительственными делами.²

Очевидец событий полковник Х.Г. Манштейн отмечает, что «по восшествии на престол императрица прежде всего озаботилась награждением тех, которые помогли ей совершить революцию. Она начала со своего любимца Разумовского, который был объявлен камергером несколько месяцев спустя, при её короновании. Она возвела его в должность обер – егермейстера, пожаловала ему графское достоинство и голубую ленту. Воронцов, два брата Шуваловы и Балк, бывшие камер – юнкерами царевны, были пожалованы в камергеры. Было ещё довольно других повышений, и роздано много голубых лент».³

Практические вершители славной «революции» – «вся гренадёрская рота Преображенского полка императрицей была пожалована, с определением ей имени Лейб – кампании, «в которой Капитанское место Мы, Наше Императорское Величество соизволяем содержать». Унтер – офицеры, капралы и рядовые не – дворянского происхождения были пожалованы потомственным дворянством, гербами и денежным жалованьем.⁴ Дворяне – офицеры получили поместья с крепостными. Императрица назначила Разумовского и Воронцова – поручиками с чином генерал – лейтенантов, а Шуваловых – подпоручиками с генерал – майорским чином». «Лейбкампанцы» – получили от «Императрицы Елисавет» различные награды, «а недостаточные стали обогащены».⁵

Феномен фаворитизма «вельмож в случае», ширившегося от одного женского царствования к другому, и в елизаветинскую эпоху стал очередным отрицательным нравственным камертоном, подававшим разлагающий пример коррупции всему управленческому аппарату.

Вред фаворитизма отмечает в своих мемуарах генерал – фельдмаршал Б.К. Миних, указывающий, что «большинство дел, касающихся союзов, дела военные и финансовые зависели от расположения и таланта лиц, бывших в фаворе; таким образом, императрица больше не управляла, и произвол фаворитов составлял образ правления в царствование императрицы Елизаветы».

¹ Тяжёлый режим, строгое обращение.

² Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. М., 1913. С. 11.

³ Голубая лента полагалась ордену св. апостола Андрея Первозванного. Девиз ордена – «За веру и верность».

⁴ ПСЗРИ – I. Т. XI. № 8491.

⁵ Записки Манштейна о России. 1727 – 1744. Перевод с французского с подлинной рукописи Манштейна. СПб., 1875. С. 242 – 243.

Миних обобщает вредные для государства проявления фаворитизма при Елизавете Петровне, которая «была весьма непостоянна и часто меняла фаворитов». Императрица «позволяла своим фаворитам делать, что им хотелось, отсюда и полное расстройство финансов, которое произвёл Пётр Иванович Шувалов».

Именно фаворитизм привёл к появлению многих «частных лиц, обогатившихся в то время, когда корона так нуждалась в деньгах». Фаворитизм порождал «разорительные монополии и ужасный таможенный сбор; плохое состояние флота и полное уничтожение брянской и воронежской флотилий, о которых так много заботился Пётр Великий». Следствием фаворитизма было «плохое состояние Ладожского канала, упадок города Кронштадта и столь вредные беспорядки по управлению рудниками Сибири».¹

На усиление фаворитизма при Елизавете Петровне обращает внимание русский историк князь М.М. Щербатов, усмотревший «повреждение нравов» в том, что «роскошь и сластолюбие сверху вниз стало переходить и разорять нижних, ... сластолюбие повсюду вкоренилось». В целом же роскошная жизнь «верхов» вела «к разорению домов и к повреждению нравов».²

Щербатов даёт резкую характеристику ряду правительственных персон елизаветинского царствования, выделяя среди них «сильного человека» П. И. Шувалова (1710 – 1762). Метко рисуя личностные черты этого «умного, быстрого, честолюбивого» вельможи, Щербатов открыто говорит о корыстолюбии и взяточничестве П.И. Шувалова, при котором «неправосудие чинилось с наглостью, законы стали презираться, и мздоимцы стали явныя». Ближайшее окружение Шувалова, как и сам принципал – были людьми неприкасаемыми, неподсудными: «Ибо довольно было быть любимому и защищаемому им, графом Шуваловым, иль его метрессами, иль его любимцами Глебовым и Яковлевым, чтобы не страшиться ничего, всякого неправосудия делать и народ взятками разорять. Самый Сенат трепетал его власти, принуждён был хотениям его повиноваться, и он первый же, правосудие из сего вышнего правительства изгнал».³

«Записки» артиллерии майора М.В. Данилова с солдатской прямоотой дополняют особенности положения и доходы откупщика и монополиста графа Шувалова, который был «в тогдaшнее время человек весьма случайный и славный, знатный и сильный, большой человек». Графский дом тогда был весь наполнен писцами, которые «списывали разные от графа прожекты», причём не только к государственной пользе, но и «для собственного его графского доходу». Шувалов был крупнейшим откупщиком, его доходы только по Архангелогородской губернии («сало ворвань, мачтовый лес и прочее») доходили до 400 000 рублей (кроме жалованья) в год.⁴

Н.М. Карамзин в свою очередь указывает на «алчное корыстолюбие П. И. Шувалова. Ужасные монополии сего времени долго жили в памяти народа, утесняемого для выгоды частных лиц и ко вреду самой казны».⁵

А.Д. Градовский, русский историк права XIX в., поясняет деятельность крупнейших монополистов – графов П.И. Шувалова и М.И. Воронцова. Так, граф Шувалов получил привилегию для своей беломорской компании с платежом 5 копеек с пошлин, потом ему был отдан тюлений промысел в Астрахани и на Каспийском море и, наконец, ему было дозволено пользоваться в течение 20 лет отпуском леса из архангельского порта. Граф Воронцов получил привилегию на торговлю в Каспийском море. В 1757г. граф Воронцов просил Шувалова упросить императрицу о пожаловании ему хлебной монополии на заграничную торговлю, обещая ему за это половину барышей.⁶

Ближайшими прислужниками П.И. Шувалова князь М.М. Щербатов называет следующих лиц: «Емме – человек учёный, но груб и бесчеловечен от природы; Дивов – глупый, наметливый на законы человек, но мало смыслящий их разум, и к тому же корыстолюбивый; Ешков – добрый, не мздоимщик и знающий по крайней мере не российские законы человек, но ленивый, праздный и

¹ Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720 – е – 1760 – е годы) / Сост., вступ. ст. и коммент. Е. Анисимова. Л.: Худож. Лит., 1991. С. 72 – 73

² Щербатов М.М. О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А.Радищева. Факсимильное издание. М.: Наука, 1983. С. 58 – 62.

³ Щербатов М.М. Указ. Соч. С 63 – 69.

⁴ Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722 – 1762). // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720 – е – 1760 – е годы). / Сост., вступ. ст., коммент. Е.Анисимова. – Л.: Худож. Лит., 1991. С. 334, 336 – 337.

⁵ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М., Наука, 1991. С. 40.

⁶ Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал – прокуроры. Соч. А. Градовского. С. – Петербург, 1866. С. 176 – 177.

не твёрдый судья; Козлов – умный и знающий законы человек, но токмо перед тем вышел из – под следствия мздоимством и воровством. Глебов – угодник графу Шувалову – умный по наружности человек, но соединяющий в себе все пороки, какие сам Пётр Иванович имел».¹

Князем М.М. Щербатовым отмечены порочные черты и других вельмож Двора: «Князь Борис Сергеевич Голицын – властолюбие его, равно как и корыстолюбие, пределов не имело». «Князь Вяземский – сластолюбив и роскошен в приватном своём житье».²

Манштейн не забывает отметить и таких придворных ничтожеств, как принц Людвиг Гессен – Гомбургский, которого императрица Елизавета, вступив на трон, пожаловала в генерал – фельдмаршалы. «Он не имел ни образования, ни хороших манер, не умел вести себя, не отличался умом, большой трус и способен на всякие низости. Его не употребляли на войне и презирали при дворе».

Наряду с выдающимися профессиональными качествами первого государственного деятеля, долговременного руководителя российской внешней политики А.П.Бестужева – Рюмина, современники и исследователи сходились в оценке его как корыстолюбивого человека.³

Такова была придворная «канва» царствования «дщери Петра», чьё царствование «было не без славы, даже не без пользы».⁴

Ряд исследователей, обращавшихся к «славному двадцатилетию» жизнелюбивой и не слишком образованной, приветливой и чрезвычайно популярной в народе «искры Петра Великого»,⁵ отмечали, что она мало ориентировалась в государственных делах, которыми не склонна была лично заниматься, а также легко поддаваясь влиянию своего окружения.

С.В. Ешевский считает, что «царствование Елизаветы Петровны не принадлежит к числу тех, которые оставляют по себе долгую память во внутреннем строе государства». Историк указывал на господство личных побуждений, случайностей и отсутствие всякого определённого принципа во внутренней политике Елизаветы Петровны, что было продолжением предыдущих правлений.⁶

Ю.В. Готьё отмечает незначительный интерес императрицы к делам внутреннего управления, которые оставались Елизаветой Петровной «почти без внимания, за исключением разве лишь первого года её царствования, когда она несколько раз принимала участие в заседаниях восстановленного ею в прежних правах Правительствующего Сената».⁷

Несколько иной точки зрения придерживается современный исследователь Е. В. Анисимов, отмечающий личную инициативу императрицы в государственных делах: «Нельзя сказать, что Елизавета Петровна ничего не предпринимала для укрепления своей власти, и что всё шло само собой. Первые шаги Елизаветы на государственном поприще отличались продуманностью и дальновидностью, неожиданной для такой легкомысленной особы, какой казалась многим Елизавета».⁸

В общем «трэнде» царствования Елизаветы Петровны на восстановление заветов и порядков её отца попытаемся обратить внимание на ряд антикоррупционных законов, ставших в наступавшую эпоху просвещённого абсолютизма отголоском сурового антикоррупционного законодательства и подчас жестокой практики Петра Великого.

¹ Дивов Иван Иванович (1707 – 1775) – государственный и военный деятель, в 1766 – 1767 – президент Юстиц – коллегии; Ешков (Юшков) Иван Иванович (ум в 1781г.) государственный деятель, с 1753г. главный судья Судного приказа, с 1760 – президент Камер – коллегии, генерал – полицмейстер Петербурга, московский гражданский губернатор; Козлов (Казлов) Иван Фёдорович (1680 – 1752) – генерал – майор, член Военной коллегии при Елизавете Петровне; Глебов Александр Иванович (1722 – 1790) – государственный деятель, генерал – аншеф, с 1755 – обер – прокурор Сената, генерал-прокурор в правление Петра III и Екатерины II (до 1764). См.: Щербатов М.М. О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А.Радищева. Факсимильное издание. М.: «Наука», 1983. С. 63 – 69, 157, 158, 162, 172.

² Щербатов М.М. Указ соч.. С. 63 – 69.

³ Манштейн. Записки. С. 244, 247; Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. / Предисл., подгот. текста и примечания Ю.С.Пивоварова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 39.

⁴ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. / Под ред. В.Л. Янина; Послесл. и коммент. составили В.А.Александров, В.Г. Зимица. - М.: Мысль, 1989. С. 313.

⁵ Предсмертные слова в адрес Елизаветы Петровны замученного в «бириновщину» архиепископа Феофилакта Лопатинского. См.: Карташёв А.В. Очерки по истории Русской Церкви. В 2 т. Т. II. Репринтное воспроизведение. М.: «Наука», 1991. С. 421.

⁶ Ешевский С.В. Очерк царствования Елизаветы Петровны. // Ешевский С.В. Сочинения по Русской истории. М., 1900. С. 112 – 113

⁷ Готьё Ю.П. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. С. 11.

⁸ Анисимов Е. Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 100.

Своеобразие ситуации, в которой Елизавета пришла к власти, в немалой степени определило особенности внутренней политики нового правительства. Первыми же указами Елизаветы петровские «начала» внутренней политики были провозглашены как основополагающие для правительственной деятельности.¹

Одним из таких «начал» было последовательное преследование Петром Великим взяточничества и казнокрадства, на которые и новая «Императрица Елисавет Первая» с начала своего царствования обращала личное внимание.

Впервые вопрос запрета должностных преступлений всех верноподданных новой императрицы был провозглашён ею в тексте формы клятвенного обещания – составной части Манифеста о вступлении на Всероссийский Престол 25 ноября 1741г.: «Аз нижепоименованный обещаюсь и клянусь ... по крайней мере стараться споспешествовать всё, что к Ея Императорского Величества верной службе и пользе Государственной во всяких случаях касаться может; о ущербе же Ея Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведая, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами не допускать тщаться буду; ... и для своей корысти, свойства, дружбы, ни вражды, противно должности своей и присяги не поступать...».²

Именным указом 12 декабря 1741г. Елизавета Петровна, исходя из негативной оценки состояния внутреннего управления государством, провозглашала решительный курс на восстановление государственных порядков Петра Великого. В указе говорилось: «усмотрели Мы, что порядок в делах правления Государственного внутренних отменен во всё от того, как было при Отце Нашем, Государе блаженные и вечнодостояныя памяти Императоре Пете Великом и при Матери Нашей, Государыне Императрице Екатерине Алексеевне».

От нарушения прежнего порядка правления – замены Сената Верховным тайным советом и Кабинетом – «произошло многое упущение дел государственных внутренних всякого звания; а правосудие уже и весьма в слабость пришло».

Повелением императрицы Сенат был восстановлен в прежних правах высшего государственного органа: «Правительствующий Сенат Наш да будет иметь преждебывшую свою силу и власть в правлении внутренних всякого звания Государственных дел».

Сенаторами были определены: генерал – фельдмаршал кн. И. Трубецкой, канцлер кн. А. Черкасский, генерал и обер – гофмейстер граф С. Салтыков, генерал Г. Чернышёв, генерал А.Ушаков, адмирал граф Н. Головин, обер – шталмейстер кн. А. Куракин, действительные тайные советники А. Бестужев – Рюмин и А. Нарышкин. Генерал – лейтенанты: кн. М. Голицын, кн. Г. Урусов, И. Бахметев, тайный советник В. Новосильцов, действительный статский советник кн. Кн. А. Голицын.³

Сенат сохранял своё первенствующее положение в государстве вплоть до учреждения Конференции при Высочайшем дворе (1756). За Сенатом сохранилось практическое руководство государственным аппаратом (включая назначения воевод), финансами и другими вопросами.⁴

Этот же именной указ от 12 декабря 1741г. восстанавливал на Петровых началах и значение прокуратуры в столице и на местах: «Генерал – Прокурору, Действительному Тайному Советнику Князю Никите Трубецкому и Обер – Прокурору, Действительному Камергеру Ивану Брылкину, быть в своих должностях, установленных от Его же Величества Государя, Отца Нашего Императора Петра Великого; а в Коллегии, Канцелярии, Конторы, как в Резиденциях наших, так и в Губерниях, где прежде были, повелеваем учредить Прокуроров с их прежней должностию».⁵ Указ о восстановлении норм и принципов политики Петра Великого историк С.М. Соловьёв считает поворотным моментом в развитии страны во второй четверти ХУШ в.⁶

Однако правовед барон С.А. Корф с точки зрения надзорной функции весьма скептически оценивает реформированный Елизаветой Петровной Сенат: «Положение Сената действительно изменилось к лучшему, но власть надзора оставалась в прежнем зачаточном состоянии. Сенат сделался и верховным судилищем, и верховным административным органом, и верховной надзирающей инстанцией. При таких условиях его надзорные функции должны были свестись к

¹ Анисимов Е.В. Россия в середине ХУШ в.: Борьба за наследие Петра. – М.: Мысль, 1986. С. 44.

² ПСЗРИ – 1. Т. XI. № 8473.

³ ПСЗРИ – 1. № 8480.

⁴ Ерочкин Н.П. Указ. соч. С. 113.

⁵ ПСЗРИ – 1. № 8480.

⁶ Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XI. История России с древнейших времён. Т. 21 – 22. / Отв. ред. И.Д.Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1993. С. 148 – 149, 583.

нулю, так как создалось положение, при котором Сенат надзирал за самим собой, то есть именно то положение, которое старательно избегал Пётр I.¹

Елизаветинский Манифест о восстановлении Сената и прокуратуры напомнил о суровых мерах борьбы Петра Великого с должностными злоупотреблениями и преступлениями. Однако ожидаемых наказаний не последовало. В.О. Ключевский недаром отмечал, что «с правления царевны Софьи никогда на Руси не жилось так легко, и ни одно царствование до 1762г. не оставляло по себе такого приятного воспоминания». ² Вскоре добрая государыня объявила массовые амнистии. Уже 15 декабря 1741г. вышел именной, состоявшийся в Сенате указ Елизаветы Петровны «О всемилостивейшем прощении преступников и о сложении штрафов, недоборов и начётов и начётов с 1719 по 1730 год». Указ распространялся на нарушителей закона «из духовных, военных, штатских и других чинов», которые за свои преступления «осуждены на смерть, или в каторжную работу, или куда в ссылку, или кому какое наказание учинить и чинов лишить принуждено». Все эти преступники были амнистированы: «оним всем такие учинённые ими вины Всемилоствивейше прощаем, и от наказания и ссылки и штрафов освобождаем».

Полностью освобождались от наказания казнокрады из чиновничьей мелкоты, причинившие убытку казне не более 500 рублей. «Которые люди, будучи в службе, имеющиеся в их руках казённые деньги, или какия вещи и материялы и припасы, какого бы оныя звания ни были, покрали или утратили, и в том винулись, хотя за оное они подлежали жесточайшего истязания». Несостоятельных преступников, «которые свыше 500 рублей ущерб казённого учинили», с жёнами и детьми следовало «без наказания посылать на житьё в Сибирские города и дать им волю, кто чем может своё пропитание иметь». Растратчики казённых денег, провианта, фуража, разных материалов и припасов освобождались от наказания. «Все доимки и начёты и недоборы, какого бы оныя звания ни были, с 1719 по 1730 год, Всемилоствивейше оставить повелели. Штрафы за присвоение процентов с казённых денег, а также «всякого звания штрафы и проценты», не взысканные до конца 1741г., было указано «сложить, и как на них, так и на наследниках их, не взыскивать, и в доимку не числить и к наказанию осуждённых от того освободить». Однако в заключительной части указа императрица предупреждала, что «впредь с таковыми преслушниками поступать по прежним указам без упущения».³

Е.В. Анисимов иронично замечает, что щедрость императрицы имела веские основания – ведь всё равно недоимки было не собрать! Для наказанных казнокрадов, растратчиков и взяточников вышла невиданная льгота. Их не только освободили от наказания, но и разрешили вернуться на государственную службу.⁴

Большая часть важнейших лиц этой эпохи, любимцы императрицы, наперебой занимали должности гражданского управления. Звание сенатора сделалось важнейшим отличием и ставится впереди всех других званий сановника. Без преувеличения, правление Елизаветы Петровны можно назвать управлением важнейших сановников, собранных в Сенате.

Но высшая законодательная власть бездействует; нет теории, творческой деятельности Петра, его систематического объединения разных государственных вопросов, на основе глубоко обдуманной теории. Напротив, дальнейший прогресс в законодательстве принимает, так сказать, казусный характер, исходит от потребностей жизни, усмотренных на отдельных случаях.⁵

Несмотря на то, что в действиях Сената не просматривается инициатив возрождения намеченного Петром Великим института сенаторских ревизий, вопросы борьбы с коррупцией и взяточничеством фокусируются в сенатской деятельности, подчас инициированной именными указами императрицы Елизаветы Петровны.

Так, 11 декабря 1742. последовал именной указ императрицы «О взыскании подушной во всём Государстве доимки прошлых лет по самой справедливости, не умножая излишнего письма и не продолжая вдаль времени».

Параграф 7 этого указа гласил: «...всем генерально и каждому особо, как Судьям, так и канцелярским и другим нижним служителям, которые ко взысканию оных доимок будут

¹ Корф С.А., барон. Административная юстиция в России. Кн. 1. Очерк исторического развития надзора и административной юстиции в России. Барон С.А. Корф, профессор Императорского Александровского Университета в Гельсингфорсе. С. – Петербург, 1910. С. 2 – 3.

² Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. / Под ред. В.Л. Янина; Послел. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зимина. – М.: Мысль, 1989. С. 312.

³ ПСЗРИ – 1. № 8481.

⁴ Анисимов Е. Елизавета Петровна. С. 100.

⁵ Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал – прокуроры. С. 166.

определены, сим Нашим указом «наикрепчайшее повелеваем поступать по самой сущей справедливости, не умножая излишнего письма и не продолжая вдаль времени; а особливо ко взяткам и подаркам ни с кого ни под каким предлогом отнюдь не касаться, понеже от того казне Нашей немалый ущерб учинится, и следовательно народное разорение воспоследовать может».

В Елизаветинском указе слышно эхо грозного тона её великого отца: «того ради, ежели кто хотя в малом в чём обличён будет, тот бы не понадеялся ни на какие свои заслуги, ибо, яко вредитель Государственных прав и народный разоритель, по суду казнён будет смертию». ¹

Одним из важнейших был вопрос «трудовой дисциплины» в столичных структурах государственной службы и управления. В 1744г. глава Сената генерал – прокурор князь Н.Ю. Трубецкой жаловался Сенату на чиновников, которые в присутственные места поздно являются на службу или даже очень редко ездят, отчего в делах волокита. Сенат приказал: призвать всех членов коллегий в Сенат и учинить *реприманд* (выговор), а которые не придут под предлогом болезни, к тем послать сенаторского экзекутора с доктором освидетельствовать.

В том же 1744 году Н.Ю. Трубецкой объявил Сенату, что по осмотру канцелярий и коллегий найдено огромное число членов, не явившихся в указанные часы; Сенат приказал призвать их в Сенат, сказать реприманд и подтвердить, что если не станут съезжаться в указанные часы, то непременно будут штрафованы. Но реприманды и угрозы не помогали – чиновники продолжали опаздывать или вовсе не являться на службу. ²

Но не только слабая «трудовая дисциплина» была отрицательным показателем чиновничьей службы. По образному выражению В. Грибовского, и в ХУШ столетии «нравы семнадцатого столетия не умирали» ³. Взятничество чиновников было неистребимым, причём низшие и высшие взяточники составляли один замкнутый порочный круг. Все эти хорошо известные в ХУШ в. «язвы» в деятельности управленцев находили своё отражение в исторической публицистике эпохи просвещённой монархии.

Князь М.М. Щербатов в своей известной работе писал: - «Порочного сердца человек выбирал порочных людей, для исправления разных должностей; те не на пользу общественную, но на свои прибитки взирая, также порочных людей ободряли, отчего множество тогда же произошло злоупотреблений». «Развратность вельможи влекла примером своим и развратность нижних людей». ⁴

Но, как правило, «верхние» не наказывались, а под законодательное преследование и разбирательство в Сенате попадали, видимо, «для острастки», лишь единицы из низших слоёв коронных чиновников и выборных управленцев. Так, в 1749 – 1750 гг. Главному магистрату и Сенату пришлось заниматься делом президента Белгородского магистрата Андреева «с товарищи», которые брали взятки с купцов за свидетельства на подряд провианта. Причём потерпевшими были купцы, которые ранее не соглашались на избрание Андреева и его товарищей в магистратские чины. Купцы Прокопов и Есипов принуждены были дать пять векселей: на имя президента Андреева (500 руб.), бургомистра Денисова и троих ратманов – на каждого по 50 руб. Прокопов и Есипов донесли об этом в Главный магистрат и просили об исследовании. Сенат велел исследовать дело в комиссии о фальшивых векселях. ⁵

Податное население, когда ему уж совсем становилось «невозмогу» от чиновничьих злоупотреблений, посылало своих ходоков в столицу, в Сенат – искать правду. Так, в 1752г., не находя на месте управы на расхोлившегося взяточника, крестьяне Вятской провинции Хлыновского уезда Шланской волости послали своего челобитчика крестьянина Бесперстова в Сенат с жалобой на секретаря Вятской провинции Перминова.

Перминов в течение шести лет заставлял бесплатно работать на себя Бесперстова, а под конец и полностью ограбил его, лишив всех пожитков и имущества (10 лошадей, 26 овец, 21 свинью, 3 улья пчёл и денег 30 руб.). Этими пожитками секретарь «корыстовался», а Бесперстов и его отец вынуждены были скитаться «меж двор» и кормиться мирским подаванием. Крестьяне жаловались, что во всех государственных волостях Перминов обижает и разоряет крестьян, собирает разные сборы на свои домовые нужды, раскладывая их на всех крестьян по числу душ. В 1748г. секретарь

¹ ПСЗРИ – 1 Т. XI. № 8682

² Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XI. История России с древнейших времён. Т. 21 – 22. С. 240 – 241.

³ Грибовский В. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования Императрицы Екатерины Второй. СПб., 1901. С. 38..

⁴ Щербатов М.М. Указ. соч. С. 67.

⁵ Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XII. История России с древнейших времён. Т. 23 – 24. / Отв. ред. И.Д.Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1993. С. 22 – 23.

схватил двоих крестьян Шланской волости и вымучил у них вексель в 400 рублей, а деньги взыскал со всех крестьян волости, расположа по числу душ. Тогда же он схватил 8 человек крестьян и вымучил вексель в 200 рублей, и с одного из этих крестьян взыскал 100 рублей, а с прочих – по раскладке. Крестьяне бить челом не смеют не только в Вятской канцелярии, но и в Казанской губернской канцелярии, потому что многие челобитчики на него, Перминова, едва не померли в тюрьме по его проискам; поэтому крестьяне и послали Бесперстова бить челом прямо в Сенат.¹

Но Сенат занимался не только разбором слёзных челобитных о лихоимстве и взяточничестве чиновников. Принимались и своего рода «превентивные меры» предупреждения чиновничьих злоупотреблений.

18 декабря 1753г. Елизавета Петровна утвердила доклад Сената, положенный в основу именного указа от 20 декабря 1753г. «Об уничтожении внутренних таможенных и мелочных сборов». Указ был вызван развитием экономики, настоятельно требовавшей отмены такого архаичного средневекового института, как внутренние таможи с их бесконечными таможенными сборами или внутренними пошлинами. Представленный в Сенат проект П.И. Шувалова - об отмене внутренних таможен - сенаторами был одобрен и представлен на утверждение императрицы. В сенатском докладе анализировались существующие финансовые и таможенные порядки и показывалась их порочность.

В своём именном указе 20 декабря 1753г. императрица *«всемиловнейше усмотрела, какая от сборщиков внутри государства таможенных пошлин происходят отягощения подверженным к платежу оных»*. Елизавета Петровна прямо указывает на злоупотребления многочисленных чиновников внутренней таможенной службы: *«хотя они без наказания по изследованию не оставляются, но пресечения не видно, а всегдашняя приметка (придирка для взяток - А.Е.), грабительство и воровство, а от того ... купечеству ж помешательство в торгах, перебойка товаров и прочие убытки следуют»*. Императрица указывает, что народу произойдёт облегчение от отмены таможенных пошлин и связанных со сборами «доносов, а по них продолжительных следствий в государстве было и есть, по которым безчисленное истязание, гибель людей и разорение домов происходило, как от правых, так и от ложных доносов».

Таким образом, указом констатируется, что ранее, несмотря на все репрессии, государство оставалось беспомощным перед мздоимцами. Теперь делается вывод, что лучше упразднить налог вообще, чем обеспечивать перекачку средств налогоплательщиков в карманы вороватых чиновников.²

К концу царствования Елизаветы Петровны накопились и стали известны императрице новые многочисленные факты злоупотреблений служащих государственного аппарата. И тогда верховная власть по традиции вновь обращается в деле пресечения взяточничества к Правительствующему Сенату.

Знаменитый именной указ императрицы Елизаветы от 16 августа 1760г. «Об употреблении Сенату всех способов к восстановлению везде надлежащего порядка и народного благосостояния» рисует картину всеобщего разложения администрации и судебных мест: *«С каким прискорбием Мы по Нашей к подданным любви должны видеть, что установленные многие законы для блаженства и благосостояния государства своего исполнения не имеют от внутренних общих неприятелей, которые свою незаконную прибыль присяге, долгу и чести предпочитают, и равным образом чувствовать, что вкореняющееся также зло пресечения не имеет»*.³

Но Сенат, как при Анне Иоанновне, так и при Елизавете Петровне слабо контролировал финансы государства: «Доходы государственные не имеют порядочного положения, тогда как Сенат, не имея сведений о суммах, где какие находятся, всегда жаловался на недостаток денег».⁴

Императрица укоряет Сенат в бездеятельности, в попустительстве растущему взяточничеству: *«Сенату нашему, яко первому государственному месту, по своей должности и по данной власти давно б надлежало истребить многие по подчинённым ему местам непорядки, без всякого помешательства умножающиеся, к великому вреду государства»*.

Нанасытная алчба корысти дошла до того, что некоторые места, учреждённые для правосудия, сделались торжищем, лихоимство и пристрастие - предводительством судей, а потворство и упущение - ободрением беззаконника...».

¹ Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XII. Т. 23 - 24. С. 99 - 100.

² Российское законодательство X - XX веков. В 9-ти т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М.: Юрид. лит., 1987. С. 161 - 164.

³ ПСЗРИ - 1. Т. XV. № 11092.

⁴ Щербатов М.М. Указ. соч. С. 63.

Поэтому императрица поставила задачу Правительствующему Сенату: исходя из долга Богу, государству и законам Петра Великого «все свои силы и старания употребить к восстановлению желаемого народного благосостояния...».

Из текста указа становится ясным, что, несмотря на отсутствие «челобитен и доносов», Сенату были известны обстоятельства коррумпированности чиновничьего аппарата. Поэтому всему Сенату в целом и каждому из сенаторов повелевалось «зло прекращать и искоренять», а каждый сенатор «по своей чистой совести должен представить о происходящем вреде в государстве и о беззакониях, ему известных, без всякого пристрастия, дабы злым пощады, а невинным напрасной беды не принести».

В указе не говорится напрямую о необходимости возобновления института сенаторских ревизий, нет и конкретных распоряжений о посылке в ту или иную губернию какого-либо сенатора. Императрица ограничивается указанием сенаторам общего направления работы, своего рода законодательным назиданием – «людям, возведённым быть Судьями другим» надлежит «заблуждения на местах исправлять, подозрительных судей сменять и паче всего изыскивать причины к достижению правды, а не к продолжению времени». В этих строках угадываются формальные реминисценции Петровых указов по искоренению казнокрадства и взяточничества.

В конце своего указа Елизавета Петровна вновь возвращается к многосторонней проблеме взяточничества в государственном аппарате, оценивая его как общий вред государству, требующий обязательного пресечения: «Многие вредные обстоятельства у всех перед глазами: продолжение судов, во многих местах разорения, чрез меру богатящиеся судьи, бесконечные следствия, похищения Нашего интереса от тех, сохранять определены». Указываются и типичные виды преступлений чиновников, – те неоспоримые доказательства, «открывающие средства к пресечению вреда общего – воровство в продаже соли, при наборе рекрут и при всяком на народе налоге, в необходимых государству нуждах»

Императрица выражала надежду, что её «поверенные, Сенаторы с должной ревностью и верностью употребят все способы к восстановлению везде надлежащего порядка, правосудия, благосостояния и общего добра».¹

Но, как иронично заметил В.О. Ключевский, «сердитый и цветисто – тягучий указ...проскользнул по законодательству красивым и бесследным облаком».²

С.М. Соловьёв отмечает, что Елизавета не хотела ограничиваться одними словами; кроме того, «надобно было и Сенату дать средства к исполнению обязанностей», какого требовала от него императрица. Сенаторов было немного, и часть их заседала в Конференции, следовательно, не всегда могла присутствовать в Сенате. Поэтому было проведено кадровое обновление Сената, который увеличился до 15 персон. Новым генерал – прокурором «был назначен человек, известный своей деятельностью, правдивостью и неподкупностью – генерал – кригскомиссар князь Я.П. Шаховской».³

В последний период царствования Елизаветы Петровны вопрос о взяточничестве местных чиновников продолжал оставаться «на контроле» императрицы. 24 августа 1760 г. Правительствующий Сенат получил указ, снова связанный с взяточничеством местной коронной администрации: «Её Императорскому Величеству, к крайнему гневу и неудовольствию, известно, что воронежский губернатор Пушкин и белгородский Салтыков в этих губерниях делают великие разорения и лихоимства и самые грабительства, и потому повелевает строжайше о том расследовать».⁴

В отношении ротации кадров местной коронной администрации интересен сенатский указ от 26 октября 1760г. «О бытии Воеводам на службе по пяти лет; о смене тех, на которых подозрения окажутся, и об оставлении прослуживших тот срок безпорочно, по желаниям помещиков и граждан, и на другия пять лет Воеводами ж».⁵

Этот указ перекликается с прежним именованным указом Анны Иоанновны от 20 марта 1730г. «О перемене во всех городах воевод через два года...», и базируется на недавнем именованном указе

¹ ПСЗРИ – 1. Т. ХУ. № 11092; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца ХУП до конца ХУШ века: Эволюция бюрократической системы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. С. 327 – 328; Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. ХП. Т. 23 – 24. С. 554 – 555.

² Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. С. 286.

³ Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. ХП. Т. 23 – 24. С. 554– 555.

⁴ Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. ХП. Т. 23 – 24. С. 554.

⁵ ПСЗРИ – 1. Т. ХУ. № 11131.

Елизаветы Петровны от 16 августа 1760г. «Об употреблении Сенату всех способов к восстановлению везде надлежащего порядка и народного благосостояния»¹

В указе от 26 октября 1760г. на смену введённому в 1730г. старинному порядку смены воевод через два года, был установлен новый порядок – воеводы сменялись через пять лет. Мотивировка удлинения срока воеводской службы исходила из ряда обстоятельств. 1) финансовые стороны обеспеченности «безпеременных» воевод, (которые или «уже многие годы отдаляясь от своих домов и деревень, лишаются своей экономии», или «другие в молодых летах, сыскав от военных и статских служб отставку»), что вело к взяточничеству и жалобам населения. 2) отдалённой перспективой законодательной реорганизации местного коронного управления («пока о лучшем Губерний и Провинций управлении рассмотрение и определение учинено будет»).

Примечательно, что Сенату в целом и всем его членам полагалось «зло» взяточничества местных чиновников *«прекращать и искоренять, ... и паче всего изыскивать причины к достижению правды, а не к продолжению времени»*. Поэтому *«всякой Сенатор по своей чистой совести должен представить о происходящем в Государстве и о беззаконниках ему известных, без всякого пристрастия, дабы тем, злым пощады, а невинным напрасной беды не принести»*.

Срок воеводства был определён пятилетним, но тех воевод, «за коими подозрении окажутся», власть разрешала увольнять от должности раньше срока – «тех и прежде, сменять».

Пролонгация воеводства на новое пятилетие разрешалась для тех из воевод, которые по своей должности «исправными окажутся, и ни через какие доносы и жалобы, ни малых подозрениих и в несправедливостях доказаны не будут». Продление их воеводства определялось Правительствующим Сенатом по представлениям челобитных местных помещиков и граждан о «добропорядочных поступках» этих воевод. Челобитные должны были подаваться в течение первой половины последнего пятого года службы воеводы в контору Герольдмейстера в Сенате (создана в 1722г.).²

«Воеводскую тему» в царствование Елизаветы Петровны завершает сенатский указ от 22 марта 1761г. «О справке, при определении воевод и прочих чиновников к должностям». Суть этого короткого указа в выявлении причастности «воевод и прочих штатских чинов, которые по увольнении их у дел не были» к должностным преступлениям, заведению на них «казённых и челобитчиковых» дел и фактов нахождения этих лиц под следствием о чём присутственным местам необходимо было Сенату «перво определения докладывать».³

Несмотря на множественность и разнообразие правительственных дел, которыми Сенату приходилось заниматься, «он не думал об общегосударственных преобразованиях; строгий практик, он по частям удовлетворял возникавшие потребности, и из этих частных его усилий, отдельных мер, создалась впоследствии систематическая деятельность, носившая уже известный, определённый характер».⁴

Так, на «повышение трудовой дисциплины» чиновников был направлен очередной сенатский указ 15 декабря 1760г. «О времени заседания в Присутствии и выходе из онаго», введённый «в пополнение прежних указов». Указ подтверждал действие прежнего сенатского указа от 28 ноября 1756г. о штрафовании воевод за поздний приход и ранний уход из присутственного места. Новый указ 15 декабря 1760г. был обязательным для исполнения всеми структурами коронной власти и управления Российской Империи и был направлен во все Коллегии, канцелярии, приказы и конторы, а также в губернии, провинции и города.

Правительствующий Сенат обязывал всех присутствующих чиновников, включая губернаторов и «воевод с товарищи», а также и прокуроров, «коим то в смотрение поручено», чтобы они *«во определённые к присутствию дни каждый в своё место приезжали, и сидели, как по Генеральному Регламенту и по неоднократно присылаемым из Сената указам повелено»*.

Все чиновники государственной службы обязывались *«скорейшим произвождением и решением дел»*, а также незамедлительной присылкой *«в надлежащие места ведомостей и рапортов»*.

В соответствие с Петровым Генеральным Регламентом (Глава 3) чиновники должны были находиться «в Присутствии непременно; а когда нужда требует, то заседание иметь и сверх определённых часов, дабы ни малейшего в делах запущения не было».

¹ ПСЗРИ – 1. Т. УШ. № 5522; № 11092.

² ПСЗРИ – 1. Т. ХУ. № 11131.

³ ПСЗРИ – 1. Т. ХУ. № 11223.

⁴ Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал – прокуроры. С. 185.

В случае продолжения нарушения трудовой дисциплины все чиновники, включая и наблюдавших за их службой прокуроров, наказывались как вычетами из жалования, так и штрафами. Вычеты и взыскание в зависимости от классов чинов (рангов) должна была производить Канцелярия Конфискации.¹

В последний год жизни императрицы Сенат озаботился необходимостью «сравнять жалованье гражданских и военных чинов: президенты должны получать по 2400 рублей, обер – прокурор – 3000, генерал – рекетмейстер и герольдмейстер – по 2500, вице – президенты – 1800, советники – 1200, надворные советники – 800, ассессоры – 600; во всех губерниях губернаторы – 2500, вице – губернаторы – 2000, товарищи – 800, провинциальные воеводы – 800, их товарищи – 300, воеводы приписных городов – 400, пригородные – 200 рублей в год».²

Тему взяточничества чиновников в законодательстве эпохи императрицы Елизаветы Петровны заключает сенатский указ от 6 марта 1761г. «О запрещении взяток и задержки при осмотре проезжающих на заставах»³ Указ свидетельствует о существовании внутренних таможен отдельно в С. - Петербургской губернии.

В указе говорится о заставах, где по Петровскому «Плакату о зборе подушном и протчем» от 26 июня 1724г. крестьяне, которым разрешалось «кормится» работой в границах уезда при наличии письменного отпуска, выданного помещиком или приказчиком, должны были регистрироваться у земского комиссара для учёта подушной с них подати. При этом крестьян с жёнами и детьми через заставу без пропуска пропускать запрещалось под страхом «с наказанием ссылать на галеру» пропустившего их чиновника.⁴

В елизаветинское время правом досмотра проезжающих на заставах обладали также чиновники разных ведомств - Коммерц – Коллегии, Камер и Соляной конторы. Эти чиновники такие заставы (своего рода внутренние таможи, сходные с нынешними таможами внешними) использовали как официальное место для личной наживы.

Сенатский указ от 6 марта 1761г. констатирует, что *«от сыщиков в разных местах команд чинятся проезжающим всякого чина людям прицепки и задержки, единственно для ненасытного лакомства»* (взятки – А.Е.).

Поэтому Сенат приказал: *«в Военную и Коммерц – Коллегии, в Камер и Соляные конторы послать указы и велеть определённым на тех заставах (чиновникам – А.Е.) наистрожайше подтвердить, чтоб при осмотре проезжающим и проходящим никаких предметов и задержаний не чинили. Указ предупреждал, чтобы чиновники на заставах «под неупустительным штрафом и истязаний, как сами те команду имеющие от лакомства воздержались, так и стоящих на заставах же солдат ко взяткам отнюдь не допускали, в том за ними крепкое смотрение имели».* Военной Коллегии указывалось провести централизацию команд на заставах: по согласованию с Коммерц – коллегией, Камер и Соляной конторами, сделать единственное учреждение, дабы на тех заставах были не от разных команд определённые к тому караулы. Также указывалось те заставы снабдить инструкциями и наставлениями *«для искоренения чинимых прицепками и задержками лакомств».*⁵

В 1761г. известия, приходившие из областей, убеждали правительство, что действительно надобно принимать меры против злоупотреблений областного управления. Так, Сенат узнал, что около города Царицына с проезжающих по реке Волге разных чинов людей берутся немалые взятки. Генерал – прокурор прочёл в Сенате письмо к нему от генерал – майора Лачикова из Тамбова. В письме говорилось «о покрывательстве воеводы Верхнего Ломова Бологовского разбою и грабежу шайки знаменитого разбойника Топкина». Разбойничья шайка совершала «большие грабительства и убийства» в Дуровской степи под городом Верхним Ломовом. Но тамбовская канцелярия своими отписками старалась затянуть следственное дело, которое в конечном счёте и было переведено в Воронежскую губернскую канцелярию.⁶

Таким образом, Елизавета Петровна, прокламировавшая себя преемницей Петра Великого, в отношении антикоррупционного законодательства в определённой степени «продолжила его

¹ ПСЗРИ – 1. Т. ХУ. № 11169.

² Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. ХП. Т. 23 – 24. С. 610.

³ ПСЗРИ – 1. Т. ХУ. № 11213.

⁴ Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. С. 200 – 202, 209.

⁵ ПСЗРИ – 1. Т. ХУ. № 11213.

⁶ Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. ХП. Т. 23 – 24. С. 610 – 611.

дело. Мы видим внутреннюю струю жизни, в неудержимом стремлении перетекающую из одной эпохи в другую и соединяющую их в одно живое целое».¹

Однако отцовская энергичность, поначалу проглядывавшая в ряде антикоррупционных указов Елизаветы Петровны, к концу её правления уступает место увещательному тону, не сильно пугая даже провинциальных управленцев, не говоря уже о столичных кругах. Разлагающий пример фаворитов сказывается на всей управленческой структуре, сословно связанной принадлежностью к дворянству, объединяемой общим стремлением к наживе в зависимости от должностных возможностей.

Конечно же, указами остановить коррупцию не удавалось, но в то же время небезыntenесны некоторые устремления власти к её замедлению. Императрица, Сенат, правительство в повальной коррупции осознают угрозу государству, системе. Взятчники, мздоимцы, лихоимцы и грабители всенародно объявляются «внутренним общим неприятелем», «внутренним врагом», а их противозаконные действия - «вредом общим», «злом», которое «нужно прекращать и искоренять».

В связи с коррупцией закономерно поднимается и вопрос о «производительности труда», качестве службы чиновников, особенно провинциального уровня.

Правительством обращается внимание на ротацию воеводских кадров с учётом жалоб с мест, но пролонгация воеводской службы всё более тяготеет к бессрочности.

Рассмотренные именные и сенатские указы свидетельствуют о проявлении в ряде случаев личной инициативы императрицы Елизаветы Петровны, а также о спорадичных мерах правительства «поднять трудовую дисциплину» чиновничества, чем законодательно продолжить Петрову линию на пресечение взяточничества управленцев коронной и выборной службы, но без жестокостей прежних царствований.

Д.А. Мухин
Вологда

«РЕШЕНИЯ СЕНАТА ПРИШЛОСЬ ИГНОРИРОВАТЬ» (К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЗАКОНА В ВОЛОГОДСКОЙ ДЕРЕВНЕ РУБЕЖА XIX-XX ВВ.)²

В конце XIX века автор из Никольского уезда Вологодской губернии, подписавшийся как П.П., сообщал, что «властям (чиновникам по крестьянским делам - Д.М.), осознавшим всю неправильность такого положения дел (требованию рассматривать вопросы о семейном разделе на сельском сходе³ - Д.М.), волей-неволей приходилось истолковывать закон в том смысле, что дела о семейном разделе, как и земельные дела, могут быть решаемы селенными сходами; решения же Сената, несогласные с таким толкованием, пришлось игнорировать»⁴.

Этот пример отражает общую ситуацию, складывавшуюся в этот период в системе крестьянского общественного управления: одновременно существовали нормы различного уровня, нередко противоречившие друг другу. Какая из норм будет применена в конкретном случае (общеевропейская, губернская или норма обычного права) зависело от ряда факторов.

Первое противоречие было заложено в основном законе, регулировавшем крестьянское общественное управление - Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости 1861 года.

Изучение русской крестьянской общины как социального института началось в 40-х годах XIX века. Толчком к возникновению внимания к ней послужили наблюдения барона А. фон Гакстгаузена, сделанные им во время поездки в Поволжье. Как отметил И.А. Христофоров, «барон Август фон Гакстенгаузен не был ни первым, ни самым глубоким автором, обратившимся к общине. Однако он, несомненно, был первым, кто привлек к ней внимание европейской мысли, и

¹ Чичерин Б.Н. *Опыты по истории русского права*. М., 1858. С. 389.

² Статья выполнена при поддержке благотворительной программы компании «Северсталь» «Музеи Русского Севера»

³ Собрать сельский сход из-за больших размеров сельского общества было крайне затруднительно, особенно по вопросам, касавшимся только одного селения.

⁴ П.П. Семейные разделы крестьян (письмо из Никольского уезда Вологодской губернии) // Северный край. 1899. № 187. С. 1.

уже таким образом через странный идейный «реэкспорт», русской читающей публики и самого правительства»¹.

Парадоксальность ситуации состояла в том, что в общественной дискуссии под «общиной» понималась, прежде всего, земельная община. Отмечалось, например, что община «есть только земельный союз» главная цель которого – «уравнительный раздел земли между всеми ее членами»². Но Общее положение, регулируя крестьянское общественное управление, базировалось на двухуровневой схеме (волостное и сельское управление), разработанной в рамках реформы управления государственными крестьянами Киселева 1837 года, то есть до актуализации дискуссии об общине. В реформе Киселева сельское общество – достаточно крупное административное образование, являвшееся частью государственной системы управления и существовавшее с целью реализации необходимых административных функций.

Таким образом, наличие двух различных источников для законодательства привело к тому, что авторы Общего положения, закрепляя административную структуру, воспринимали именно ее как широко обсуждаемую в обществе крестьянскую общину. И.А. Христофоров отмечал, что «представление авторов закона зиждилось на патриархальной картине: прекрасно знакомые друг с другом уважаемые домохозяева совместно разбирают и решают касающиеся их общих интересов вопросы»³. В результате в целом ряде губерний эта система работать не могла. По Общему положению, чтобы сход считался состоявшимся, на нем должно было присутствовать не менее $\frac{1}{2}$ всех домохозяев общества, а для решения важнейших вопросов – $\frac{2}{3}$. При этом размеры сельских обществ, например, в центральных уездах Вологодской губернии были большими. Так в конце XIX века в Шебенгском обществе Тоемского уезда состояло 553 домохозяина⁴, в Богоявленском обществе Устюгского уезда – 604 домохозяина⁵, а в Павинском обществе Никольского уезда – 1020 домохозяев⁶. При этом в сельское общество могло объединять до 40 деревень. В этих условиях собрать полный сход для решения вопросов одной семьи (например, семейного раздела) или одной деревни было крайне затруднительно. Поэтому значительная часть вопросов решалась на уровне селенного схода – схода домохозяев одного селения.

О роли селенных сходо́в писал в 1887 году К. Головин: «Здесь, на этом бесформенном сходе, которого не ведаёт закон, решаются все малые и великие дела общинного хозяйства»⁷. Эта позиция не совсем соответствовала реальной ситуации. На протяжении конца XIX – начала XX вв. селенные сходы постепенно санкционировались, но не через изменение Общего положения, а через решения Сената.

Однако еще до принятия решения Сенатом на уровне Вологодской губернии была сформулирована собственная норма. Летом 1886 года Вологодский губернатор Кормилицын в ходе ревизии центральных уездов губернии отмечал: «Распоряжение мирской общественной землей и дела, вытекающие из пользования оной, как то: переделы земель, прием новых членов и проч. ныне во всех обревизованных мной уездах ведают хозяйственные сходы, составляемые из домохозяев селений, имеющих отдельное от прочих деревень общества действительное, а не только плановое земледелие»⁸. То есть решением губернатора была нормативно закреплена категория сходо́в, неизвестная имперскому законодательству – хозяйственные сходы, являвшиеся сходами поземельной общины.

В результате на местном уровне могла действовать любая из приведенных норм. Как отмечал Дж. Эйни, «для массы крестьян закон оставался по существу случайной смесью локальных обычаев и арбитражной силы»⁹. То есть, с крестьянскими традициями взаимодействовал скорее не сам закон, а его понимание и интерпретация местным чиновничеством. Согласно циркуляру губернского присутствия уездным съездам земских начальников и чиновников по крестьянским делам, изданному в 1897 году, «ни один из Уездных Съездов не приступил к составлению названной

¹ Христофоров И.А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830-1890-е гг.). М., 2011. С. 88.

² Вениаминов П. Крестьянская община. Б.м., 1908. С. 3.

³ Христофоров И.А. Судьба реформы... С. 263.

⁴ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 685. Оп. 1. Д. 1074. Л. 48.

⁵ Великоустюгский центральный архив (ВЦА). Ф. 11. Оп. 1. Д. 355. Л. 58.

⁶ ВЦА. Ф. 292. Оп. 1. Д. 5. Л. 321.

⁷ Головин К. Сельская община в литературе и действительности. СПб., 1887. С. 32.

⁸ Циркуляр Г. Вологодского Губернатора крестьянским учреждениям и должностным лицам волостных и сельских управлений // Вологодские губернские ведомости (ВГВ). 1887. № 20. С. 3.

⁹ Yaney G.L. Law, Society and the Domestic Regime in Russia, In Historical Perspective // The American Political Science Review. 1965. Vol. 59. No. 2. P. 387.

инструкции и вследствие сего не только в целых уездах, но даже в смежных участках предъявляются как к обществам, так и должностным лицам требования самые разнообразные и притом нередко даже противоречивые»¹.

При этом земские начальники и чиновники по крестьянским делам должны были следить не только за законностью, но и за нравственным состоянием крестьян. Вологодский губернатор Кормилицын, обращаясь к впервые назначаемым земским начальникам, заявлял, что именно благодаря их деятельности «должен быть положен конец ныне царящим распущенности и произволу на сходах волостных судов, волостных правлений и среди должностных лиц сельского и волостного управления»². Поэтому могли отменяться решения сходов, не противоречившие закону, но не соответствовавшие представлениям чиновников о нравственности в крестьянской среде. Так чиновник по крестьянским делам 2 участка Никольского уезда, рассматривая приговор об избрании старостой недомохозяина, отмечал: «Хотя по закону и можно, но я бы сомневался»³.

В ситуации такой неопределенности крестьянские выборные должностные лица вынуждены были искать способы фиксации решений сходов, с одной стороны, соответствующие нормам обычного права, а с другой – не противоречившие представлениям местных чиновников. Один из таких вариантов отразился в прошении крестьянки Миньковской волости Тотемского уезда Матрены Хоробровой, поданном в 1896 году. «Приговором сельского схода утвержден семейный раздел между моими сыновьями Петром и Алексеем Петровичем Хоробровым, и приговор этот хотя и написан от имени сельского схода, но в то время сельского общественного схода собрано не было, а только было в то время селенный сход деревенский, и приговор тут на этом сходе, а за подписан от имени сельского схода по практике писаря Гордеева и старосты Шумова»⁴. Причем под приговором стоит 362 подписи (из 534 домохозяев Косиковского общества). В данном случае после проведения традиционной для крестьян процедуры (селенного схода по вопросу семейного раздела) для утверждения земским начальником был создан фиктивный документ, соответствовавший норме Общего положения.

При поддержке или игнорировании со стороны местного чиновничества могли существовать и официально фиксироваться в приговорах нормы обычного права, противоречившие законодательству как имперского, так и губернского уровня. В приговоре от 21 декабря 1895 года записано: «Мы, крестьяне Вожбальского сельского общества, состоящего из 23 селений, в которых ревизских душ 1211 (например, в соответствии с приговором Вожбальского общества от 31 января 1893 года в обществе значилось 570 домохозяев⁵ – Д.М.) и пятидворных выборных домохозяев, имеющих право голоса на сходе 116 человек, находилось на сходе 98 человек выборных»⁶. В данном случае, по аналогии с волостным сходом, крестьяне делегировали право участия в сельском сходе отдельным представителям общества, но если в волостном сходе участвовали десятидворные выборные (по 1 человеку от 10 дворов), то в данном случае 5 дворов представлял один человек. В результате, в сельских сходах Вожбальской волости могло участвовать не более 20% домохозяев общества, что создавало комфортные условия для организации и проведения схода. Причем именно это количество участников рассматривалось как полная явка, поэтому и необходимые 50 (а возможно и 66) % присутствующих высчитывалось исходя именно из этой цифры. То есть, чтобы сельский сход состоялся, достаточно было 10 или 13% всех домохозяев данного общества. В соответствии с Общим положением, все приговоры Вожбальского общества были незаконными и подлежали отмене по причине недостаточной явки крестьян. Однако поскольку реакции вышестоящего начальства на такой способ сбора схода не последовало, то этот вариант, как наиболее удобный для крестьян, не только закрепился на практике, но и в определенный период времени официально прописывался в приговорах.

Часть решений сходов, принимавшихся в соответствии с нормами обычного права, но противоречивших законодательству, могла просто не фиксироваться приговорами. Так в Хреновской волости Вологодского уезда «производится выбор в должность полицейских сотских следующим порядком: первее всего по обществам делается выбор семей не несших отбывания воинской повинности», после этого волостной сход «из всех представленных старостами списков выбирает по волости двух сотских, на коих и составляется приговор, [...] а семьи оставшиеся

¹ ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 602. Л. 1.

² 1-го июля в Вологде... // ВГВ. 1891. № 27. С. 9.

³ ВЦА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 457. Л. 3.

⁴ ГАВО. Ф. 676. Оп. 1. Д. 223. Л. 1-1 об.

⁵ ГАВО. Ф. 685 Оп. 1. Д. 164. Л. 2.

⁶ ГАВО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

свободными, уже частично помогают служащему денежно за службу его, и на это приговора не делается»¹.

Составление приговора не являлось обязательной частью процедуры схода. Значимым для крестьян было принятие решения, для чего достаточно было достижения устной договоренности. Так в деревне Гагарихе Вожбальской волости Тотемского уезда «произведен раздел земли без установленного на то приговора и без участия местного волостного и сельского начальства»².

Для самих крестьян приговор не являлся единственным способом закрепления принимаемой нормы – достигнутая на сходе устная договоренность уже являлась нормой. При этом приговор представлялся скорее как форма отчетности крестьянских выборных должностных лиц перед вышестоящим начальством. Устная форма закрепления решений схода соответствовала крестьянским представлениям о способе установления правоотношений в целом. М.М. Громько, на материалах из различных районов Российской империи, показывает, что и для частно-правовых сделок различного характера также было достаточно устной формы закрепления³.

В случае выборов сотских в Хреновской волости приговор составлялся только на часть решений, необходимых для отчетности крестьянского начальства перед чиновниками. В результате такой приговор утверждался земским начальником, но на практике действовали оба – и прописанное и устное – решения схода.

Таким образом, на рубеже XIX-XX веков в сфере крестьянского общественного управления сосуществовали и нередко противоречили друг другу нормы различного уровня: имперского, губернского и локального. Но применение той или иной нормы в значительной степени зависело от личностного фактора – позиции конкретного чиновника. Существовавшую ситуацию в отношении интерпретации юридических норм хорошо описал в 1899 году корреспондент газеты «Северный край» из Грязовецкого уезда Вологодской губернии: «За отсутствием ясного закона земские начальники в большинстве случаев принуждены руководствоваться собственным пониманием правды и неправды. Один земский начальник будет запрещать в своем участке посиделки, другой не усмотрит в этом достаточного основания; [...] один, рассматривая приговоры о переделах, будет покровительствовать общинным порядкам, другой к переходу от них к подворному владению»⁴. Поэтому даже на относительно небольших территориях правоприменительные практики могли значительно различаться.

С. В. Мосолкин

Саратов

А. ГРИН: ОТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К ЛИТЕРАТУРНОМУ ТВОРЧЕСТВУ

Жизнь и деятельность Александра Грина традиционно рассматривается в связи с его творчеством. В статье делается попытка рассмотреть проблему влияния революционной практики писателя на его ранние произведения. Анализ основных событий в жизни Александра Грина, в частности документальных сведений о его отношении к революционному движению, позволит более объективно проанализировать тот идеологический образ писателя, который был создан в советское время и просуществовал до наших дней.

Рассматриваемый материал также связан с вопросами о психологии терроризма и мотивационной сфере террориста, которые как никогда актуальны в настоящее время, когда терроризм становится проблемой мирового масштаба. Особый интерес вызывает анализ того, что происходит с системой ценностей человека, когда он встает на путь террора.

Основными источниками для написания статьи послужили «Автобиографическая повесть»⁵ и воспоминания супруги писателя Нины Николаевны Грин⁶, а также короткие мемуарные эссе современников Грина. Однако, нужно иметь в виду, что «Автобиографическая повесть», написанная Грином в последний год жизни, не является, строго говоря, биографическим свидетельством. Как

¹ ГАВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 190. Л. 6-6об.

² ГАВО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 9. Л. 1об.

³ Громько М.М. Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян XIX в. в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики // Этнографическое обозрение. 2000. № 3 С. 97.

⁴ Грязовец // Северный край. 1899. № 145. С. 3.

⁵ См.: Грин А.С. Собрание сочинений в шести томах. М.: Правда, 1965. Т. 6.

⁶ См.: Грин Н.Н. Воспоминания об Александре Грине / сост. Н. Кобзеви, Л. Корякина, Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2000.

было установлено в работе В. Сандлера «Вокруг Александра Грина»¹, реальные воспоминания в повести переплетаются с художественным вымыслом.

Большая работа по восстановлению событий жизни писателя была проделана его женой Ниной Николаевной. Ее мемуары наиболее точно отражают не только факты биографии, но и помогают лучше раскрыть сложную и противоречивую личность А. Грина. Ею были собраны воспоминания многих людей, знавших его. Необходимо отметить, что многие материалы, позволяющие восстановить факты биографии А. Грина, стали доступны только в последние десятилетия.

Александр Грин известен широкому кругу читателей, прежде всего, как автор «Алых парусов». Волшебную историю, повествующую о прекрасных вещах: о счастье и о чуде, которые можно сотворить человеческим трудом и верой.

Но мало кто знает, что Александр Гриневский (он же писатель Грин), имел бурную революционную молодость, являясь членом партии социалистов-революционеров. На этом сюжете в биографии Грина стоит остановиться подробнее, так как долгое время он почти не рассматривался. Партия социалистов-революционеров принимала участие в революционной борьбе за лучшее будущее народа, однако нельзя забывать, что она представляла собой одну из самых грозных террористических организаций в России начала XX века². Главным методом борьбы партии являлись политические убийства. Теракты совершались как в обеих российских столицах, так и в уездных городах, а жертвами часто становились случайные прохожие и невинные люди³. Поэтому естественно, что участие А. Грина в такой революционной борьбе относилось к отрицательным фактам его биографии, и о них долгое время умалчивалось. И образ писателя, созданный в советское время, был далек от реального. Эта часть его биографии мало освещена в литературе и историографии. Возможно, это связано также и с тем, что сам А. Гриневский, как писала Н.Н. Грин, «совершенно явно проявлял полное нежелание распространяться о своей жизни»⁴.

А. Гриневский в молодые годы попал в эсеровскую организацию волею случая. Он не пришел туда в результате душевных терзаний или идейных убеждений, а именно попал случайно. В 1902 г. А. Грин был зачислен в резервный пехотный батальон. Порядки военной службы его не устраивали, из-за чего он постоянно попадал в карцер. Не вынеся условий, через шесть месяцев он бежал. Дезертира поймали в Камышине, но ему снова удалось бежать. Помогли ему в этом эсеровские пропагандисты, с которыми он познакомился в армии. Далее они продолжали помогать ему скрываться от властей в Симбирске⁵. С этого момента их пути пересеклись.

Эсеры вербовали в свои ряды молодых людей, которых было легко увлечь философией героического террора. Они становились исполнителями терактов – убийцами и самоубийцами одновременно. 22-летний А. Гриневский представлял собой хороший материал для партийных агитаторов. Он успел испытать трудности солдатской жизни, познакомиться с проблемами российской действительности. Он был обижен на общество, и хотел объявить ему войну. Поэтому эсеры решили использовать А. Грина в своей террористической деятельности и отправили его на «карантин» в Тверь. Однако, «пребывая в карантине в полном покое, он разобрался в своих мыслях и чувствах, увидел, что убийство кого бы то ни было, претит его натуре»⁶. Так что «террористом» А. Грин все же не стал. Тем не менее, вопрос о терроре как методе революционной борьбы был им глубоко прочувствован, и это отразилось в его раннем творчестве.

В одном из самых первых его рассказов «Марат» показан молодой террорист накануне совершения террористического акта. Прототипом главного героя рассказа - Яна - являлся Иван Каляев. Историю именно этого террориста поведал в своем произведении А. Грин. Исторические факты совершения преступления И. Каляевым в точности воспроизведены в рассказе. Герой рассказа, так же как и Каляев, несмотря на одержимость террором, не сразу готов на убийство, так как в карете, в которую он должен был бросить бомбу, ехали не только предполагаемая жертва, но также жена и дочь человека, которого он должен был убить. В реальной жизни И. Каляев только

¹ См.: Воспоминания об Александре Грине / сост. В. Сандлер. Л.: Лениздат, 1972.

² См., напр.: Гейфман Анна. Революционный террор в России 1894-1917/Пер. с англ. Е. Дорман М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 448 с.

³ См. более подробно: Мосолкин С.В. Создание образа «героя - террориста» в ходе политических процессов над эсерами в 1905 году // Известия Саратов. Ун-та. Нов. серия. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 30-31.

⁴ Грин Н.Н. Указ. соч. С. 287.

⁵ См.: Варламов А.Н. Александр Грин. М.: ЭКСМО, 2010. С. 32-39.

⁶ Там же. С. 30.

на другой день совершил покушение¹. Этот сюжет повторялся и в рассказе. Сам автор не одобряет террористических методов борьбы и не разделяет взглядов своего героя. Но личный жизненный опыт писателя, несомненно, помог в создании литературного образа.

Ближе автору по своим взглядам герой другого рассказа А. Грина «Карантин». Молодой человек по имени Сергей, также как когда-то и сам писатель, приезжает по заданию партии в провинциальный город. После того, как он убедится, что полиция не следит за ним, он должен был совершить террористический акт. Проходит время, и Сергей начинает понимать, что на теракт он не пойдет, что «умирать он не собирался, не хотел и не мог хотеть»². Далее А. Грин описывает конфликт между посланцем партии эсеров и Сергеем. Представитель партии, желая вызвать чувство вины, возмущается тем фактом, что герой рассказа передумал совершать убийство: «Вы надоели центральному комитету! ...вы чуть ли не со слезами на глазах просили и кланчили ... Ведь были же другие?»³.

В свое время и А. Гриневскому тоже пришлось испытать это чувство вины перед партией. После того как беглый солдат А. Гриневский отказался участвовать в террористических актах, эсеры решили использовать его для пропаганды своих взглядов. Будущий писатель, стремясь загладить свою вину, оказался талантливым агитатором. Особенно ему удавалась агитация среди солдат. А. Гриневский так хорошо знал быт и проблемы солдат, что выступая перед ними, сразу же находил со слушателями общие темы. Это внушало к нему доверие.

В ноябре 1903 г. А. Грина арестовали. Интересно то, что выдали его те, кого он агитировал. Завербованные полицией двое его слушателей несколько дней следили за ним, пока в отхожем месте на Графской набережной А. Грин не был задержан. А. Гриневский принадлежал к тем людям, которые очень тяжело переносят тюремное заключение. Конечно, никому не нравится сидеть в тюрьме. Но А. Грину тюрьма, можно сказать, была противопоказана. Поэтому он несколько раз совершал попытки побега, хотя они не увенчались успехом. Вышел он из тюрьмы лишь два года спустя.

Дело рядового Зарайского полка А.С. Гриневского слушалось в Севастополе. Обвинялся он в пропаганде среди матросов и распространении литературы партии социалистов-революционеров. Подсудимый не желал отвечать ни на какие вопросы суда. Такое поведение А. Грина послужило причиной того, что прокурор требовал для него двадцать лет каторжных работ. В газете «Революционная Россия» от 25 апреля 1905 г. писалось, что хотя «улик против Гриневского почти не было, но проявленная на суде закоренелость вызвала раздражение судей, а потому эти представители российского правосудия и вынесли ему непомерно строгий приговор»⁴.

А. Грина спасло лишь то, что защищал его адвокат Зарудный. Благодаря его блестящей речи Гриневскому дали только десять лет каторги. Прибыв по этапу в Тобольскую губернию, он сразу совершил побег, добрался до Петербурга и жил там под чужим именем. В это время начинается его литературное творчество. После побега из ссылки в 1906 г. был напечатан его первый рассказ «Заслуга рядового Пантелеева». Этот рассказ был написан по заказу эсеров.

Своим «крестным отцом в литературе» А. Грин называл одного из эсеровских деятелей Наума Быховского. Член ЦК партии эсеров Наум Яковлевич Быховский первым увидел у него литературный талант. Н.Н. Грин вспоминает, что прочитав одну из статей, написанных Гриневским по заказу партии, Н. Я. Быховский сказал: «А знаешь, Гриневский, мне кажется, из тебя мог бы выйти писатель»⁵. Конечно, не только эти слова, произнесенные невзначай, создали из Гриневского писателя. Именно эсеры помогли ему набраться жизненного опыта, без которого невозможен настоящий творец. Чтобы полюбить жизнь, нужно близко стоять рядом со смертью. Именно этот опыт молодой писатель получил, будучи членом партии социалистов-революционеров. Эсеры сделали из Грина писателя, а не революционера. Он прошел испытание выбором: жизни и смерти, свободы и тюрьмы. Не случайно позже в рассказе «Приключения Гинча» автор напишет: «Три темы постоянно привлекают человеческое воображение, сливаясь в одной туманной перспективе, глубина ее блестит светом, полным неопределенной печали: «Смерть, жизнь и любовь»»⁶.

¹ См.: Жалоба, поданная Каляевым И.П. на приговор судившего его Особого присутствия Сената // ГАРФ. Ф. 5831. Д. 565. Л. 3.

² Грин А.С. Рассказы. М.: Эй-Ди-Лтд, 1994. С. 9.

³ Там же. С. 13.

⁴ Из общественной жизни Севастополя // Революционная Россия. 25 апреля 1905. № 65. С. 11.

⁵ Грин Н.Н. Указ. соч. С. 435.

⁶ Грин А.С. Собр. соч. Т. 2. М.: Правда, 1980. С. 1.

Все это он испытал, находясь в боевой организации эсеров. В это же время он встретил свою первую любовь Катю Бибигель. Чувство было сильным и страстным, но не взаимным. Как писала первая жена А. Грина В.П. Калицкая: «обоих, естественно, сближала общность взглядов, настроений и мыслей. Она хорошо относилась к Грину, но не любила его»¹. Разрыв был очень болезненным для А. Грина. Встреча после разлуки была бурной. «За свою деятельность революционера А.С. поплатился двумя годами одиночного заключения и приговором к ссылке в Восточную Сибирь. Это очень утомило, измучило А.С. и романтика подвига и риска для него потускнела. Захотелось покоя, отдыха и счастливой личной жизни. Но Е. А. по-прежнему целю отдавалась революционной деятельности. Она работала в военной организации»².

Е.А. Бибигель интересовала только революционная борьба, а не любовные отношения. Вспыльчивый Грин в ярости чуть было не убил ее из револьвера. «Она держалась мужественно и вызывающе, а я знал, что никогда не смогу убить ее, но и отступить тоже не мог», - говорил А. Грин³. «Пуля попала ей в грудь. Девушка была доставлена в Обуховскую больницу, где ее оперировал знаменитый хирург - профессор И.И. Греков»⁴. Операция прошла успешно, но после этого Е.А. Бибигель и А. Грин больше не встречались⁵.

А. Грин использовал Е.А. Бибигель в качестве прототипа в своем дальнейшем литературном творчестве. В ранних рассказах он создал ее очень трогательный образ. В 1915 г. вышла книга «Штурман четырех ветров». Прототипом героини одного из рассказов романа «Маленький комитет» была Катя Бибигель. Грин даже отправил ей томик книги на каторгу, где она находилась в то время. О безысходности неразделенной любви идет речь в повести «Земля и Вода».

А. Грин являлся членом партии социалистов-революционеров чуть более двух лет. Его удерживали в партии романтика и возможность жить нелегально на партийные деньги. То, что эсеры имели различные источники получения денег, является установленным историческим фактом⁶. И члены организации получали немалые деньги от партии.

Подводя итог можно сказать, что для распространения своей идеологии эсеры вербовали себе новых сторонников в разных слоях общества. В этот исторический период террор становится привлекательным как для лиц с революционным настроением, так и для отдельно взятых личностей, которые руководствовались сугубо личными мотивами. При попытке нравственного оправдания убийства идеологами терроризма использовались разные методы, призванные вовлечь в террор и сгладить моральные угрызения совести. Политические и мировоззренческие потрясения, происходившие в России в период первой русской революции, не могли не отразиться на жизни и деятельности творческой интеллигенции. И в этом плане судьба А. Грина очень показательна. В начале 1908 г. произошел окончательный разрыв Гриневского с эсерами. И хотя существующие в обществе порядки он ненавидел по-прежнему, но начал формировать свой позитивный идеал, который был совсем не похож на эсеровский.

А.С. Сметанникова
Саратов

ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Первая мировая война - важнейший этап в отечественной истории XX века, оказавший значительное влияние на судьбу России, судьбы отдельных людей. События военных лет запечатлены в многочисленных документах, сохранившихся с тех лет до нашего времени: корреспонденции с фронта, дневники и переписка современников, письма и прочее. Яркое отражение военные события получили в произведениях литераторов. Многие представители российской творческой интеллигенции оказались не только свидетелями, но и

¹ Смиренский В.В. "Первая любовь Грина". Заметка // РГАЛИ. Ф. 127. Оп. 4. Ед. хр. 10.

² Чагин П.И. Конспект содержания и отдельные главы Воспоминаний В.П. Калицкой об А.С. Грине // РГАЛИ. Ф. 2550. Оп. 2. Ед. хр. 620.

³ Цит. по: Грин Н.Н. Указ. соч. С. 452.

⁴ Смиренский В.В. "Первая любовь Грина". Заметка // РГАЛИ. Ф. 127. Оп. 4. Ед. хр. 10.

⁵ Чагин П.И. Конспект содержания и отдельные главы Воспоминаний В.П. Калицкой об А.С. Грине // РГАЛИ. Ф. 2550. Оп. 2. Ед. хр. 620.

⁶ См.: Свалов А.Н. Из истории Второго Интернационала. М., 1996. С. 85 - 86; Революционная Россия. 5 апреля 1905. № 63. С.16; Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 2006. С. 184.

непосредственными участниками этих событий, среди них А.А. Блок, Н.С. Гумилев, К.Г. Паустовский, В. П. Катаев, А.Н. Вертинский и другие.

Отношение творческой интеллигенции к Первой мировой войне - один из самых сложных вопросов в истории духовной жизни России военного времени. Стоит признать, что эта война занимает не слишком обширное место в памяти нашего народа. Изучение точек зрения творческих людей, их отношения к военным действиям поможет узнать больше об этом времени и взглянуть на Первую мировую войну без штампов.

Творческие люди по-разному оценивали происходящие тогда события. На мой взгляд, наиболее разительные оценки войны у двух ярчайших поэтов того времени - Н.С. Гумилева и А.А. Блока. Отношение Гумилева к боевым действиям отразилось в документальной повести «Записки кавалериста». Понять, как Блок оценивал происходящее, можно из его дневников, записных книжек и писем с фронта, а также воспоминаний современников о нем.

Александр Блок во время войны состоял на службе в инженерно-строительной дружине. С начала войны и до призвания он находился или в Москве, в усадьбе Шахматово, или в Петербурге. Однако он следил за новостями с фронта, о чем свидетельствуют многочисленные пометки в его записных книжках о событиях, происходящих на фронте. В записных книжках можно найти лаконичные высказывания и рассуждения, которые носят оценочный характер по отношению к войне. Рассуждения о происходящем наполнены волнением, сильными переживаниями за народ, за будущее российской культуры. По его словам, каждый лишний день войны уносит культуру, и скоро все станут пошляками, как и те, кто затеял эту войну.

Блок пишет, что, путаясь в обывательском языке, ищет определения войне. Он сравнивает ее с «огромной фабрикой на ходу» или с «так называемым антихристом».¹ Он не видит смысла, необходимости этой войны, пишет, что она бессмысленна и ничем не кончится: «Она, как всякое хамство, безначальна, бесконечна и безобразна».² То называет происходящие в мире события «бездарными занятиями», глупостью и дрянью. Этот тон не меняется и после службы в дружине, а, кажется, напротив он становится еще более неприязненным. Блок пишет в 1918 году в своей статье «Интеллигенция и революция» о войне, что «великая война» или «война за освобождение угнетенных народностей», как ее называют, это кровопролитие, безделье, скука и пошлятина. Более того он считает войну сумасшествием: «Европа сошла с ума: цвет человечества, цвет интеллигенции сидит годами в болоте, сидит с убеждением на узенькой тысячеверстной полоске, которая называется «фронт»».³

Так как Блок считает войну бессмыслицей, сумасшествием, то, по его мнению, нет места здесь патриотизму. Война оставляет на людях отпечаток хамства и пошлости: «...люди как-то рассеялись, замолчали и ушли в себя: точно сидели под колпаками, из которых постепенно выкачивался воздух. Вот когда действительно хамело человечество, и в частности - российские патриоты».⁴

Блок также пишет о запахе войны, который ассоциируется у него с «гнилью и разложением».⁵ Он считает, что этот запах - хамство, а запах солдатской шинели вовсе не следует переносить.

Понять, каково было мнение Блока о войне, можно также и из воспоминаний о нем современников. Его друг, В.А. Зоргенфрей писал, что Блок не высказывал «в сколько-нибудь определенной форме, активно отрицательного отношения к происходящему».⁶ Но в то же время, отношение его к военным действиям было «безличным», но не безразличным. Безличным «в смысле признания за ними свойств стихийных, поглощающих волю».⁷ Однако несмотря на то, что Блок «не принимал войны», он был, по словам еще одного его друга, Вл. Пяста, «убежден в необходимости для России начатую войну честно закончить».⁸

Сам Блок не остался в стороне от службы, он служил в должности табельщика, в инженерно-строительной дружине. По воспоминаниям современников, Блок считал, что долг каждого в это тяжелое время - быть на фронте, а писатель вообще должен «идти прямо в рядовые, не ради патриотизма, а ради самого себя».⁹ Но служба, судя по воспоминаниям его друзей и, в особенности,

¹ Блок А.А. Записные книжки. 1901-1920. М., 1965. С. 283.

² Там же. С. 310.

³ Блок А. А. Интеллигенция и революция // Собрание сочинений. Т. 6. Москва-Ленинград. 1962. С. 10.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Блок А.А. Записные книжки. 1901-1920. М., 1965. С. 310.

⁶ Александр Блок в воспоминаниях современников в 2-х томах. Т 2. М., 1980. С. 22.

⁷ Там же.

⁸ Александр Блок в воспоминаниях... Т.1. М., 1980. С. 392.

⁹ Александр Блок в воспоминаниях... Т 2. М., 1980. С. 89.

по его письмам матери и Любви Дмитриевне, не нравилась ему. На фронте интересы и занятия его были «кушательные и лошадиные (кроме деловых)».¹ Матери он пишет, что «жизнь складывается глупо, неприятно, нелепо и некрасиво. Редкие дни бывает хорошо, все остальные – бестолково, противоречиво, мелко».² Иногда, в начале службы, в письмах можно найти слова о том, что ему его занятия нравятся в какой-то степени, но под конец времени пребывания на фронте служба, условия проживания ужасно наскучивают и надоедают Блоку: «Мне скверно потому главным образом, что страшно надоело все, хотелось бы наконец жить, а не существовать, и заняться делом».³

Совсем другое отношение к военным действиям, к службе в армии у Николая Гумилева. Читая его «Записки кавалериста», понимаешь, что он был авантюрным, смелым человеком. Для него война – это что-то вроде приключения, веселой игры с опасностью, со смертью: «Мне вспоминается игра в палочку-воровочку, в которую я всегда играю летом в деревне. Там то же затаенное дыханье, то же веселое сознание опасности, то же инстинктивное умение подкрадываться и прятаться».⁴

Гумилев служил в кавалерии и службу свою, по всей видимости, очень любил. Он писал, что «кавалеристы – это веселая странствующая артель».⁵ Самое тяжелое, по мнению Гумилева, на войне было ожидание атаки, а самые счастливые часы – часы перед битвой. О новом бое мечтал, ждал с нетерпением и торжеством, когда переезжали на новый фронт.

Интересно, что Гумилев вообще не обращает внимания на условия жизни на фронте, в отличие от Блока. Ведь зачастую – это холод, сырость, отсутствие возможности выспаться, умыться и многое другое. Наоборот, в «Записках кавалериста» часто встречаются очень красивые описания природы. Он замечает прекрасное, будучи на войне. Он замечает красоту лесов, сравнивая их с древними храмами ласковых и задумчивых языческих богов. Пишет о реках и озерах, которые «блестят и отражают небо, как зеркала из полированного металла».⁶ Отмечает красоту даже каких-то мелочей – ручейков, кустарников, тихих запруд: «...у старых мшистых мельниц тихие запруды с нежно журчащими струйками воды и каким-то розово-красным кустарником, странно напоминающим человеку его детство».⁷

Если у Блока письма и дневники написаны сухо и лаконично, то у Гумилева, на мой взгляд, все наоборот. «Записки кавалериста» написаны очень красивым, поэтическим языком. Он, находясь на фронте, казалось бы, в центре боевых действий, не пишет обо всех ужасах войны, о крови, о смерти, даже описывая сражения, он находит красивые сравнения. Гумилев и на войне остается поэтом, видя во всем происходящем красоту. Вот что он пишет, наблюдая за наступлением российских пехоты: «...это был цельный организм, существо бесконечно сильнее и страшнее динозавров и плезиозавров. И для этого существа возрождался величественный ужас космических переворотов и катастроф. Как гул землетрясений грохотали орудийные залпы и несмолкаемый треск винтовок; как болиды летали гранаты, и рвалась шрапнель».⁸ Он воодушевлен наступлением, пожалуй, это самое счастливое время для него на войне. Гумилев ощущает себя частью этого наступления, всего этого организма, этого действия, частью всей русской армии. Чтобы описать свои ощущения, он цитирует строки из стихотворения Тютчева «Цицерон»: «Действительно, по слову поэта, нас призвали всеблагие, как собеседников на пир, и мы были зрителями их высоких зрелищ».⁹

Однако в «Записках кавалериста» можно найти не только цитату из Тютчева, но и реминисценции Л. Н. Толстого. Гумилев, лежа на спине, часами любил смотреть на морозное небо, на звезды, пересчитывая их, соединяя воображаемыми нитями в какие-то геометрические узоры или эмблемы, то воображая себе фантастические картины: «Наконец, явственно вырисовывались небесные звери. Я видел как Большая Медведица, опустив морду, принимает к чьему-то следу, как Скорпион шевелит хвостом, ища кого ему ужалить».¹⁰ Данный отрывок можно сравнить с эпизодом из романа «Война и мир», когда князь Андрей Болконский получил ранение в битве при

¹ Блок. А. А. Письма. // Собрание сочинений. Т. 8. Москва-Ленинград. 1963. С. 471.

² Там же. С. 476.

³ Там же. С. 478.

⁴ Гумилев Н.С. Записки кавалериста // Полное собрание сочинений. Т. 6. М.: Воскресенье, 2005. С. 133.

⁵ Там же. С.117.

⁶ Там же. С.126.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 141.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 134.

Аустерлице и, лежа на поле боя, смотрел в бесконечное, «высокое небо, не ясное, но все-таки неизмеримо высокое, с тихо ползущими по нему серыми облаками».¹

Даже на основе этого краткого анализа можно увидеть, насколько противоречиво было отношение творческой интеллигенции к Первой мировой войне. Одни, как Гумилев, испытывали порыв патриотизма. Война воспринималась, как приключение, как «вторая Отечественная война», была чем-то «священным», требовавшим героизма. Другие же, как Блок, не могли найти других слов для описания войны, как хамство, пошлость, бездарность и т.д.. Эта часть интеллигенции воспринимала войну бессмысленным занятием, уносящим миллионы жизней, приносящем вред культуре. Несмотря на такие разительные оценки войны, всех их объединяет, на мой взгляд, любовь к России и беспокойство за будущее страны.

Е.А. Петрова

Саратов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1921-1923 ГОДАХ

Новую страницу в антицерковной политике большевиков против православной церкви открыли события 1921-1922 гг., связанные с голодом, охватившим страну, и изъятием церковных ценностей. Изъятие ценностей было использовано большевиками для раскола церкви и породило такое явление, как обновленческое движение. Вокруг этих двух важнейших событий в истории и страны, и отдельно взятых маленьких приходах вращалась тогда жизнь.

Особое место в истории взаимоотношений советской власти с Церковью занимает 1922 г. Именно на этот год приходится масштабная атака большевиков на Церковь. Церковь была единственным сохранившимся после Гражданской войны оппозиционным советскому режиму общенациональным институтом. Церковь и христианское вероучение в целом были принципиально несовместимы с большевистскими идеями и методами. Все, о чем говорилось в Церкви, противоречило идеям большевиков. Борьба большевиков против Церкви была неизбежна².

Для борьбы с Церковью был использован страшный голод осени 1921 - весны 1922 г. Голод был прямым последствием Гражданской войны и политики военного коммунизма. Он не был неожиданностью. Издаваемые для партийного руководства на местах «Известия ЦК РКП(б)» уже с лета 1921 г. предупреждали своих читателей о грозящем голоде. Он разразился во второй половине 1921 г. и охватил неурожайные районы Поволжья, Урала, Казахстана, и Украины, в которых голод затронул по разным оценкам от 15 до 31 млн. человек³. Пик голода пришелся на 1922 год. В том году общее население голодающих областей, включая 16 поволжских губерний, составляло около 32 миллионов. Из них голодало более 20 миллионов⁴.

В Саратове по спискам, составлявшимся на тот момент, можно сказать, что общее число голодавших составляло - 61%⁵. Голод набирал обороты все стремительнее. По сведениям Губернского исполнительного комитета составленным с октября по май, ситуация в Саратовской области вырисовывалась следующая: если в октябре 1921 г. голодающих было приблизительно 894 тысячи человек или 28 %, то в мае 1922 г. это количество увеличилось почти вдвое и составило больше 2-х млн. человек или 64 %⁶.

В феврале 1922 года издается декрет об изъятии церковных ценностей. По этому декрету, из церквей и монастырей предписывалось изымать все без исключения имущество, имевшее музейное значение. Вслед за этим церковь обязывают сдать все предметы из золота, серебра и драгоценных камней. Вся антицерковная кампания шла под лозунгом помощи голодающим.

¹ Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 1. // Полное собрание сочинений. Т. 9. М., 1997. С. 344.

² О позиции В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого можно судить на основании их писем и записок в Политбюро // Архивы Кремля: Политбюро и церковь. 1922-1925. Кн. 1, 2 / сост. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. Новосибирск-М.: Сибирский хронограф, РОССПЭН, 1997-1998. С. 133-136, 140-144, 159-160, 161-164.

³ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т.1. 1900-1939 гг. М., 2000. С. 130-131.

⁴ Там же.

⁵ Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. Р-403. Оп. 1. Д. 296. Л. 17.

⁶ Там же. Л. 15.

В Саратове изъятие церковных ценностей началось практически тотчас же, в феврале 1922 года¹.

Согласно секретному постановлению ЦК РКП(б), Саратовскому губернскому комитету предписывалось немедленно создать секретные комиссии по изъятию ценностей. В состав комиссии обязательно должен был входить заведующий агитационным отделом, либо другой представитель губернского комитета РКП(б), а также представитель политорганов местного военного гарнизона (комиссар дивизии, бригады, или начальник политотдела). Наряду с этим, были созданы официальные комиссии при комитетах помощи голодающим. На губернский комитет РКП(б) возлагалась полная ответственность и руководство всеми другими комиссиями по изъятию ценностей в губернии².

Кроме того, планировалось привести в боевую готовность войска, и даже мобилизовать отряды ЧОН³, на случай выступления населения. Акцию по изъятию церковных ценностей планировалось начинать с наиболее богатых городских церквей. При этом устанавливались жесткие сроки изъятия, за нарушение которых предусматривались различного рода наказания.

Изъятие ценностей начиналось с церквей, в которых властям удавалось найти лояльное по отношению к себе духовенство. Этим, самым лояльным духовенством, являлись обновленцы. Именно они активно привлекались к изъятию ценностей. Поэтому изъятие ценностей началось с храмов, которые находились под влиянием обновленцев. Поскольку таких набиралось немного, выбирали наиболее значимый храм. Так например, в Саратове таким храмом выступил главный кафедральный собор города Александро-Невский⁴.

Саратовские обновленцы усердно агитировали за изъятие церковных ценностей для нужд голодающих. К крестьянским бедным приходам старались подходить с гораздо большей осторожностью и только после тщательного изучения обстановки⁵.

Всей работе по изъятию церковных ценностей предшествовала тщательная подготовка и сбор информации о положении в той или иной местности, вплоть до конкретного храма. Причиной этого явились осложнения, имевшие место в Саратовской губернии, в начале проведения кампании. Видимо, такие осложнения имели место и в других губерниях, что нашло свое отражение в особых распоряжениях ЦК о приостановке и тщательной подготовке к проведению акций изъятия ценностей⁶.

Несмотря на голод, охвативший губернию, верующие выступали против изъятия «святынь» из храмов. Так, прихожане Александро-Невского Кафедрального собора в Саратове пытались сопротивляться изъятию ценностей, что нашло свое выражение в сокрытии ключа от ризницы. Верующие сопротивлялись достаточно упорно, в результате чего было принято решение не приглашать представителей верующих на заседания комиссии по изъятию ценностей⁷. В конечном итоге из храма изъяли все ценности, разрешив впоследствии выкупить четыре предмета церковной утвари⁸.

Не только верующие кафедрального собора сопротивлялись изъятию церковных ценностей. Например, коллектив верующих Иоанно-Предтеченской церкви нашел, что снятие серебряных риз с икон – это кощунство.

Собранием коллектива верующих Богородице-Владимирской церкви принята резолюция, в которой говорилось, что «серебряные вещи, имеющиеся в церкви, во-первых, не представляют собой больших ценностей, а во-вторых, по церковным правилам не подлежат обращению на иное употребление... Собрание постановляет: признать необходимым усиленное выступление коллективов на борьбу с голодом...»⁹.

Анализ документов показывает, что во многих местностях изъятие приостанавливалось из-за предложений со стороны верующих выкупить церковные ценности. А если такое не

¹ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 2. Д. 832. Л. 59.

² ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 832. Л. 70.

³ ЧОН (Части Особого Назначения) – военные отряды, создававшиеся только из членов РКП(б) для оказания помощи органам Советской власти в борьбе с контрреволюцией, несения караульной службы у особо важных объектов и др.

⁴ ГАСО. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁵ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 832. Л. 70.

⁶ Там же Л.51.

⁷ ГАСО. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-1об., 27.

⁸ ГАСО. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 1. Л. 59,65.

⁹ Кампания за отдачу церковного золота голодающим // Черная година. Саратов, 1922. № 1. С. 32-33.

представлялось возможным, то, хотя бы, заменить самые ценные предметы церковного богослужения неиспользовавшимися малоценными¹.

Кампания по изъятию церковных ценностей продолжалась в Саратовской губернии не более трех месяцев и завершилась в мае 1922 г.²

Согласно отчету представителя Саратовского губисполкома, результаты кампании по изъятию ценностей оказались следующими: в Саратове изъято 3 т. серебра (154 пуда 9 фунтов пять золотников 73 доли) и всего 30 грамм золота (7 золотников 25 долей)³. В городе Балашове было изъято 34 пуда серебра и 27 фунтов золота (т.е. 556,92 кг серебра и 11,07 кг золота). В селе Елань Ртищевского района Саратовской губернии – 7 пудов серебра (т.е. 114,66 кг)⁴. И это – данные только по трем населенным пунктам в Саратовской губернии.

Изъятие церковных ценностей расценивалось многими, и не только верующими, не меньшей бедой, чем голод. Эти события в значительной степени всколыхнули и без того беспокойную жизнь православных приходов города Саратова. Но было и еще одно событие потрясшее жизнь и самой церкви, и православных приходов своим масштабом и отрицательным влиянием на жизнь православных верующих людей – обновленческое движение, о котором было сказано ранее.

Обновленчество в Саратове появилось уже в феврале 1922 года. Ничего не дав положительного, «Живая церковь», как она именовалась, в то же время причинила весьма значительный вред.

Во-первых, объявив свое самочинное «Высшее Церковное Управление» (ВЦУ) единственным законным высшим управлением Русской Православной Церкви, «живоцерковники» всячески препятствовали деятельности канонического Патриаршего управления Церковью, непрерывно внося и поддерживая этим смуту и хаос в церковную жизнь.

Во-вторых, в результате клеветнических доносов «живоцерковников» и их провокаций почти все православные епископы и множество священников и мирян подверглись суровым репрессиям: лишению свободы, ссылке и высылке.

В-третьих, захватывая насильно православные храмы, не считаясь с ясно и твердо выраженным нежеланием верующих иметь церковное общение с ними, «живоцерковники» тем самым приводили эти храмы в состояние непосещаемых, пустующих и на этом основании сдавали их государству для закрытия.

Наконец, своими систематическими безнравственными действиями они укрепили предвзятое отрицательное отношение представителей советской власти к духовенству вообще⁵.

Стремясь, укрепится у власти, лидеры и последователи обновленческого движения, не гнушались никакими способами и приемами. Система подлогов и доносительства была обычной практикой в их деятельности. Так, в 1922 г., в разгар голода, обновленческий диакон (Иоанн Бирюлев), написал клеветнический донос на православного священника (Валентина Быстренен), обвиняя последнего в контрреволюционных действиях. Обновленческий «епископ» Николай обвинил в контрреволюционной деятельности настоятельницу женского монастыря города Саратова игумению Антонию⁶. Деятельность саратовских обновленцев сосредоточилась преимущественно вокруг социально-политических вопросов. Нет оснований полагать, что в Саратове было осуществлено сколько-нибудь значительное реформаторство богослужебной и обрядовой деятельности, а также форм и норм церковной жизни⁷.

Обновленцы, поддерживаемые органами власти, повсюду выступали ярыми сторонниками изъятия ценностей из храмов. Однако кроме пустых слов и заявлений по этому поводу, активных действий по оказанию помощи голодающим они не предпринимали, больше занимаясь борьбой за власть⁸.

Не получая должного распространения своих идей и встречая почти повсеместно сопротивление своим выдвиженцам, обновленцы не гнушались даже такими мелочными действиями, как вмешательство напрямую в жизнь простых верующих.

¹ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 832. Л. 69.

² ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 832. Л. 103.

³ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 26. Л. 91.

⁴ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 832. Л. 107, 108.

⁵ Саратовская епархия в 1917-1930 гг. Мемориальная записка А.А. Соловьева. С.91. // URL: <http://pstgu.ru/download/1294750610.pub.3.pdf>. Дата обращения 29.11.2014.

⁶ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 26. Л. 35.

⁷ См. например: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 26. Л. 24.

⁸ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 26. Л. 38-39.

Верующие не признавали «ВЦУ»¹. Все считали «живоцерковников» врагами Церкви и предателями, а потому всячески боролись с ними и полностью поддерживали духовенство, которое вело борьбу с обновленцами»².

Верующие всеми силами отстаивали свои храмы, захваченные обновленцами. Они писали жалобы и в органы местной власти и во ВЦИК и Наркомюст о своем нежелании признавать обновленцев. Об этом свидетельствуют собрания коллективов верующих, на которых они решали отстранить обновленческих священников и вернуть своих законных архипастырей³.

В Саратовский губисполком из Наркомюста поступило уведомление в котором говорилось что «в 5-ый Отдел Наркомюста поступила жалоба от верующих Александро-Невского собора, Крестово-Успенской, Сергиевской, Владимирской, Никольской и Киновийской на то, что местная власть препятствует им в свободном отправлении культа, удаляя целый ряд священнослужителей и, якобы, Губисполком принуждает группы верующих отказаться от договора в пользу ВЦУ»⁴. То есть, несмотря на голод и все неурядицы жизни, верующие люди боролись за свою веру и свои принципы. В таких тяжелейших условиях именно вера могла спасти и дать силу пережить все тяготы жизни. Бедствия, которые терпели верующие, толкали их на объединение и яростное сопротивление в попытке отстоять свои храмы и своих священников. Не всегда, но все-таки незначительный успех был присущ их объединенным действиям. Об этом свидетельствуют собрания коллективов верующих, на которых они решали отстранить обновленческих священников и вернуть своих законных архипастырей. Так на собрании верующих Никольского храма женского монастыря было постановлено просить Павла Соколова вновь занять место и начать совершать богослужения и исполнять требы⁵.

В верхах понимали сложившуюся обстановку. В стране голод, полным ходом идет изъятие церковных ценностей, а тут еще и верующие активно сопротивляются «реформам церкви». Во избежания эксцессов и еще больших выступлений масс верующих Наркомюст старается придать своей политике хоть некоторый вид законности и лояльности по отношению и к верующим и самим служителям церкви. Далее следует инструкция Губотделу: «Отдел разъясняет; что договоры с определенными лицами, подписавшимися под договором о пользовании - могут быть по отношению, к этим лицам аннулированы Исполкомом, в случае, если будут обнаружены злоупотребления или какие-нибудь контрреволюционные действия в порядке установленном инструкцией Н.К.Ю. № 62 1918 г.

Верующие вполне свободны в выборе того или иного служителя культа последние же только в случае констатирования их контрреволюционной деятельности подлежат уголовной репрессии на общих основаниях. 5-ый Отдел Н.К.Ю. просит срочно сообщить все обстоятельства данного дела и действительно ли целому ряду священнослужителей было запрещено отправление культа, и по какой причине»⁶.

Получив такое определение свыше, Саратовский Губисполком не мог не отчитаться за свои действия. В ответном послании саратовский Губототуправ сообщает, что никаких препятствий к отправлению культа по отношению к верующим не производится. А случаи отказа от договоров в пользу ВЦУ и запрещения некоторым священникам служить, были лишь для того, чтобы поддержать спокойствие и тишину региона. И самое большое, что было применено по отношению к провинившимся священникам, это подписка о прекращении всякой деятельности⁷.

Таким образом, в начале 1920-х прихожанам саратовских приходов РПЦ пришлось выдержать агрессивный натиск государства и его приспешников - обновленцев, пытавшихся разрушить их устоявшиеся каноны приходской жизни. Прихожане пытались сопротивляться, однако в целом вынуждены были подчиниться грубой силе.

В 1922 году было издано новое постановление правительства⁸, вводившее в обязательную регистрацию всех, без исключения, религиозных обществ в местных органах НКВД. Иными словами - право разрешать и запрещать существование подобных обществ перешло в

¹ ВЦУ - Высшее Церковное Управление, официальное название обновленческого движения, призванного расколоть Православную церковь изнутри. Неофициально пользовалось поддержкой советского руководства.

² Саратовская епархия в 1917-1930 гг. Мемориальная записка А. А. Соловьева... С. 96.

³ ГАСО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 975. Л. 18.

⁴ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 26. Л. 68.

⁵ ГАСО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 975. Л. 18.

⁶ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 26. Л. 68.

⁷ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 26. Л. 67.

⁸ ГАСО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 975. Л. 58.

компетенцию силовых структур. Это новое законодательство, в дальнейшем, изменило жизнь приходов и стало началом нового наступления атеистического государства на церковь.

Ж.В. Яковлева
Саратов

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КАМПАНИИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ И ИХ СОДЕРЖАНИЕ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ)

Октябрьский переворот 1917 г. круто изменил судьбу всех конфессий, судьбу народа и всей России в целом. В центре конфликта между большевиками и любой религией находилась несовместимость двух мировоззрений – марксистского и религиозного. В первое десятилетие после Октября 1917 г. происходит ломка традиционного религиозного уклада жизни, начинается коренное переустройство всех сторон жизни российского общества. Политика власти по отношению к различным конфессиям на начальном этапе становления советского государства была не равнозначна, однако, можно выделить ключевые моменты, которые кардинально меняли жизнь приверженцев широко распространенных в Саратовском Поволжье конфессий: православия, католицизма, лютеранства, ислама и иудаизма, а с конца 1920-х гг. и любого другого вероисповедания.

Религиозная жизнь в Саратовском Поволжье всегда была очень насыщена и разнообразна¹.

В первые же месяцы после прихода к власти большевиков были изданы нормативно-правовые акты советского правительства, серьезнейшим образом менявшие отношения государства и церкви, положение церкви и священнослужителей в государстве и обществе. Они положили начало первому этапу антирелигиозной кампании в стране.

Декрет Совнаркома «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, от 23 января 1918 г., был составлен специальной комиссией при СНК и отредактирован В.И. Лениным. Он устанавливал светский характер государственной власти, провозглашал свободу совести и вероисповедания, лишал религиозные организации каких-либо прав собственности и прав юридического лица².

Другой, менее известный декрет – «О свободе совести и церковных и религиозных обществах»³ – стал официальным актом, положившим начало юридическому разрыву многовекового союза Церкви и Российского государства. Позднее положения этого документа легли в основу правовых актов, легализовавших гонения на религию, а также в Конституцию СССР и Конституции союзных республик.

Декреты были негативно восприняты представителями всех конфессий. Однако они реализовывались медленно как в целом по стране, так и в Саратовской губернии. Причинами тому были гражданская война, затронувшая Саратовское Поволжье, территориальное переустройство губернии, отсутствие подготовленных управленческих кадров на местах и др.⁴ Главная же причина состояла в том, что реализовать декреты, коренным образом менявшие положение Церкви и верующих, а также религиозный уклад жизни в короткий срок было невозможно, на это, как показала практика, потребовалось не одно десятилетие.

В Конституции РСФСР, принятой 10 июля 1918 г., религиозная пропаганда, наравне с антирелигиозной, являлась правом любого гражданина (Раздел II. Гл. 5. Ст. 13)⁵. Однако в одной из статей IV раздела, избирательного права, в число тех, кто не может избирать и быть избранным, были включены «монахи и духовные служители церквей и религиозных культов». Таким образом,

¹ Подробнее об этом см.: Яковлева Ж.В. Религиозная жизнь в Саратовском Поволжье в 1930-е гг. // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. Т. 14. Выпуск 3. Саратов, 2015. С. 95-100.

² Декрет СНК РСФСР об отделении церкви от государства и школы от церкви // Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917 – 1958 гг.). М.: Изд-во Моск.ун-та, 1966. С. 68.

³ См.: Декреты Советской власти. Т.1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 373-374.

⁴ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 105. Л. 1, 10.

⁵ Конституция РСФСР 1918 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL:http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_314.htm (дата обращения: 17.05.2016).

священнослужители были ограничены в своих правах наравне с буржуазными элементами, душевнобольными, преступниками¹.

Так, на общегосударственном уровне закреплялась дискриминация священнослужителей. Конституция СССР 1924 г. и Конституция РСФСР 1925 г. эту дискриминацию сохранили.

Следующий этап антицерковной политики ознаменовался кампанией по изъятию церковных ценностей, которая проводилась в России в 1920-е годы. Поводом для нее стал голод 1921-1922 гг., охвативший страну. В феврале 1922 года издается декрет об изъятии церковных ценностей. По этому декрету, из церквей и монастырей (касалось всех конфессий) предписывалось изымать все без исключения имущество, имевшее музейное значение. Вслед за этим церковь обязывают сдать все предметы из золота, серебра и драгоценных камней. Вся антицерковная кампания шла под лозунгом помощи голодающим.

В Саратове изъятие церковных ценностей началось практически тотчас же, в феврале 1922 года². Кампания по изъятию церковных ценностей в Саратовской губернии продолжалась не более трех месяцев, завершившись в мае 1922 г. Она сопровождалась политикой дискредитации и раскола церкви³.

После гражданской войны в условиях нэпа, антирелигиозная кампания вновь видоизменилась. Она заметно ослабла, приобрела во многом формальный характер, ее проводили в основном общественные организации, проводили вяло, примитивно. Поэтому особого эффекта она не имела. Этот период называется «религиозным нэпом», в этот отрезок времени реставрировались пострадавшие церкви и возводились новые⁴. Так, например с 1926 г. по 1929 г. было выстроено 3 новые православные церкви и 2 мечети (в Аткарском, Сердобском, Вольском уездах)⁵.

Религиозный нэп завершился в 1929 году. Готовившееся «развернутое наступление социализма по всему фронту» требовало и новой атаки на церковь. Советское руководство пошло на ряд законодательных мероприятий, в том числе на издание Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.⁶, благодаря которому изживать религию стало намного проще⁷.

Постановление ознаменовало новый этап, характеризовавшийся беспрецедентным наступлением на церковь.

Исследованные документы говорят о том, что православные храмы, мечети, католические соборы, лютеранские церкви, синагоги, молитвенные дома баптистов, меннонитов и других деноминаций закрывались вместе, часто едиными списками. В 1930-е годы власть уже не делала нюансов в своей антирелигиозной политике по отношению к каким-либо конфессиям⁸.

Осенью 1929 г. Президиум ВЦИК запретил колокольный звон. Антикколокольная кампания 1929 - 1930 гг. сопровождалась снятием и отправлением на переплавку колоколов. Например, в Саратове Президиум городского совета 2 декабря 1930 г. постановил в связи с запрещением в городе колокольного звона снять все колокола со всех действующих церквей г. Саратова⁹.

¹ Конституция РСФСР 1918 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL://http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_314.htm (дата обращения: 17.05.2016).

² Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 2. Д. 832. Л. 59.

³ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 832. Л. 103.

⁴ Курляндский И. А. Сталин, власть, религия. М.: Кучково поле, 2011. С. 226.

⁵ ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93 об.

⁶ О религиозных объединениях: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL://http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=1787 (дата обращения 07.01.2016).

⁷ Подробнее об этом см.: Лиценбергер О.А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение. Саратов: ПАГС, 2001. С. 256 – 258; Батченко В.С. Крестьянское сопротивление государственной антицерковной политике в 1929 – 1931 гг. (на материалах Западной области): дисс. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2015.- 260 с; Яковлева Ж.В. Постановление о религиозных объединениях 1929 г. и его реализация в Саратовском Поволжье // Современные тенденции развития науки и технологий. Периодический научный сборник по материалам XII Международной научно-практической конференции. Белгород: Изд-во ООО «Эпицентр», 2016. С. 43-48 и др.

⁸ ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 151. Л. 425.

⁹ ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1А. Л. 64.

В том же 1929 г. на II съезде Союза воинствующих безбожников, состоявшемся в июне 1929 г., было решено «добиться окончательного перелома в отношении религии, которая препятствует строительству социализма»¹.

Антирелигиозная кампания первой половины 1930-х гг. в регионе характеризовалась массовым изъятием храмов у верующих, значительная их часть просто разрушалась (шла «на стройматериалы»)².

Характерной особенностью рассматриваемого периода была особо жесткая борьба власти с западнохристианскими конфессиями и их фактическое уничтожение на территории региона (католическая и лютеранская церкви, меннонитская деноминация и др.) «Борьба на уничтожение» стала следствием активного сопротивления поволжских немцев коллективизации и закрытию церквей. Очень часто сопротивление принимало формы массовых открытых выступлений (лютеране г. Маркштадта, свыше 30 немецких католических сел «нагорной» стороны) и даже восстаний (с. Мариенфельд, Моргентау и др.), в ходе которых нередко изгонялись партийные и советские работники, устанавливалась собственная сельская власть³.

Уничтожение церквей происходило следующим образом.

Католическая церковь. Единственный католический священник Саратова А. Баумтрог в 1930 г. был арестован и приговорён к 10 годам лагерей, умер на Соловках. В 1935 г. закрывается кафедральный католический собор св. Климента в Саратове – центр Тираспольской католической епархии. Апостольский администратор южной части Тираспольской епархии А. И. Фризон, тайно рукоположенный папским посланником Мишелем д'Эрбиньи, был арестован в 1935 г. и расстрелян двумя годами позже, после чего Тираспольская епархия де-факто прекратила своё существование⁴.

Лютеранская церковь в Поволжье была ликвидирована в 1938 г.: было закрыто девять последних лютеранских церквей. Еще до этого, в 1937 г. были арестованы два последних пастора в стране⁵.

Меннонитская община, была немногочисленной, компактно проживавшей в 9 селах АССР немцев Поволжья (Лизандергейский кантон). Ее разрушение началось в ходе самой коллективизации, поскольку лишение собственности меннонитов уже было несовместимо с их религиозными принципами. В ходе раскулачивания в отдаленные районы СССР и за пределы места (Европейский Север, Урал, Сибирь, Казахстан и др.) была выслана свыше четверти меннонитских семей, еще значительная часть семей была выселена из меннонитских сел в «кулацкие поселки» в пределах Немреспублики. Таким образом, меннониты были рассеяны и существовать как единая общность уже не могли⁶.

Подготовка и принятие новой Конституции СССР (1936 г.) знаменовали собой наступление очередного этапа антирелигиозной кампании.

Провозгласив создание основ социализма в СССР и равенство всех слоев населения, Конституция, в то же время, увеличила разрыв в правах между верующими и атеистами: в ст. 124 провозглашалось: «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами», то есть право исповедания религии (которое

¹ Лиценбергер О.А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение. Саратов: ПАГС, 2001. С. 259.

² Подробнее об этом см.: Яковлева Ж.В. Постановление о религиозных объединениях 1929 г. и его реализация в Саратовском Поволжье//Современные тенденции развития науки и технологий. Периодический научный сборник по материалам XII Международной научно-практической конференции. Белгород: Изд-во ООО «Эпицентр», 2016. С. 43-48; Яковлева Ж.В. Из истории закрытия церквей и молитвенных домов в 1930-е гг. (на примере Саратовского Поволжья)// Новый век: человек, общество, история глазами молодых: 58 международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Саратов, 24-26 апреля 2015 года. Саратов: Изд-во Сар. гос. ун-та, 2015. С. 174-181 и др.; ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 151. Л. 335; ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42. Л. 51, 52 и др.

³ Подробнее об этом см.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918 – 1941. Саратов: Изд-во Сарат. Ун-та, 1994. С. 103; Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М.: Готика. 2000. С 71.

⁴ Лиценбергер О. А. Римско-католическая церковь в России. История и правовое положение. Саратов: Поволжская Академия государственной службы, 2001. С. 277, 295.

⁵ Лиценбергер О. А.Евангелическо-лютеранская церковь и Советское государство (1917 – 1938). М.: Готика. 1999. С 278; Курило О. Лютеране в России. XVI – XX вв. М., 2002. С. 305 – 346.

⁶ Подробнее см.: Евсеев Н.О. Меннониты в Саратовском Заволжье (1854 – 1941 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2016. С. 239.

включает свидетельство о своей вере) было заменено на право совершения религиозных обрядов¹.

Конституция стала своеобразным толчком к активизации религиозных чувств верующих. Начало расширяться движение за открытие церквей, их ремонт и реставрацию. Требования исходили от церковных советов, которые существовали при бездействующих молитвенных зданиях. Повсюду происходил сбор средств на реставрацию храмов. Например, по данным 1937 г. на ремонт Духосошестввенской церкви Саратова верующими было собрано 207 тыс. руб., Казанской церкви – 49 тыс. руб., синагоги – 10 тыс. руб.².

По данным Областного Союза воинствующих безбожников в 1937-38 гг. в Саратове и области на ремонт и оборудование церквей было затрачено верующими 250 тыс. рублей³. Конкретнее об этом см. таблицу 1.

Таблица 1

Некоторые конкретные данные о затратах на реставрацию церквей в Саратове и Саратовской области (1937 – 1938 гг. по данным Союза воинствующих безбожников Саратовской области)⁴

Город, район	Наименование церкви	Сумма, затраченная на реставрацию конкретной церкви, молитв. дома, руб.
Саратов (Соколова гора)	Кафедральный собор Сошествия Святого Духа (обновленческий)	170 тыс.
Саратов	Единоверческий молитвенный дом	10 тыс.
Саратов	Синагога	16 тыс.
Балашов	Православная церковь	25 тыс.
Хвалынский	Кладбищенская церковь	10 тыс.
Сердобский район	Кладбищенская церковь	6 тыс.
Пугачевский район	Православная церковь	6 тыс.

Такое возрождение религиозных чувств никак не вписывалось в планы организаторов строительства социализма в СССР. В условиях «победившего социализма» церкви и религии места не могло быть. Поэтому был нанесен очередной удар по организаторам попытки церковного ренессанса: еще не репрессированным священнослужителям и церковным активистам. В этом периоде главными жертвами нового удара стали Русская православная церковь, другие православные деноминации, ислам, иудаизм. Добивались, также, и остатки ранее уничтоженных церквей.

5 марта 1937 г. завершил работу февральско-мартовский пленум ЦК ВКП (б). На нем, в преддверии первых в стране всеобщих выборов (в Верховный Совет СССР), был санкционирован массовый террор против реальных и потенциальных политических противников советской власти, в том числе, «церковников». Активность верующих в период обсуждения Конституции напугала руководителей страны. Власти всерьез стали опасаться Церкви, как хорошо организованной антикоммунистической силы в стране⁵.

В одной из докладных записок Союза воинствующих безбожников о проверке районов: Аркадакского, Ртищевского, Бековского, Тамалинского говорится о том, что «церковники спекулируют 136-м пунктом Конституции, распространяя слухи, что церкви все откроют, а сосланные попы вернуться в свои церкви»⁶.

Г. Маленков писал Сталину о существующих в стране религиозных объединениях как о «широко разветвленной враждебной советской власти легальной организации в 600 тысяч человек по всему СССР»⁷.

¹ Конституция (Основной Закон) СССР. М.: Политиздат, 1974. С. 47.

² ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1131. Л. 6-9.

³ ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42. Л. 36.

⁴ Таблица составлена автором по архивным данным. См.: ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42. Л. 34 – 37.

⁵ Губкин Олег. Русская Православная Церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL:// http://sir35.narod.ru/Orthodoxy/Ch_606.htm (дата обращения: 17.05.2016).

⁶ ГАНИСО. Ф.6160. Оп.1. Д.6. Л.8

⁷ Цит. по: Прот. В. Цыпин. История Русской Церкви, 1917-1997. М., 1997. С.248

Многие исследователи отмечают, что самая большая волна антицерковных репрессий пришлась на 1936-1938 гг. с максимальным подъемом в 1937 г. Интересно, что в это же время параллельно проводились аресты и расстрелы многих «старых большевиков». Они, как и церковь, своими взглядами не вписывались в сталинский социализм¹.

В период «Большого террора» 1936-1938 гг. в Саратовском Поволжье было закрыто еще большее количество храмов, чем раньше, репрессированы сотни священнослужителей всех культов. Основной удар пришелся по православию², но он захватил и все остальные конфессии.

Так, в 1937 г. были репрессированы руководители Саратовской мусульманской общины Якуб Давыдов и Абдурахман Ляпин, а в декабре 1938 г. была закрыта Саратовская мечеть на Татарской улице³.

29 ноября 1937 г. был арестован Саратовский раввин Богатин Иосиф Яковлевич. При обыске была изъята и позднее уничтожена большая часть его трудов. 4 декабря 1937 г. Его приговорили к высшей мере наказания по ст. 58-10 Уголовного кодекса РСФСР. 5 декабря 1937 г он был расстрелян по постановлению Тройки при Управлении НКВД по Саратовской области⁴.

Всего до революции на территории Саратовского края (без АССР немцев Поволжья) действовало 1056 культовых сооружений, за 20 лет «кампании по закрытию и сносу церквей» было закрыто и уничтожено 761 здание⁵. К концу 1937 г. на этой же территории осталось 295 церквей всех вероисповеданий, из которых функционировало лишь около 60 церквей⁶. За то же время в Республике немцев Поволжья было закрыто около 200 церквей⁷. Таким образом на территории современной Саратовской области было закрыто почти 1200 храмов и других культовых учреждений различных конфессий, значительная часть из них была разрушена. В Саратове за эти годы было закрыты и разрушены свыше 80 монастырей, храмов, часовен, молельных домов и других культовых учреждений.

Однако, этим дело не закончилось. Если верить отчету областного Совета Союза воинствующих безбожников, то на 27 февраля 1939 г. в г. Саратове и Саратовской области осталось только 16 действующих церквей и молитвенных домов всех вероисповеданий⁸.

И все же в последующие годы, после разгрома церквей, удар на верующих вновь стал слабее. Власть считала, что ей удалось уничтожить религию и разгромить все конфессии и деноминации. Однако это было не так. Религиозная жизнь повсюду сохранялась, однако приняла полулегальный и нелегальный характер, о чем свидетельствуют многие факты, в том числе и продолжавшиеся аресты священнослужителей и церковных активистов⁹.

Если в 1920-е гг. государственная политика в отношении разных конфессий и имела какие-то незначительные различия, то в 1930-е гг., в условиях «развернутого наступления социализма по всему фронту» с его индустриализацией, коллективизацией и «культурной революцией» государство вело себя в отношении всех религиозных конфессий одинаково: его агрессивно напористая и репрессивная политика была призвана навсегда покончить с религией и сформировать человека нового социалистического общества, вдохновляющегося не религиозными постулатами, а возвышенными идеями коммунизма – счастья не на небе, а на земле.

¹ См., например: Дамаскин (Орловский), иг. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним: В 7 кн. Тверь, 1992-2003; За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917-1956: Биографический справочник. Кн.1. А-К. / Под ред. прот. В.Воробьева. М., 1997.; Лиценбергер О. А. Римско-католическая церковь в России. История и правовое положение. Саратов: Поволжская Академия государственной службы, 2001. 382 с.; Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917-1953 гг. М.: РОССПЭН, 2014. 424 с. и др.

² См.: Гонения на Русскую православную церковь в Саратовском крае. Саратов: Изд-во Саратовской Митрополии, 2012.

³ Семенов В. В. Ислам в Саратовской области. М.: Изд-во «Логос», 2007. С. 13-14.

⁴ Хасидус по-русски [Электронный ресурс] Режим доступа: URL://http://chassidus.ru/history_of_chassidism/osipova/zecher_olam/bogatin_iosif.htm (дата обращения 07.01.2016)

⁵ ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 27. Л. 1-2.

⁶ ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42. Л. 34.

⁷ Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918 - 1941. М.: МСНК-пресс, 2007. С. 362.

⁸ ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42. Л. 38

⁹ Подробнее см.: Яковлева Ж.В. Религиозная жизнь в Саратовском Поволжье в 1930-е гг.//Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т. 14. Выпуск 3. Саратов, 2015. С. 95-100; ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42. Л. 34 - 37; Д.54. Л.13, 25 и др.

Итогом антирелигиозной кампании в Саратовском Поволжье, как и по всей стране, стали подорванный религиозный уклад жизни и сотни разрушенных храмов всех вероисповеданий, сотни жертв репрессий, а самое главное - подмена нравственных идеалов значительной части общества с религиозных на коммунистические. Правда, в формировании новых идеалов наряду с разгромом церкви свою роль сыграли еще и массивная коммунистическая пропаганда, и реальные достижения «социалистического строительства».

А.А. Вилков
Саратов

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СССР В ПЕРИОД «ПЕРЕСТРОЙКИ»

Процессы периода «перестройки» до сих пор привлекают внимание отечественных и зарубежных исследователей и вызывают оживленные дискуссии по важнейшим вопросам этого периода. Ключевым из них является поиск ответа на вопрос о том, как могло получиться, что могущественная держава, выдержавшая натиск фашистской Германии, объединившей ресурсы большинства европейских стран, успешно противостоявшая в многолетней холодной войне США и их союзникам, в результате нескольких лет «перестраивания» прекратила свое существование и распалась на суверенные (нередко конфликтующие между собой) государственные образования?

Мнения по этому поводу существуют самые противоположные: от утверждений, что СССР рухнул под тяжестью накопившихся внутренних проблем, которые не могли быть решены в рамках существовавшей социалистической системы и до конспирологических теорий, авторы которых обосновывают версию прямого предательства М.С. Горбачева как агента империализма, решившего разрушить изнутри существовавший строй.

В рамках первого подхода наиболее известна аргументация Е.Т. Гайдара, который использовал ее в качестве апологетики того радикального либерального курса политических и социально-экономических преобразований, которое правительство проводило под его руководством в начале 1990-х. По его мнению, после смерти Сталина завершилось «восхождение на пик коммунизма» и начался «спуск с этих страшных вершин»: «государственно-монополистическая экономика (империализм) с элементами полускрытого рынка и теневой частной собственности (1953-1985) — государственно-капиталистическая экономика, сперва в форме "лжегосударственной", с постепенным переходом к открытой частной собственности и легитимизации бюрократического рынка (1985-1991)»¹. Главный вывод, который делает Гайдар о причинах разрушения СССР: «государство самоедское разрушает общество, подминая его под себя, разрушаясь в конечном счете и само»².

Аргументация Е. Гайдара о принципиальной неререформируемости советской системы опровергается, прежде всего, тремя десятилетиями успешных преобразований в КНР, которые начались с гораздо худших стартовых позиций, чем это было у СССР в начале «перестройки». Среди западных исследователей, подробно рассмотревших процессы разложения СССР в данный период, особый интерес представляет монография американских профессоров Роджера Кирана и Томаса Кенни³, которые аргументировано доказывают, что серьезных социально-экономических предпосылок для катастрофического развития событий в развитии СССР в этот период не было.

Как представляется, особую роль в разрушительных процессах сыграл идеологический фактор. Обусловлено это тем, что именно идеология была конституирующим началом, которое определяло политическую, экономическую и социальную основу советского строя. Данная идеология была сложно структурирована и включала несколько взаимосвязанных наиболее важных базовых элементов:

мировоззренческое и ценностное ядро, основанное на классовом подходе и материалистическом понимании истории и социального прогресса;

¹ Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. Дни поражений и побед. Сочинения в двух томах. Т. 1. М. Изд-во «Евразия». 1997. С. 166.

² Там же.

³ Киран Р. Продавшие социализм: Теневая экономика в СССР / Роджер Киран, Томас Кенни. - М.: Алгоритм, 2010. - 304с.

«научный социализм», как теоретическую основу строительства нового общества, формально опирающуюся на идеи К.Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина (на практике многие их теоретические постулаты использовались избирательно и ситуативно, для обоснования текущих задач момента);

четко сформулированное отношение к российской истории до 1917 года (в котором доминировали негативные характеристики монархического и крепостнического прошлого, как обоснование неизбежности и объективности социалистической революции в России);

героизированную историю Великой октябрьской социалистической революции, гражданской войны, масштабных социалистических переломов, Великой Отечественной войны, послевоенных пятилеток и т.д.;

обоснование прогрессивности борьбы за социализм во всем мире и неизбежности расширения социалистической системы;

коммунистический образ «счастливого будущего для всего человечества», основанный на общественной собственности на средства производства, отсутствии эксплуататорских классов и создании условий для гармонического развития каждого члена общества;

конкретные этапы строительства этого общества и соответствующих задач на каждом этапе, оформленные в виде планов социально-экономического развития (долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных);

обоснование роли КПСС, как авангарда строителей коммунизма и институционального ядра политической системы СССР.

Рассмотрим тезисно, как изменилось содержание и функциональность некоторых из этих элементов в результате демократических преобразований 1985-1991 гг. и процессов «гласности».

С чего началась «перестройка»? С приходом в марте 1985 года нового генерального секретаря КПСС в июне того же года официально было признано замедление темпов социально-экономического развития СССР и обоснована необходимость их ускорения¹. Ни один из выделенных выше базовых элементов коммунистической идеологии в этот период не был подвергнут сомнению.

Через 25 лет после начала «перестройки» в своем интервью газете «Нью-Йорк Таймс» М.С. Горбачев аргументировал ее тем, что «наш народ и руководство страны понимали, что жить как прежде мы не можем. Советская система, созданная на принципах социализма ценой огромных усилий и жертв, превратила нашу страну в крупную державу с мощной промышленной базой. Советский Союз был силен в критических ситуациях, но при более нормальных обстоятельствах наша система обрекала нас на неполноценность. ... Было совершенно ясно то, от чего нам необходимо отказаться: от жесткой и косной идеологической, политической и экономической системы; от конфронтации со значительной частью остального мира; а также от необузданной гонки вооружений»².

Однако анализ официальных документов того периода и СМИ доказывает, что никакого отказа от существовавшей политической и социально-экономической системы публично не предполагалось.

По мнению В. Пастухова, советская система была оптимальна для решения мобилизационных задач. «Поэтому главные усилия были направлены на постановку задач. Шло переосмысление того, что есть «хорошо», а что есть «плохо». Как бы само собой разумелось, что уж если поставлены «правильные» цели, то их достижение есть дело административной техники. Заодно нужно было преодолеть расхлябанность, подтянуть дисциплину, короче – мобилизовать все наличные ресурсы; в общем, доказать, что система еще способна на подвиги даже в мирное время. В этом была суть концепции «ускорения»³. С этим нельзя не согласиться, не забывая о том, что это была стратегия «ускорения» социалистической системы. Но вот аргументация насчет мобилизации всех наличных ресурсов, имеющихся у инициатора ускорения и «перестройки», возникает серьезное сомнение.

Для этого достаточно проанализировать материалы XXVII съезда КПСС, на котором в политическом докладе Генерального секретаря ЦК КПСС эта стратегия получила публичное концептуальное завершение и институциональную партийную легитимацию (сам курс на «ускорение» был заявлен еще на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС. Обосновывая

¹ Горбачев М.С. Коренной вопрос экономической политики партии/Доклад на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса 11 июня 1985 года. М.: ИПЛ, 1985.

² Утраченная перестройка. Михаил Горбачев для "Нью-Йорк Таймс" // URL Режим доступа: <http://ubop.info/zarubezhe/utrachennaya-perestroika.html> (Дата обращения 23.05. 2016)

³ Пастухов В. «BACK IN THE USSR» // URL Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2010/03/24/reformacion.html> (Дата обращения 27.03. 2010)

необходимость придать «динамизм и ускорение» социально-экономическому развитию страны, М.С. Горбачев исходил из констатации застойных явлений в жизни советского общества, обусловленных не только объективными обстоятельствами, но и субъективными факторами: «Проблемы в развитии страны нарастали быстрее, чем решались. Инертность, застылость форм и методов управления, снижение динамизма в работе, нарастание бюрократизма – все это наносило немалый ущерб делу. В жизни общества начали проступать застойные явления»¹. Тем не менее, значительная часть выступления Генсека была посвящена традиционным для таких докладов на партийных съездах разоблачениям ключевых противоречий эксплуататорского капиталистического мира и прославлению достижений «международного коммунистического и рабочего движения» в борьбе против империализма. Никаких сомнений в приверженности лидера партии противостоянию двух систем и формаций в мире у делегатов съезда и всех советских граждан возникнуть не могло.

Формально стратегический курс на «ускорение» затрагивал, прежде всего, темпы экономического роста СССР. Однако в самом начале его обоснования М.С. Горбачев сделал важную оговорку о гораздо более широком его понимании: «Стратегия ускорения предполагает совершенствование общественных отношений, обновление форм и методов работы политических и идеологических институтов, углубление социалистической демократии, решительное преодоление инерции, застойности и консерватизма – всего, что сдерживает общественный прогресс»². Фактически именно здесь в концентрированном виде представлены основные направления, которые составят концептуальную основу «перестройки» и коснутся, в том числе, и идеологической основы советского строя.

Публично признавая, что большинство намеченных на предыдущем съезде показателей промышленного и сельскохозяйственного производства не были выполнены, Генеральный секретарь призвал извлечь из этого важнейшие уроки: «правды», мобилизации партийных ресурсов для вовлечения всех советских граждан в процессы ускорения. Среди основных направлений экономической политики была выделена, прежде всего, необходимость интенсификации производства. Ей должны были подчинены инструментальные направления по реконструкции народного хозяйства на основе научно-технического прогресса (изменение структурной и инвестиционной политики; приоритетное развитие наукоемких отраслей; развитие машиностроения и «приток техники нового поколения»; «электронизация и комплексная автоматизация производства»; сокращение инвестиционных циклов; повышение роли науки в производстве; и др.). Отдельно была выделена задача решения Продовольственной программы, которая была подготовлена и принята в 1982 под непосредственным руководством М.С. Горбачева, отвечавшего тогда в Политбюро за развитие сельского хозяйства страны.

Важнейшее место в докладе было отведено направлениям совершенствования управления экономикой. В ряду традиционных задач по повышению действенности «централизованного руководства экономикой», по усилению роли центра «в реализации основных целей экономической стратегии партии, определении темпов и пропорций развития народного хозяйства, его сбалансированности», выдвигалась также задача по преодолению практики «вмешательства центра в оперативную деятельность нижестоящих хозяйственных звеньев». Предлагалось существенно «раздвинуть границы самостоятельности объединений и предприятий, поднять их ответственность за достижение наивысших конечных результатов. Для этого перевести их на подлинный хозрасчет, самокупаемость и самофинансирование, поставить уровень доходов коллективов в прямую зависимость от эффективности работы»³. Особенно новаторским в этом ряду стало предложение по демократизации управления за счет повышения роли трудовых коллективов, которое затем будет иметь самые противоречивые последствия в экономических преобразованиях. Ключевое значение (по совокупности всех предложений) имела установка на борьбу против вала и валовых показателей, как одной из ключевых причин экстенсивного развития экономики СССР.

Все выделенные (и многие другие положения доклада) вызвали однозначную положительную оценку делегатов, а затем и советского общества, т.к. выглядели вполне обоснованными и логически взаимосвязанными. Однако, если проанализировать содержание доклада на съезде Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова «Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года» и содержание самих

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат. 1986. С. 4.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 33.

направлений, то можно увидеть, что они были составлены в основном на базе традиционных для советской экономики принципах. Несмотря на то, что в докладе Н.И. Рыжкова присутствовал раздел об «ускорении» и обозначены задачи интенсификации производства», обеспечить ее предполагалось «увеличение темпов прироста производственных капитальных вложений в двенадцатой пятилетке до 25 процентов против 16 процентов в прошлой. Естественно, это влечет за собой некоторое изменение пропорций в распределении национального дохода – повышение в нем доли фонда накопления. Такой маневр необходим для достижения как текущих, так и стратегических целей»¹.

В докладе Н.И. Рыжкова предложения о путях интенсификации экономики повторяли тезисы политического доклада и были нацелены, прежде всего, на мобилизацию субъективных факторов (совершенствование управления, повышение уровня сознательности и ответственности работников всех уровней), а также на увеличение капиталовложений в наукоемкие отрасли. Повышение производительности труда предполагалось, прежде всего, за счет ресурсосбережения, повышения качества продукции и работ. По сути, это было продолжением экстенсивной стратегии социально-экономического развития, т.к. в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года» не предполагалось существенного перераспределения ресурсов, например, за счет сокращения нерентабельных предприятий и высвобождения рабочих рук, для их концентрации на высокотехнологичных отраслях.

Тем самым закладывался диссонанс между политическими установками, которыми должны были руководствоваться рядовые члены КПСС на всех уровнях и теми реалиями, которыми руководствовались управленцы всех уровней (также как и рабочие) на предприятиях, по-прежнему ориентированные на выполнение плановых (ежемесячных, ежеквартальных, годовых и пятилетних) и, прежде всего, валовых показателей. Можно предположить, что документ «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года» готовился задолго до съезда, т.к. требовал значительного времени на подготовку и проработку основных показателей, поэтому не смог быть переформатирован в сжатые сроки в соответствии с новыми политическими установками. Это и стало одной из причин, что маховик экономических преобразований стал раскручиваться только к 1988 году, когда маховик «гласности» уже был запущен и к концу «перестройки» привел к необратимым последствиям во всех сферах общественной жизни.

Мировоззренческое и ценностное ядро, основанное на классовом подходе и материалистическом понимании общественного развития, было постепенно размыто в массовом сознании советских граждан. Произошло это в результате существенных расхождений между официальной политикой по укреплению социалистической идеологии и такой же официальной политики, направленной на укрепление «гласности» и критики «застойных явлений» в сфере идеологии.

С одной стороны, в 1987 году было принято постановление ЦК КПСС «Основные направления перестройки системы политической и экономической учебы трудящихся», в котором подчеркивалось: «Развертывая борьбу за обновление общества, партия исходит из того, что под эту огромную работу необходимо подвести прочный фундамент убеждения. Формировать сознание миллионов советских людей, изменять их психологию и мышление в духе перестройки – одна из ключевых задач идеологической деятельности»².

С другой стороны, на практике осуществлялась либерализация государственной политики в отношении свободы слова и мировоззрения. Именно в этот период началось возрождение авторитета и статуса основных религий. Более того, в условиях нарастания свободы слова в СМИ и в искусстве в стране возродились и стали процветать оккультисты, целители и экстрасенсы разных мастей. Примером такого махового государственного попустительства мракобесию могут служить регулярные передачи Алана Чумака, проводимые с 1989 года в лучшее время на государственном телевидении, с его «энергетическими пассажами» и «заряженными кремами и водой». Впоследствии к нему с «массовыми оздоровительными сеансами» на телевидении подключился А. Кашпировский. Очевидно, что огромные массы советских граждан, внимающие «экстрасенсам» по телевизору и выстраивающиеся в огромные очереди на личные встречи во время их турне по городам, уже никак не могли быть отнесены к атеистам и материалистам. Тем самым мировоззренческое ядро социалистической идеологии утратило свою гомогенность и

¹ Там же. С. 232.

² КПСС о перестройке: Сборник документов / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1988. С.215.

монополию и перестало функционировать в качестве определяющей мотивации политического и бытового поведения значительной части советских граждан.

Этому в полной мере способствовала критика концепции «развитого социализма», которая лежала в основе «перестройки идеологии». Выявление причин застойных явлений в обществе привело к внедрению в массовое сознание установки о том, что произошло отклонение от «истинного социализма». Ответственность, за это «искажение» социалистической теории возложили на И.В. Сталина, поэтому критика сталинизма и сложившейся «административно-командной системы» превратилась в самостоятельное направление и приобрела самостоятельный и масштабный характер.

В качестве альтернативы вначале был провозглашен тезис о необходимости возвращения «к ленинскому социализму». В качестве «теоретической базы» этого идеологического переформатирования использовались отдельные фразы и установки из последних писем и статей В.И. Ленина (написанных по конкретным поводам и ситуациям и не имеющих никакого отношения к теоретическим работам).

Примером такой актуализации ленинских высказываний может служить монография Р.И. Хасбулатова, названием которой стала ленинская фраза: «Бюрократия тоже наш враг ...». Она стала основой для развернутой концептуализации ленинского высказывания, последующей критики сталинских «искажений» ленинских замыслов в этой области и актуализации их в качестве ведущих задач современности. «Ведь перестройку – утверждал Р.И. Хасбулатов – в определенном смысле можно назвать антибюрократической революцией»¹. Подобный подход применялся и в отношении последних идей В.И. Ленина о кооперации, о рабоче-крестьянской инспекции, и др.

Некоторые советские экономисты провозгласили тезис «назад к Марксу». Например, Г. Лисичкин акцент делал на том, что тот социализм, который был построен в нашей стране, не соответствует идеям К.Маркса: «Если мерить сталинский социализм метром научного социализма, то, как видим, не представляет особого труда рассмотреть, что эти два понятия не только не совпадают, но и диаметрально противоположны»².

Неоднозначно воспринималось отождествление перестройки с революцией. Некоторые исследователи справедливо отмечали, что «Преодолевая ожесточенное сопротивление отживших классов, революция в своих разрушительных функциях развивает энергию, которая по характеру и силе не соответствует потребностям в позитивных преобразованиях, и эта энергия отчасти обращается на саморазрушение общества»³.

Постепенно, на основе критики «развитого социализма» контуры перестроечной идеологии стали оформляться под названием «социализм с человеческим лицом», который по значительной части своих постулатов стал приближаться к западноевропейской социал-демократии. Однако накопленный в науке и публицистике потенциал обвинений в отношении реальной советской действительности уже превысил критическую массу для значительной части населения. В результате была подорвана аксиоматичная прежде вера в то, что наша страна шла по пути строительства самого передового социального строя, представляющего магистральный путь для развития всего прогрессивного человечества. Кроме того, постепенно нарастал потенциал радикальной оппозиции, готовившей почву для полного разрыва с «тоталитарным» социалистическим строем и перехода к либеральной модели развития страны.

Этому способствовала политика «гласности», которая с помощью раскрытия «белых пятен истории» перечеркнула героизированную историю строительства социализма и защиты его завоеваний. Она была представлена, прежде всего, как история необоснованных жертв, массовых репрессий, жестокого насилия и подавления личности. Ответственность за это была возложена не только на И.В. Сталина, но и на всю компартию, которая была обозначена наиболее радикальными критиками социалистического наследия главным проводником репрессивной и насильственной политики на протяжении всего советского периода. Поэтому отмена 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС прошла на третьем съезде народных депутатов СССР 14 марта 1990 года достаточно легко и без серьезного сопротивления. Тем самым из политической системы был устранен системообразующий элемент, который не смогли заменить ни расширение полномочий Советов народных депутатов всех уровней, ни введение поста Президента СССР.

¹ Хасбулатов Р.И. «Бюрократия тоже наш враг ...». Социализм и бюрократия. М., Изд-во политической литературы, М., 1989. С.9.

² Лисичкин Г. Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке? // Новый мир. 1988. № 11. С. 187.

³ Курашвили Б.П. Формула социализма // Пульс реформ (Юристы и политологи размышляют). М., 1989. С.50.

Подводя итог, можно сделать следующие заключения. Соотнесение преимуществ социалистического строя и недостатков застойных явлений и сложившейся административно-командной системы было представлено идеологами «перестройки», прежде всего, как необходимость борьбы с негативными последствиями человеческого фактора. Соответственно и идея использования «ускорения» для выхода из «застоя» и решения накопившихся проблем в различных сферах советского общества была попыткой стимулирования субъективного фактора в лице партийного, государственного и хозяйственного аппарата, а также рядовых членов КПСС, как политически наиболее активной части населения. Логика такой стратегии вполне вписывалась в традиционные для отечественной леворадикальной мысли представления об определяющей роли застрельщиков революционных преобразований, познавших «объективные законы» общественного развития и действующих в соответствии с ними.

Однако в процессе нарастания перестроечных процессов данная установка стала противоречить декларируемым принципам социалистической идеологии, в соответствии с которыми советское общество сознательно и планомерно было построено на основе объективных законов политического и экономического развития. Чем более нарастала критика «реального социализма», чем более подвергались сомнению теоретический и идеологический фундамент его базовых основ, тем более возникали сомнения в возможности мобилизации субъективного фактора для строительства «социализма с человеческим лицом». Политика «гласности» дискредитировала и подвергла сомнению и осуждению весь основной накопленный после революции арсенал мобилизации субъективных ресурсов общества. Инструменты официальной пропаганды и агитации по внедрению в массовое сознание идеалов демократического социализма оказались не эффективными. Они были не способны противостоять тому валу дискредитирующей информации, которая обрушилась на головы советских людей с экранов телевизоров, из радиопередач, со страниц газет и толстых журналов.

Смятение и раздрай в умах были посеяны и дали свои горькие плоды в 1991 году в виде отсутствия массовых выступлений рядовых членов КПСС и беспартийных советских граждан на защиту социалистического строя. Мощная и дисциплинированная организация коммунистов оказалась деморализована и дезориентирована не только предательской позицией высшего руководства КПСС в лице М.С. Горбачева, но, прежде всего, отсутствием четких представлений о том, за что можно и нужно бороться. На протяжении пяти лет перестройки их (как и все советское общество) убеждали в том, что «так жить нельзя», но так и не обосновали четкого представления о том, как же все таки «жить нужно». Это стало одной из причин достаточно легкого разрушения СССР и социалистической системы. Одновременно это стало одной из причин того, что радикальное либеральное преобразование всех сфер общественной жизни в постсоветской России вызвало резкое неприятие значительной части населения в силу того, что они легли на неподготовленную в идеологическом и мировоззренческом смысле почву.

Ф.А. Вестов, О.Ф. Фаст
Саратов

ЗНАЧИМОСТЬ ГРАЖДАНИНА КАК СУБЪЕКТА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

В ряде научных публикаций было озвучено мнение, что в исторически обозримом существовании политических наук в России проблема становления гражданина, как активного участника политических процессов, не привлекла достаточного внимания исследователей. Между тем гражданин может и должен быть предметом изучения не только юридических наук, но и политической философии и теории, поскольку это феномен, связанный с массовой политической субъектностью людей. По мнению многих авторов, почти не учитывать политическую субъектность граждан стало нормой не только в практической политике, но и в политической теории. Авторы во многих публикациях в своем объяснении причин такого положения отмечают, что отечественная политическая наука, обычно, делает акцент на общих тенденциях в мировой политике, связанных с утратой личностью своей политической субъектности. По их мнению, происходит такая утрата вследствие того, что транснациональные корпорации претендуют на роль моделей политического мироустройства и вытесняют нации-государства. Гражданское общество модерна сменяется децентрированным мировым сообществом постмодерна,

модифицируются ценностные основания прежней политической культуры, нарастают противоречия между сознанием глобально ориентированных элит и национальным самосознанием рядовых граждан государств, растет отчуждение масс от политики¹. Каждая мировая тенденция, однако, имеет свое преломление в рамках конкретной социально-политической системы отдельного государства, в рамках конкретной системы отношений гражданина со своим государством. Поэтому нам кажется справедливым сомнение И.Б. Фан относительно возможности свести к внешним факторам объяснение причин невнимания науки к проблеме субъектности личности в ее отношениях с правовым государством. «Что если предположить, - отмечает автор, - что отсутствие четкого видения политической роли массового гражданина - это вопрос не столько и не только практики, сколько теории, то есть проблема заключается в адекватных теоретических инструментах исследования?»².

Политическая и правовая мысль Европы достаточно долго разрабатывала проблему «подданного и государя», «гражданина и власти». Исторически власть была четко персонифицирована, и это подводило к мысли исследователей, что и сфера подданных, а, затем, и гражданских отношений тоже нуждается в персонификации. К XVIII веку европейские мыслители разработали, достаточно развернутые представления о «народном суверенитете» и «суверенитете личности». Современные исследователи стали говорить о возникновении «культы личности» в европейской политической культуре XVIII-XIX столетий, в котором отражалось понимание европейцами значимости личностного фактора в политике вообще и в государственном строительстве, в частности³. У такой ситуации были исторические предпосылки. На протяжении всей своей истории, начиная с античности, политическая мысль работала в направлении создания «идеального типа» государственного устройства. Практика государственного управления подсказывала, что это должно быть государство, основывающее всю свою деятельность на законах. В этом смысле либеральная политическая мысль как бы продолжила эту логику, устами своих лучших представителей в Европе и Америке заявив, что настоящим государством может быть только то, которое основано на законах. Однако этот устойчивый подход столь же устойчиво актуализировал проблему: как быть с подданными и гражданами? Логика подсказывала, что совершенно организованному государству, должен соответствовать и идеально законопослушный подданный и гражданин. В противном случае, если изданные государством законы не будут выполняться, само правовое государство превратится в политическую и правовую фикцию. Либеральные мыслители делали акцент на том, что гражданин должен подчиняться государственным законам, следуя своим естественным интересам защитить свои «естественные» же политические и экономические интересы, права и свободы. Консервативные мыслители делали акцент на естественности подчинения гражданина государству и его законам, как проявлению его естественного уважения к политическим традициям своей нации. Мыслители леворадикального толка делали акцент на естественности подчинения гражданина законам государства тогда, когда эти законы соответствуют научным и общественным представлениям о справедливости равенстве и разумности. Все вместе они характеризовали гражданственность как проявление естественной разумности личности, поставленной перед лицом государства. С разных идеологических позиций европейская политическая мысли приходила к одному выводу: для правового государства нужен особый тип личности, нужен новый гражданин, лояльность и ответственность которого перед государством пропорциональны суверенности государства в решении общественных проблем.

В реальной политике взять такого «идеального» гражданина было неоткуда. Более того, достаточно общего взгляда на политическую историю государств Европы, Америки и России, чтобы понять, какой уровень неразумности демонстрировали их граждане и подданные в отношении к своим собственным государствам в реальности, как они сопротивлялись реформам, затевали революции, не соблюдали государственное законодательство, создавали политические партии и общественные движения антигосударственной направленности. Вместе с тем, надо

¹ Фан И.Б. Теоретическая модель феномена гражданина: социокультурный подход // Полис. 2010. № 6. С. 149 и др.; Вестов Ф.А. Политика формирования правового государства: противоречия и перспективы. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 2012. С. 191-215; Вестов Ф.А. Политологический ракурс анализа системности теории и практики правового государства, автор. диссер. д.полит. н. Саратов, 2013 С.44-48.

² Фан И.Б. Теоретическая модель феномена гражданина: социокультурный подход // Полис. 2010. № 6. С. 149

³ Фельдман Д.М. Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М. 2006. С.17-31.

отметить, что политическая и правовая мысль в Европе и России, преодолевая противоречие между необходимым и возможным в концептуализации проблемы отношения личности к правовому государству в последние два столетия, шли по пути встраивания в самые различные теории правового государства одного небольшого, но важного допущения, подразумевающего, что при разработке и, тем более, реализации концепции правового государства, политическим элитам целесообразно исходить из представления о том, что со стороны общества, а, тем более, личности не будет сопротивления этому процессу. Что личность, в крайнем случае, займет пассивную позицию в отношении этого процесса, руководствуясь своей естественной предрасположенностью к разумному поведению в политике.

Большинство исторических и современных теорий правового государства предполагают, что фактор личностного понимания и личностного отношения гражданина к политике, конечно, важен для политического процесса. Но, когда дело касается строительства правового государства, личное неизбежно отступит на второй план перед интересами государства и общества. Это, как представляется, есть одно из проявлений недостаточной системности наших теоретических представлений о методологии создания правового государства, что влияет и на стратегию и тактику практического решения этой политической задачи. Кстати, именно вследствие того, что позиция личности и общества в отношении правового государства принимается, теоретически, за константу, вся проблематика правового государства и начинает выглядеть как предмет, достойный, прежде всего, внимания юридической науки. Здесь нет оснований предполагать конфликт интересов ключевых политических субъектов, а, значит, и нет предмета внимания для политической науки.

Представляется, что предмет для политического исследования в данном случае существует. Потому, прежде всего, что есть в качестве политической реальности конфликт личного и государственного политических интересов, в центре которого находится закон: государство при помощи закона навязывает свою волю личности, а личность должна поступаться своим статусом политического субъекта (пусть даже руководствуясь доводами разума), чтобы подчиниться государственной воле. В этом конфликте, как представляется, заключен источник той «правовой индифферентности и несознательности» граждан, сетования по поводу которой можно постоянно встретить в юридических исследованиях по проблемам правовой государственности и которая, как показывает отечественная и зарубежная практика властно-общественных отношений, практически неистребима. То, что в современной России, например, сплошь и рядом не выполняются гражданами самые простые и хорошие, справедливые законы, обычно в этом случае увязывается с частными просчетами в деле правового просвещения населения. Однако практика показывает, что среди граждан, игнорирующих государственное законодательство, немало тех, кто достаточно осведомлен о правовых основах государственной политики и управления. Они порой имеют полноценное высшее юридическое образование, и даже, так или иначе, по роду своей деятельности связаны с правоохранительной и (или) административной сферами.

Следовательно, если говорить о важности системного подхода к разработке стратегии и тактики (идеологии) строительства правового государства в России¹, то необходимо рассматривать отношение личности к самой идее правового государства и, тем более, к практическим мерам по реализации этой идеи, как величину переменную, нуждающуюся в специальном изучении. Чтобы можно было в теоретизировании по поводу разных моделей правовой государственности не делать допущений относительно значимости одних факторов (позиция общества и элит в этом вопросе) и незначительности других факторов (личностного, например).

Личность российского гражданина представляет собой сегодня проблемный фактор процесса создания правового государства. Следует заметить, что дело здесь не в особенности свойств отечественного политического процесса, отечественной политической культуры и российской ментальности, на что обычно указывают исследователи. Личностное восприятие политики всегда представляет собой проблему для того формата, который этой политике пытается придать государство.

¹ Вестов Ф.А. Системный подход к построению правового государства в России / Известие саратовского университета Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 2 научный журнал 2012 Том 12 99-103с.

И.В. Ястер
Саратов

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕФОРМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ЕГО ДУХОВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

Модернизационные процессы, происходящие в современной России, охватили все сферы общества, не могли ни затронуть и сферу высшей школы. В 2012 году осуществлена радикальная реформа самой вузовской парадигмы – осуществлен переход на трех уровневое образование: бакалавриат, магистратура и аспирантура, приняты новые образовательные стандарты высшего образования (ФГОС), когда центральным вектором образовательной модели становится формирование компетенций. Все это требует от преподавателя профессионального осмысления происходящих новаций, выработки новой тактики образовательного процесса высшей школы.

Компетентностный подход предполагает нацеленность образовательного процесса на формирование готовности к осуществлению различных видов профессиональной деятельности, а также умение эффективно взаимодействовать в поликультурном меняющемся мире, т.е. на формирование широкого круга профессиональных и общекультурных компетенций.¹ Современное образование нацелено на создание условий получения самостоятельного опыта студентов, самостоятельно развиваться, если имеющиеся способности не соответствуют современным требованиям. Однако в новых документах ничего не сказано о воспитывающей, духовной сфере личности студента, которую призвана развивать высшая школа.

В национальной доктрине образования Российской Федерации, в качестве целей указываются: «воспитание патриотизма, гражданственности и высокой нравственности, формирование у детей и молодежи целостного миропонимания»². К основным элементам гражданственности относится «нравственная и правовая культура, выражающаяся в чувстве собственного достоинства, внутренней свободе личности, в уважении к другим гражданам и государственной власти, сочетании патриотизма и толерантности»³. Нравственная культура базируется на общечеловеческих моральных ценностях, а правовая выступает в качестве субъективной основы и предпосылки существования правового государства, для которого характерна высокая степень востребованности гражданских качеств личности. Гражданское воспитание утверждает гуманный подход к развитию личности человека и строится на основе его потребностей и возможности их удовлетворения.

Так на чем сегодня необходимо сделать акцент – на формирование и развитии личностных, духовных качествах студенчества или же на профессиональных, прагматических качествах личности?

Давайте обратимся к истории создания и развития университетского образования, которое существует более 900 лет и являются одним из самых долговечных и плодотворных созданий европейской цивилизации.

Различие между университетом и другими высшими учебными заведениями сформулировал в 18 в. английский мыслитель Джон Миль в трактате «Об университетском воспитании»: «Университет не есть место профессионального воспитания, университет предназначаются не для того, чтобы поучать знанию, нужным людям для приобретения средств к существованию. Цель их состоит не в том, чтобы приготовить искусных юристов, медиков, а чтобы приготовить способных и образованных людей. Университет должен быть местом свободного мышления».⁴

В энциклопедии Брокгауза и Эфрона дано следующее определение университету: «Университет – высшее учебное заведение, которое, имея целью свободное преподавание и развитие всех отраслей наук, независимо от их практического приложения. Пользуется, вместе с тем, широким самоуправлением и предоставляет слушателям значительный простор в выборе направления своих научных знаний и частной жизни»⁵.

¹ Образовательные технологии в вузе: опыт национального исследовательского Саратовского университета. Под ред. Елиной Е.Г. Саратов. 2012.

² Национальная доктрина образования Российской Федерации М., 2000

³ Российская педагогическая энциклопедия. М., 1993, с. 224.

⁴ Цит. по Фрейкоф в. История европейских университетов: начало нового времени// Вестник высшей школы. 1999. № 3.

⁵ Брокгауз и Эфрон Энциклопедический словарь. М., 2006.

Конечно, вполне естественно, что за века миссия университета изменилась и содержание современного университетского образования определяется временем – но насколько оправдано не обращение, забывание исторических традиций сегодня?

Духовно-нравственная составляющая учебного процесса, на наш взгляд, сегодня вытесняется в угоду его практической, профессиональной или прагматической составляющей.

Введение трехуровневого образования – бакалавриат, магистратура и аспирантура – подчеркивает разные задачи ступеней. Первая ступень – это базовое, широкое образование, оно не предусматривает научную составляющую. В 2015 году было введено такое понятие как прикладной бакалавриат. В чем его особенность? В том, что 1/3 учебного плана отводится на разного рода практическую деятельность. Педагогическое образование уже осуществило прием на прикладной бакалавриат. На наш взгляд, ни о какой научной и нравственной составляющей в учебном процессе бакалавриата не существует. Отсутствие в программах магистратуры специальных семинаров также сводит на нет серьезную научную специализацию студентов.

Второе. Введение балльно-рейтинговой оценки в учебный процесс университета привело к тому, что личностные аспекты взаимодействия уходят на второй план. Студент стремится набрать как можно больше баллов, чтобы обеспечить себе либо зачет, либо отличную оценку на экзамене.

Третье. В программах по учебным дисциплинам нет задач, связанных с воспитывающим компонентом их реализации, зато четко сформулированы знания, умения и навыки, которыми должен овладеть студент. Не о какой личностно-духовной составляющей нет и речи. Очень четко в программах прописаны и компетенции. Так, например, выпускник, освоивший программу магистратуры, должен обладать следующими общекультурными компетенциями:

способностью к абстрактному мышлению, анализу, синтезу, способностью совершенствовать и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень (ОК-1);

готовностью действовать в нестандартных ситуациях, нести социальную и этическую ответственность за принятые решения (ОК-2);

способностью к самостоятельному освоению и использованию новых методов исследования, к освоению новых сфер профессиональной деятельности (ОК-3);

способностью формировать ресурсно-информационные базы для осуществления практической деятельности в различных сферах (ОК-4);

способностью самостоятельно приобретать и использовать, в том числе с помощью информационных технологий, новые знания и умения, непосредственно не связанные со сферой профессиональной деятельности (ОК-5)¹. Это лишь некоторые из них, но можно увидеть, что формирование и развитие нравственных и гражданских качеств личности компетентностный подход не предусматривает.

Может быть они предусмотрены бакалавриатом? В программах бакалавриата общекультурных компетенций значительно больше – 16. Вот лишь некоторые из них:

ОК-1 – владение культурой мышления, способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей её достижения

ОК-2 – способность анализировать мировоззренческие, социально и личностно значимые философские проблемы;

ОК-6 – способность логически верно строить устную и письменную речь;

ОК-7 – готовность к взаимодействию с коллегами, к работе в коллективе;

ОК-16 – способность использовать навыки публичной речи, ведения дискуссии².

Анализ общекультурных компетенций двух ступеней высшей школы позволяет сделать вывод о том, что он ни в коей мере не позволяет решать задачи нравственный развития личности студента. Невозможно в компетенциях, даже общекультурных, заложить личностный духовный, гражданский рост молодого человека.

Таким образом, в центре содержательной составляющей учебного процесса университета находится прагматическое профессиональное становление его выпускника.

А что думают по этому вопросу сами студенты. Мы обратились с просьбой к студентам, ответить на следующие вопросы анкеты:

1. Влияет ли обучение в СГУ на духовное развитие личности?

2. Что больше всего влияет на ваше духовное (нравственное) развитие?

- содержание учебного материала

¹ ФГОС высшей школы. Педагогическое образование. 2014.

² Там же.

- общение с преподавателем
- атмосфера в вузе.
- 3. Что преобладает в учебном процессе вуза?
 - духовное
 - профессиональное (прагматическое)

В анкетировании приняли участие студенты географического и геологического факультетов и ИИМО – всего 60 человек. Анализ анкет показал, что практически все студенты, независимо от направления подготовки, считают, что обучение в университете влияет на духовное развитие личности, и только 1 студент считает, что не влияет. Большинство студентов, отвечая на 2 вопрос, посчитали, что личностное общение с преподавателем, в первую очередь, влияет на студента (а оно то, как раз, и значительно уменьшено, согласно новым ФГОС). А вот в ответе на третий вопрос мы получили различные результаты: студенты историки единодушно сказали, что в вузе преобладает духовное, а студенты естественных дисциплин – что прагматическое. Ответы должны заставить задуматься преподавателей о том, как поднять воспитывающее значение учебного процесса в вузе.

Действительно, мы сегодня переживаем революционные преобразования университетского образования. Его инновационная составляющая определена временем и его требованиями, глобализацией всего исторического процесса. Но, не смотря ни на что, в учебном процессе классического университета должно найтись значительное место и его духовной составляющей в силу неразрывности процессов образования и воспитания личности.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АССР НП – Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья
ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАНИСО – Государственный архив новейшей истории Саратовской области
ГАСО – Государственный архив Саратовской области
ГИАИП – Государственный исторический архив немцев Поволжья
РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ – Российский государственный архив экономики
РГВА – Российский государственный военный архив
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
СУ – Сборник узаконений и Распоряжений Рабочего и крестьянского правительства
ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
ЭКОСО – Саратовское губернское экономическое совещание

НАШИ АВТОРЫ

Ардабацкий Евгений Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства, права и международных отношений Поволжского института им. П.А. Столыпина РАНХиГС при Президенте РФ (Саратов)

Буреева Елена Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Казанского государственного архитектурно-строительного университета

Вестов Федор Александрович – кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного, экологического права и криминологии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Вилков Александр Алексеевич – доктор политических наук, заведующий кафедрой политических наук Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Галкин Павел Владимирович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой муниципального управления и социального сервиса Московского государственного социально-гуманитарного университета (Москва)

Герман Аркадий Адольфович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Горская Наталья Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета (Смоленск)

Гузельбаева Ирина Александровна – аспирант кафедры истории и философии Казанского государственного архитектурно-строительного университета

Гуменюк Алексей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Кобзева Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова (Ульяновск)

Конониренко Виктория Анатольевна – аспирант кафедры отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Королева Ирина Аркадьевна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой музыкально-инструментальной подготовки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Литвинова Ирина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы и педагогики Волгоградский государственный университет (Волгоград)

Ловягин Николай Витальевич – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории Московского государственного социально-гуманитарного университета (Москва)

Лукьянов Антон Валерьевич – преподаватель кафедры огневой подготовки Саратовского военного института ВВ МВД России

Лучников Антон Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Лёвин Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Балашовского института (филиала) Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Мозговая Оксана Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Морозова Елена Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Мосолкин Сергей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории отечества и культуры Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина

Мухин Дмитрий Александрович – заведующий научно-экспозиционным отделом Архитектурно-этнографического музея Вологодской области (музей «Семенково») (Вологда)

Мякшев Анатолий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Петрова Елена Алексеевна – аспирант кафедры отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Петровичева Елена Михайловна – доктор исторических наук, директор гуманитарного института Владимирского государственного университета (Владимир)

Рашитов Фрид Айниевич – доктор исторических наук, руководитель Саратовского отделения Научного совета по татароведению при Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ (Саратов)

Свиридова Татьяна Антоновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

Сметанникова Анастасия Сергеевна – магистрант кафедры отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Фаст Ольга Федоровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и семейного права Саратовской Государственной Юридической Академии

Хасин Владимир Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Цыплин Виталий Геннадьевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Черникова Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, *старший научный сотрудник* Института российской истории РАН (Москва).

Чолахян Вачаган Альбертович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Яковлев Сергей Александрович	доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории в новейшее время Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского
-------------------------------------	-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------

Яковлева Жанна Владимировна – аспирант кафедры отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Ярцев Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, директор Калининградского филиала Международного университета в Москве (Калининград)

Ястер Ирина Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ В ПЕРИОДЫ РЕФОРМ, РЕВОЛЮЦИЙ И ВОЙН	
<i>Хасин В.В., Лучников А.В.</i> Смысловая аберрация в российском социальном коммуникационном пространстве второй половины XIX – начала XX веков: к постановке проблемы	7
<i>Морозова Е.Н.</i> Альтернативные модели в сфере местного управления в начале российской модернизации (вторая половина 1850- начала 1860-х гг.): позиции правительственных элит и ожидания общества	10
<i>Черникова Н.В.</i> Государственный Совет и его восприятие обществом в конце XIX в.	16
<i>Герман А.А.</i> Автономистское движение российских немцев в 1917 году	21
<i>Чолахян В.А.</i> Утверждение новых советских реалий в производственной повседневности в 1920-х гг.	27
<i>Лукьянов А.В.</i> Саратовский гарнизон в судьбах и лицах его начальников (1921 – 1941 гг.)	30
<i>Цыплин В.Г.</i> Специальные операции на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны	39
<i>Конониренко В.А.</i> Переселение на постдепортационные территории Краснодарского края: общее и особенное	44
<i>Мозговая О.С.</i> Советско-западногерманские отношения в преддверии визита канцлера Аденауэра в Москву в сентябре 1955 года	47
<i>Гуменюк А.А.</i> XX съезд КПСС – катализатор законотворческой деятельности государства в сфере социальной политики	53
<i>Буреева Е.В.</i> Читательская почта 1950-1960-х гг.: попытка диалога или инструмент воздействия (на материалах РТ)	58
<i>Гузельбаева И.А.</i> Аксиологический аспект формирования диалога творческой интеллигенции и власти в республике Татарстан (1985-1991гг.)	61
<i>Мякшев А.П.</i> Эгоизм национальных элит как главная причина распада Советского Союза	64
<i>Яковлев С.А.</i> Нормативно-правовое обеспечение аграрных преобразований в России (1991-2000гг.)	69
ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
<i>Свиридова Т.А.</i> Коммерческая недвижимость Калуги в XVIII – XIX вв.: отношения собственности, владения и наследования в компетенции коронных и выборных институтов городского управления	76
<i>Ярцев А.А.</i> Земские ходатайства как форма диалога власти и общества в дореволюционной России. 1864 – 1904.	81
<i>Лёвин С.В.</i> Коронная администрация и наёмные земские служащие в начале XX века	86
<i>Кобзева Т.А.</i> Роль земств губерний Среднего Поволжья в развитии производственной и потребительской кооперации в начале XX в.	90

<i>Галкин П.В., Ловягин Н.В.</i> Земство и власть накануне и в начальный период первой российской революции в освещении газеты «The Manchester Guardian» (1904–1905 гг.)	94
<i>Горская Н.И.</i> Смоленское земство во время Первой мировой войны: работа на два фронта	97
<i>Петровичева Е.М.</i> Взаимодействие власти и общества в контексте истории земского самоуправления в период Первой мировой войны (на материалах Центральной России)	102
<i>Литвинова И.Н.</i> Общественные институты по оказанию помощи беженцам в условиях Первой мировой войны (на материалах г. Царицына)	106
<i>Рашитов Ф.А.</i> Эволюция рабочих Советов в 1917-1918гг.	110
ПРАВОВЫЕ И ДУХОВНЫЕ ФАКТОРЫ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА	
<i>Королева И.А.</i> Личность императрицы Елизаветы Петровны в контексте общественного развития России середины XVIII века	114
<i>Ардабацкий Е.Н.</i> «Ненасытная алчба корысти»: антикоррупционные меры в царствование Елизаветы Петровны	118
<i>Мухин Д.А.</i> «Решения Сената пришлось игнорировать» (к вопросу о функционировании закона в Вологодской деревне рубежа XIX-XX вв.)	128
<i>Мосолкин С.В.</i> А. Грин: от революционной деятельности к литературному творчеству	131
<i>Сметанникова А.С.</i> Творческая интеллигенция и Первая мировая война	134
<i>Петрова Е.А.</i> Повседневная жизнь православных приходов Саратовской губернии в 1921-1923 годах	137
<i>Яковлева Ж.В.</i> Основные этапы антирелигиозной кампании в первые послереволюционные десятилетия и их содержание (на примере Саратовского Поволжья)	141
<i>Вилков А.А.</i> Идеологический фактор в общественно-политической жизни СССР в период «Перестройки»	146
<i>Вестов Ф.А., Фаст О.Ф.</i> Значимость гражданина как субъекта формирования правового государства	151
<i>Ястер И.В.</i> Модернизационные процессы в современной России: реформа высшего образования в контексте проблем его духовной составляющей	154
Принятые сокращения	157
Наши авторы	158
Содержание	160

Научное издание

Новейшая история Отечества
XX-XXI вв.

Сборник научных трудов

Выпуск 6

Обложка *А. В. Лучникова*

Оригинал-макет подготовлен *А. В. Лучниковым*

Ответственный за выпуск *А. В. Лучников*

Подписано в печать 01.11.2016. Формат 62×94 $\frac{1}{8}$
Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,75. Уч-изд. л. 15,65. Тираж 200.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТЕХНО-ДЕКОР».
410012, Саратов, ул. Московская, 160.
sar-print.ru